

ЭМИЛИ ДЕСХЭНЭЛ
ТОМ КРУИЗ

Мой мир был разделен на две части столько, сколько я себя помню. История не хранит воспоминаний о том, чтобы мы когда-либо были едины. Только люди, управляющие магией, и люди, зависимые от технологий. И я — мечтающая, чтобы не было этой границы между нами.

Я лишь отправилась в путешествие, чтобы увидеть мир с обеих его сторон. Но встретила Его. Он испортил мои планы и начал рушить мою и без того нестабильную жизнь. Какие еще границы мне придется пересечь с ним?..

Глава 1. Встреча

Стеклянное весеннее солнце медленно катилось за линию горизонта. Высокие деревья, создававшие густой навес над моей головой, скрыли его из вида намного раньше, чем я ожидала, и мне пришлось приостановить свой путь для поиска подходящего места для ночлега.

Я сошла с узкой проселочной дороги, разрезавшей ножом лесную чащу, и отошла в лес, оставляя на стволах деревьев небольшие зарубки. Местные сказали, что этот путь приведет меня напрямиком в соседний город, но это не значило, что я не встречу не доброжелательных попутчиков.

Спустя пять минут, я вышла на крошечную полянку. Окинув ее взглядом, я решила, что мне как раз хватит места, чтобы расстелить подстилку и развести костер. Скинув с плеч мой любимый самодельный рюкзак на два отделения, я села под деревом и прислонилась к его шершавому стволу. Я тут же почувствовала, насколько сильно устали ноги. Обувь моего народа совершенно не подходила для длительных пеших путешествий, но я каждый раз отказывалась покупать себе тяжелые защищенные ботинки в пользу красоты и изящества тканевых сапожек чуть выше щиколотки. В некоторых вопросах я ни в какую не могла искоренить в себе женский взгляд на вещи.

Поглядывая на последние лучи, с трудом пробирающиеся сквозь древесные ветви, будто протягивающие ко мне длинные пальцы, чтобы я помогла им еще на минуту задержаться перед путешествием в долину сна, я наспех собрала хворост вокруг полянки и сгрудила его посередине, предварительно убрав жухлую редкую траву вокруг. В мои планы не входило организовывать масштабный пожар.

Я вытащила из отдела для вещей моего народа маленький огнеупорный герметично закрытый мешочек. Распаковав его, достала камень-поджигатель. Достаточно было легонько подуть на небольшую черную полусферу со скошенной поверхностью, и с нее фейерверком разлетелись яркие искры, осев на сухом хворосте. Тот мгновенно вспыхнул, разгоняя сумерки, сгущающиеся вокруг меня. Мне сразу стало немного уютнее, но о безопасности не стоило забывать. Из второго отделения я достала давно разрядившийся пистолет и положила его рядом с собой. Мне нужно было поставить его на подзарядку, но для этого требовалось дойти до города, где были розетки. Именно туда я и направлялась. Техника меня всегда завораживала, но ее зависимость от внешних источников энергии просто добивала. Но об этом я подумаю позже.

Сняв тяжелый рюкзак с колен, я поставила его сбоку от себя и повернулась, устраиваясь поудобнее, чтобы достать подстилку с самого его дна. Подняв взгляд, я увидела, что на меня впритык смотрят два желтых глаза. Я открыла рот от удивления, пялясь в ответ на перепачканного с ног до головы мужчину, сидящего передо мной на корточках и безмолвно сверлящего меня взглядом. Как я не заметила его приближения в лесу? Я что, думала настолько громко, что не слышала ничего вокруг себя?

Мужчина медленно наклонился, и мне показалось, что он потянул носом воздух, принюхиваясь ко мне, словно какой-то зверь. Костер выхватил из темноты его крупное телосложение и правую половину лица, заросшего щетиной. Я понятия не имела, что делать, потому схватила с земли пистолет и ткнула им ему в живот. Я нажала на кнопку включения,

и оружие издало угрожающий возрастающий свист, якобы готовый выстрелить. По крайней мере, остатков его заряда было достаточно хотя бы на этот писк.

— Только дернись — и твои кишки украсят дерево за твоей спиной, — прорычала я настолько грозно, насколько могла, надеясь, что мой блеф сработает. Я даже не успела достать нож, а у этого дикаря было наверняка больше физической силы, чем у меня.

Незнакомец опустил взгляд на мою руку, и так же медленно и молча отодвинулся. Я не спускала с него взгляд, переводя дуло пистолета за ним следом. Он тенью мелькнул в сторону и сел напротив меня, через костер. Его свет позволил рассмотреть мне внешность мужчины. Его правая половина головы была полностью выбрита и покрыта татуировкой черного цвета с грубыми, острыми линиями и углами. Темные волосы на левой половине были заплетены в растрепавшиеся тонкие косы, идущие параллельными полосами ото лба к затылку. У него были на удивление правильные черты лица с высокими скулами и острым подбородком, что не сочеталось с моим первым мнением о нем как о дикаре или заплутавшем бандите. Наверно, все дело было в его многодневной черной щетине.

— Что тебе нужно? Проваливай! — прикрикнула я на него, надеясь отпугнуть незнакомца.

Он окинул меня с ног до головы тяжелым взглядом и, к моему удивлению, медленно завалился на бок и перестал двигаться.

— Ты... ты чего? — заикаясь, спросила я. — Я же не стреляла, у меня и заряда нет...

Я подскочила на ноги и оббежала костер. Мужчина лежал на правом боку, обхватив себя рукой за левый, и тяжело дышал. Я внезапно рассмотрела, что его пальцы были испачканы кровью. Света костра было достаточно, чтобы я заметила, что его рубашка была не только измазана грязью, но и пропитана запекшейся кровью.

Меня охватила паника: что если этот человек умрет прямо здесь, передо мной? Наверно, он пришел просить о помощи. Я подобрала свой рюкзак, выхватила оттуда аптечку и с трудом достала подстилку. Расстелив ее у костра, я осторожно перекатила мужчину на нее. Он тихо застонал, и я увидела, что рубашка под его рукой была разрезана. Это был хороший знак: я имела хоть какое-то представление, как обращаться с резаными ранами. Я осторожно потянула вверх ткань и закатала ее до груди. На боку пострадавшего чернел длинный порез, медленно сочащийся кровью. Как давно он был ранен, и сколько крови успел потерять, прежде чем наткнулся на меня?

Распотрошив аптечку, я первым делом достала очиститель. Очередной камешек, излучающий приятный голубой свет. Магические предметы часто имели форму камней, из-за чего их было крайне неудобно и тяжело носить с собой, но от этого я не могла отказаться. Он позволял мне всегда держать одежду в чистоте, даже спустя несколько дней пути.

Постучав ногтем по камню, я разожгла свечение ярче и провела им над раной и вокруг нее, избавляясь от свежей и засохшей крови. Там, где свет касался тела, оставалась чистая кожа, и через несколько минут я смогла отчетливее рассмотреть рану. Порез был ровным и аккуратным, да и не настолько глубоким, как я изначально решила. Были повреждены лишь мягкие ткани, значит, внутренние органы были в порядке. Я достала из аптечки соединитель, напоминающий маленький пистолет с длинным соплом на конце, и, включив его, прижала к верхнему краю пореза. Из него протянулся красный луч, проникающий в рану, и я осторожно повела им вниз, соединяя разрезанные ткани. Это техническое устройство не раз помогало мне в пути. Я не знала точный принцип его работы, но спустя несколько минут можно было забыть о кровотечении и даже боли, поскольку от

повреждений почти не оставалось и следа, кроме небольшого уплотнения, но оно часто само сходило где-то за полгода. Когда я закончила, то напоследок достала из аптечки маленькую баночку с мазью, снимающей воспаление и способствующей заживлению ран. Конечно, устройство смыкало ткани, но им нужно было время, чтобы полностью восстановиться до первоначального здорового состояния, и эта мазь ускорила бы процесс. Я уже давно делала подобные процедуры на автомате. Когда путешествуешь в одиночку между городами, полагаться приходится только на себя, и только от твоей скорости иногда зависит, выживешь ли ты. Наконец, я наклеила сверху чистую повязку, и только тогда смогла вздохнуть с облегчением и расслабиться. Пусть я и не знала этого человека, но не могла позволить себе сидеть у костра и наблюдать, как он умирает от потери крови.

Я не спеша сложила на место содержимое аптечки и убрала ее в рюкзак. Собралась опустить на место рубашку мужчины, но, взявшись за ее край, замороженно залюбовалась его телом. Мужчины, которых мне довелось видеть обнаженными в моем городе, отличались полным телосложением, и вид их больших животов, в которых словно жил младенец, а то и двое, вызывал у меня рвотные позывы. Наверно, именно поэтому я так и не смогла заставить себя завести отношения. В паре "мужчина с двойным подбородком и я", я была явно лишней. Этот же незнакомец был полной их противоположностью. Я никогда не видела таких кубиков на животе. Пальцы сами собой отпустили ткань и потянулись к ним. Мне стало так интересно, какие они были на ощупь, ведь другие мужчины, как мне казалось, состояли из сплошного желе. Я коснулась его живота и прогулялась пальцами вверх по прессу. Он оказался такой твердый и упругий. Меня разобрало любопытство, и я потянула рубашку выше, обнажая грудь мужчины. Его четко очерченные грудные мышцы были покрыты не густыми черными волосами, что, почему-то, на мой взгляд оказалось очень привлекательным, хотя обычно я считала растительность на мужчине просто отвратительным явлением. Я с восхищением провела пальцем по впадине посередине его груди между мышц. Мужчина был таким крепким и мускулистым, что вызвал у меня тихий трепет и восторг. Я подняла глаза и наткнулась на его взгляд. Желтые глаза горели в ночной тьме интересом и заинтригованностью. Я обомлела, поняв, что он был в сознании, когда я решила настолько откровенно его осмотреть, и при этом я все так же продолжала держать одной рукой его рубаху, задранной почти до шеи, а второй лапала его за грудь. Он внезапно схватил меня за запястья и потянул на себя вверх. Я ухнула и упала на него. Мои глаза оказались на уровне его. Я почувствовала, как вспыхивают огнем щеки от его близости, и попробовала безуспешно вывернуться. Мужчина лишь перехватил мои запястья одной рукой, а второй довольно таки по-хозяйски прижал меня к себе за талию.

— Всего рассмотрела? — внезапно подал он голос. От его низкого тембра с легкой хрипотцой по спине побежали мурашки, но от его вопроса захотелось провалиться под землю.

— Нет, стекло увеличительное дома забыла, — огрызнулась я в ответ, пытаюсь выкрутиться из его хватки. Но мужчина только ухмыльнулся мне в ответ.

— У тебя сиреневые волосы, — произнес он. — Ты магик?

— Я тебя сейчас коленом в рану пну, если не отпустишь, — я подобралась, готовясь выполнить угрозу.

Он глубоко вздохнул, испытывающе глядя мне в глаза, и разжал руки. Я подскочила и, схватив пожитки, отбежала на свое старое место, ограждаясь от незнакомца стеной костра. Кожа на лице все так же горела, а тело словно еще ощущало крепкие объятия. Незнакомец

приподнялся на локте и осмотрел результаты моего лечения. Мне оставалось только следить за тем, как он осторожно отклеил повязку, оценил состояние раны и приклеил обратно. После этого он осмотрел мою подстилку и отогнул ее край.

— Походный мат технеров с подогревом, — на глаз определил он. Следом он указал на свою повязку, — Травяная мазь и ткань как у магигов. — Он перевел палец на костер. — Поджигатель магигов. И пистолет технеров. — Мужчина снова посмотрел мне в глаза, заставив меня вспыхнув. — Так ты чьих будешь? Какому народу принадлежишь?

— Какая тебе разница? — буркнула я в ответ, пряча глаза и нервничая. Он казался мне таким привлекательным, но это не значило, что я собиралась раскрывать ему все свои карты.

— Мое имя Маркус, — представился мой собеседник. — Я из города технеров, Таврас, что находится за этим лесом. Неделю назад я попал в плен к местным бандитам, и только два дня назад с боем смог сбежать, но был ранен, как ты могла увидеть, — он указал на свой бок. Я понимающе кивнула в ответ. — Так я могу узнать имя своей спасительницы? — Маркус обворожительно улыбнулся, и я почувствовала, как сердце в груди начало биться чаще. Неужели об этом чувстве говорила моя подруга, бросив меня в самом начале нашего путешествия и заявив, что она нашла самого дорогого для нее человека, и не хочет покидать родной город со мной? А ведь она прекрасно знала, как была важна для меня, и как я с детства стремилась узнать обе стороны нашего мира.

— Никки.

Я считала, что мое полное имя, Николь, было слишком вычурным и нежным, и совершенно мне не подходило.

— И с какой целью такая милая девушка путешествует по лесу? — поинтересовался мой собеседник, но я почему-то обратила основное внимание на то, что он назвал меня милой. Это было проявление вежливости или настоящий комплимент в мой адрес? От внезапно нахлынувшего волнения я заерзала на месте.

— Так просто, странствую, — пожала я плечами, отводя взгляд в сторону, чтобы не смотреть в его пытливые желтые глаза.

— Одна?

Меня начало раздражать зло. Моя нервозность достигла пика, а это значило, что еще пара таких вопросов — и я начну огрызаться.

— Ну логично, что одна! Ты что, видишь кого-то еще рядом со мной? — вызверилась я в ответ.

Маркус прищурился, и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло что-то недоброе. Наверно, не стоило хамить здоровому незнакомому мужику, когда ты сидишь одна в лесу, и на много километров вокруг никого нет. Я нервно сглотнула и дрожащими руками начала тщательно одергивать на себе коричневую кожаную курточку.

— Раньше я всегда была вместе со своей подругой, Милой, — попробовала оправдаться я, чтобы сгладить произведенное эмоциональным взрывом негативное впечатление. — Мне казалось, она тоже хотела отправиться со мной в путешествие, увидеть другие города, другую культуру. Исследовать хотя бы пограничные поселения, где контроль за пришлыми не такой тщательный. А когда у меня было все готово — она пошла на попятную. Сказала, что лучше останется дома, потому что, видите ли, мужика себе нашла! — Я горестно взмахнула руками, вспомнив того борова, который неизвестным образом умудрился охмурить мою прекрасную и статную златовласую Милу. — Он ей в подметки не годится, жирный, гнусавый и... отвратительный, в общем! Я ей говорила, что в наши девятнадцать

жизнь только начинается, весь мир можем посмотреть. А она уперлась — и ни в какую. Пришлось мне одной идти, да и я была так разочарована, словно... она мне сердце разбила. Мы никогда надолго не расставались... Так уже год одна и путешествую. Не знаю, зачем я тебе все это рассказываю, — я смущенно усмехнулась, обхватила колени руками и уткнулась в них подбородком, глядя на пламя костра.

— Ночь длинная, — ответил Маркус. — Не думаю, что ты рискнешь спать в моем присутствии. Так что разговор поможет убить время. — Он едва слышно хмыкнул и добавил, — хотя я мог бы подвинуться, и уступить тебе немного места.

— Нет, спасибо, — я выпучила глаза и схватила лежащую рядом палку, начав тщательно ворошить костер, вздымая яркие искры.

— Судя по всему, ты и вправду магик. Но как ты умудряешься использовать технологии моего народа? Без живленного чипа это невозможно.

— Да, невозможно, — я кивнула, пряча улыбку. Этот чип был моей гордостью, и в то же время главным генератором проблем.

— У тебя есть чип?! — Маркус приподнялся на локте выше, чтобы видеть меня, скрючившуюся за костром.

Меня распирало чувство гордости за себя. Если я смогла поразить своего собеседника всего лишь на словах, то как он изумится, увидев, что я смогла сделать? Я расстегнула и сняла с себя коричневую куртку, после чего закатала до самых плеч оба свободных рукава серой рубахи.

— Гляди, — я привстала, демонстрируя левое предплечье и витиеватую татуировку оранжевого цвета, окольцовывавшую мою руку. — Это татуировка моего народа. Ее наносят в день тринадцатилетия, и все подростки начинают учиться пользоваться магическими предметами, вроде поджигательного камня, который ты видел. А вот это, — я повернулась другим боком, показывая крошечную прямоугольную отметку, — незаконно установленный чип технеров. Я нашла странствующего имплантера, и он мне это сделал, правда, я влезла в долги и теперь за мной по пятам ходят бугаи из Кредиториума, но это мелочь, они не успевают за мной, — я рассмеялась, чувствуя себя очень гордой за те свершения, которые произошли со мной за какой-то год.

— Подойди ко мне, — произнес Маркус. Его серьезный тон отрезвил меня, и я вдруг осознала, что вывалила совершенно незнакомому человеку информацию о том, как я, по сути, совершала преступления. — Иди, не бойся, — он подманил меня, ободряюще улыбнувшись, — я просто никогда не видел татуировок магиков, хочу рассмотреть поближе.

Я настороженно подошла к нему и присела рядом на подстилку. Она уже хорошо разогрелась, и после прохладной земли меня сразу же расслабило ее тепло и относительная мягкость. Маркус осторожно взял меня за предплечье и провел пальцем по татуировке, из-за чего по моей коже пробежали мурашки, мгновенно отвечая на его мягкое прикосновение.

— Красивая, — тихо произнес он.

Я почувствовала, что снова краснею, и силком поставила себя на место, убедив, что это было сказано в адрес витиеватой татуировки, состоящей из сплетения тонких ветвей и мелких цветов, а не меня в целом.

— Спасибо... Сама рисовала, мне только немного помогала мама. У нас так положено, — я смущенно опустила рукав и хотела подняться, но Маркус взял меня за правое плечо и развернул к свету, заставляя опереться о себя. Я мгновенно застыла, ощущая спиной его мышцы. Он был так близко ко мне, что я чувствовала себя не в своей тарелке.

Мое тело предательски быстро и легко отзывалось на каждое его прикосновение, будто прося еще.

Маркус надавил на какую-то точку на моем предплечье, и рядом с ней под кожей загорелась крошечная желтая лампочка, почти сразу же потухнув.

— Надо же, рабочий, — задумчиво произнес мужчина, отпуская меня. Я с радостью одернула одежду на место и отошла от него подальше. — Наверно, дорого тебе это обошлось. Значит, ты взяла в долг у Кредиториума и, конечно же, не смогла отдать им сумму, и теперь они тебя преследуют за это, верно? Ты знаешь, что они делают с должниками?

Маркус сверлил меня взглядом, от которого мне стало не по себе. Конечно я знала, что, возможно, расплачиваться придется органами.

— Сильное дело, — ответила я, стараясь звучать как можно более беззаботно. — Я путешествую через границу зигзагом, останавливаюсь в городах ненадолго, подрабатываю, пополняю запасы — и выдвигаюсь дальше.

— Перелетная птица, значит, — хмыкнул Маркус. — У нас таких называют перебежчиками.

— Я не совсем перебежчик, — я снова разозлилась на него за поспешные выводы. Этим словом клеймили предателей, отрекшихся от своих корней и родины, незаконными способами сменив принадлежность к народу. — Я хочу пользоваться всеми благами цивилизации, я люблю магию, и я обожаю технические новинки. Почему я должна жить с той стороны, где родилась, и принципиально избегать другой? Я считаю, что это несправедливо!

— По этой причине началась война, и была создана Граница двух народов.

— Она началась потому, что то, что должно было нести благо, было использовано во зло!

Мне показалось, что Маркус стал выглядеть еще более угрожающе, чем раньше. Наверно, мне надо было вообще держать рот на замке и даже не начинать этот разговор. Кто тянул меня за длинный язык? Ко мне в голову начали закрадываться мысли о том, чтобы быстренько собрать вещи и уйти по зарубкам обратно на дорогу. Почему-то у меня появилась уверенность, что ночью на пустой проселочной дороге я буду в большей безопасности, чем здесь, рядом с Маркусом. Он так и не рассказал мне ничего о себе.

— Ты не против, если я немного вздремну? — прервал его вопрос мои мысли. Маркус перевернулся на спину и, вздохнув, закрыл глаза. Похоже, мой ответ не требовался, поскольку спустя несколько минут, мой странный компаньон затих.

Я долго сидела, глядя на гипнотический танец огня перед моими ногами. В конце концов, сон сморил меня, и я, устроившись поудобнее под деревом, повесила голову на грудь и задремала.

Глава 2. Предательство

Мне снились золотые глаза Маркуса. Их пламя, казалось, несло какую-то опасность для меня, но манило своим теплым светом, обещая открыть обжигающие тайны, которые никогда не были мне доступны. Его руки прижимали меня к себе, распаяя и вызывая в голове мысли и образы, о которых я не смела и думать.

— Проснись, уже утро, — услышала я тихий голос, зовущий меня из мягкого сна в реальность.

Я с трудом разлепила глаза и подняла голову. Шея затекла за несколько часов сидения и ужасно болела. Передо мной на корточках сидел Маркус, насмешливо ухмыляясь. В лесу и вправду уже было светло.

— Ты стонала во сне, — сообщил мне мужчина.

Я потерла шею, надеясь ее размять, и судорожно попыталась придумать, как ему ответить. Неужели мой сон и вправду был настолько непристойным?

— Мне снилось, что я от кого-то убегала, — соврала я, осторожно поднимаясь на занемевшие ноги. Чтобы не соприкоснуться с Маркусом, пришлось проехать спиной по стволу дерева, содрав с него кору. Наверно, мои открытые попытки его избегать выглядели крайне глупо.

— От меня?

— Что? — я удивленно уставилась на него.

— Ты назвала мое имя. Дважды, — улыбнулся Маркус.

— О нет, ничего не знаю, я просто впечатлительная, мне всегда снится какая-то ерунда, розовые огурцы, летающие стулья и прочая ересь, — затараторила я в ответ, стараясь за болтовней скрыть невероятное смущение. Я действительно много говорю, а треп во сне, который он услышал, ставил меня в крайне щекотливое положение.

Я наспех собрала свои вещи, даже толком не сложив подстилку, и водрузила рюкзак на плечи.

— Все, мне пора, — впопыхах сообщила я, высматривая зарубки на деревьях, чтобы отправиться обратно на дорогу, но Маркус протянул руку, останавливая меня, и я была вынуждена замереть возле дерева, чтобы не дать ему в очередной раз меня коснуться.

— Я могу пойти с тобой до города? — спросил он, наклоняясь к моему лицу, чтобы заглянуть в глаза. Я почувствовала себя загнанной в угол. От его близости, сердце в груди начало гулко стучать, давя на виски. К моему удивлению, Маркус наклонился дальше, к волосам, и я услышала, как он тихо втягивает воздух где-то возле моего уха. Его аура и близкий жар статного тела опутали меня. Ноги предательски задрожали, и я внезапно поняла, что не против, чтобы он шел за мной и в город, и за город, и вообще я бы сама потащила за ним туда, куда он скажет. Ощущения были такими непривычными, что завораживали и пугали меня одновременно, ведь я считала себя рассудительным и трезвым человеком. И прямо сейчас внутри меня шла борьба между здравомыслящим рассудком и неожиданно ошалевшим телом, изо всех сил требующего внимания этого мужчины.

— Да чеши куда хочешь, — процедила я сквозь зубы, как обычно скрывая растерянность и смущение за агрессией. — Лес большой, я не в праве тебе указывать, куда идти.

Я отступила назад, избегая Маркуса, и обошла его по широкому кругу, обогнув костер.

Мои отметки на деревьях были хорошо различимы в дневном свете, и вскоре я смогла вернуться на дорогу.

— Теперь я узнаю эту местность, — отозвался мужчина, появляясь из чащи рядом со мной. Почему-то я даже не слышала его шагов, но зато отлично чувствовала спиной его взгляд. — До города всего пара часов пути. Я даже не догадывался, что выбрался так близко.

— Молодец, — буркнула я в ответ и зашагала по дороге дальше.

Маркус поравнялся со мной, видимо, настойчиво решив сопроводить до самых ворот. Там уж, я надеялась, он оставит меня в покое. Его присутствие было слишком будоражающим. Краем глаза я заметила, что он в открытую рассматривает меня оценивающим взглядом. Во мне начала подниматься волна праведного гнева. В конце концов, я же не товар на прилавке!

— Все же, у тебя очень необычный цвет волос, — произнес он, и я уловила движение рукой в свою сторону, словно он хотел коснуться моей косы. Да что он себе позволяет?!

— Какой есть! — гавкнула я, чуть ускоряя шаг.

— Не верю, что натуральный, — лукаво улыбнулся Маркус, догоняя меня.

— Очень даже натуральный. У мамы волосы красные, у папы синие. Логично, что я родилась с фиолетовыми! — наставническим тоном ответила я.

Маркус, удивленно уставившись на меня, внезапно громко расхохотался, и через мгновение схватился за раненый бок, зашипев.

— Так не бывает, генетика — это тебе не палитра красок, — произнес он сдавленным голосом.

— Это у вас все по правилам и по показаниям калькулятора. У магиков все совсем не так. Цвет волос и глаз может быть совершенно любой, как повлияют на ребенка в утробе потоки магии. — Я вздохнула, глядя на безмятежное нежно-голубое небо. — У обеих моих старших сестер красные волосы. У обоих старших братьев — синие. Только я почему-то получилась такая.

— Ого, большая у тебя семья, — хохотнул Маркус. — Значит, ты младшая?

— Надо же, кто у нас тут внимательно меня слушает, — я закривлялась, чем сразу же стерла с его лица улыбку.

Маркус замолк. Я чувствовала исходящие от него волны раздражения, и почему-то радовалась этому. Чем быстрее я от него избавлюсь — тем лучше. Я и так нарасказывала о себе намного больше, чем следовало.

— Как рана? — я выпалила вопрос даже неожиданно для самой себя.

— Нормально, — рыкнул Маркус.

— Какая жалость, — ляпнула я сдуру, тут же пожелав провалиться сквозь землю.

— Да что за херня?! — рявкнул на меня мужчина так, что я подпрыгнула на месте. Он схватил меня за руку и остановил, поворачивая к себе лицом. Его глаза пылали ярче моего ночного костра.

— Все, все, молчу, — я безразлично помахала рукой и собралась продолжить свой путь, но Маркус дернул меня, заставляя остаться на месте.

— Ты сознательно пытаешься меня зацепить? К чему эти колкости? — Он схватил пальцами мой подбородок и потянул вверх, заставляя смотреть прямо на него. Мне некуда было даже отвести взгляд от его шафрановых глаз. Они гипнотизировали меня, отключая разум и ввергая в пучину желаний, взывая лишь к моему телу. — Не слишком ли ты смелая для маленькой одинокой девочки? Я ведь могу и охладить твой пыл, — произнес Маркус низким, чувственным голосом, наклоняясь ко мне. Его жаркое дыхание скользнуло по моей

шее, внезапно отрезвив. Я мотнула головой и дернулась назад, увеличивая расстояние между нами.

— У меня просто такая манера общения, мои друзья даже не обращают на это внимание, — оправдалась я, пытаюсь собрать в кучу взволнованно разбежавшиеся мысли.

— Удивительно, что у подобной дерзкой особы могли появиться друзья, — съязвил Маркус, отпуская меня.

Я обиженно насупилась. Конечно, у меня не было друзей. Во-первых, когда постоянно находишься в движении, тебе некогда создавать близкие связи. Во-вторых, и в более оседлые времена я общалась по большей части с Милой. Не было у меня никогда множества друзей. Я была довольно нелюдима, и в последнее время стала замечать, что мне лучше быть наедине с самой собой, чем рядом с кем-то. Но Маркусу это знать не обязательно.

Наконец, мой враждебный настрой возымел эффект, и мужчина отстал от меня со своими расспросами. Спустя час ходьбы меня самую начало разбирать любопытство. Как он очутился в этом лесу? Как попал к разбойникам и сбежал от них? Да и кем он вообще был? Но, наверно, Маркус не ответит теперь ни на один мой вопрос. Ну и хрен с ним, кому он сдался?

Я снова метнула на него обозленный взгляд. Как же меня раздражало, что он такой высокий и подтянутый. А этот его мужественный, но в то же время совершенно не грубый подбородок. Наверно, мне просто надо чаще бывать в обществе, если я уже готова наброситься на первого попавшегося мужчину. Маркус заметил мою слезку, и с любопытством оглянулся на меня. Я упрямо уставилась на дорогу перед собой, сделав вид, что ничего не произошло.

За ночь я неплохо отдохнула, но из-за того, что быстро собралась и отправилась в путь, ужасно хотела есть. У меня еще были небольшие запасы консервов с собой, но жадность во мне не позволяла остановиться и позавтракать, поскольку пришлось бы делиться с Маркусом. Как-нибудь перебьется. Он сказал, что живет в том городе, в который мы шли, а значит, он возвращался домой. Мне же предстояло путешествие дальше, и разбрасываться запасами налево и направо для всех страждущих у меня не было возможности.

Из-за деревьев показалась вершина стены, окружающей город. Я вздохнула с облегчением: осталось еще чуть-чуть, и я избавлюсь от ненужного мне спутника.

— Это же Таврас! — радостно воскликнул Маркус и ускорил шаг. — Осталось совсем немного!

Он обогнал меня и почти побежал, вдохновленный близостью родного города.

— Куда понесся? — окликнула я его недовольно. — Ты через сотню метров сдуешься, и я еще обгоню тебя.

Но мужчина, не слушая меня, отправился дальше и скрылся за поворотом. Я лишь пожала плечами, не меняя ритм шага. Дойдя до очередного витка дороги, я обнаружила согнутого Маркуса, держащегося за бок. Он тяжело дышал, привалившись к дереву.

— Я же говорила, — не выдержав, проворковала я ему, замедлив шаг, чтобы он смог идти дальше со мной. Маркус что-то прорычал нечленораздельное, но присоединился ко мне.

— Это все рана и истощение, — процедил он сквозь зубы.

— Ну конечно же это они, а не раздутое мужское эго, не позволяющее тебе послушаться совета женщины, — уколола я его.

Сбоку от меня послышалось тихое "твою мать", потешившее мое самолюбие. Что может

быть лучше, чем заткнуть за пояс зарвавшегося мужчину?

Совсем скоро мы вышли из леса, обхватывавшего городскую стену, и подошли к распахнутым воротам, через которые никто не входил и не выходил. Это был второстепенный вход в город, которым не пользовались местные. Основные ворота были намного внушительнее, с огромной пропускной способностью транспорта, и с более серьезной охраной. Я почувствовала облегчение от открывшейся мне картины, и даже вид двух стражников не обеспокоил меня.

— Все, будь здоров, — я махнула рукой Маркусу, собираясь зайти в город и раствориться среди толпы.

— Погоди, — ответил тот, обходя меня. Я лишь пожала плечами: какая мне была разница, кто первый зайдет в Таврас? Если так Маркус будет считать себя победителем гонки, так уж и быть, я уступлю ему первенство в этот раз.

Мужчина, вопреки моим ожиданиям, направился к двум стражникам, одетым в типичную для технеров черную броню с блестящими шлемами. В руках они сжимали стандартное автоматическое оружие, но я ни разу не видела, чтобы им пользовались. Наверно, оно даже было заряжено холостыми патронами.

Ближайший к Маркусу стражник повернул к нему шлем и, к моему удивлению, произнес:

— Капитан? Капитан Гордар, это Вы?!

Второй стражник обернулся на его голос и ошеломленно повторил:

— Капитан!

— Я вернулся, — сказал Маркус, повергая меня своим ответом в отчаяние. — Задержите эту девушку и отправьте ее под стражу. Она перебежчик. — Он обернулся, и меня резануло холодом, отразившимся в его золотых глазах.

Я не поверила своим ушам! Он был капитаном городской стражи? И после того, как я его нашла в лесу и спасла, решил кинуть меня за решетку? Нет, не сегодня. Я развернулась и собралась метнуться обратно в лес, но чья-то рука крепко сжала мое плечо. Еще мгновение — и с меня сорвали рюкзак, а запястья оказались сомкнуты наручниками за спиной. Стражник потащил меня в сторону ворот, и как бы я ни упиралась и не пыталась вырваться, мои попытки не увенчались успехом. Маркус вошел в город, и к нему уже подтягивались другие стражники, вызванные по рации. Сколько же народа пришло посмотреть на его триумф и мое позорное задержание.

Когда конвоир повел меня мимо него, я не выдержала и заорала в его адрес:

— Ах ты паскуда! Вот как ты отблагодарил меня на свое спасение, да? Лучше бы я оставила тебя сдыхать в лесу, тварь! Ублюдок! Предатель!

Маркус нахмурился, и я прочла в его глазах абсолютную безжалостность. Вокруг него уже собралось человек десять, и все гомонили, радуясь возвращению капитана. Конвоир толкал меня дальше, в тюрьму. Клеймо перебежчика уже гарантировало мне длительный срок заключения, а когда Маркус укажет на наличие отличительных знаков обоих народов, я вряд ли в ближайшие пару десятилетий увижу чистое небо. Терять мне было уже нечего. Я уперлась обеими ногами в землю, сопротивляясь стражнику, и, желая отомстить, выкрикнула последнюю гадость, которая пришла мне в голову, так громко, чтобы услышали все:

— И да, я всего тебя рассмотрела! Твой член с горошину можно использовать как оружие массового поражения! Поставить тебя посреди толпы, сдернуть штаны — и все

вокруг сразу же коньки поотбрасывают от хохота!

Среди стражников раздали тихие смешки. Я победно смотрела на то, как Маркус багровеет от ярости и его начинает трясти от ненависти ко мне за произнесенные слова. Внезапно мой сопровождающий с силой пнул меня между лопаток так, что хрустнул позвоночник, и дернул сомкнутые руки вверх, заставляя наклониться.

— Шагай уже! — гаркнул он на меня и поволок дальше по улице, не давая увидеть путь, по которому мы шли. Но даже боль в спине не могла заглушить ощущение моего последнего триумфа.

До тюрьмы меня дотащили почти волоком. Даже не знаю, кто сильнее устал: упирающаяся я или конвоир, который был вынужден меня регулярно подпинывать. Куда дели мой рюкзак, я не заметила, что опечалило меня больше всего. Там была вся моя жизнь, вещи на любой случай и момент — и его просто беспардонно отобрали. После этого меня провели в какую-то комнату, где обдали едким паром, воняющий чем-то кислотным. Когда я вышла оттуда, задыхаясь и кашляя, мой сопровождающий сообщил, что те несчастные 15 секунд, показавшиеся мне адом, надо было не дышать, и что дым всего лишь очистил меня и мою одежду от возможных паразитов. Мне захотелось отметить, что конвоир все еще был рядом со мной, но я не успела раскрыть рта, потому что меня грубо ткнули в спину и повели дальше. Путь мой завершился в крошечной камере с каменными стенами, полом, и решетчатой дверью, излучающей еле заметное оранжевое свечение.

— Не прикасайся к прутьям — сожгут кожу, — бросил напоследок стражник и оставил меня наедине со стенами.

Я отрешенно окинула взглядом свою камеру. Здесь не было даже койки. Только дырка в полу, отгороженная шторкой и служащая туалетом. Не ожидала я увидеть в городе технеров такую отсталость. Я подошла к светящейся решетке и поднесла к ней ладонь. Кожей я почувствовала исходящее от нее тепло. Значит, действительно может мне навредить, если попробую за нее схватиться. Посмотрев в обе стороны коридора, насколько это было возможно, я заметила еще двух заключенный, маячащих в камерах напротив. Всего клеток было десять. Не слишком-то много в этом городе нарушителей. А я так и вовсе, наверно, была звездой среди них.

Я стянула с себя курточку и постелила ее на пол. Похоже, сидеть мне еще тут очень и очень долго. Умопившись кое-как на полу, я тяжело вздохнула, глядя в темный дальний угол каменного мешка. Впервые на моей памяти добро вернулось ко мне злом. Никогда не бывало такого, чтобы человек, которому я помогла, в ответ сделал мне подлость. Не то, чтобы я стремилась получать лавры за добрые дела. Но и нож в спину был для меня полнейшей неожиданностью. Хотя, я сама была виновата. Нечего было вываливать незнакомцу все свои секреты. В горле внезапно встал противный ком не то обиды, не то разочарования. Наверно, я просто попала под чары этого человека, и они мгновенно развязали мне язык. Ведь я никогда не встречала ранее столь привлекательного мужчины.

Я нахмурилась. Пошел он, в конце концов! Предатель. Пусть он будет самым божеством, его поступок никогда не будет оправдан в моих глазах. Я попыталась расслабиться и очистить голову от мыслей о нем, чтобы хоть немного поспать и отдохнуть перед тем, что ожидало меня в будущем.

Глава 3. Допрос

Металлический лязг острыми зубами врезался мне в уши, вырывая из беспокойного сна.

— Подъем! — рявкнул мужской голос. Не проснувшись до конца, я пробормотала:

— Куда подъем?

— К начальству на допрос! — ответил охранник, рывком поднимая меня с пола и ставя на ноги. Я успела впопыхах подхватить куртку и натянуть ее на себя, как на запястьях уже сомкнулись наручники, и меня вытолкнули из камеры в коридор.

Подгоняемая в спину, я сонно зевнула и опустила глаза на свои руки. Между браслетами стального цвета тянулся металлический обманчиво тонкий и гибкий трос сантиметров 10 в длину. Был у меня такой когда-то, я долго носила его с собой, не зная куда приткнуть. Подобная вещь невероятно крепкая, и такой трос невозможно перекусить даже болторезом, потому моя природная бережливость не позволяла его выбросить, пока, в конце концов, я его не продала. Я с сожалением покрутила запястьями, понимая, что без ключей от этого не избавлюсь никак.

Мы прошли несколько коридоров с обшарпанными стенами и потрескавшимся линолеумом. Маленькие лампочки тускло освещали потолки и редко попадавшие двери. Конвоир дотолкал меня вверх по какой-то лестнице, и мы вышли в более приемлемую на вид часть здания. Двери внезапно оказались белыми и пластиковыми, а пол был выложен добротным деревянным паркетом.

Пока я крутила головой, охранник распахнул одну из дверей и резко втолкнул меня внутрь, захлопнув ее за моей спиной.

— Грубиян! — крикнула я напоследок просто, чтобы выказать свое негодование по поводу обращения с задержанными.

Я оглянулась на комнату. Похоже, это был чей-то кабинет. Светлые стены, высокий потолок, источающий приятное мягкое свечение, хотя, на мой взгляд, света, льющегося из окна сбоку, было бы достаточно. Рабочий стол у стены был педантично чист, если не считать небольшую трапецию, увенчанную темно-серым шаром. Внезапно этот шар приподнялся со своего места и подлетел ко мне, зависнув на уровне лица. Я с любопытством протянула к нему скованные руки, но он увернулся, вспыхнув крошечной маленькой лампочкой красного цвета. Кажется, это был органайзер, записывающий все указания своего владельца и помогающий придерживаться составленного графика. Я слышала о таких, но они были очень дорогостоящими, потому вживую эту технику увидела впервые. Его мерное покачивание в воздухе привело меня в восторг, и я улыбнулась шару.

— Ну привет, красавчик, — с глупой улыбкой сказала я органайзеру.

— И тебе привет, — внезапно ответил мне мужской голос, от чего я подпрыгнула на месте, поворачиваясь.

В дверях стоял Маркус. По сравнению с предыдущей нашей встречей, он выглядел просто идеально. Гладко выбрит, аккуратно причесан и опрятно одет в форму темного цвета с какими-то нашивками на плечах и груди. Мне внезапно стало стыдно за саму себя, ведь я в своей дорожной одежде выглядела как оборванка, да и моя коса наверняка растрепалась после сна на полу. Я демонстративно отвернулась от его улыбающейся довольной морды и уставилась на противоположную стену, пытаюсь изобразить на своем лице презрение.

— На место, — тихо произнес Маркус, и я краем глаза увидела, что шарик полетел обратно на стол и уместился на своей станции. Мужчина вальяжно подошел ко мне. — Взгляни-ка на это.

Я с любопытством повернулась, чтобы увидеть, как он расстегивает черную куртку и тянет вверх темно-серую облегающую футболку, обнажая живот. На мгновение я зачарованно залюбовалась его прессом, особо даже не задумываясь, зачем он это сделал.

— Видишь? — выдернул он меня из размышлений.

— Не замечаю ничего такого, что могло бы вызвать мой интерес, — буркнула я в ответ, начав рассматривать квадратную серую плитку на полу.

— Именно! — воскликнул Маркус, одергивая одежду. — Твое странное смешанное лечение не оставило от раны ни рубца. Так что я смог избежать уродливого шрама, еще и в такие короткие сроки. Я тебе очень благодарен, — он усмехнулся, и я вскипела от его разъяснений.

— О да, я прямо шкурой прочувствовала твою благодарность, всеми костями прощупав каменный ледяной пол камеры. И мне очень нравятся эти дивные браслеты, что я получила в подарок за свою помощь, — я протянула ему скованные руки, тихо звякнув металлическим тросом и в сердцах добавила: — Сволочь!

Маркус неожиданно сделал резкий шаг навстречу, схватил меня за наручники и дернул их вверх, одновременно толкая меня к стене. Он тянул их все выше, пока мне не пришлось встать на цыпочки. Впервые в жизни я пожалела о том, что у меня грудь третьего размера, поскольку в таком положении она гордо выпятилась вперед, словно я предлагала этому мерзавцу себя облапать.

— Отпусти меня, ублюдок! — прошипела я ему в лицо. — Ты не имеешь права прикасаться к задержанным, физическое воздействие запрещено законодательством!

— У тебя ужасно грязный рот, — ответил Маркус, сверля меня своими цитриновыми глазами.

— Ох, да ладно, когда ты впервые со мной заговорил, я вообще подумала, что задохнусь!

Маркус тихо хмыкнул и наклонился к моему лицу. Я слышала, как он шумно втягивает воздух носом.

— Какого хрена ты все время принохиваешься ко мне, извращенец? — пискнула я, боясь шелохнуться, чтобы не прикоснуться к его лицу. Он был слишком близко от меня.

— Мир запахов может многое мне рассказать, — ответил Маркус. — Ты постоянно огрызаешься, но я четко ощущаю, что ты меня хочешь.

— Мозгами двинулся, что ли?! — я не выдержала и качнулась вперед, пытаюсь оттолкнуть его грудью. Пусть думает, что хочет, в жизни я бы не рассматривала бы его как возможного партнера!

— Значит, ты утверждаешь, что я ошибся? — Маркус склонил голову к плечу, облапывая взглядом мое тело.

— Еще как ошибся!

— Хорошо. Тогда давай заключим маленькое пари. Если ты сейчас сухая внизу, я тебя отпущу и замну твоё задержание. Если нет... — его взгляд потемнел, от чего у меня пересохло в горле.

— Я тебе не разрешаю ко мне прикасаться!

Его кулак ударил в стену, прямо рядом с моим лицом. Я не на шутку испугалась и зажмурилась. Кто знает, что сейчас творилось в голове у этого мужчины?

— Да кто ты такая, чтобы запрещать мне что-то в моем же кабинете?! — вскрикнул Маркус. Мне не нужно было его видеть, чтобы понять, что он был в ярости. — Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю!

Я упрямо зажмурилась еще крепче. Как он собирался справиться с моим непокорством? Наверно, даст пощечину. На всякий случай я сжала зубы и убрала подальше язык. Мужские удары болезненные, если клацну зубами, могла и чувствительно себе что-нибудь прикусить.

Я ждала, слушая его тяжелое раздраженное дыхание. В сердце зародился страх от собственной беспомощности. Я попробовала повиснуть на скованных руках, надеясь, что Маркус не удержит меня, но в ответ меня просто подбросили вверх за металлический трос, отрывая от пола и демонстрируя превосходящую силу. И ударили спиной об стену.

— Я приказал смотреть мне в глаза, а не трепыхаться в наручниках, — тихо произнес Маркус прямо мне на ухо.

— Обойдешься, — ответила я предательски дрогнувшим голосом.

Я почувствовала, что мужчина прижал меня к стене всем телом. Внезапно он впился мне в губы оглушающим поцелуем, от чего я мгновенно распахнула глаза, уставившись в его колючий взгляд. Его свободная рука скользнула ко мне в штаны, смяла белье, и пальцы беспардонно пробежались по моему лону. От его прикосновения перехватило дыхание, а сердце словно собралось выскочить из груди. Маркус не спеша оторвался от моих губ и поднес к глазам ладонь.

— Надо же, кое-кто пытался меня обмануть, — он сомкнул указательный и большой пальцы и разделил их. Между ними протянулась блестящая влажная нить, выдающая меня с головой. Мои щеки вспыхнули так, что ими можно было бы осветить пару кварталов. — И что же мы будем с этим делать? — Маркус с усмешкой уставился мне в глаза. Я нервно облизнула губы.

— Еще раз прикоснешься ко мне там — и я закричу, — выдавила я из себя. Улыбка Маркуса стала еще шире, напомнив мне голодный звериный оскал.

— О да, кричи, маленькая лживая шлюшка. Обожаю, когда женщины со мной кричат. Только вот стражники прекрасно осведомлены о моих методах допроса подозреваемых, так что никто на твой писк не прибежит. Именно благодаря мне в этом городе такой низкий уровень преступности. Я своими руками вытравил всю грязь отсюда, очистив его. Думала, вечно сможешь двуличить перед всеми? Со мной такое не прокатит. Я даже пока что не придумал, по какой статье тебя пустить. Измена родине? Шпионаж? Или вообще терроризм? Но одно я знаю точно. — Маркус наклонился к моему уху и прошептал: — Ты мой билет на поезд продвижения по службе. — Он отстранился от меня и добавил: — Даже немного жаль, что ты в моем вкусе. Ведь с преступницей мне не позволят связываться личные убеждения.

— Какое счастье, — выдохнула я, серьезно напуганная его угрозами. — А то пришлось бы придумывать, как от тебя отделаться.

Маркус скривился и открыл, было, рот, чтобы мне ответить, но его прервал настойчивый стук в дверь. Мужчина мгновенно опустил меня на пол, все еще держа за наручники, и повернулся к двум вошедшим бритоголовым амбалам, одетым во все черное и похожим друг на друга как две капли воды. Даже темные круглые очки были словно куплены в одном магазине.

— Чем обязан? — произнес Маркус ледяным тоном.

— Мы ее забираем, — констатировал один из них, указывая на меня. У меня сердце ушло в пятки. Это были посланцы Кредиториума. По мою душу.

— Эта преступница была задержана на вверенной мне территории и находится в моей юрисдикции. Я несу ответственность за нее и...

— Отлично, — прервал его один из головорезов.

Он вскинул руку и выстрелил чем-то в Маркуса. Тот лишь дернулся и упал на пол. Я не успела даже повернуться, как что-то болезненное впилось мне в шею, и я потеряла сознание.

Глава 4. Переворот

Голова невообразимо болела. Я с трудом открыла глаза, не в состоянии в полумраке понять, где нахожусь. Пол подо мной мягко покачивался, и крошечное темное помещение было наполнено равномерным механическим гулом. Я осторожно прижала ладони к вискам и сморщилась от оглушающей мигрени.

— Очнулась, наконец? — спросил меня знакомый голос.

Я бросила взгляд на фигуру Маркуса. Он сидел на полу передо мной, откинувшись на стену, и внимательно на меня смотрел.

— Что... где мы?.. — с трудом простонала я. — Что это за короб? Мы в повозке?

Маркус тихо хмыкнул.

— В повозке, как же. Это транспорт для перевозки заключенных. И по твоей вине я тоже здесь застрял. Меня взяли, по-видимому, посчитав твоим поручителем. — Он поднял руку, и только тогда я увидела, что мы были скованы вместе металлическим тросом с мой палец толщиной и не менее метра длиной.

— Транспорт? Сколько мы уже едем? — я оглянулась и увидела дверь, в которой было несколько щелей наверху, и из которых с трудом пробивался свет. Маркус задумчиво склонил голову к плечу, словно к чему-то прислушивался.

— Думаю, около суток. И дальше я ехать не горю желанием. Мне нужна твоя помощь. Пора отсюда выбираться, — добавил он, вставая с пола. Я с трудом последовала его примеру.

— Что будем делать? — уточнила я, приваливаясь обратно к стене, оглушенная головной болью. Она медленно начинала отступать, но все еще не отпускала меня полностью, время от времени ударяя изнутри по вискам. — Покричим?

— Нет, крики не помогут, — мотнул головой Маркус. Он прижался ухом к стене и начал выстукивать какой-то ритм пальцем. — Старая модель, в ней есть небольшой недосмотр. Эту колымагу можно раскачать так, что наши надзиратели будут действительно вынуждены остановиться и проверить, что мы тут делаем. — Маркус повернулся ко мне и отошел от стены. — Наваливайся на ней всем весом с моей частотой. — Он ударил плечом в стену и снова посмотрел на меня. Я сморщилась, представляя, как эти удары отдадутся у меня в голове.

— Но у меня голова болит. Может, ты сам как-нибудь?

— Если мы доедем до пункта назначения, у тебя уже нечему будет болеть! Делай, как я говорю! — зашипел на меня Маркус громким шепотом, видимо, опасаясь, что нас может услышать водитель.

— Ладно, ладно!

Я нехотя последовала его примеру. Мы отходили от стены на пару шагов и наваливались на нее вновь и вновь. Дурацкий металлический трос, держащийся за браслет на моем правом запястье, постоянно лупил меня по бедру. Я заметила, что кузов и вправду начал раскачиваться все сильнее, а недра транспорта угрожающе зарычали и начали пощелкивать в ответ на наши действия. Я отбежала в очередной раз от борта и ринулась на него.

— Стой! — воскликнул мне вслед Маркус.

— Что? — спросила я, уже привалившись к борту, как почувствовала, что он увлекает

меня куда-то дальше за собой.

— Зачем ты это сделала, мы сейчас перевернемся! — Маркус встал рядом со мной и подобрался, готовясь к удару.

— Надо было раньше меня остановить! — огрызнулась я в ответ.

Транспорт закрипел и завалился на бок. Глухой удар и металлический скрежет проехался по ушам, а резкая остановка бросила меня на Маркуса, немного смягчив падение. Он мгновенно оказался на ногах и потянул меня, еще оглушенную, за собой вверх.

— Проклятый трос, как же он мешается. — Маркус озлобленно рванул левой рукой, и я чуть не упала на него, с трудом удержавшись на ватных ногах. — И ты тоже мешаешься! — Теперь он выверился на меня. — Постарайся двигаться с моей скоростью и не путаться под ногами!

— Куда двигаться? Что ты собираешься делать? — спросила я. Маркус подхватил меня подмышки и поставил за своей спиной.

— Замолчи, я разберусь с ними. Просто следи за мной и не отходи далеко, чтобы не стеснять мои движения наручниками.

— Да, да, я вроде поняла...

Маркус уставился на дверь. За стенами транспорта послышались тихие шаги. Мне показалось, что там был не один человек. Что Маркус вообще собрался с ними делать? Тонкие полоски света в двери загородили, и в кузове стало совсем темно. Щелкнул замок, и Маркус рванулся вперед еще до того, как дверь отворилась, и со всей силы ударил в нее ногой. Судя по звуку тот, кто был к ней ближе всего, упал. Маркус выскочил на улицу, потянув меня следом за проклятым наручником. Яркий солнечный свет мгновенно ослепил меня, но на его фоне я кое-как разглядела две темные фигуры, видимо, тех же людей, которые нас пленили. Один из них уже поднимался с земли, и Маркус бросился к нему. Я неуклюже последовала за ним, отчаянно прикрывая глаза от солнца свободной ладонью. Мне лишь удалось заметить, как Маркус внезапно встал на руки, обхватив мужчину в черной одежде ногами за шею, и дал резкий удар каблуком ботинка в челюсть снизу. Я услышала громкий, отвратительный хруст ломаемых костей. От ужаса у меня перехватило дыхание, и я не могла сойти с места, глядя, как Маркус снова становится на руки и ловко переворачивается обратно на ноги, выхватывает что-то из-за пазухи упавшего мужчины и стреляет с тихим хлопком во второго. Тот лишь слегка дернулся, и пошел на нас. Маркус выругался сквозь зубы и выстрелил снова, и снова. Я видела, как на черной одежде противника появляются странные блестящие серые пятна, и тот вздрагивает каждый раз, когда снаряды касаются его, с каждым разом все сильнее, пока он не остановился, разбиваемый дрожью такой силы, словно его било током на электрическом стуле. Мужчина упал навзничь, и из его рта хлынула пенящаяся кровь. В конце концов, я не выдержала этого зрелища и, отвернувшись, начала громко рвать прямо за землю. Желудок оказался пуст, и рот наполнился мерзкой желчной горечью. Отплевываясь, я вытирала рукавом слезящиеся глаза. За моей спиной раздался наигранно-заботливый голос:

— Что, яд горлом пошел?

— Ты... — я инстинктивно попыталась отбежать, но была остановлена наручником, что все так же держал меня на привязи... — ты убил двух человек! — Мои руки тряслись, измученный желудок резало, и я боялась поднять глаза, чтобы не увидеть снова два трупа. Два мертвеца. Прямо рядом со мной.

— Когда? — Маркус звучал настолько удивленным, что я вскипела.

— Ты что, совсем свихнулся?! Только что, вот, два мертвых человека! Ты сломал шею одному и застрелил другого!

— А, эти, — мужчина небрежно отмахнулся от меня и подошел к ближайшему телу, потянув меня за собой, хоть я этого и не хотела. — Это обычные робо-посланники Кредиториума. — Маркус с невозмутимым видом снял с противника очки, и я увидела вместо глаз два круглых отверстия и несколько тонких колбочек, установленных внутри полусферой. От сердца немного отлегло, хотя меня продолжало колотить от увиденного и первого впечатления. — Стали бы они, по-твоему, разбрасываться человеческими ресурсами ради выслеживания одной девчонки?

— А как же тот?.. — я указала на второе тело. — У него кровь была...

— Нет, это смазочная жидкость закипела, и он вышел из строя. Я в него всадил полную обойму парализатора, которым он отключил нас почти на сутки.

Маркус поднялся, и я увидела у него в руке маленький прямоугольник, к которому крепился накрест второй, поменьше, с перфорацией. Глянув на свой наручник, я увидела отверстие в форме буквы "X", как раз подходящее на этот предмет. Видимо, это был ключ. Я протянула Маркусу запястье, ожидая, что он снимет с меня браслет. Мужчина лишь безразлично посмотрел на мой жест и спрятал ключ в нагрудный карман куртки.

— Расстегни его, — я подошла ближе, не понимая, что происходит, к тому же, Маркус направился к кабине перевернутого транспорта. Я заметила, что у него было лишь три колеса. Вот почему нам удалось так легко его раскатать и перевернуть.

— Нет.

— Что значит — нет?! — возмутилась я, наблюдая, как мужчина влез в кабину и начал там копать в поисках неизвестно, чего. — Ты устранил этих охранников, можем расходиться!

— Я не собираюсь тебя отпускать, — подал голос Маркус из недр кабины. Он внезапно показался и ловко спрыгнул на землю, держа в руках мешок и бутылку воды. — Держи, — он протянул ее мне, и я, наконец, смогла напиться и избавиться от гадкого привкуса желчи во рту. — Как я уже говорил, я вижу тебя как возможность продвижения по службе, — продолжил он. — Так что я планирую забрать тебя с собой, отвести обратно к Таврас и продолжить с того места, на котором нас прервали. А пока, ты, к сожалению, моя ответственность, если я действительно хочу доставить тебя в свой город. Интересно, где мы?

Маркус забросил на плечо мешок и оглянулся. Я последовала его примеру. Мы стояли посреди широкой проселочной дороги. Обманчиво-яркое, но ничуть не теплое весеннее солнце озаряло бескрайние вспаханные поля, готовые к посеву.

— Мне все равно, где мы, но я с тобой никуда не пойду! — ответила я, закручивая крышечку бутылки. Добровольно в заключенные я не записывалась, и уж тем более не была рада променять одних конвоиров на другого. Я демонстративно уселась на дорогу и скрестила руки на груди. С таким якорем, как я, Маркус далеко не уйдет. Он лишь пожал плечами в ответ, наматывая на кулак трос.

— Пожалуй, стоит идти на восток, — задумчиво произнес он. — Полагаю, нас везли на территорию магигов, в отдел Кредиториума, где ты заключала договор, так что, чтобы попасть в ближайший город технеров придется шагать в противоположную сторону.

Закончив делать витки металлической веревкой, Маркус тщательно оторвал со своей куртки все нашивки, что-то бормоча про магигов, и зашагал вверх по дороге, прочь от перевернутого транспорта, сиротливо лежащего на боку. Трос натянулся, и я поехала на

заднице следом за Маркусом по дороге. Рубашка выдернулась из штанов, и песок набился под нее.

— Эй! — крикнула я возмущенно, упираясь ногами в землю, но мужчина только резко дернул рукой, от чего я подлетела в воздух и грохнулась обратно в пыль на живот. Он продолжил тянуть меня за собой, и теперь острый песок набивался мне в штаны, грозя их с меня стянуть.

— Стой! Стой! — закричала я, пытаюсь удержать на месте одежду и обдирая свободную руку. Металл врезался в скованное запястье с такой силой, что брызнули непрошенные слезы. Маркус выполнил мою просьбу. Он смотрел на меня сверху-вниз своими желчно-ядовитыми глазами, пока я изо всех сил старалась вытрусить набившийся в одежду песок. Хотя, наверно, мне бы помог только душ.

— Мне несложно довести тебя так до самого города, — усмехнулся мужчина.

Его зубоскальство и ущемленное самолюбие вывели меня из себя, и я с боевым кличем подскочила на ноги и бросилась на него. Размахнувшись, я двинула коленом со всей силы прямо ему в пах. Но вместо ожидаемых стонов, я ощутила оглушающую боль, словно ударила в каменную стену. Я с воем снова упала на землю, схватившись за ушибленное колено, и надеясь, что не раздробила себе кость. Надо мной послышался издевательский смех.

— Ай-яй-яй, как это низко — пытаться ударить мужчину коленом в пах. Хотя чего еще ожидать от магика-перебежчика. Все вы варвары.

Я подняла взгляд на его усмехающееся лицо, с трудом переводя дыхание. Заметив это, Маркус постучал себя по промежности. Раздался гулкий металлический звук.

— Я же капитан стражи, и до сих пор одет в свою форму. Против таких умников, вроде тебя, и сделан металлический защитный щиток.

Мужчина снисходительно протянул мне раскрытую ладонь. Фыркнув, я гордо оттолкнула ее и поднялась на ноги. Колено болело, но ощущения были более-менее терпимые.

— Теперь можем идти нормально? — поинтересовался Маркус. — Или повторим поездку?

— Заткнись, — огрызнулась я, и, прихрамывая, пошла по дороге, скрестив руки на груди, не дожидаясь, пока он последует за мной.

Глава 5. Разные

Маркус шагал по правую сторону от меня. Ему повезло больше: браслет болтался на левой руке, а не как у меня, на правой. По крайней мере, он не мешал мне думать. Нужно было избавиться от Маркуса, и как можно скорее. У меня не осталось моих вещей, что было очень грустно, но мы и вправду были на земле магигов, на моей родине. Я чувствовала где-то неподалеку слабый поток магии, о чем не посчитала нужным сообщать Маркусу. Пусть это будет небольшой козырь в моем ободранном рукаве. Я раздраженно начала отряхивать курточку и штаны, все еще надеясь избавиться от надоедливого песка. Похоже, он попал мне даже в трусы.

Что же мне было делать теперь? Идти на позорном поводочке до самого города, который был неизвестно, где, я точно не горела желанием. Тем более с этим озабоченным извращенцем. Я внезапно вспомнила, как он меня лапал, и покраснела. Может, как-то сыграть на том, что я ему понравилась? Попробовать его соблазнить, ослабить этим бдительность и сбежать под шумок. Только... как это — соблазнять? Крутить перед ним задом, что ли? А если Маркусу это очень понравится, и он еще и пристроится к нему решит, что я тогда делать буду?

— О чем так сосредоточенно думаешь? — подал голос Маркус.

— О том, как задущу тебя этим тросом, как только ты заснешь, — рыкнула я в ответ. Судя по яростному пламени, зажегшемуся в глазах мужчины, это однозначно был не лучший подход для того, чтобы втереться к нему в доверие.

— Не сомневался, что в твоей тупой крашеной голове не могло зародиться иных мыслей, — холодно прокомментировал он, — но я приму твое желание во внимание.

Я задохнулась от негодования.

— Я не крашенная! — заметив его насмешливый быстрый взгляд, я поторопилась добавить: — И уж точно далеко не тупая! Это ты какой-то бестолковый. Во-первых, я уже объясняла, почему у меня сиреневые волосы. Во-вторых, ты что, не видишь, что у меня и брови, и ресницы того же цвета?

— Это не сильная проблема. Женщины в моем городе и не в такие оттенки их красят перманентной краской. Но есть способ убедиться, что это твой натуральный цвет, — Маркус улыбнулся и подмигнул мне. Я заволновалась, не в состоянии придумать, как он мог бы это сделать. Окунуть меня головой в растворитель?

— И как же? — на всякий случай уточнила я.

— Я заметил, что ты приверженка естественности, — фыркнул Маркус. — Не любитель такого, предпочитаю, чтобы тело было гладким ниже пояса. Но с другой стороны, мне достаточно раздеть тебя, чтобы воочию убедиться, что твои волосы сиреневые везде, — он оскалился голодной улыбкой, но почему-то она меня не напугала, а распалила фантазию.

— Если... если ты такой сторонник естественности, то почему у тебя глаза желтые? — перевела я тему. — Такого цвета у технеров не бывает, на вас не влияют потоки магии.

Маркус усмехнулся, не поворачиваясь. Мне оставалось только рассматривать его утонченный профиль.

— Думаю, ты не сможешь понять технические термины, которыми нужно описать этот процесс.

— О, смотрите на этого профессора-умника, — хмыкнула я. — Только дурак не сможет объяснить сложную тему простыми словами.

Уголок рта Маркуса дернулся, и мужчина ответил:

— Мне требовалось физическое превосходство над прочими кандидатами, если я хотел продвигаться по службе. У нас популярна одна дорогостоящая услуга: скрещивание твоего ДНК с ДНК различных животных. Точнее, добавление к твоим данным некоторых специально выведенных особенностей, и я решил, что мне будут полезны специфические модификации...

— О, о, подожди, не говори, я попробую сама угадать, — прервала я его на полуслове. — Ты выбрал какое-то животное для улучшения своего тела! И это был... пингвин! Да? Однозначно пингвин, такой неуклюжий, туповатый, нескладный...

Я не успела договорить все эпитеты, что приходили мне на ум при ассоциации с этой далеко не благородной птицей. Маркус грубо перехватил меня за талию, разворачивая к себе лицом. Я почувствовала, как он в одно мгновение намотал мою косу себе на кулак и потянул ее вниз, заставляя меня поднять голову и смотреть ему в глаза. Они горели сумасшедшей яростью. Я даже не почувствовала боли от натянутых волос, только его железную руку, прижимающую меня к его торсу, и дикий огонь, пылающий в желтых глазах.

— Послушай меня, девочка. Есть границы, которые тебе не стоит пересекать. Целее будешь.

Его лицо было так близко от моего, что я нервно сглотнула, глядя на его губы. Я точно помнила их вкус и то пьянящее ощущение, которое они могли мне подарить. Я отчаянно захотела, чтобы он снова прижался ко мне ими и вскружил мне голову, заставляя потерять опору под ногами, но, похоже, Маркус не собирался действовать в этом направлении. Я неосознанно облизнулась и тихо произнесла:

— Значит, не пингвин?

— Нет, — прорычал Маркус мне в губы, опаяя их горячим дыханием. Так близко, но все равно не касаясь меня. — Это было ДНК семейства кошачьих.

Я почувствовала, как он отпустил мою косу, а крепкая рука исчезла с талии, давая, наконец, вдохнуть прохладный воздух, обжигающий разгоряченные легкие, словно пламя. Кровь жарко пульсировала внизу живота, а перед глазами немного плыла пелена. Я мотнула головой, пытаюсь прийти в себя. Как ему удавалось так на меня влиять?

— Значит, ты кот? — усмехнулась я, идя рядом с ним на ватных ногах. Казалось, что кто-то облил их жидким цементом, и теперь тот медленно застывал, сковывая мои обычно плавные движения. — Тогда понятно, отчего ты такой озабоченный. Март влияет?

Маркус сердито зыркнул на меня, видимо, начиная жалеть, что ответил.

— Я получил их гибкость и увеличенную силу.

К моему удивлению, мужчина внезапно медленно опустился на руки, встал на них, сделав в воздухе продольный шпагат, и опустился обратно на ноги через мостик, в конце концов, вертикально разогнувшись, причем сделал это настолько непринужденно, будто ступил очередной шаг по дороге. Он обтрусил ладони от пыли, хитро посматривая на меня.

— Вот почему ты напал на первого охранника так по-странному, не кулаками, а вверх ногами! — взмахнула я руками, звякнув наручником.

— Да, — кивнул мужчина, — ноги у меня сильнее. Также у меня более острое зрение, как днем, так и ночью. Но, к сожалению, наши ученые не могут пока что вычленять исключительно необходимые свойства, потому мне достались и несколько побочных

эффектов.

— Желтые глаза? — увлеченно спросила я.

— Ого, ты умеешь выстраивать логические цепочки, — иронично похвалил меня Маркус, — плюс один балл в твою пустую копилку положительных качеств. Также у меня обостренный нюх, но это я обычно обращаю в свою пользу. Если ты помнишь, как.

— Не так уж много минусов от этой операции, — пробормотала я смущенно.

— Есть еще один, но спорный. Смотря как к нему подходить, — качнул головой Маркус.

— Какой? — это уточнение меня заинтриговало.

— Ты его уже называла.

Я хлопнула на него глазами, пытаюсь вспомнить, что я такого успела наговорить.

— Что ты неуклюжий? Туповатый? Или...

Маркус поднял голову к небу и глухо взвыл. Он остановился и снял с плеча котомку. Порывшись в ней, он вытащил какой-то прямоугольный брусочек в темной обертке и зашуршал ею. Развернув пластик, Маркус поднялся и ткнул этим брусочком мне в рот.

— О, шоколадка, — провозгласила я, перехватывая обертку и радостно жуя. Желудок сразу же благодарно заурчал, напоминая мне, как же я давно не ела.

— Может, хоть с набитым ртом ты немного помолчишь!

— Не надейся, — облизнулась я, откусывая очередной сладкий кусочек. — Я буду доставать тебя и днем, и ночью, пока ты не ошалеешь от моего бесконечного трепа и сам меня не прогонишь от себя подальше.

— Есть столько разных способов закрыть женщине рот, — ответил Маркус. Почему-то мне показалось, что он снова смотрел на меня оценивающим взглядом, но я понятия не имела, о чем он говорил.

— Какие, например?

Заинтересованный взгляд сменился замешательством, и Маркус громко засмеялся, так и не ответив мне.

Я с удовольствием уцепилась выделенную мне с барского плеча шоколадку. Наверно, наши конвоиры предполагали нас хоть как-то подкармливать в пути, и Маркусу повезло найти эту еду в кабине транспорта.

Итак, что я о нем знала? Он был довольно болтлив, но не жаловал неудобные вопросы, касающиеся его персоны. Также Маркус был заносчивым и высокомерным. Замечательная комбинация, прямо как я не люблю. А еще я поняла, что ему придется обо мне заботиться, раз он поставил себе новую цель — дотащить меня до его родного города. Учитывая, что он умудрился перепортить себе организм ради каких-то не сказать, чтобы очень полезных изменений, то за меня он себе жилы порвет, но доставит до пункта назначения в сохранности, чтобы предать... какой-то своей собственной форме справедливости. Знала бы — переступила бы через него в лесу и дальше пошла. Может, попробовать не втираться к нему в доверие, а наоборот, методично выводить из себя? Если мне не изменяет память, он крайне дорожит своей репутацией, значит, не причинит мне вреда. А если я буду доставать его изо всех сил, он может плюнуть на меня, решив, что я не слишком уж и выгодное вложение сил.

Я выкинула в ближайший куст обертку. Вспаханые поля кончились, и мы вошли в лес, чьи ветви только начали покрываться почками. Тем не менее, в лесу было попрохладнее, чем в открытом поле.

Я заметила, что перепачкалась подтаявшим шоколадом, и начала облизывать пальцы. Краем глаза я заметила, что Маркус пялится на то, как я это делаю, каким-то подозрительным взглядом, который я не смогла понять.

— Ничего не осталось, — ответила наобум, проводя языком по среднему пальцу. Когда этот проклятый шоколад успел так растечься? Наверно, он лежал в мешке близко к спине и растаял от тепла тела. Взгляд Маркуса внезапно потемнел, и я заметила, как по его скулам начали напряженно гулять желваки. — Что такое? — не выдержала я, потеряв замерзшие ладони друг о друга и пряча их в карманы куртки. Пришлось чуть подтянуть тяжелый трос, чтобы не мешался, и держать его в кулаке.

— Ничего, — медленно ответил Маркус. Мне показалось, что я упускаю что-то очень важное, и однозначно чего-то недопонимаю. Но вряд ли он мне объяснит, в чем действительно дело.

— Если ты так любишь обсуждать чужую внешность, то расскажи, потому у тебя полголовы лысые и с татуировкой, а половина — с косами?

— Не хочу, — отрезал Маркус. Я тихо захихикала на эту попытку меня заткнуть резким ответом.

— Ты одновременно любишь и не любишь причесываться? Ты лысеешь только правой половиной головы? Ты хотел побриться налысо, но на полпути сломалась бритва? О, знаю, я буду называть тебя Недобритьш. Мне нравится. Да, Недобритьш? Почему ты не отзывается? — я демонстративно надула губы и подергала за трос. Маркус упрямо молчал, и я начала по-детски хныкать и дергать его за наручник просто, чтобы вывести из себя.

— Прекрати! — в конце концов, рявкнул Маркус.

— О, сразу видно, с маленькими детьми ты дела никогда не имел, — рассмеялась я. — Тебя так просто вывести из себя, что даже не интересно.

— Я вырастил свою младшую сестру. Мне было 16, а ей — 9, когда мы остались одни, — ответил Маркус. Его лицо ожесточилось, и он нахмурился.

Я едва не сглупила, собравшись ляпнуть, что наверняка его родители не выдержали его характер и сбежали, куда глаза глядят. Я клацнула зубами и на всякий случай промолчала. Мало ли, какая ситуация могла случиться в жизни Маркуса, язвить по поводу его родных было не по-человечески с моей стороны. Но он решил продолжить разговор.

— Мне кажется, я так и слышу твои мысли. Наверняка хочешь сказать, что мои родные не выдержали такого, как я, и решили свалить от нас подальше, да? Можешь пошутить, вперед, это однозначно будет в твоем духе! — Его лицо перекосила гримаса ненависти, но его слова разозлили меня не меньше, чем это предположение. Я встала столбом посреди дороги, останавливая и его, и ответила ему в спину:

— Да, именно так я и подумала! — Я увидела, как он вздрогнул и напрягся, но так и не обернулся ко мне. — Но вот, понимаешь, я же, как ты выразился, магик-дикарка, а у нас, к несчастью, есть чувство такта, и мы умеем фильтровать, что можно произносить вслух, а что нельзя, поскольку что бы ты со мной ни собирался сделать, и каким бы ублюдком ни был, я не имею права язвить о твоей семье! Вот такая я бескультурная и жестокая!

Я скрестила руки на груди и пошла по дороге дальше. Незачем было ему вообще заводить эту тему, если она его так беспокоит, но зачем было опускать меня до уровня какого-то морального уroda, для которого нет совершенно ничего неприкосновенного? Пройдя несколько шагов, я остановилась, удерживаемая наручником. Маркус все еще стоял на дороге, не следуя за мной, но мне не хотелось даже оглядываться на него.

— Чего встал? — буркнула я.

— Если так интересно, могу рассказать, почему я выбрит только наполовину, — глухо ответил Маркус у меня за спиной. На самом деле, мне уже было плевать, но я пожала плечами.

— Как решишь, — я постаралась звучать как можно холоднее, чтобы он понял, насколько меня оскорбило его мнение обо мне. Маркус подошел ко мне, и мы продолжили свой путь.

— Это символ того, что я принадлежу себе лишь наполовину. Вторая половина принадлежит стране, которой я служу, и чьи порядки я защищаю. И я никогда не должен об этом забывать, какое бы решение я ни принимал и в какой ситуации бы ни был.

— А какое полушарие у тебя за что отвечает? — съехидничала я.

— То, что с татуировкой — это мои личные решения, — усмехнулся Маркус.

— Она значит что-то конкретное? — любопытствовала я.

— Нет, просто классический узор, который мне понравился, — мужчина пожал плечами. — Пришлось остановить рост волос на этой половине, чтобы ее всегда было видно. Первое время на работе шарахались, но потом привыкли, и девушкам, на удивление, нравится.

— Это ж насколько плохая у тебя память, что надо было себя так уродовать, чтобы запомнить, что у тебя есть какие-то личные принципы? — я демонстративно закатила глаза.

Глава 6. У каждого свои секреты

— Я устала, давай передохнем? — я тяжело вздохнула, изображая на лице смертельную усталость.

— Мы не так долго идем, — возразил Маркус. — Но путь неблизкий, я не хочу терять время на привалы.

— Я уста-а-ала! — я начала ныть и хныкать, выводя Маркуса из себя.

— Проклятье, хорошо! Можем отдохнуть немного, только прекрати скулить!

Он подошел к поваленному у дороги дереву и уселся, позволив мне последовать его примеру, но на почтительном расстоянии. Я со вздохом вытянула ноги и устала на голубое безмятежное небо, исполосованное тонкими ветвями деревьев. В лесу было так тихо... Я обратила внимание на свою косу. Она совсем растрепалась, и волоски, выбившиеся из нее, сделали меня похожей на испуганную распушенную кошку.

— Отвернись, я хочу причесаться, — попросила я своего спутника, начав развязывать ленту, что не позволяла моей косе распушиться.

— В каком месте ты собралась причесываться, что я должен отвернуться? — Маркус согнулся пополам от громкого хохота. Я смерила его презрительным взглядом.

— Я приличная девушка, и не собираюсь распускать волосы перед кем не попадя! Особенно перед кем-то вроде тебя!

Маркус шумно вздохнул и вытер глаза от выступивших на них слез смеха.

— Не вижу проблемы в том, чтобы распускать волосы. Не понимаю, почему ты просишь меня отвернуться.

— Волосы хранят в себе энергетику, что женщина собирает годами, все воспоминания от произошедших событий. — Я вздохнула и решила посвятить Маркуса в обычаи моего народа. — Как только девушка достигает... кхм... половой зрелости, она заплетает волосы и не распускает их до самой свадьбы. Только ее мужчина может увидеть ее распущенные волосы. Расплести косы перед кем попало считается равноценным привселюдной потере девичьей чести, так что будь добр — посиди 10 минут посмотри в другую сторону!

— Ладно, ладно, — хмыкнул Маркус. — Ты все равно на привязи, так что мне не принципиально, куда смотреть, если для тебя это так важно. — Он перекинул ногу через ствол дерева и сел спиной ко мне, сложив руки на коленях. Я, наконец, успокоилась, и начала не спеша расплетать косу.

— Жаль, нет расчески, — пожаловалась я сама себе, распрямляя сиреневые волны пальцами, чтобы привести их хоть в какой-то вид.

— Как это глупо — придавать всего лишь волосам такое значение, — прокомментировала широкая спина Маркуса. — Странные у вас, варваров, предрассудки.

— И это говорит мне наполовину бритый человек? — напомнила я ему его собственноручно придуманный заскок.

— Это совершенно другое, данного решения придерживаюсь лишь я, а не огромная группа людей...

Я увидела, что Маркус бездумно решил оглянуться на меня, и взвизгнула:

— Не смотри, я еще не закончила!

— Ох, во имя Безыменных, словно ты там голая сидишь.

— Безымянных, — поправила я. — Это почти то же.

— Безыменных, — настойчиво ответил Маркус. — Создатели мира называются именно так, и никак иначе.

— Ты дурак, что ли? — не выдержала я. — Где это слыхано, чтобы их так называли?!

— У технеров, я полагаю! — воскликнул Маркус, разводя руками. — Вы, варвары, все искажаете, даже устои основания мира! Удивительно, что вы хотя бы не придумали собственную религию. Сложно, наверно, это сделать, когда граничишь с краем мира!

— Да в Бездну тебя, — пробормотала я проклятие в его адрес. Коса почти была готова, и я тщательно обмотала ее кончик лиловой лентой, завязав ее в бантик. — Я закончила, можешь поворачиваться.

— Наконец-то, — проворчал Маркус.

Он сел прямо и внимательно осмотрел мою косу. Я уже мысленно приготовилась к какой-нибудь словесной гадости, и Маркус заговорил:

— А знаешь, в тюрьме тебя побреют во-о-от на столько, — он показал крошечное пространство между указательным и большим пальцем, буквально в несколько миллиметров. — Интересно, тогда ты будешь считать, что твои волосы собраны или распущены?

Я фыркнула на этот вопрос и оглянулась на лес за своей спиной. Довольно густой, несмотря на то, что еще было лишь начало весны. Лысые густы и разнообразный валежник. Почему бы не попробовать рискнуть и сбежать? Если мне удастся отвязаться от Маркуса в лесу, я легко выйду к городу, идя вдоль магического потока. Магики основывали свои селения поближе к ним.

— Я хочу в туалет, — провозгласила я.

— Иди, — широким жестом махнул рукой Маркус в сторону леса.

— Я не пойду, прикованная к тебе! Это неприлично!

— Трос длинный, а я, так и быть, возможно закрою глаза, — Маркус улыбнулся уголком рта.

— Нет, так я не согласна, это неподобающе! — настаивала я.

— Ну, хорошо, — вздохнул мужчина. Он достал из кармана куртки ключ, и я с радостью протянула ему свое запястье. Маркус взял меня за него, и притянул ближе, заставив охнуть и нагнуться к нему. — Не вздумай даже пытаться сбежать, — тихо произнес он, глядя мне в глаза. Я кивнула, и он отстегнул наручник с меня. Я с удовольствием потеряла кожу под ним и поднялась. Обойдя дерево, на котором мы сидели, я увидела, что Маркус внимательно следит за мной.

— Ты что, решил подсматривать? — возмутилась я, краснея.

— Ты ведь пожелала, чтобы я снял наручник. Как же мне еще проконтролировать, чтобы ты не сбежала? Не волнуйся, я не брезгливый, — он похабно улыбнулся, и я закипела.

— Ты мерзок! Отвернись!

— С парой условий, — спокойно ответил Маркус. — Разрешаю тебе отойти только на три шага. Будешь их считать вслух. И пока будешь занята, ты должна все время говорить, чтобы я слышал, где ты, и что ты не вздумала тайком уйти.

— Хорошо, я поняла, отвернись уже!

Маркус сел лицом к дороге, и я, вздохнув, поплелась в лес, делая шаги пошире.

— Раз, два, три, пришла. — Я остановилась, оглядываясь и обдумывая будущий маршрут побега. — Развязываю завязку на штанах. Вся земля в прошлогодних листьях, хорошо, что

еще не проснулись насекомые и не ползают вокруг, терпеть их не могу. Холодно же в лесу, однако... — Я присела и оглянулась на Маркуса, но он послушно смотрел на дорогу, играя освободившимся концом наручника. Закончив, я поднялась с корточек и начала одеваться обратно. Сердце в груди испуганно забилося в предвкушении побега и свободы. Удастся ли мне? Все же, я привыкла много и подолгу двигаться, и неплохо ориентируюсь в лесу. Главное все сделать быстро. — Вот я завязываю обратно веревочку. Старая уже, истерлась и, наверно, скоро порвется.

Затянув узелок, я со всех ног рванула в лес через валежник. Бежать по пересеченной местности было сложно, но мысль о долбаной тюрьме и фанатичности Маркуса подстегивала меня не обращать внимания на ветки, цепляющиеся за мою одежду, и прошлогодние скользкие листья, так и норовящие заставить меня упасть. Внезапно что-то тонкое крепко обхватило меня за лодыжку и дернуло с такой силой, что нога взлетела в воздух, и я с размаха упала лицом на землю, едва успев подставить руки. Я заметила блеск металла, прежде чем мне в спину уперлось колено, придавив к земле. Из последних сил поджала под себя руки, сопротивляясь тяжело дышащему Маркусу. Он навис надо мной и методично начал выковыривать мое левое запястье. Наверно, он использовал трос от наручника как лассо, чтобы остановить меня.

— Не так рука, — просипела я в жухлые листья, не в силах вдохнуть полной грудью из-за острого колена, тяжело впивающегося мне между лопаток.

— Ах, точно. Благодарю, — прорычал Маркус и переместился на правую сторону, сосредоточившись на моей руке. Перед лицом я увидела его куртку и, не придумав ничего, лучше, раззявила рот и изо всех сил вцепилась зубами ему в оголившееся запястье чуть повыше наручника.

— Ах ты мелкая дрянь, кусаться вздумала?! — воскликнул Маркус, отдергивая руку.

Его колено исчезло с моей спины, и я облегченно вздохнула, но следом ощутила, как его зубы смыкаются на моем затылке. Легкая боль отдалась во всем теле и неожиданно для меня затянулась волнительным узлом внизу живота. Я вдруг вспомнила, как по весне соседский кот-разбойник топтал всех кошек округи, придерживая их зубами за холку, и как они перебирали под ним лапками. Я с трудом сдержала стон, готовый вот-вот сорваться с моих губ, как мою шею отпустили. Возле уха раздался хриплый шепот Маркуса:

— Понравилось? Значит, шея — твое чувствительное место? Интересно, когда тебя в последний раз трахали, что ты начинаешь течь, как сучка, от любого моего прикосновения? Должно быть, очень давно. Оттого-то ты злишься и бросаешься на меня.

Вес его тела исчез. На моем запястье уже болтался наручник, а я даже не заметила, когда Маркус с этим справился. Он грубо потянул меня вверх. Металл больно врезался в кожу, и я нехотя поднялась на ноги. Пришлось признаться себе, что я и вправду начинала заводиться от действий Маркуса, даже таких неоднозначных, как укус за шею. Я почувствовала, что белье было насквозь промокшим, отчего ощущала себя некомфортно. Но еще хуже я себя чувствовала от понимания, что Маркус тоже об этом знал. Он с прищуром окинул меня взглядом и отвернулся. Я услышала звук расстегиваемой ширинки и заволновалась.

— Что это ты собрался делать?

— Воспользоваться одним из крупнейших общественных туалетов, конечно же, — Маркус обвел рукой лес, не поворачиваясь ко мне, и продолжил возиться.

— Это просто ужас. Невозможно. Невообразимо! — воскликнула я, пораженная столь

похабным поведением мужчины. — И ты там что-то мне рассказываешь про варварство магиков? Собравшись, прошу прощения, ссать под дерево, держа при этом девушку на привязи?!

— Что поделывать, ты сама решила устроить побег, — пожал плечами Маркус.

Услышав тихое журчание, я возмущенно отвернулась. Просто поразительный беспредел. Такое чувство, что это какой-то алогичный сон, в котором переплелось все, что мое подсознание могло вывалить наружу от скуки. Я начала остервенело вытряхивать запутавшиеся в косе мятые листья, чтобы отвлечься от размышлений о непристойном поведении моего спутника.

— Эй, я вроде не передернуть сюда пришел! — окликнул он меня. — Перестань тормозить меня за наручник!

— Ох, прошу прощения! — закривлялась я, и начала осторожнее выпутывать мусор из волос. А ведь только-только хоть как-то смогла расчесаться.

— Все, я закончил, — сообщил Маркус, поворачиваясь ко мне и с довольным видом дергая себя за пояс. — Можем идти дальше. — Он целенаправленно пошел из леса к дороге, и мне пришлось последовать за ним.

— Я не отдохнула, — пробормотала я его спине.

— Еще бы, трудно, наверно, бегать по лесу? — съязвил он. — Но время передышки вышло. А я пытался быть с тобой добрым.

— Эта доброта из разряда отрубить больной курице голову, чтоб не мучилась? — проворчала я, на что Маркус громко рассмеялся.

— Точно, курица, они ж еще потом бегают, если им голову отрубить, верно?

Я скривилась от этого вопроса, с недоумением глядя на Маркуса. Его забавляют бегающие мертвые курицы? Что? Или это его искореженное чувство юмора?

— Кстати, говоря о беготне, — добавил Маркус, — куда ты шла, пока я тебя не поймал? Куда направлялась?

— Это допрос? — уточнила я. — Решил поработать в неурочное время?

Маркус задумчиво погладил лысую половину головы.

— Не знаю. Я далеко не путешественник, а вот ты, если я правильно помню, минимум год куда-то идешь. К тому же, неизвестно, сколько нам еще шагать, и куда мы, в общем-то, придем. Так что можешь пока что поделиться со мной авторитетным мнением, где трава зеленее, — он ухмыльнулся, и я отвела от него взгляд, чтобы ненароком не начать любоваться его белоснежной улыбкой.

— Там, где ее поливают, — буркнула я. Маркус расхохотался.

— А что скажешь насчет правила "хорошо там, где нас нет"? Работает или так себе?

— Чтобы было хорошо, ты должен сам что-то делать, неважно, тут или там.

— О да-а-а, когда я доведу тебя до Тавраса, ты мне точно сделаешь очень хорошо, — потянул Маркус, расплываясь в довольной улыбке. Я вспыхнула до кончиков ушей.

— Спятил, что ли?! За кого ты меня принимаешь?!

— За преступницу, которую засажу за решетку, как только попаду в свой участок, — хитро улыбнулся мужчина. — А ты о чем подумала?

Проклятье, из-за него я начинала видеть пошлый подтекст в каждой фразе.

— Но правда, куда ты шла? — повторил мужчина.

— К океану, — призналась я со вздохом.

— Что? — воскликнул Маркус насмешливо. — К этой луже? Столько усилий, связь с

Кредиториумом, проблемы с законом — только ради того, чтобы увидеть, как вода плещется дальше твоего носа?

— Ты ничего не понимаешь! — зашипела я на него оскорбленно. — Я всю жизнь мечтала увидеть океан, и только с вашей, технеровской стороны, у меня был реальный шанс добраться до его берегов! Узнать, что такое океанский бриз, увидеть прилив, ракушки, как корабли уходят за горизонт...

— С ума сойти, — прыснул Маркус, — вода, грязная соленая вода — цель твоего путешествия.

Мне стало невероятно больно от его насмешек. Конечно, технеру было не понять, что для меня значило это путешествие. Океан — символ свободы, безграничная воля, не скованная разделением на две части. Никто и никогда не сможет переполовинить океан, набить на нем татуировку или вживить ему чип и сказать, что он больше не может быть единым с самим собой, как не могли быть едины люди, живущие на материке.

— Как скажешь, — приглушенно ответила я и сникла. Если я не успею избавиться от Маркуса до того, как мы дойдем до этого треклятого Тавраса, я уже никогда не увижу океан.

Мужчина неловко прокашлялся.

— Я что, обидел тебя?

— Какая тебе разница, — безлико буркнула я.

— Да ладно, это просто вода, — Маркус потянул меня за наручник, видимо, надеясь растормозить, но я никак не отреагировала на его действия. — Я там был, ничего интересного.

— Ты видел океан? — я встрепенулась и подняла на него глаза. Ему удалось исполнить мою мечту.

— Да, сестра однажды уговорила поехать, — пожал плечами мужчина. — Ничего интересного я не увидел. Песок, мутная вода до горизонта, птицы орут во все горло. Грязь, подозрительные индивиды, работающие в порту, отвратительная инфраструктура города...

— А твоя сестра не будет волноваться, что ты пропал? — поинтересовалась я.

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? — Маркус внезапно помрачнел.

— Перекрестный допрос! — провозгласила я.

— О, твое невежество меня умиляет, — фыркнул мужчина. — Перекрестный допрос — это не когда по очереди задают вопросы друг другу, а когда разные стороны, участвующие в рассмотрении дела, задают вопрос одному и тому же подозреваемому для выяснения интересующих их деталей дела. Например, если бы тебе задавали вопросы я и мой заместитель — тогда был бы перекрестный допрос, а в данной ситуации это лишь диалог.

— Зануда, — поставила я точку в его объяснениях. — Так она что, не будет волноваться? — перед моими глазами внезапно предстала женская версия Маркуса. Такая себе развратная красавица в черном облегающем мини-платье, с волосами цвета вороного крыла, пышной грудью и обязательно полными красными губами.

— Не будет, — отрезал Маркус, — мы не общаемся...

— О, вот она, наверно, от тебя сбежала, — фыркнула я.

— Нет, конечно... — мужчина захохотал, но резко осекся и изменился в лице. — Нет, она... да. Она сбежала...

— Буквально, что ли? — недоверчиво уточнила я. Вряд ли кто-то убежал бы от человека, который воспитывал, еще и по просьбе возил к океану.

— Нет, конечно, нет, — повторился мой собеседник и нервно провел ладонью по

волосам. — Зачем тебе это знать, это... Она вышла замуж. Точнее, он заставил ее. Ублюдок.

— Что? Я ничего не поняла, — честно призналась я. — Ты же главный в городской страже, как кто-то мог насильно взять в жены твою сестру? Или у вас, технеров, есть какие-то обычаи, о которых я не слышала?

— Именно, это все из-за меня, — закивал своим словам Маркус. — Я капитан стражи, и через нее он решил подобраться ко мне поближе, держать на коротком поводке в случае необходимости. Я ведь не последний человек в городе, меня все знают, и у меня много полномочий, связей и возможностей.

— Так почему бы тебе ее просто не забрать от него — и дело с концом?

Маркус медленно перевел на меня взгляд. Я вздрогнула от того, сколько боли плескалось в его золотых ясных глазах.

— У меня есть племянник... — тихо ответил он.

— Вот как... — кивнула я. — Все равно я не могу выстроить цепочку событий из твоего рассказа.

— Хорошо... Ты все равно никак не сможешь использовать эту информацию против меня, об этом знает весь город. Хоть и молчит и боится обсуждать. Мы с сестрой остались одни, когда мне было 16, а ей — 9. Родители погибли в результате несчастного случая, и мне пришлось взять на себя заботу о сестре, чтобы ее не забрали в детдом. Я пахал как проклятый, чтобы обеспечивать ее и дать ей хоть какое-то подобие счастливого детства, и чтобы она ни в чем не нуждалась. Мне казалось, что все хорошо, и у меня неплохо получается. У нее все было, она получала образование, я баловал ее и исполнял ее редкие прихоти. Она совершенно не такая как я. Энн тихая, хрупкая, маленькая девчушка. Но благодаря ей я стал целеустремленнее и пробился в стражу, начал делать карьеру. Все, чтобы обеспечить ее. А когда ей исполнилось 18, она привела ко мне этого своего хмыря и, заикаясь, сообщила, что беременна от него. Если бы не Энн, я бы разбил ему рыло прямо там же, но ее испуганные глаза... Я не смог даже прикоснуться к нему. А он заявил, что как порядочный мужчина, женится на Энн. И всё. Наша семья была разрушена. Он просто обрюхатил ее, молодую наивную дурочку, поманил розовыми облаками, которые обозвал любовью, и привязал к своей ноге. И меня заодно. Она живет теперь у него, и он не дает мне видиться с собственной сестрой. И племянником тоже, а ведь ему уже 5 лет. Он... Эта тварь выбросила при мне все подарки, что я принес сестре и ребенку после родов, и выбрасывает все, что я приношу или присылаю им на праздники. Я точно знаю, что он нечист, но ничего не могу с ним сделать. Энн всегда говорит, что все нормально, и у нее все хорошо, но я по глазам вижу, что нет. У нее бывал такой взгляд, когда она шкодничала в школе, тусклый и испуганный. Ее муж якобы работает мелким клерком, даже ходит на работу каждый день, но у него откуда-то водятся крупные суммы денег, и я не могу с этим разобраться, потому что зацеплю собственную сестру...

— Так ты не можешь просто забрать ее от него? — Эта история меня просто-таки оглушила. Представить не могла, что у Маркуса дома творился такой кошмар.

— Энн не хочет... Говорит, что полная семья — это важно, и что племянник должен вырасти с отцом и матерью, а не как она, или с кем-то одним. Не знаю, что он с ней сделал, но это больше не моя Энн... Если я заберу ее насильно, то ее муж сам же вызовет стражу, и оформит это как похищение. Я в замкнутом кругу. Потому мне нужна ты.

— Я? — вот это была шокирующая новость.

— Да. Я достиг всего, чего мог в Таврасе. Мне некуда двигаться дальше. Чтобы

получить следующее повышение, я должен сделать действительно что-то выдающееся, и тогда меня порекомендуют в Округ ближе к Центральному. Но в нашем провинциальном городке ничего особенного не происходит. Даже мелкая группа разбойников за его стенами — не такая уж большая проблема, которая, скорее всего, уже решилась сама собой. Но если я покажу им перебежчика с отличительными знаками обоих народов, меня точно заметят. И когда я выберусь хотя бы во Второй Округ, я смогу помочь Энн и избавиться от ее мужа чужими руками. Будь я выше положением, у меня была бы протекция сильных людей, я бы нашел способ получить ее. И тогда все вернулось бы на круги своя. А уж поставить на ноги пацана я смог бы.

Да, каждый человек несчастен по-своему. Конечно, я могла понять Маркуса. И почему я для него возможность. Ему всего лишь нужна была его собственная семья, и он пойдет по чьим угодно головам, чтобы получить желаемое. Только вот, к сожалению, альтруистического желания пожертвовать собой его рассказ во мне не вызвал. Гнить в тюрьме, чтобы его непутевая сестра вернулась в его объятия, я не хотела. Пусть выкручивается сам как хочет. К тому же, эта история могла быть выдуманной, чтобы повлиять на меня и сделать более покорной. Откуда мне было знать, что эта его Энн была реальной? Ну не видела я Маркуса в роли заботливого попечителя. Он бросил на меня взгляд и снова заговорил:

— Ты даже младше Энн... Ты вообще не боишься одна ходить по лесам, городам? А твои родные как к этому отнеслись? Не представляю, что бы я думал, если бы Энн ушла из дома, как ты, и ввязалась в такую авантюру.

— Да что родные, я аж пятый ребенок в семье, росла как трава в поле. Явилась домой — и хорошо. Не явилась — значит, приду, как проголодаюсь. А во-вторых, вообще-то, до встречи с тобой я была вооружена.

— Ах да, точно, та пушка, которой ты ткнула меня в живот, когда я пришел к тебе за помощью. Несанкционированное ношение оружия — это тоже статья, а если добавить прямую угрозу стражу правопорядка, пусть и не при исполнении...

— Да чтоб тебе пусто было! — воскликнула я. — Ни слова тебе больше не скажу, засранец!

Нет, похоже, Энн была реальной. Невозможно так быстро выдумать столь сложную историю и ни разу не запнуться, рассказывая ее. Тем более, Маркус выглядел теперь поникшим и расстроенным. Идти в тишине было и вправду нудно. Я не знала сама, зачем вытянула из него этот рассказ о его сестре. Сначала он казался мне эгоистом, но узнав предпосылки к такому поведению, я несколько изменила свое мнение. Проклятье, я даже начала думать о том, что я и вправду могла бы помочь ему. Достаточно только продолжать покорно идти за ним и не брыкаться, пока он не сделает со мной все, что ему требовалось. Нет, все же идея ломать свою жизнь ради чьей-то другой мне не нравилась.

— А чем ты вообще интересуешься кроме своей работы? — нарушила я тишину. Смотреть на мрачного Маркуса мне не нравилось. Казалось, что еще немного, и над его головой появится черная туча, мечущая молнии и льющая воду как из ведра.

— Чем интересуюсь? — мой собеседник задумчиво поднял голову. — Женщинами. — Его рот искривился в похабной улыбке. Я фыркнула.

— Ничего себе, какое разнообразие!

— Да, женщины — это величайшее разнообразие. Брюнетки, блондинки, шатенки, рыженькие. Лилововласые, — он повернулся ко мне и подмигнул, отчего я снова

покраснела.

— А что, кроме внешнего вида ты женщин никак не распределяешь? — проворчала я.

— Нет. Поскольку все вы одинаковы, — Маркус протяжно вздохнул. — Сколько ж у меня их было... И ничего, совершенно ничего особенного, ни в одной. Взять хотя бы секретарей. Было время, я пытался завести себе секретаршу, чтобы помогала с текущими делами и рутинной бумажной волокитой. Но все заканчивалось одинаково. Через пару недель появлялись короткие юбки, чулки, якобы случайные нагибания и прикосновения, непрозрачные намеки, от которых у меня срывало крышу. Они клялись мне в любви, говорили, какой я замечательный и единственный в их сердце. Но все это пропадало, когда я их увольнял.

— Увольнял? За что? — изумилась я.

— За сексуальные отношения на рабочем месте, конечно же, — засмеялся Маркус. — Только вот стоило мне сообщить им об увольнении, как их любовь развеивалась как дым. Даже у тех, кому я предлагал продолжить отношения. И некоторые пытались меня шантажировать, якобы, что я их насильвовал. Ха-ха, наивные дуры, они меня просто невероятно веселили. А видела бы ты их лица, когда я показывал им записи со своего органайзера. Они-то не знали, что в нем есть функция записи видео. Я всегда перестраховываюсь в подобных случаях. Каждая думала, что она особенная и сможет, держа меня за яйца, получить доступ к моему статусу и моим сбережениям, которые я заработал тяжелым и честным трудом. Обидно было, наверно, потом уходить из моего кабинета использованными и безработными. Зато у меня столько интересных роликов есть... — Маркус жестоко расхохотался. От его смеха у меня по спине пробежали мурашки.

— Ты злой, — вынесла я свой вердикт по поводу услышанного.

— Я не... — Маркус почему-то заикнулся. — Это так по-детски, ты прямо как... — Он взглянул на меня и снова осекся. О, так я тебе напоминаю твою сестру, верно? — Я не злой, — хмуро добавил он, — я справедливый.

— А то, что ты собираешься сломать мне жизнь, бросив в тюрьму, — это тоже форма справедливости?

— Ты знала, на что шла. За любое преступление должно нести наказание, — отчеканил мужчина.

— Удивительно, что для такого глубокомысленного умника у тебя столь унылый и узкий круг интересов, — фыркнула я. Все равно я от тебя избавлюсь, сколько бы ты ни петушился.

— Почему же, у меня много интересов. Я изучаю криминальное право и психологию, трахаю женщин, посещаю физические тренировки, чтобы поддерживать себя в форме, трахаю женщин, зарабатываю, беря дополнительные дела на работе, трахаю женщин. А, и трахаю женщин, как я мог забыть об этом, — Маркус громко гоготнул. Похоже, он просто для веселья выводил меня из себя.

— У наших соседей был кот с похожим списком интересов, — вспомнила я. — Спал, жрал, бегал по городу и топтал всех кошек в округе. Ах да, ты же тоже кот, вот почему я о нем вспомнила! Животное, вот кто ты! — выплюнула я наиболее оскорбительным тоном, на который была способна.

— А это мне даже в тебе нравится, — криво улыбнулся Маркус. — Обычно женщины бросаются мне на шею и делают все возможное, чтобы получить мое внимание. Ты же совсем иная история. Ты не боишься меня, вопреки моим ожиданиям. Но ты можешь

бороться с собственной плотью, в отличие от меня. Если бы не мой нюх, я бы даже решил, что ты меня ненавидишь. Уважаю таких женщин, правда, ты первая из них, встреченная мной. — Маркус внезапно подался ко мне и шумно втянул носом воздух. Я отшатнулась и толкнула его в каменную грудь.

— Отвали, озабоченный извращенец! Только тронь меня — и тебе не поздоровится! Маркус засмеялся, отодвигаясь.

— Ты так приятно пахнешь сама по себе. Бескрайним лесом. Весенним полем. Тихим ветром, что касается молодых травинок и ветвей. Свободой... — Он прищурился, рассматривая мою фигуру и вгоняя своим оценочным взглядом в краску. — Перелетная птица. Свободная птица. Которую я посажу в клетку.

— Посмотрим, — проворчала я под нос. Мечтать не вредно.

Глава 7. Постоялый двор

Дорога шла легко. Лесной воздух был чист и прозрачен, и если бы не компания Маркуса, я бы, наверно, даже наслаждалась этой прогулкой. Но, увы, наручник и дурацкий металлический трос портили каждую минуту моего существования. Ровно как и присутствие Маркуса справа от меня. Я сама решила закончить с ним разговор, чтобы не переводить его в очередное так горячо им любимое похабное русло. Интересно, заставив его рассказать мне о своей сестре, я втерлась к нему в доверие? И ослабила ли его внимание? Или он просто был не против излить душу чьим-то ушам? Судя по его рассказу, он был одиночкой и не заводил близких отношений. Что ж, в этом мы даже чем-то похожи. Я тоже предпочитаю держаться особняком. Так легче.

Маркус замедлил шаг и остановил меня, глядя дальше вдоль дороги.

— Это постоялый двор? — спросил он. Я подошла и присмотрелась.

— Да, точно, это он! — обрадовалась, увидев деревянное строение за высоким забором. Это был мой шанс получить помощь и избавиться от Маркуса чужими руками. Я пошла дальше по дороге, но меня снова остановил трос. Мой конвоир не двигался. Я сердито оглянулась на него, не понимая, в чем дело.

— Скажи-ка, Никки. Что бы ты выбрала: строптивость и ночлег в диком лесу под ледяным ветром, или покорность и теплую постель?

— Что?! — я открыла рот от подобного вопроса.

— Думаешь, я не понимаю, что для тебя значит этот двор? Как только мы туда войдем, ты начнешь голосить и просить тебя спасти от меня.

Я выпучила на Маркуса глаза. Он словно прочитал мои мысли. Неужели я настолько предсказуемая?

— Ну, так что ты выберешь? Помнится, тебе не очень понравилось спать на каменном полу камеры, так ведь? К тому же, даже если ты обманешь меня и решишь звать на помощь, когда мы туда войдем, мне ничего не будет стоить развернуться и уйти оттуда. Посмотри, — Маркус взмахнул рукой, — мы посреди леса. Меня здесь попросту некому остановить. Так что твое молчание будет в твоих же интересах. Если, конечно, ты не жаждешь провести ночь в лесу.

Я задумчиво пожевала губами, глядя на чащу леса. Бывали дни, когда мне приходилось ночевать там, но у меня была моя подстилка, а было время, что и палатка, пока она не прохудилась. Сейчас, благодаря Маркусу, у меня не было ровным счетом ничего. Даже воды, которую он давно забрал обратно в котомку.

— Хорошо, — нехотя буркнула я. — Я буду молчать.

— Бываешь ведь нормальной, — ухмыльнулся Маркус и начал аккуратно наматывать трос себе на запястье. Он старательно делал витки до тех пор, пока наши запястья не соприкоснулись, и спрятал полученный металлический браслет под рукав куртки.

— А, может, не будешь маяться ерундой и снимешь это с нас обоих? — предложила я, даже не ожидая, что он согласится.

— Нет.

Ну кто бы сомневался.

Маркус взял меня за ладонь и уверенно пошел к забору постоялого двора. Я вздрогнула

от его крепкого пожатия. Столько равновесия и решимости было в его прикосновении. Если бы мы встретились при других обстоятельствах. Если бы я только держала язык за зубами, когда нашла его в лесу...

Мой спутник толкнул калитку в высоких воротах, и мы вошли в широкий пустой двор. Под ноги бросилась неизвестно, откуда взявшаяся курица, и Маркус об нее споткнулся, тихо выругавшись. Птица, теряя перья, в панике куда-то сбежала.

— Кошачья грация, — шепнула я своему спутнику. Маркус скривился и сжал мою ладонь до боли, заставив пискнуть. — Хотя мне все больше кажется, что ты относишься к семейству козлорогих, — просипела я.

— Ты не умеешь держать рот на замке? — прошипел мужчина. — Ты однажды поплатишься за свой длинный язык.

Он пошел к двухэтажному зданию из сруба. По пути я рассмотрела пустое стойло и пару деревянных одноэтажных строений. Похоже, клиентов у этого постоянного двора нынче не было.

Зайдя внутрь, Маркус повел меня к стойке, лавируя между пустыми столиками со стульями, лежащими на них сверху. Здесь было полнейшее запустение. Я издали заметила за прилавком тучного лысеющего мужчину, одетого в серую рубаху с длинным рукавом и темно-серый фартук.

— Проклятье, жаль, что не женщина, — проворчал себе под нос Маркус.

— Почему? — не выдержала я. Ответа я не получила.

Заметив посетителей, хозяин двора зевнул и нехотя повернулся к нам.

— Чем могу помочь? — широко улыбнулся он.

— Какое счастье, наконец-то мы нашли людей в этом лесу! — воскликнул Маркус. — Прошу прощения, я понимаю, что это будет нагло с нашей стороны, но не откажите нам в помощи. На нас напали разбойники в дне пути отсюда, нам чудом удалось от них сбежать, но мы потеряли абсолютно все, что у нас было. Моя бедная жена так испугалась... — он оглянулся на меня, и я даже вздрогнула от неожиданной перемены в его взгляде. Маркус переплел наши пальцы и поднес их к своим губам. Их мягкое прикосновение к моим костяшкам, — и я поняла, что пропала, глядя в его глаза цвета сердцевинки ромашек. Он настолько искренне на меня смотрел, с такой теплотой, что я невольно подалась к нему, будто он и вправду что-то ко мне чувствовал, и между нами что-то было. Маркус ласково мне улыбнулся, от чего я растаяла еще больше, и снова обратился к трактирщику: — Я вез ее на лечение, но нам так и не удалось добраться до города. Мы ужасно устали, и столько пережили. Все, что у нас осталось — это несколько монет. — Маркус сунул свободную руку в карман и положил на стол меньше десятка монет. Я чуть не фыркнула вслух: этого могло бы хватить едва ли на пару буханок хлеба, но никак не на ночлег, даже в столь захолустном заведении. — Если есть такая возможность, позвольте нам переночевать у вас. Я не прошу милости, я готов отработать физическим трудом, уверен, что вам пригодится помощник. Вы бы сделали доброе дело...

Трактирщик удивленно распахнул глаза. Он перевел взгляд между Маркусом и мной, задержав его на наших сомкнутых ладонях.

— А чем... больна-то? — он кивнул на меня. Маркус подманил его, и когда тот наклонился, что-то шепнул на ухо, но мне не удалось расслышать его слов, что меня крайне беспокоило, ведь лица обоих мужчин приняли крайне прискорбные выражения. Этот болван что, сказал, что я при смерти? Хозяин постоянного двора тоскливо вздохнул и,

подперев голову рукой, перебрал монетки, выложенные перед ним на столе.

— Что ж с вами делать... — протянул он. — Ну, хорошо. С посетителями сейчас совсем глухо. А ты, смотрю, парень крепкий, найдется у меня для тебя работенка.

— О, это прекрасно! — Маркус просто-таки расцвел. — Могу я оставить свою жену, чтобы она отдохнула, пока я буду занят?

— Конечно, идем, — ответил трактирщик.

Я удивленно последовала за Маркусом. И вот эта притянутая за уши история сработала? Как он вообще это делал? Он умел гипнотизировать людей, и все с ним на всё соглашались? Иной причины я не видела. Трактирщик так легко согласился пустить нас переночевать практически бесплатно! Но рвение Маркуса меня несколько беспокоило. Похоже, он в буквальном смысле готов жилы рвать, лишь бы дотащить меня туда, куда он хотел. Такая целеустремленность в моей ситуации мне не нравилась.

Мы поднялись на второй этаж по деревянной лестнице с грубыми перилами. Трактирщик подвел нас к дальней комнате и дал Маркусу массивный ключ.

— Вот вам комнатуха. Не хоромы, но отдохнуть сможете.

— Благодарю, — улыбнулся Маркус своей идеальной сияющей улыбкой, от которой, наверно, мгновенно растаяли бы в лесах остатки снегов и зацвели разом все подснежники. — Нам многого и не надо. Одну минутку, я поговорю с любимой — и расскажете мне, в чем вам нужна помощь.

— Хорошо, — пожал плечами мужчина и снова посмотрел на меня с сожалением. Да чем же я таким болею-то?

Маркус отпер дверь, и я замороженно зашла за ним следом. Но как только мы остались наедине, все тепло, исходящее от него, мгновенно рассеялось, уступив место его привычному ядовитому холоду, пробирающего до самых костей. Мне показалось, что меня окатили из ушата ледяной водой посреди снежной зимы, и я бессильно сникла, мгновенно начав тосковать по тем нескольким мгновениям нежности, выхваченных украдкой у Маркуса.

Мужчина быстро окинул взглядом крошечную комнату, на ходу разматывая трос. Скошенный потолок, дверка сбоку, наверно, ведущая в ванную, кровать, кажется, полуторная, не очень широкая, застеленная вязаным пледом в квадратик, пошарпанный письменный стол и стул. Стул... Двинуть Маркуса по голове стулом и сбежать... Руки сами потянулись к его спинке, но я забыла о тросе, который, словно леска, дергающая удочку, привлекла внимание Маркуса. Он оглянулся, когда я уже вцепилась пальцами в спинку мебели.

— Стул? — спросил он ледяным тоном, от которого побежали мурашки по спине. И этот человек пару минут назад с такой невероятной искренностью называл меня любимой, что я даже умудрилась поплыть.

— Какой стул? Ах, этот стул, да действительно, стул, — судорожно ответила я и поспешила убрать руки за спину. — Понаставят, вот это, мебели в комнате... понимаешь...

Маркус отщелкнул со своего запястья наручник и потянул меня к кровати. Не успела я опомниться, как уже была прикована к ее железной спинке.

— Сиди и не шуми, я скоро вернусь, — бросил он.

— Ты что, вот так бросишь меня тут прикованной? — возмутилась я. Так у меня не будет ни шанса на побег.

— Да.

— А если я захочу в туалет? — спросила я, не зная, что еще придумать.

— Потерпишь, — раздраженно ответил мужчина.

— Я напишу на кровать.

— Что?! — Маркус удивленно открыл рот, а затем скривился. — Ты этого не сделаешь.

— Сделаю, вот увидишь, — пообещала я. — Прямо на эту кровать, как только ты закроешь дверь. А потом ты будешь хозяину объяснять, почему кровать мокрая. И спать на ней будешь.

— Твою ж... — прорычал Маркус сквозь зубы.

Он дернул меня за руку и снял наручник. Следом за этим он схватил меня за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Только попробуй что-то выкинуть... — тихо произнес он с такой пугающей интонацией, что лучше бы как обычно прикрикнул. Я испуганно кивнула, насколько позволяла его жесткая рука, и он отпустил меня. — Дверь заперта, даже не пытайся дергать, — бросил он напоследок и ушел. В замке щелкнул ключ, и я осталась в мертвой тишине пустого постоянного двора.

Я немного посидела на кровати, давая Маркусу время отойти подальше. Или просто отойти от двери. Он мог остаться под ней и подождать, не попытаюсь ли я выйти. Да и давно я не отдыхала на кровати. Обычно я ночевала на земле или крайне жестких койках и на полу. Я бухнулась на покрывало, блаженно вздохнув. Не слишком мягко, но все же. Если Маркус ушел зарабатывать нам на проведение ночи в этом месте, у меня было достаточно времени на то, чтобы отсюда выбраться.

Налюбовавшись деревянным потолком, я прикрыла тяжелеющие веки. Последние два дня были просто ужасными. И ведь все было более-менее стабильно, до того, как я встретила Маркуса. И угораздило же меня...

Усталость наваливалась на меня волнами, вдавливающими в кровать и уговаривающими подремать. Я перевернулась на бок и свернулась калачиком. Почти сразу я ощутила, что начинаю уплывать в сон. Нет, так не пойдет. Я силком заставила себя открыть глаза и сесть. На повестке дня побег, а не здоровый сон.

Я встала и подошла к двери. Прикинув к ней ухом, я напряженно прислушалась. Кажется, с той стороны было тихо. Наверняка, Маркус уже давно ушел по делам. Я взялась за вытертую ручку, которая когда-то, похоже, была золотистого цвета, и потянула ее вниз. Дверь не двинулась с места. Присев на корточки, я заглянула в тонкую щель между дверью и проемом. Как я и ожидала, я увидела засов, который не позволит мне покинуть комнату стандартным путем. Что ж, всегда есть нетрадиционные методы.

Я отошла от двери и пошла к окну. Глянув сквозь мутное давно не мытое стекло, я увидела задний двор, примыкающий к лесу. Отлично. Второй этаж, спуститься я как-нибудь сумею, а дальше — к деревьям, и поминай, как звали. Едва я взялась за ручку, как увидела, что Маркус и трактирщик выворачивают из-за угла дома и идут к поленнице, доверху наполненной небольшими бревнами. Я присела под окном, чтобы меня не заметили, и начала следить, как трактирщик о чем-то беседовал с Маркусом, указывая ему на древесину. Тот понимающе кивал его словам. В конце концов, хозяин постоянного двора вручил Маркусу топор и ушел. Похоже, кому-то сегодня придется наколоть дровишек. Я ехидно захихикала, представляя, как этот прожженный городской житель сейчас будет справляться с такой задачей. Маркус же не спеша снял с себя куртку и отложил ее в сторону, оставшись в своей серой футболке с длинным рукавом. Крутанув топор в руке, мужчина взял одно из поленьев

и установил его на колоду посреди двора.

— Давай, лупани себя по ноге, — ядовито прошептала я себе под нос, выглядывая из-под надколотого подоконника с неровным краем.

Маркус взмахнул топором и ударил по полену. Оно разлетелось на идеальные две части, и мужчина, снова прокрутив в руке топор, поставил следующее. Я замороженно следила за его работой. Взмах, удар, треск, несколько мгновений тишины. Взмах удар, треск — и так по кругу. Как машина, созданная и идеально настроенная для физического труда.

Спустя некоторое время Маркус остановился. Оперевшись о рукоять топора, он вытер со лба пот, и к моему восхищению стянул с себя футболку, которая отправилась следом за курткой.

— Ну ты меня просто балуешь, — пробормотала я, устраиваясь на полу удобнее и готовясь к новому представлению.

Я не могла оторвать взгляда от Маркуса. На его широкой спине перекачивались мышцы каждый раз, когда он взмахивал топором, а при ударе на руках вздыбались бугры бицепсов. Я почувствовала, как замирает мое сердце от подобного зрелища. Маркус был слишком красив, даже по моему мнению. С таким телом он мог бы позировать для скульпторов, и от клиентов не было бы отбоя. Не удивительно, что у него было столько женщин. Какая бы отказалась прикоснуться к такому, как он. Я и сама не знала, как держать себя в руках и не потерять голову, когда он рядом. От него словно пахло чистым сексом, он был им пропитан, создавал свою собственную возбуждающую разум ауру, в которую мог затащить любую женщину, стоило ему только пожелать.

Наблюдая за неожиданным шоу, я потеряла счет времени. Я вострепелась лишь тогда, когда Маркус вогнал топор в колоду и пошел одеваться. Это значило, что скоро он вернется. А я так и не придумала, как мне выбраться из комнаты! Я подождала, пока мой надзиратель скроется за углом здания, и начала дергать щеколду на окне. Но, к моему величайшему разочарованию, она не поддавалась. Сколько бы я в нее не шкреблась, она не двигалась с места. Время поджимало, и я запаниковала. Бросила дергать окно и заметалась по комнате. Куда было теперь деваться? Я подбежала к дверке, в которую так и не заходила, и, к своему разочарованию, действительно обнаружила там ванную комнату. Раковина, деревянная кадка, служащая поддоном для душа, и странной конфигурации унитаза. Деревянный. Окно не было, ровно как и каких-либо других дверей.

Я выскочила из ванной комнаты и снова подошла к окну. Может, разбить стекло? Но пока я уберу все осколки, чтобы не разрезать себя на части, Маркус уже однозначно придет обратно. Не успею.

Я услышала шаги в коридоре. Он сейчас вернется. Как мне его было встретить? Сесть на кровать? Подумает, что предлагаю ему присоединиться. У окна? Ну да, можно было еще сделать плакат с надписью "я хочу сбежать через форточку". Может, за стол сесть? Я подошла к нему, но не успела сесть на стул. Ключ повернулся в замочной скважине, и Маркус вошел в комнату, держа в руке небольшую корзинку. Я стояла посреди номера, прижав к груди руки, чувствуя, как испуганно трепещет сердце в груди. Мужчина окинул меня взглядом, потом осмотрел комнату, словно проверяя, что в ней изменилось, и запер за собой дверь, сунув ключ в карман брюк.

— Ты хорошо себя вела? — подал голос Маркус, отчего я вздрогнула.

— Не знаю, — выпалила я, не сумев быстро придумать адекватный ответ. Маркус хмыкнул и поставил на стол корзинку, прикрытую салфеткой.

— Иди, ешь, — кивнул он мне.

— Ты что, принес еду? — восхитилась я, нетерпеливо заглядывая в корзину. В ней оказался кувшин воды, пара стаканов и несколько бутербродов. Увидев их, я вдруг вспомнила, что очень давно не ела, и готова была душу продать за такое угощение.

— Да, повезло, что повар оказалась женщиной, — ответил мне Маркус. Я скривилась от его слов, но все же начала жадно поглощать бутерброд. Что-то кольнуло у меня в душе. Неужели это было чувство ревности?

— А ты почему не ешь? — спросила я, наблюдая, как Маркус снимает куртку и устало бросает ее на тумбу.

— Я сыт, — его развратная улыбка заставила меня закипеть.

— Знаешь, как называют шлюху мужского пола? — ядовито поинтересовалась я у него. Он бросил на меня подозрительный взгляд.

— Ну?

— Маркус, — выплюнула я, запихиваясь еще одним бутербродом, пока не отобрали за такую дерзость. Лицо моего собеседника вытянулось, и он громко фыркнул:

— Кухарке не меньше пятидесяти лет.

Я кашлянула. Как он догадался, что я была возмущена именно тем фактом, что он добыл еду у женщины, воспользовавшись своим очарованием и обаянием?

— У тебя все на лице написано, — будничным тоном добавил Маркус, словно услышав мои мысли. — Доедай, а я пока схожу в душ. Сублимация ужасно утомляет, — он вздохнул, направляясь к двери ванной комнаты.

— Что такое сублимация? — поинтересовалась я. — Это у вас, технеров, так модно называть колку дров?

Маркус бросил на меня изможденный взгляд и ответил:

— Почти. Это значит перенаправление сексуальной энергии на какой-нибудь другой вид деятельности во благо. А не в изнасилование.

Я закашлялась основательно. Кусок бутерброда встал поперек горла от услышанного. Изнасилования?! Кого, меня?!

— А ты тут смотри не подавись мне назло, — добавил он.

Я проводила его взглядом в ванную комнату, уминая еду. Ну, хотя бы за то, что он не морил меня сознательно голодом, можно было поставить ему плюс. Да и в целом, если трезво оценивать его поведение, отбросив озабоченность, агрессию и планы сломать мне жизнь в угоду своим интересам, то его с натяжкой можно было бы назвать заботливым. Кто еще бы ради меня ходил колоть дрова, только чтобы я провела ночь не в лесу? Бывало, что мне и в ночлеге-то отказывали, даже когда я предлагала отработать свою постель. Но, учитывая, что дверь все так же была заперта, а я была заложницей Маркуса, было рано называть его хорошим парнем.

Из соседней комнаты донесся приглушенный шум воды. Да, после длительного физического труда я тоже любила принять душ. Он отлично расслабляет, и словно смывает с тебя всю усталость. Хм... Значит, Маркус был сейчас уставшим и наверняка не слишком сосредоточенным и внимательным. Может, попытаться стащить у него ключ, пока он не видит, и по-тихому убежать? Стоило попробовать.

Я отряхнула ладони от хлебных крошек и подкралась к двери. Кроме шума воды я ничего не услышала, и тихонько отворила дверь. Обнаженный Маркус стоял спиной ко мне под душем, и даже не оглянулся, когда я зашла, осторожно пригнувшись. Я заставила себя

отвести взгляд от его спины, чтобы снова не застрять, любясь им, и увидела его одежду, аккуратно сложенную на туалетном столике. И ключ, лежащий прямо наверху стопки. Наверно, Маркус вытащил его, чтобы тот не выпал из кармана на пол. Мне нужно было лишь подойти и взять его так, чтобы его владелец этого не заметил.

Я неслышно подошла к тумбе и протянула руку, чтобы забрать ключ. Маркус тихо вздохнул, чем привлек мое внимание, и я невольно обернулась на него. От увиденного у меня отвисла челюсть, и я даже забыла, зачем пришла. У Маркуса было потрясающее мощное тело. Капли воды стекали по его мышцам, будоража мое воображение и пробуждая желание. Но особенно меня привлекло то, чем Маркус занимался. Он стоял, уперевшись одной рукой в стену, и сжимая член во второй, плавно двигая ладонью вдоль его ствола. К своему стыду я поняла, что застучала его за мастурбацией, но отвести взгляд не было сил и желания. Его член оказался длиной в две ширины его ладони, и довольно толстый на мой взгляд. Пара вен переплеталась вдоль его направленного вверх напряженного ствола, увенчанного массивной бордовой головкой. Это был первый раз, когда я вживую увидела обнаженного мужчину, еще и такого красивого. Сердце забилось быстрее, а тело словно взорвалось гаммой смешанных желаний, главным из которых было оказаться рядом с Маркусом под душем и прикоснуться к нему.

Внезапно он оскалился и склонил голову, задвигая ладонью быстрее и резче. Белая струйка брызнула на стену и была тут же смыта водой. Маркус удовлетворенно выдохнул... и поднял свои золотые глаза на меня.

— Никки... — произнес он низким зовущим голосом, и я нервно облизнулась. Неужели ему пришлось заниматься подобным из-за меня? Думал ли он обо мне? Так много волнительных мыслей заполонило мой разум из-за Маркуса. Я почувствовала, как тяжелеет внизу живота и намокает белье.

Поволока начала спадать с взгляда Маркуса, и он, вернувшись в реальность, внезапно оценил, что на самом деле я забыла в ванной, поскольку я все так же стояла с протянутой в сторону ключа рукой. На его лице сначала отразилось недоумение, а следом — гнев. Я все же схватила ключ и, прижав его к груди, произнесла напоследок:

— Так и быть. Ты официально повышен с горошины до стручка!

Я развернулась и со всех ног бросилась прочь из ванной, надеясь успеть улизнуть до того, как Маркус придет в себя окончательно. Дверь в спасительный коридор, ведущая на свободу, казалась так близко. Я успела вставить ключ в скважину, провернуть его и открыть лишь на несколько сантиметров, как две руки по обе стороны от моей головы ударили в дверь, захлопывая ее, и я услышала раздраженное тяжелое дыхание Маркуса над своим ухом.

Я затравленно смотрела на то, как с его запястий капала вода. Ко мне пришло осознание, что Маркус выскочил следом за мной из душа сразу же, значит, он стоял за моей спиной обнаженный. Волнительная картина, увиденная пару мгновений назад, снова предстала перед моими глазами. Что, если он сейчас захочет продолжения?

Наконец, Маркус подал голос, чем заставил меня вздрогнуть.

— У меня было много женщин. Но ты первая, кого мне хочется одновременно расчленить и натянуть...

— На что? — нервно пискнула я, не понимая, о чем он говорил.

Маркус наклонился к самому моему уху. С его волос закапала вода, впитываясь в ткань моей рубашки.

— На свой член. С удовольствием бы посмотрел, как ты бы на нем извивалась, —

хрипло прошептал он.

Его слова отозвались в моем теле жаждой, которую не смог бы утолить никакой напиток. Я чувствовала спиной жар его обнаженного тела, и одновременно боялась его, и хотела откинуться назад, прижаться, ощутить на себе его руки. Он продолжил.

— Я бы мог помочь тебе достичь небес и подхватить, когда ты будешь оттуда падать. — От его многообещающего тона задрожали колени. — Но я не стану этого делать. Ты преступница, ты преступила закон, втоптала в грязь его и устои, по которым люди живут в мире веками, пошатнула то хрупкое равновесие, которое создавала не ты. И даже не считаешь свои злодеяния за провинность. А я не могу позволить себе связываться с подобной дрянью.

Когда Маркус закончил свою фанатичную тираду, что мгновенно меня отрезвила и напомнила, кто он, то добавил злым тоном:

— А теперь отдай мне ключ.

Я дрожащей рукой подняла перед собой увесистый металлический ключ, и Маркус выхватил его.

— Еще раз попытаешься сбежать — сломаю тебе палец, — прошипел он мне на ухо. — Все поняла?

Я кивнула, боясь даже рот открыть.

— Надеюсь, — рыкнул он. Маркус запер дверь и отошел от меня в комнату. — Ванная свободна, — добавил он. — Можешь воспользоваться. Ты ведь была так занята наблюдением за тем, как я колю дрова, что и в туалет, небось, не было времени сходить? Даже кровать сухая. — Он насмешливо хмыкнул, и я услышала, как пружины заскрипели под его весом. Только тогда я смогла заставить себя отойти от двери.

На ватных ногах я ушла в ванную, не оглядываясь на Маркуса. Повезло, что отделалась одним только словесным предупреждением. Неужели он вправду способен сломать мне палец за попытку повторного побега? Почему-то мне совсем не хотелось проверять это. Бездумно окинув взглядом комнату, я остановила его на одежде Маркуса. Он не собирался ее надевать, что ли? Хм, а ведь где-то в карманах лежит ключ от наручников. Достаточно спустить его в унитаз, и я смогу забыть об этих кандалах. Но порыться в карманах я не успела. Словно в ответ на мои мысли за спиной открылась дверь, и Маркус протянул руку, забирая одежду.

— Тебя стучать не учили? — бросила я ему.

— Нет, ты ведь не показала мне пример, — ответил он, намекая, что я тоже тайком пробралась в ванну, пока он не видел.

Дверь закрылась, позволяя мне побыть немного наедине со своими мыслями. Я не спеша совершила вечерний туалет и снова оделась. Можно было отправляться в постель. Правда, наверно придется делить ее с Маркусом. Вряд ли он согласится спать где-то на полу. Я так уж точно на пол не лягу.

Я вернулась в комнату и увидела Маркуса в одних трусах, лениво развалившегося на кровати. В руках он крутил наручники, рассматривая, судя по всему, конструкцию механизма замка на них. Услышав меня, он поднял глаза и встал.

— Почему ты не оделся? — неодобрительно проворчала я, краем глаза отмечая, что прекрасно вижу бугор на его облегающих черных трусах, напоминающих шорты.

— Кто ж спит в верхней одежде? — пожал плечами мужчина. Я не успела опомниться, как на запястье снова оказался наручник, и Маркус потянул меня к кровати.

— Спать прикованной? — обиженно насупилась я, потирая кожу под надоевшим металлом.

— Не думай, что я забыл твою угрозу про удушение во сне, — хмыкнул Маркус, бухаясь на кровать. — Ложишься? — он похлопал ладонью рядом с собой и улыбнулся.

— Я не привыкла спать с кем-то в постели, — буркнула я.

— А я вообще привык с кем-то в постели не спать. Каждому свое.

Я была вынуждена осторожно примоститься справа от него, накинув на себя вязанное покрывало свободной рукой.

— Мы не выключим свет? — спросила я напоследок, поскольку любила спать в темноте. В ответ, комната внезапно погрузилась во мрак. Маркус тихо усмехнулся.

— Здесь свет выключает хозяин, по графику. Ты как раз вовремя успела. Что ж, пора спать.

Маркус перевернулся на левый бок, и я почувствовала, как он тянет меня за наручник.

— Какого хрена! — возмутилась я, поскольку уже через мгновение крепко обнимала его правой рукой за пояс, прижимаясь грудью к его широкой горячей спине, а моя ладонь покоилась в его.

— Трос слишком длинный, — подал голос Маркус. — Не хочу давать тебе шанс воплотить задуманное.

— Я пошутила, я не стану тебя душить, придурок! — огрызнулась я, пытаюсь хоть немного отползти, но Маркус крепко держал меня за руку. Наверно, он еще и снова намотал трос на запястье.

— Мне неизвестно, что на самом деле у тебя творится в голове, потому не стану рисковать, — холодно ответил мужчина. — А так я почувствую, если ты соберешься сбежать. Можешь не пытаться: я чутко сплю.

Сколько бы я ни сверлила взглядом его спину, мою руку никто не собирался отпускать. И что, мне спать вот так, в обнимку с этой сволочью? Впрочем, его лопатка была довольно близко от меня, и в голову закралась подленькая мысль. Я раскрыла рот, желая хоть как-то испортить Маркусу ночь, но мгновенно получила плечом в зубы и схватилась за ушибленные губы свободной рукой.

— Даже не вздумай меня кусать! — прорычал мужчина.

— Как ты понял?! — заскулила я обиженно. — У тебя что, глаза на спине?!

— Почти. Ты просто слишком предсказуемая. Спи уже, иначе переселю на пол.

Я провела языком по чуть саднящим передним зубам. Жаль, жаль, было бы неплохо хоть как-то ему отомстить за подобное фривольное отношение. Я устроилась, насколько было возможно, и закрыла глаза. Было совершенно неудобно, поскольку я пыталась держаться подальше от Маркуса, но кровать была такой крошечной для двоих, что я наполовину с нее свисала. Еще немного повозившись, я нашла более-менее удобное положение, сунув свободную руку под голову. Ладно, нужно радоваться хотя бы тому, что у меня есть крыша над головой и постель, хоть и не пустая.

Мои мысли прервал Маркус. Он вздрогнул и слабо сжал мою руку, что-то простонав про себя. Он уже спал? Мне бы такую скорость засыпания в любом положении и с любым человеком под боком. Хотя, исходя из его историй, он привычен к обществу в своей постели. Я тяжело вздохнула, и внезапно поняла, что ощущаю запах его тела. Он был столь необычным и притягательным. Я невольно придвинулась ближе и принялась. Такой соблазнительный мужской аромат, немного терпкий и очень глубокий, от которого едва

заметно закружилась голова. По телу пробежала приятная дрожь, и я поймала себя на мысли, что чуть не замурлыкала вслух, так мне захотелось крепко прижаться к его спине, наслаждаясь его запахом. От него действительно пахло чистым сексом. Сплошное соблазнение во плоти.

Я нахмурилась. Почему Маркус вел себя именно так, хоть и говорил, что не собирался вступать со мной в близкую связь? Я вдруг вспомнила, как он вскользь упомянул, что увлекается психологией. Так вот, что этот подонок делал! У него были и другие способы держать меня на привязи и не дать мне сбежать. Он понял, что я ему подсознательно симпатизирую, и решил на этом сыграть! Маркус меня попросту обольщал, а с его актерским мастерством, которое я уже могла наблюдать в случае с хозяином постоянного двора, это было не так уж и сложно. Немного прикосновений, будоражащих воображение фраз и обещаний, которые естественно никто не стал бы исполнять, тесный телесный контакт, чтобы я прочувствовала, что именно находится рядом со мной — и я наверняка, по его мнению, потеряю голову. Он просто хотел привязать меня к себе, чтобы я сама пошла за ним, куда он скажет, ведь один раз это уже сработало.

— Ублюдок, — прорычала я спине Маркуса, отодвигаясь от его соблазнительного тела. Как-нибудь посплю на весу. Я упрямо закрыла глаза и приказала себе спать и не думать о нем. Ему меня не сломить.

Глава 8. Мошенник

Глаза Маркуса изучали тепло, которое может дарить только солнце погожим летним днем. Они грели, ласкали, звали меня.

— Это сон? — спросила я, и тут же почувствовала, что начала просыпаться. Словно передо мной стала сгущаться пелена, что выведет меня обратно в реальный мир из мягкой дремы. Но я еще не хотела уходить! Не тогда, когда Маркус смотрит на меня с такой нежностью. — Нет, нет, это не сон! — воскликнула я и почувствовала, что пелена отпустила меня, оставив во власти видения.

— Конечно, не сон, — улыбнулся Маркус, притягивая меня к себе.

Теплые крепкие объятия, уверенные ладони, скользящие по моему телу. Я подалась ему навстречу и потянулась за поцелуем. Горячие губы Маркуса накрыли мои, и я застонала, теряясь в его прикосновениях, ласках, дыхании, жаре... Когда он успел раздеть меня?

— Никки, — тихо позвал он меня. Я впилась в его крепкие предплечья пальцами, как в последнюю опору, что не давала потерять голову, и провалилась в пропасть исступленного желания.

Я услышала сквозь сон свой тихий стон и проснулась от содроганий собственного тела. Непрошенный оргазм почти отступил, и я в последний раз сжала бедра, прогоняя его остатки. Немного успокоившись, я вздохнула и открыла глаза. На меня в ответ смотрели два изумленных янтаря.

— Ты что, только что кончила? Во сне? Прямо как подросток? — Маркус возбужденно оскалился, из-за чего у меня по спине побежали мурашки.

— Не смей спрашивать меня такие мерзости! Конечно, нет! — возмутилась я, отодвигаясь и краснея. Ну почему мне приснился непристойный сон именно сегодня, именно когда я спала с ним в одной постели?!

— Ты лжешь, я чувствую твой запах. И он сейчас не такой, как когда ты просто возбуждена, — ответил Маркус, потянув за наручник.

Я попыталась сопротивляться, но это было бесполезно. Мои руки были намного слабее, и спустя всего пару минут провальной для меня борьбы, я обнаружила себя лежащей спиной на груди Маркуса.

— Что ты делаешь?! — вскрикнула я, сжимаясь на нем в комок.

— Хочу убедиться, что я прав, — его дыхание скользнуло по моей шее.

Маркус схватил меня за запястья и прижал их к моей груди, лишая возможности отбиваться. Ногами он с легкостью раздвинул мне колени и припечатал их к кровати. Я оказалась беспомощно распятой на его груди.

— Отпусти меня! — прорычала я, пытаясь выкрутиться, но была намертво оплетена его руками и ногами.

Его большой ладони было достаточно, чтобы крепко удерживать оба моих запястья сразу, и правая рука без наручника была свободна. Он не спеша потянул за веревочку на поясе. Справившись и с пуговицей, Маркус чуть приспустил мои штаны, насколько позволяли широко разведенные ноги, заставив меня задыхаться от такой наглости и своеволия. Я почувствовала, как его горячая ладонь настойчиво скользит по моему животу вниз. Достигнув лобка, Маркус сжал пальцами пушок, растущий на нем, и потянул, отчего я

взвизгнула еще громче:

— Прекрати меня лапать!

— Вы, магики, такие дикари, — низким голосом произнес он. — Меня удивляют женщины, которые добровольно отрачивают шерстку в таком месте. Гладкая кожа намного приятнее, открытее. Откровеннее.

Его пальцы разжались и двинулись дальше. Маркус накрыл ладонью мое лоно и надавил всеми пальцами. Тело, еще разморенное недавним оргазмом, мелко задрожало. Я непроизвольно выгнулась навстречу ладони Маркуса, не контролируя себя, и судорожно сжалась пару раз, словно от новой наступающей волны.

— Все же я был прав, — произнес Маркус сдавленным голосом. — У меня все пальцы мокрые.

Он отнял ладонь и прикоснулся к моему клитору лишь одним пальцем. Круговыми движениями он начал ласкать меня, то слегка надавливая, то настойчиво массируя. Я тихо застонала, не в силах противостоять переполнившему меня желанию. Это было так непривычно и чувственно. Дыхание сбилось, и кровь прилила к моему лону, застучав в унисон с трепещущим сердцем. Сладкое чувство начало зарождаться внизу живота, и я приподняла бедра навстречу пальцам моего мучителя.

— Ты вправду этого хочешь? — горячо прошептал Маркус.

— Да-а-а, — выдохнула я, готовая на что угодно, лишь бы он не прерывал свою ласку прямо сейчас и позволил мне получить желаемое.

— Как скажешь.

Он неожиданно сбросил меня с себя на кровать, на живот. Почувствовав свободу, я и не подумала двигаться, и лишь лежала на холодной простыне, сжав ее пальцами, и ждала дальнейших его действий, изнывая от разожженного желания. Я почувствовала, как с запястья исчез сдавливающий наручник. Сердце пропустило удар от восторженного ожидания того, что случится дальше. Но ничего не происходило. Минута сменила другую, и я удивленно открыла глаза, оглянувшись на Маркуса. Тот совершенно спокойно одевался.

— Что ты делаешь? — хрипло спросила я его, не понимая, что происходит и почему.

— Одеваюсь, — безразлично пожал плечами Маркус, подтверждая очевидное. Он застегнул куртку и опустил на меня глаза. — А что? Ты ведь сказала, что хочешь, чтобы я тебя отпустил. Я и отпустил.

Его губы разъехались в ехидной улыбке. Я внезапно поняла, что произошло. Это была его очередная игра. Что бы я ни ответила, он бы интерпретировал мой ответ так, как ему было нужно. Скажи я "нет" — он бы поступил точно так же, мотивировав это тем, что я сама отказалась от продолжения. Я зарычала на Маркуса и подскочила с кровати, разозленная, взбудораженная. Неудовлетворенная. Отправилась в ванную и заперлась изнутри, чтобы хоть пару минут побыть без его всеобъемлющего присутствия.

Я оглянулась на эту несчастную крошечную комнатку. Даже здесь я не почувствовала себя в уединении. Запах Маркуса был на моей одежде, на моем теле, он словно впитался в каждую мою пору, дразня и сводя с ума. Я вся пахла им.

Сорвала с себя рубашку и штаны и сбросила на пол. Включила воду в душе, чтобы смыть с себя дразнящие прикосновения Маркуса, и встала под упругие струи. Вода оказалась не слишком горячей, но так даже было лучше. Я ожесточенно растирала тело, но мне не становилось легче. Чувство внизу живота, похожее на голод, заставляло меня изнывать и каждое мгновение возвращаться мысленно к искушающим ладоням Маркуса. Никто еще так

меня не касался. Настолько бесстыдно, но почему-то так приятно. Я медленно провела ладонью по высокой полной груди, по неожиданно для меня напряженным соскам. Интересно, понравилась бы я Маркусу обнаженной? Я продолжила движение ладони, повторяя то, что делал он, и с трудом сдержала стон. Даже под душем я ощущала пальцами свою влагу. Тело требовало завершения брошенной на середине ласки. Я прислонилась спиной к холодной мокрой стене душа и почувствовала прокатившуюся волну мелкой дрожи. Почему он остановился и бросил меня вот так, неудовлетворенной? Почему теперь я должна сама ублажать себя под потоками холодной воды?

Я вспомнила, как днем ранее Маркус делал то же самое, что и я сейчас. И как он был красив и притягателен без одежды, весь и целиком, каждый сантиметр его тела. Кровь тяжело прилила к моему лону от воспоминаний, и долгожданный оргазм накрыл волной своих сладких спазмов.словно фейерверк пролетел через все тело и взорвался в голове, сотрясая мое благоразумие. Я закусила костяшку указательного пальца, чтобы не выдать себя громким стоном, и сжала ноги под наплывом ощущений.

Несколько мгновений опустошающего расслабления — и я смогла прийти в себя. И тогда я почувствовала, как же это было постыдно и неприлично. Я вновь ощутила себя озабоченным подростком, только познающим свое тело под влиянием избытка гормонов. А ведь давно уже переросла подобное, не видела влажные сны и не ласкала себя, представляя чьи-то руки вместо моих. Но мне стало немного легче. Может, теперь я смогу смотреть на Маркуса спокойнее и не забывать, что он мой враг.

Я тщательно вымылась снова, избавляясь от собственной влаги, что могла бы меня выдать Маркусу. Выключила холодный душ, внезапно ощутив, что довольно таки замерла, и поскорее нырнула в свою одежду. Бросила на себя взгляд в мутное маленькое овальное зеркало на стене. Сырая коса стала зрительно намного тоньше, а ее кончик превратился в жалкий крысиный хвостик. Но мои глаза... Блеск в них однозначно выдаст меня Маркусу. Ну и пусть. Не один он может играть в эту его странную игру.

Я смело открыла щеколду и вышла в комнату. Я надеялась, что Маркуса уже не будет, но он, казалось, ждал меня.

— Почему ты так долго? — настороженно спросил он. Я не выдержала и ядовито улыбнулась в ответ.

— Если бы у тебя и вправду было так много женщин, как ты говорил, то ты бы знал, что нам требуется немного больше времени, чем мужчинам, чтобы закончить... — Я сделала маленькую паузу, позволяя Маркусу понять, что я имела в виду. Его взгляд потемнел, и я продолжила: — ...принимать душ.

Он подошел ко мне, и я была вынуждена отойти к стене. Маркус приложил к ней руку над моей головой и наклонился, прижимаясь лбом ко лбу. Его пытливые глаза прожигали огнем меня насквозь, словно намеревались что-то выведать, о чем я бы не рассказала вслух. Маркус вздохнул и подал голос:

— Ты думаешь, что сможешь победить на моем же поле? Это огромное заблуждение, девочка. Не выйдет, — он поджал губы, улыбаясь, и покачал головой. — Ты проиграешь в этой игре первой, держу пари.

— Понятия не имею, о чем ты, — выдохнула я, замороженно глядя в его несравненные змеиные глаза.

Маркус отошел от меня и собрался уходить.

— Ты для меня словно страница книги в солнечный день. Каждый твой шаг можно

предугадать, и каждое действие с легкостью объяснить, не спрашивая тебя о мотивах. Я давно работаю капитаном стражи, так что для меня многие поступки людей попросту очевидны. Прими это, и не пытайся делать то, что делаю я. — Маркус криво улыбнулся, подтверждая мои догадки о причинах его поведения в мой адрес. — Мне нужно уйти ненадолго. Сегодня мы отправимся в путь.

Мой мучитель покинул меня, оставив в плену размышлений. Я внезапно ощутила, что мне ужасно душно в этих четырех деревянных стенах под скошенным потолком. Просто невообразимо душно. Еще минута в заточении — и я попросту задохнусь. Я подошла к окну, и с надеждой в последний раз взялась за рукоять. Не открою сейчас — выбью нахрен стекло стулом, и плевать, что будет. Но ручка поддалась. Нехотя, она скрипнула, осыпав мою руку старой краской, и вот я уже ощутила холодный утренний воздух, ласково поглаживающий мои разгоряченные щеки. Я вдохнула полной грудью, впитывая запахи сена, леса, свободы... Мне нужно было туда, на улицу, подальше от Маркуса. Я наполовину высунулась из окна, рассматривая, как можно было бы слезть вниз и не убиться в процессе. До моего уха донесся бодрый свист, и я вскинула голову на зов. Внизу стоял Маркус с топором в руках. Проклятье! Он увидел, что я пыталась сбежать! Мужчина медленно поднял топор в одной руке и вытянул мизинец на другой руке. Он что, угрожал отрубить мне палец за побег?! Я мгновенно влезла обратно в комнату и, присев за подоконником, осторожно высунула нос, чтобы увидеть, что Маркус будет делать дальше. Он кивнул и опустил руки. Наверно, сегодня ему снова поручили колоть дрова. Очередное развлечение для меня на полдня. Маркус подошел к колоде, но не занялся вчерашней работой, а сел на нее, задумчиво водя пальцем по лезвию топора. Я с любопытством следила за ним, не понимая, что происходит. Почему он не работает? Он чего-то ждет?

Маркус просидел на колоде довольно длительное время, иногда бросая взгляд на мое окно, после чего поднялся и ушел. Я сразу же подскочила и снова открыла защелку. Может, у меня получится, и я успею сбежать. Я села на подоконник и свесила ноги наружу. Но поняла, что у меня ничего не выйдет. Высота у здания оказалась довольно большая, и мне не на что было ступить, чтобы хоть как-то уменьшить расстояние до земли. Подо мной была гладкая стена, влажная от утренней росы. Я не смогла бы здесь спуститься, не переломав себе ноги. А это мне никак не помогло бы сбежать от Маркуса. Вздохнув, я признала свое поражение и вернулась в комнату, как раз вовремя. Дверь открылась, и в проеме появился Маркус. Он вальяжно подошел к столу и присел на него, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. Топора у него с собой, к счастью, не было. Я заметила, что входная дверь была приоткрыта. Небольшая щель, благодаря которой я запросто могла бы понять, что Маркус оставил ее незапертой. Интересно, зачем?

— А дверь-то открыта, — скучающим тоном произнес Маркус.

— Что? — я растерялась от его слов.

— Похоже, я забыл ее запереть. Такой рассеянный стал. Наверно, от усталости, — беспечно продолжил мужчина.

Я стояла у подоконника, не понимая, что происходит. Маркус поднял на меня свои огненные глаза и спросил:

— Неужели не хочешь воспользоваться настоящей возможностью сбежать?

— Мои пальцы мне дороги, — я нервно сглотнула, вспоминая угрозы. Маркус решил надо мной поиздеваться?

— Да ладно, гляди, я совсем не смотрю. Это твой шанс, — он отвернулся и начал

насвистывать мелодию, всем своим видом показывая безразличие.

— Это что, какая-то твоя очередная игра? — злобно спросила я. Маркус пожал плечами, поднимая глаза к потолку. Его губы вывели очередную мелодичную руладу.

Я осторожно отошла от подоконника. Медленно, шаг за шагом я прошла мимо Маркуса, словно кралась мимо задремавшего хищника и боялась потревожить его хрустнувшей под ногами веткой. Я остановилась у двери и оглянулась. Маркус все так же равнодушно смотрел куда угодно, только не на дверь, насвистывая мелодию, от которой мне почему-то стало жутко. Я взялась за дверную ручку. Никакой реакции. Медленно потянула дверь на себя. Ничего не изменилось. Меня не останавливали, не бросались наперерез, не скручивали руки и не сковывали наручниками. В Бездну все это, если он решил со мной поиграть, я принимаю правила, и сбегу. Он еще пожалеет, что дал мне фору.

Я медленно открыла дверь пошире и бросила взгляд в коридор. Может, там меня кто-то подждал? Но нет, снаружи было пусто. Ни души, что могла бы меня остановить. Свист за спиной начал давить на уши, и я наконец-то решилась. Я со всех ног бросилась по коридору, захлопнув за собой дверь, чтобы на всякий случай создать Маркусу дополнительное препятствие. Я вихрем спустилась по лестнице в холл, заставленный столами. За одним из них сидел хорошо одетый тучный мужчина в кафтане бордового цвета. Похоже, здесь появились посетители! Мне наверняка помогут! Я внезапно вспомнила топор в руках Маркуса, и меня обуял неконтролируемый страх, потому я бросилась к мужчине, надеясь заручиться его поддержкой, и затараторила:

— Помогите, меня выкрали! Пожалуйста, защитите меня от этого психа, заберите с собой, проводите хотя бы до главной дороги, умоляю!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мужчина поднял голову, и я разочарованно отпрянула. Он был в стельку пьян. Красное одутловатое лицо, маленькие глазки, толстая шея, украшенная золотой цепью с круглым резным медальоном. Похоже, это был купец. Но от пьяни мне помощи не будет.

— Это ж кто посмел обидеть такую малышку? — заплетающимся языком проворковал мужчина, тяжело поднимаясь из-за стола. — Только покажи мне, и я разберусь!

— Нет, извините, мне ничего... — я начала отступать от него. Пьяные люди меня пугали еще больше.

— Нет, погоди, что значит тебя кто-то украл? Покажи мне этого ублюдка немедленно!

Купец схватил меня за руку сильнее, чем я этого ожидала, и я тихо пискнула от боли.

— Отпусти ее, подонок! — раздался за моей спиной голос Маркуса.

— Так это ты обидел девочку?! — взревел купец, отталкивая меня в сторону так, что я налетела на стол и больно ударилась бедром о его угол. — Ну, иди сюда, я научу тебя, как вести себя по-мужски!

Купец размахнулся и со всей силы ударил Маркуса в челюсть. Я открыла рот от удивления, глядя, как тот тяжело упал на пол, поверженный одним единственным ударом. Он зацепился за стол, и с него следом упали с грохотом два стула. Маркуса одолели вот так легко? После того, как я видела его победу над двумя роботами? Это не могло быть правдой! На шум из подсобки появился владелец постоянного двора и мгновенно встал между купцом и Маркусом.

— Что здесь происходит?! — воскликнул он, начав поднимать Маркуса с пола. Тот держался ладонью за челюсть, и я увидела на его пальцах кровь.

— Не помогайте ему, это технер, он меня украл и грозился отрубить пальцы! Он

удерживал меня силой и запугивал! — бросилась я к хозяину, надеясь остановить его и переманить на свою сторону. Против троих у Маркуса не было шанса.

— Что ты такое говоришь, любимая? Ты что, снова забыла меня? — произнес Маркус, поднимая на меня глаза, полные боли. Нет, в этот раз я на такое не куплюсь.

— Я просто защитил девушку, — икнув, объяснил купец.

— Она больна, — повернулся трактирщик, поддерживая Маркуса. — Она не в себе, теряет память и впадает в истерию! А этот мужчина — ее муж, самый заботливый, которого я видел за свою жизнь, а я повидал уже многое за то время, что владею, этим постоянным двором!

— Это неправда... — прошептала я, не веря своим ушам.

Этот гад выставил меня больной на голову? Теперь моим словам никто не поверит! Выход на улицу был за спиной мужчин, и я бросилась к двери в последней отчаянной попытке выбраться из этого сумасшествия. Но Маркус был проворнее. Он мгновенно среагировал, оттолкнув от себя трактирщика и сгребая меня в охапку.

— Отпусти, дрянь, сволочь, как ты посмел! Грязный технер! Я не больная на голову, ублюдок, я здоровее тебя! Он вас обманывает, он меня держит в плену и на привязи! Проверьте комнату — там наручник с метровым тросом, которым он приковывает меня к себе!

Пальцы Маркуса сомкнулись вокруг моих запястий и сдавили их до такой боли, что из глаз брызнули слезы, и я начала задыхаться. Он прижал меня к себе, скрестив мои руки на моей груди, и я услышала его сдавленный голос над ухом:

— Это то, о чем я Вам рассказывал. Вот так выглядят ее приступы истерии. Никого не узнает, и ничего не помнит... А ее лекарства мы потеряли вместе со всеми нашими пожитками. Не удивительно, что началось обострение.

Я взревела и подпрыгнула на месте, насколько мне позволяли руки Маркуса, поджала ноги и со всей силы ударила каблуками его по носкам ботинок, надеясь, что он меня выпустит из капкана объятий. Я ощутила дикую боль пятками, словно лупанула по камням, и оступилась, теряя равновесие. Похоже, его обувь тоже была укреплена металлом. Я повисла на руках Маркуса, рыдая и икая от бессилия.

— Ну, ну, тише, любимая, успокойся, все будет хорошо, я рядом, — проворковал он мне на ухо, аккуратно неся обратно к лестнице.

— Да чтоб ты в Бездну провалился! — завывла я во весь голос.

— Я ж не знал, что она душевнобольная, обычная девка с виду, — раздался виноватый голос купца у меня за спиной.

— Все нормально, не впервой. Я сейчас вернусь, — пообещал Маркус, начав подниматься на второй этаж.

Как только мы оказались в коридоре, Маркус перехватил меня и взвалил себе на плечо, как мешок. Я хотела было вцепиться в него руками и зубами, но рассмотрела, что его куртка была укреплена пластинами, и мне вряд ли понравилось бы грызть металл.

Маркус распахнул дверь комнатки и скинул меня с плеча на кровать. Я сразу же вскочила на саднящие ноги и ринулась в атаку, рыдая от обиды и злости.

— Как ты мог! Я не больная на голову, я здорова! Ты использовал меня! Мало тебе вломил тот мужик, надо было, чтобы ногами отпинал!

Я изо всех сил молотила Маркуса по куртке кулаками, задыхаясь от слез, но вряд ли он что-то ощущал. Как же хотелось его убить на месте за такое унижение. Выставить меня

перед всеми большой психопаткой!

Внезапно меня оглушила звонкая пощечина, да такая, что голова мотнулась, и я упала обратно на кровать. Слезы мгновенно остановились, словно кто-то перекрыл кран, и я медленно прижала холодную ладонь к горячей щеке, не веря в то, что произошло. Я подняла взгляд на Маркуса. Он возвышался надо мной, безжалостно сверля своими мерзкими желтыми глазами.

— Прекрати истерику, — холодно произнес он.

Я открыла и закрыла рот, не в силах что-либо сказать, все еще опешившая от произошедшего. Маркус развернулся и вышел из комнаты, не забыв запереть за собой дверь. Я невидящим взглядом смотрела перед собой. Щека пекла, а запястья болели. Я словно побывала в драке, причем избili меня не только физически, но и морально. Пощечина оказалась настолько унижительной, что я мгновенно растеряла весь свой запал и боевой дух, и просто обессиленно сидела на кровати, пока снова не вернулся Маркус. В руках у него был объемный холщовый мешочек, который мужчина бросил на стол, и я услышала металлический звон. Это были монеты? Маркус опустил на стул и шумно вздохнул.

— Неплохо, неплохо получилось...

Я отвернулась от него и принялась рассматривать свои запястья. На них выступили красные пятна. Скоро эти следы от его пальцев превратятся в синяки...

В комнате повисла тишина. Шок от пощечины почти прошел, и я смогла снова начать нормально думать. Маркус меня использовал, это очевидно, но что он планировал, и откуда взял деньги?

— Ты ограбил купца? — я испугалась собственного голоса. Оказывается, я его немного сорвала истерикой, и он стал хриплым, словно я была простужена. Я тихо откашлялась и натянула на запястья рукава, не желая видеть следы на них.

— Почти, — хмыкнул Маркус. Даже не глядя на него, я слышала, что он был доволен. Если ему так нравится получать в морду, я могла ему устроить высококачественное избиеие, после которого он наверняка остался бы очень счастлив. — Я провернул одну распространенную схему. Когда-то она процветала в питейных заведениях Тавраса, пока я не вычислил всю группировку, промышляющую ею. Для этого нужен всего лишь упитый мужик и красивая девушка. Она просит о помощи, клиент, ничего не понимая, оказывает ее, дав подскочившему сообщнику девушки в морду, тот объясняет, что он ни при чем, и они, допустим, пара, которая поссорилась, а девушка была немного не в себе. И, когда все во всем разбираются, то во избежание привлечения стражи компашка с легкостью вытряхивает из клиента деньги в качестве моральной компенсации. Не придерешься. — Маркус рассмеялся.

— Я думала, ты блюститель порядка, — пробормотала я. — А ты нарушаешь закон и занимаешься мошенничеством. Еще и используешь меня как подсадную утку... Ты все спланировал заранее... Как ты мог... — добавила я севшим голосом.

— Я с утра приметил этого купца. Подождал часок, пока он расслабится с дороги, и выпустил тебя. Ничего не зная, ты вела себя намного естественнее. Да и я легко отделался. Он даже не смог по мне попасть, так был пьян, пришлось прокусить себе щеку, чтобы хотя бы плюнуть кровью для наглядности.

— Зато с меня можно снимать отпечатки твоих пальцев... — прошептала я, снова стягивая с себя рукава, чтобы увидеть, как синяки начали наливать цветом.

— Нельзя снимать отпечатки пальцев с кожи, — фыркнул Маркус. Я протянула ему запястья, демонстрируя следы. Мужчина поднялся со стула и подошел ко мне. Взяв мою

руку, он провел пальцем по одному из синяков, но я не увидела на его лице раскаяния. Только голодную ухмылку.

— А что... я люблю оставлять следы, — ответил он, сжимая мое запястье крепче. — Синяки, засосы, укусы: все это словно моя подпись на теле женщины, говорящая другим мужчинам: она была оттрахана этой ночью, и...

Я выдернула руку из хватки Маркуса.

— Хватит. Замолчи! Я больше не хочу от тебя слышать ничего подобного! Мне надоела твоя озабоченность. Меня достало, что твои яйца давят тебе на мозги и не дают тебе нормально думать о чем-либо, кроме них!

— Ты злишься из-за пощечины? — Маркус потер подбородок, ухмыляясь. — Странно, а ведь такое многим нравится.

— Я сказала — хватит, — жестко произнесла я, поднимая глаза на мужчину. Он вздрогнул и изменился в лице.

— Кажется, я перегнул палку? — он провел ладонью по волосам и обхватил рукой шею сзади в неловком жесте.

— Сломал... — отрезала я, поправляя одежду.

Маркус еще немного постоял возле меня, и отошел обратно к столу.

— Итак, местные деньги у меня есть, теперь можно добраться до ближайшего города технеров. Там я сниму деньги в любом банке с помощью своего чипа, и смогу быстро доставить тебя в Таврас.

— А мы не пойдём в город технеров, — сказала я.

— Почему это? — удивился Маркус. Я взглянула на него и мило улыбнулась.

— Да просто потому, что едва мы встретим любой патруль в любом городе, я сразу же задеру оба рукава рубашки и начну орать на весь город, что я перебежчик с незаконным чипом. И тогда меня арестуют, конечно же. Но не в Таврасе. А в том городе, куда мы придем. И ты не получишь своего сраного повышения, потому что никто не станет тебя слушать, поймав перебежчика на территории другого города, и не отдаст меня тебе! — Я расхохоталась в голос. На глазах даже выступили слезы от нервного перенапряжения. Я не дам ему действовать так, как хочет он. Не дождется. Ни за что. Я сделаю все, чтобы испортить ему жизнь.

— Что ж... — мрачно произнес Маркус. — Я узнал у трактирщика и другие пути. Дорога выйдет дольше, но мы не будем заходить в крупные города и селения. Так что ты не сможешь воплотить свой план и отдаться в руки другим стражникам. Я расплачусь с ним за ночлег, пополню запасы — и можем выдвигаться.

Глава 9. Соглашение

Когда мы покинули постоянный двор, между мной и Маркусом воцарилась тишина. Он не произносил ни слова, а мне не хотелось ничего с ним обсуждать. Первое впечатление, заставившее меня потерять голову от него, медленно развеивалось, и мне все легче было убедить себя, что этот человек принесет мне одни беды. Я предпочла сосредоточиться на неудобном мешке с провизией, который дал мне Маркус, мотивировав это тем, что я тоже должна внести свою лепту. Хотя, судя по размеру, в его мешке лежало что-то даже более тяжелое, чем в моем.

К вечеру дорога, по которой мы шагали, начала становиться мне смутно знакомой. В душе зародилось какое-то беспокойное ощущение. Казалось бы, деревья, дорога и камни везде одинаковы, но местность, по которой мы проходили, была неуловимо узнаваема. Когда мы дошли до развилки, я остановилась, с ужасом глядя на большой овальный камень, установленный позади указателя. Мы были в часе пути от моего родного города. В этой местности я бывала нечасто, но указателя было достаточно, чтобы я убедилась в том, где мы находились.

Маркус подошел к деревянному столбу с табличкой со стертыми от времени надписями, внимательно рассмотрел ее, что-то бормоча себе под нос, и свернул налево. Именно на ту дорогу, что привела бы меня домой. Я осталась стоять до тех пор, пока наручник не остановил мужчину.

— Что случилось? — спросил Маркус, поворачиваясь ко мне.

— Эта дорога... — начала я, и замолчала. Может, дать Маркусу привести меня в город? Хотя он наверняка развернется, как только увидит здания и людей.

— Что с ней?

— Она ведет в мой родной город, — призналась я, отводя глаза.

— Город?! — воскликнул Маркус. — Но трактирщик сказал, что по этой дороге нет крупных городов!

— Ну, он не очень крупный, но Вайон считается именно городом, а не селением, потому что у нас есть каменные дома...

— Понял, — кивнул Маркус и развернулся, чтобы пойти теперь по правой дороге, но я вновь не последовала за ним. — А с этим путем что не так? — поинтересовался он, останавливаясь.

— Я хочу зайти домой, — я нахмурилась, готовясь дать ему отпор. — Я не была в этих краях целый год. И неизвестно, когда снова побываю.

— Да, отличная идея! — воскликнул Маркус. — Почему бы мне не сходить с тобой в город магиков опрокинуть стаканчик-другой, пока меня не опрокинет ваша стража, созванная со всей округи твоим воплем, оповещающим их, что я технер? Это просто идея дня!

— То есть... ты против? — на всякий случай уточнила я, надеясь на его милость.

— Ты серьезно интересуешься, против ли я? — Маркус отпустил короткий смешок. — Мы не пойдем в твой город.

— А если я пообещаю сделать то, что ты хочешь? — с надеждой спросила я.

— Что именно сделать? — мужчина прищурился, и в его глазах блеснула недобрая

искра. Я поспешила объяснить, пока он не начал придумывать себе неизвестно, что.

— Пойду за тобой в твой Таврас, или как его там. Позволю себя посадить за решетку, раз ты так этого хочешь. Расскажу, что знаю. В общем, не буду больше сопротивляться и пытаться сбежать. Я очень хочу побывать у себя дома. Тебе вряд ли будет понятно, что я сейчас чувствую, но не быть дома так долго очень сложно. И сейчас я здесь, прямо рядом с родным городом. Я и не думала, что буду так скучать по этому месту...

— Значит, пойдешь добровольно и не будешь больше выкобениваться? Заманчивое предложение, но не настолько интересное, чтобы я рискнул. А вот ради информации я бы подумал. Помнится, ты рассказывала, что чип тебе вживил какой-то странствующий имплантер? У тебя есть что-то на него? Ты знаешь, где он?

Я переступила с ноги на ногу, размышляя. Информации у меня было более, чем достаточно, и всю ее я собирала самостоятельно, по крупицам, чтобы понять, к кому и с чем мне обращаться.

— Ну, так что? — поторопил меня Маркус.

— Я бы... могла тебе рассказать, что знаю про этого имплантера, — нехотя ответила я.

— Да, это было бы очень неплохо, — кивнул мужчина, — только дело в том, что я не верю твоим словам. Расскажи сейчас, и тогда я, может быть, соглашусь зайти к тебе в гости, — Маркус нагло улыбнулся уголком рта.

— Но где гарантии, что ты вправду пойдешь со мной? — я начала сердиться. — Твое "может быть" мне не подходит. Ты хочешь, чтобы я рассказала правду, а взамен ничего не обещаешь?

— Так мы не придем ни к какому согласию, — покачал головой Маркус. — Мне не нравится, что этот разговор был начат и теперь ты торгуешься, хоть и не в том положении, чтобы выдвигать условия. Так что предпочту свернуть эту тему и уйти подальше от твоего города. — Он развернулся и сделал несколько шагов, пока я силком не остановила его.

— Нет, погоди, давай так. Мы пойдем к городу, а по пути я расскажу, что знаю, идет? Тогда, когда мы дойдем до моего дома, и ты уже не развернешься, и я отвечу на вопросы, которые тебя интересуют. Неплохо ведь?

Маркус задумчиво склонил голову к плечу и воздел глаза к небу. Мне показалось, что можно было бы обойтись и без этого показательного выступления и демонстративного размышления, но внутренне все же начала волноваться, что он мог отказаться. И даже сомневаться, что мне вправду так уж нужно домой.

— Что ты скажешь своим родным, когда мы придем? — наконец подал голос мужчина.

— Думаю, у меня сейчас никого нет, — нервно затараторила я. Почему я не подумала об этом? — Старшие давно разъехались, кто учиться, кто замуж, я последняя жила с родителями. А они собирались в путешествие, когда я уже думала уходить в свой поход.

— Значит, приглашаешь меня в гости в пустой дом? — Маркус повернулся ко мне и расплылся в улыбке, которая показалась мне весьма похабной.

— У нас есть гостевая спальня, — поспешила я охладить его пыл. — Подумай, это ведь неплохая идея. Ты сможешь отдохнуть по-человечески, поесть, это я уж как-нибудь раздобуду, поспать на нормальной кровати. Набраться сил перед тем, как тянуть меня дальше.

— Ты же сказала, что сама пойдешь, и мне больше не придется тащить тебя волоком.

— Это не важно! — воскликнула я, теряя терпение. — В конце концов, скажи, идем мы или нет!

— Не мельтеши, — медленно ответил Маркус, — я еще не принял решение. Мне нужно взвесить все за и против.

— Ты только намекни, какой половиной головы ты это сейчас взвешиваешь: правой или левой? Не то, чтобы я отдавала предпочтение какой-то из них, но им точно обоим понравится ночь в доме, а не на улице. Сам говорил, помнишь? А солнце-то уже садится. Еще час — и будет темно. В отличие от тебя, я, бывало, ночевала в лесу, и поверь мне, это совсем неприятное занятие. А в наших лесах, я слышала, водятся волки...

— Ладно, — прервал меня Маркус. — Если водятся волки, то уговорила. — Он улыбнулся и пошел по дороге, ведущей в мой город.

— Тольконими с меня наручник, — я протянула ему руку. — Представляешь, что про тебя подумают, если увидят, что ты ведешь меня на поводке? А меня в городе все знают.

— Когда я увижу первые дома, и ты расскажешь про имплантера, тогда отпущу, — кивнул мужчина. — Так что ты о нем знаешь? Как тебе удалось его найти, если он странствующий?

— Он не странствующий, — буркнула я.

— О, это даже лучше! — Маркус, казалось, обрадовался. — Значит, я смогу и его найти!

— А как я тебе скажу, где он находится? — поинтересовалась я. — Четыре кочки налево от поваленного дерева за перекрестком на три дороги?

— То есть, он не из какого-то города? — изумился Маркус.

— Нет, конечно, ты что думал, что он сидит на лавочке под вывеской "Штампую чипы в ваши руки"?

— Мне не кажется, что ты помогаешь мне со своей информацией, — нахмурился мужчина. — Это даже звучит как такой себе обман. Ведь ты сказала, что расскажешь о нем все. Я еще могу развернуться и пойти обратно, мимо твоего города.

— Нет, не надо! Что я еще могу рассказать... Он очень странный, совершенно безэмоциональный. Он похож на мумию, вот! И лысый. Кожа как высушенный пергамент. Высокий и очень худой, в длинном черном плаще и круглых очках без дужек, они будто вдавлены в его глазницы.

— Какое странное описание, — недоверчиво прокомментировал Маркус. — Ты придумываешь это на ходу, чтобы заставить меня идти дальше?

— Я правду говорю! — я взмахнула рукой, и металлический трос описал дугу. — Он очень жуткий. Он... Слушай... — ко мне внезапно пришло такое осознание, что я не подумав схватила Маркуса за руку. — Он ведь совсем как те роботы, которых ты уб... сломал! Я только что это поняла! Но как же такое может быть? Он живет в доме, и я знаю, что к нему не единожды приходили.

Я замолчала, заметив, что Маркус смотрит на то, как я держу его. Неловко отдернула руку и зачем-то потерла ее о куртку, будто стирая с себя его прикосновение.

— Ты сможешь показать на карте, где его дом? — Маркус поднял на меня глаза, и я мысленно поблагодарила его, что он не заострил внимание на моем нечаянном жесте.

— Наверно, — я пожала плечами. — Если карта хорошая, я попытаюсь вспомнить. Я ведь была там целый год назад, это очень долго.

— Какого цвета его очки? — спросил Маркус.

— Черные, а почему ты спрашиваешь?

— Сколько ему лет?

— Не знаю, я не спрашивала. На вид — где-то между 40 и 50.

— Как проходит имплантация?

Я вздрогнула, вспомнив эту ужасающую процедуру.

— Неприятно она проходит... Почему ты задаешь такие странные вопросы?

— Пытался поймать тебя на лжи, — вздохнул Маркус. — Но ты говоришь правду, я вижу. То как происходит имплантация?

— Ох... — я поморщилась. — У него дома стоит кресло. Регулируемое. На самом деле, я не помню процедуру. Этот имплантер посмотрел на меня, ну как, посмотрел... Усадил меня в это проклятое кресло, установил, как ему удобно, сунул мои руки и ноги в держатели так, что я на сантиметр сдвинуться не могла, и навис надо мной. И просто замер. Так и стоял несколько минут, пялясь в глаза своими очками. А они не просто черные, а какие-то зеркальные. И казалось, что у него мои глаза... — Я не заметила, что перешла на испуганный шепот, и прокашлялась. — Потом сказал, что усыпит меня, чтобы не было больно во время процедуры, сделал укол, и я уснула. Когда проснулась, он провел несколько проверок, дал мне активировать какую-то технеровскую игрушку, и выдал записку с суммой, которую я должна была принести в определенный срок, иначе чип бы выключился.

— И ты пошла с чипом брать кредит? — Маркус внезапно рассмеялся. — Теперь понятно, как Кредиториум тебя регулярно отслеживает. Пока ты не избавишься от чипа, ты не избавишься от них.

— Откуда я знала?! У меня в тот момент была только одна задача: достать деньги, я не подумала про то, что меня смогут вычислять в будущем! Я вообще тогда про технологии толком почти ничего не знала! У нас ведь как: ушел из города — и никто тебя никак не найдет, если не привлекать высококвалифицированного специалиста, а такие только в центре бывают, а не в нашем захолустье. К тому же, это невероятно дорого. А у вас вон как, захочешь — не спрячешься!

— Это называется "цивилизация", — усмехнулся мужчина. — А в цивилизованном обществе отслеживать каждого необходимо, чтобы поддерживать порядок. Кстати, как его зовут?

— Не знаю, — пожала плечами. — Он никому не говорит, да и, в целом, кому какая разница? Я только знаю, что его самостоятельно очень сложно найти. Мне буквально повезло услышать, как в кабаке один мужчина обсуждал, что собирался отправиться к нему. А откуда узнал он, где искать этого имплантера, — я без понятия.

Мы поднялись на пригорок, и передо мной раскинулась долина, в которой из-за лысых крон деревьев выглядывали крыши домиков.

— Смотри, это мой город! — радостно воскликнула я, указывая Маркусу вниз.

пороге показалась Мила. В первое мгновение я узнала ее лишь по золотой косе, оплетшей ее голову подобно обручу. Больше ничего от моей любимой Милы в ней не осталось. Заплывшее круглое лицо, потерявшее свои утонченные черты, мешки под глазами, невероятно полная фигура вместо идеальных форм, несуразное яркое платье... Я невольно отшатнулась от этой женщины, не желая верить в то, что вижу. Но Мила, увидев меня, выпучила глаза, а следом сгребла в горячие объятия.

— Нико-о-оль! — завопила она так громко, что, наверно, услышала вся округа. — Ты вернулась, поверить не могу!

— Мила... — пробормотала я, обнимая ее в ответ. На глаза навернулись слезы. Как бы она ни выглядела, сколько бы лет ни прошло, это была моя Мила. Мила, с которой я вместе с самого детства, с тех пор, как себя помню.

— Ах ты кошка бродячая, где ты пропадала столько времени? — Подруга отпустила меня и внимательно осмотрела. — Совсем не изменилась! — она внезапно заглянула мне за спину и всплеснула руками. — Ты не одна? Ты — и не одна?!

Я удивленно обернулась. Маркус стоял на дорожке, внимательно переводя взгляд между мной и моей подругой. И кто просил его идти за мной?

— Ну да, это... попутчик... — заворчала я, мельком состроив Маркусу гримасу. Его бровь едва дернулась, давая мне понять, что он и не собирался оставлять меня одну ни на минуту, все еще ожидая от меня предательства.

— О, я вижу, да-да, — Мила засмеялась и толкнула меня локтем.

— Ой, перестань, — легонько пихнула ее в ответ, отчаянно краснея. — Неужели это твой?.. — я перевела взгляд на колыбель.

— Да, это наш с Виктором Алан. — Мила достала ребенка из колыбели, и нежно улыбнулась, глядя на него.

— Поздравляю... — пролепетала я, все еще с трудом воспринимая то, что видела.

— Хочешь подержать? — подруга с легкостью протянула мне живой сверток, и я испуганно отступила.

— Ой, извини, я... боюсь. Он такой... маленький.

— Ничего, вот заведешь своих — перестанешь бояться, — снова засмеялась Мила. Алан угукнул и потянул ко мне свои крошечные ручки с невероятно махонькими сморщенными пальчиками. — Ты домой идешь? — спросила подруга.

— Да, хотела заглянуть на денек-другой, прежде чем дальше идти. Ты не знаешь, сейчас там никого нет?

— О, конечно, нет, — ответила Мила, укладывая Алана обратно в кроватку. — Что, погулял, да? Поспал на свежем воздухе? Познакомился с новой тетей, милый? Понравилась тетя? Это мамина подруга, — засюсюкала Мила. Убедившись, что ребенок хорошо укрыт, она снова повернулась ко мне. — Так семейка твоя вся разбежалась. Как перелетные птицы, выпорхнули из гнезда — поминай, как звали. — Мила начала загибать пальцы, перечисляя судьбу моих родных. — Кевин и Нейтан остались в городах, в которых учились. Я слышала, что Нейтан собирается жениться. Диана как жила с мужем в соседнем городе, так и живет. Они открыли свою мясную лавку. О, она тоже родила, кстати, так что ты теперь тетушка! Тетушка Николь! — Мила громко расхохоталась, и я поморщилась. Уже и позабыла, какая она шумная хохотушка. Я даже немного удивилась, что Алан был совсем не против шума, и спокойно подгукивал из своей кроватки, вторя маме. — Эстер со своим молодым человеком уехали поближе к центру страны в поисках лучшей жизни. А твои родители поругались,

порукались на то, что ты сбежала, да укатили путешествовать.

— Так и думала, — усмехнулась я.

— Ты ж домой хочешь зайти? — засуетилась Мила. — Твои родные оставили мне руну, они дом запечатали перед отъездом.

— Ого, правда?

— Да, заходи, я тебе ее отдам, — Мила открыла дверь и зашла в дом. Я бросила взгляд на Маркуса и вошла следом, оставив дверь приоткрытой, чтобы следить за ним. Или чтобы он следил за мной? Мила подошла к тумбочке у входной двери и начала в ней рыться.

— Ну ты даешь, подруга, такого мужика отхватила, — тихо прошептала она и подмигнула мне.

— Я?! — прошипела в ответ. — Да он мне никто, и надеюсь, что скоро куда-нибудь учешет от меня подальше!

— О, конечно, а то я не вижу, как вы друг на друга смотрите, и как он пялится на твою задницу, — усмехнулась Мила. — Поверь мне, мой Виктор на меня смотрел точно так же, когда мы познакомились.

Подруга вытащила из недр ящика каменную руну размером с ладонь и вручила мне.

— Спасибо, — буркнула я.

— Идем, я вам еды какой-нибудь с собой дам. А то у тебя ж дома наверняка шаром покати, а уже почти ночь. Где вы что сейчас купите, все лавки закрыты, — запричитала Мила, ведя меня на кухню. Я села на стул, терпеливо следя, как она носится вокруг. Выйдя замуж, она решила, что ей будет лучше жить с мужем у ее родителей, потому дом был мне хорошо знаком. Я здесь бывала сотни раз. Мила снова заговорила: — Зря ты только такого красивого выбрала. От них одни хлопоты. Нужно было кого попроще, вот, как мой Виктор. Когда мужик не блещет внешностью, то он и сам не уйдет, и его не уйдут.

— Мила... — проворчала я, краснея. — Он просто путник, с которым мне по пути.

— По пути в постель? — Подруга громко захохотала, вгоняя меня в краску еще пуще прежнего. — Смотри, веди себя дома очень плохо! — она повернулась ко мне, держа в руках корзину, и подмигнула.

— Ну Мила... — снова заныла я.

— Я закончила, забирай, — она подвинула мне корзину.

— Спасибо, но правда не стоило, — я неловко улыбнулась.

— Да что ж я, голодной тебя оставляю? От нас не убудет, — беспечно махнула рукой Мила.

Мы вышли на улицу. Маркус стоял там же, где я его оставила, нетерпеливо скрестив руки на груди. Он бросил взгляд на корзину и перевел его на меня. Я лишь слегка пожалала плечами и повернулась к подруге.

— Ну, иди домой, — сказала она, снова обнимая меня.

— Конечно. Спасибо еще раз!

— Не за что, отдохни хорошенько! Ты ведь потом снова куда-то побежишь?

— Ну да, — я улыбнулась. — Дорога зовет, знаешь ли.

До моего дома мы с Маркусом шли в тишине. Он даже не спросил, что я несла в корзине. Наверно, сам по запаху разобрал, что это была еда. Но я чувствовала его напряжение. Наверняка он до сих пор ожидал, что я вот-вот начну кричать на всю округу, и был готов оказывать сопротивление.

Мы подошли к дому, когда на город опустилась тихая безветренная ночь. Вокруг нашего

участка едва заметно мерцало защитное поле. Никто не рисковал надолго покидать свой дом, не запечатав его. Конечно, местным и в голову бы не пришло грабить своих же, но вряд ли об этом правиле были осведомлены дикие звери, которые изредка забредали на наши улицы.

Я вытащила из кармана руну и поднесла ее к барьеру, сжав в ладони. Только те, кто принадлежал к моей семье, мог активировать ее. Я почувствовала, как потоки магии устремляются через мою ладонь к камню, и тот, слегка завибрировав, направил их на барьер, медленно его растворив. Путь домой был свободен.

— Идем, — бросила я Маркусу, и повела его по мощеной дорожке к дому.

Глава 11. Дома

Старая дверь с витражом, который мы не раз выбивали с братьями и сестрами во время игр, тихо открылась, пропуская меня в темный коридор. Мне не нужен был свет, чтобы знать, куда идти. Я сбросила ботинки у двери и поднялась на маленькую ступеньку, отделяющую прихожую от коридора. Меня окутала мертвая звенящая тишина. Неудобная, оглушающая. Дома никогда не бывало так тихо. Но теперь здесь никого не было. Одна я и...

— Твою ж мать! — гаркнул у меня за спиной Маркус, громко споткнувшись о порог.

— У нас там ступенька... — беспечно произнесла я, идя вперед по коридору, на кухню.

— Я уже заметил! Тут темно как в Бездне! — возмутился мужчина из прихожей.

Я взмахнула рукой, зажигая светильники, витающие под потолком по всему дому. Комнаты озарились ярким светом, в котором заплясали потревоженные моими шагами пылинки.

— Проклятье! — снова воскликнул Маркус уже из коридора.

— Что у тебя происходит? — вздохнула я, бросая мешок на пол кухни и осторожно ставя корзинку Милы на стол.

— Почему у вас все из крайности в крайность? — проворчал Маркус, появляясь в дверном проеме. Он нахмурено тер глаза. Наверно, яркий свет ослепил его.

— Ты же говорил, что видишь в темноте, так чего возмущаешься? — уселась на стул и тяжело вздохнула, откинув голову на спинку. — Я дома...

Меня охватил радостный трепет. Я так давно не была здесь. Почти успела забыть запах родного дома, но стоило переступить его порог, как все сразу вспомнилось. Каждый день, проведенный в этих стенах. Родные люди, встречающие меня на кухне по утрам. Запахи маминой стряпни, разносящейся на все три этажа. Теперь все разъехались. Мы действительно как птицы...

— А у вас большой дом, — произнес Маркус с восхищением. Я открыла глаза и взглянула на него, сидящего за столом напротив меня. Он крутил головой, рассматривая полочки, заполненные мамиными специями, сушеные травы под потолком, светильники. Он напомнил мне ребенка, попавшего в музей.

— Так и нас много в нем живет... жило, — проправила я.

На меня внезапно навалилась нечеловеческая усталость. Будто мы шли не один день, а весь год, не останавливаясь на привал ни на минуту. Ноги налились свинцом, и меня словно придавило к злосчастному стулу во главе стола, на котором обычно сидел папа.

— Знали бы Безымянные, как я устала, — вздохнула я и сложила руки на столе, положив голову сверху. Темная древесина пахла терпкой смесью всех запахов, что успели побывать на кухне за столько лет. Хоть мама и вычищала его каждый вечер, запахи было невозможно убрать до конца.

— Уже поздний час... — голос Маркуса звучал так непривычно в моей домашней обстановке. Я привела чужака. Мама бы меня убила. А папа убил бы Маркуса. Так и были бы мы, два трупа.

— Да, ты прав, — я отняла голову от рук и поднялась. — Спать хочу — умираю. Идем, покажу спальню для гостей.

Я провела его по коридору до деревянной массивной лестницы с витиеватыми резными

перилами. В детстве я могла часами рассматривать узоры из ветвей и цветов, высеченные умелой рукой неизвестного мне мастера. Пока мама не увидела это и не поручила мне раз в месяц чистить эти проклятые перила от пыли, неизменно набивающейся в деревянные изгибы.

— Три этажа, с ума сойти, — прокомментировал Маркус, когда мы поднялись на последний.

— На первом родительская спальня, кухня, папин кабинет, гостиная, игровая, — занудно объяснила я. — На втором жили старшие дети. На третьем — я и кладовка. — Я хихикнула. — Меня называли в семье привидением, потому что я одна бегала по целому этажу и топала по головам старшим. А когда они приходили на разборки — сбегала к себе.

Я подвела Маркуса к двум дверям, соседствующим в конце коридора.

— Левая — ванная для гостей, можешь принять душ. Правая — наша постирочная. — хитро улыбнулась и открыла дверь, пропуская Маркуса. — Заходи, тебе тут понравится, ты вряд ли такое видел.

Я вошла следом и закрыла за нами дверь, отделяя комнату от света. Мгновенно со своих мест снялись ярко-синие огоньки и заметались по помещению, ожидая, когда им подкинут работу.

— Что это такое? — восторженно выдохнул Маркус в темноте. Он протянул руку к одному из комочков и схватил его. Разжав ладонь, я разглядела в мерцающем полумраке на ней уничтоженного в прах чистильщика. — Ох, я что-то... что я сделал? Я его убил? — мужчина звучал растерянно. Он повернулся ко мне и протянул раскрытую ладонь, прося помощи, словно боялся ухудшить положение.

— Нет, они не живые, — успокоила его и, взяв за руку, отряхнула ладонь. — Это пыль и пух, что хранят в себе частичку магии. Они здесь для того, чтобы чистить одежду. Я могу создать еще таких, если их станет слишком мало, не волнуйся. Когда помоешься, просто вернись сюда и развесь одежду на веревках — и эти малыши сами все сделают. — Я указала Маркусу на множество бельевых веревок, на которых гроздьями громоздились голубые шарики. — Только дверь не открывай нараспашку, потому что они разлетятся по всему дому, и я потом задолбаюсь их ловить и сгонять в кучу. Надо бы тебе найти сменную одежду, — проворчала, выходя обратно в коридор из комнаты. — Эта дверь — спальня для гостей, — указала на деревянную коричневую дверь. — Эта — моя спальня, — резная, из светлого дерева и с круглой ручкой. — Здесь у нас кладовка, — распахнула еще одну дверь и завела Маркуса внутрь. Под потолком зажглась одна лампа и подлетела поближе, освещая шкаф, который мне был нужен.

— Она... летает? — осторожно спросил Маркус. — Как?

— Магия, конечно же, как еще? — удивилась я. Подманила пузатый светильник, приплюснутый сверху и снизу, позволяя Маркусу его рассмотреть. — Так, чью бы одежду тебе дать? — задумчиво пробормотала я, рассматривая фигуру мужчины. Слишком мощная для моей семьи. Папа невысокий, и братья тоже. Хотя Кевин всего на полголовы ниже Маркуса, и где-то у него валялись штаны, которые были ему длинны, и он запихнул их в кладовку, чтобы не мешались...

— Любуешься? — насмешливо произнес Маркус. Я вздрогнула и отвела от него взгляд.

— Размышляю, в чью одежду мог бы поместиться пингвин, — пробормотала, отворачиваясь к шкафу и начиная в нем рыться.

— Что-что ты сказала? — прорычал за спиной Маркус, но почему-то мне показалось,

что я не слышала в его голосе злобы. Как когда большой пес ворчит на щенят, снующих вокруг, просто чтобы они не забывали, что он может быть большим и страшным.

— Ничего, — буркнула я, с силой выдергивая из стопки старую хлопковую рубашку бежевого цвета папы и светло-желтые штаны брата. — На, — ткнула одежду в руки Маркуса и вышла в коридор. — Спокойной ночи, — я зевнула и пошла к себе, оставив своего гостя разбираться со своими делами самостоятельно.

В моей комнате ничего не изменилось. Даже кровать была застелена тем же одеялом, что и в день, когда я ушла. Пуховым, пышным, кремового цвета. Оно было очень легкое, но при этом согревало меня зимой не хуже толстого шерстяного пледа. Надо принять душ, чтобы избавиться от дорожной пыли — и можно юркнуть в любимую широкую кровать. Не хотелось, чтобы она пахла улицей.

Я с любовью взглянула на двухместное ложе, на котором обожала спать, раскинув руки и ноги, и начала раздеваться. Куртка, рубаха, штаны. Куча одежды получилась внушительной. Я увенчала ее белым топом на бретельках, который поддерживал мою полную грудь, и вздохнула с облегчением. Потерла уставшие плечи и поморщилась от легкой боли. Красота красотой, но носить ее на себе не так уж и легко. Переступила через снятые одеяния и подошла к шкафу с параллельными прорезями в дверцах, сделанных, чтобы одежда не заветривалась. Не спеша открыла створки и с удовольствием окинула взглядом свои вещи. Как же много у меня их на самом деле было. Я уже и забыла, что можно иметь не только один комплект одежды на себе, и второй — в рюкзаке.

Я приподнялась на носочки и потянулась к верхней полке. Сегодня я буду спать как нормальный человек, чистая и в чистой постели, потому мне хотелось, как обычно, надеть ночную рубашку. Их у меня тоже было хоть отбавляй, но я уже год не спала в таком. Только в верхней одежде. Я вытащила одну рубашку, темно-розовую из плотной, но мягкой ткани. Нет, эта коротковата, едва прикрывает попу. Хотелось чего-нибудь поуютнее и подлиннее. Спрятала ее и вытащила другую, голубую.

— Не помешаю? — раздался у меня за спиной мужской голос. Я даже не вздрогнула, крутя в руках ночнушку. Оказалось, в ней моль проела дырочку на груди. Нет, эту я тоже не хочу.

— Что-то случилось? — засунула голубую рубашку на место и, наконец, достала белую. Мою любимицу. Чуть ниже колена, на бретельках и украшенную на груди симпатичным кружевом. Маркус тихо кашлянул.

— Я не могу включить воду в душе.

— Ах, это. Да, там ведь смешанный тип включения, для старших и младших. Посмотри слева, возле раковины, есть круглая рукоять, покрути ее — и побежит вода. Извини, забыла показать.

— Как странно, — я услышала, что Маркус усмехается. — Ты не вопишь, что я вломился в комнату, когда ты раздета, и не пытаешься с визгом выставить меня из комнаты.

Я пожалала плечами.

— Конечно, мог бы и постучать. Но я, во-первых, в трусах, во-вторых, стою к тебе спиной. С чего бы мне кричать? А если бы я побежала тебя выставлять в коридор, вот тогда мне и пришлось бы повернуться к тебе. Тебе нужно что-то еще? — Я сложила ночнушку и была готова идти в душ.

— Нет, спасибо.

Дверь закрылась. Ее беззвучность была и достоинством, и недостатком. Я никогда не

слышала, если ко мне кто-то приходил, но и если кто-то заходил, он меня не тревожил. У нас было не принято иметь замки на спальнях на случай, если что-то произойдет. Но все были приучены стучаться. В отличие от Маркуса. Я вздохнула и пошла в душ.

Лично для меня была сделана отдельная ванная комната, примыкающая к спальне. Старшие мне завидовали, ведь делили одну ванную на четверых и ленились подниматься ко мне в душ для гостей. Моя обожаемая огромная ванна блестела белизной, ожидая меня. Взмахом руки я включила горячую воду, такую, чтобы пар мгновенно заполнил помещение и помог мне избавиться даже о воспоминании о путешествии. Может, мне остаться дома и больше никуда не идти? Здесь так хорошо, все так знакомо. Ах, ну да, Маркус ведь не позволит...

Я переступила высокий борт каменной ванны и встала под горячую воду. Как же приятно ее прикосновение к коже после бесконечного дня вне дома, длящегося целый год. Не спеша расплела волосы, позволяя им растечься мягкой тиной по плечам и до самого пояса. Подняла голову, подставляя лицо под потоки искусственного дождя, вызываемого мной по взмаху руки, словно я шаман. Быть дома — это чудесно.

Я присела на край ванны. Она была особенная, я с трудом уговорила родителей поставить мне именно такую, большую, в которой можно было набрать воду и окунуться почти с головой, и только что не плавать. Мама говорила, что я плескаюсь в ней, словно бегемот, а не маленькая девочка, такая она большая. Я усмехнулась, рассматривая свои ноги. Они стали тоньше и жилистей из-за многодневных переходов по лесам да полям. Повезло хотя бы, что на них не росли волосы, как у Дианы. Если увидеть ее зимой без штанов, то создавалось впечатление, что ее ноги объаты пламенем. Внезапно я вспомнила, как Маркус говорил, что любит гладкую кожу. Я опустила глаза на единственный участок на теле, где росли нежелательные, по его мнению, волосы. Интересно, а и вправду, каково было бы без них?

Я поднялась и начала рыться на полках возле ванны, уставленных моими скляночками с различными средствами по уходу за кожей и волосами. Диана как-то дала мне банку со средством, удаляющим волосы на целый месяц. Мне еще было интересно: зачем оно мне? Вот и пригодилось.

Наконец, из всех емкостей была извлечена одна баночка, приземистая и широкая. Я с трудом открыла крышку мокрыми пальцами.

— Ф-ф-фу... — темно-коричневая паста пахла очень резко. Словно тина, трава, протухшая рыба и что-то еще, что я бы и описать не смогла. — Неужели это вправду может убрать волосы? — недоверчиво пробормотала я. Вздохнула, и принялась наносить эту ужасную смесь на себя. На полпути, кашляя от удушливого запаха, я начала хихикать. Может, намазаться целиком, чтобы отогнать от себя Маркуса? Такой вони он не переживет. Хотя кого я обманываю, не хотелось мне, чтобы он от меня отстранялся. Как раз наоборот.

Закончив с удалением волос, я несколько раз вымылась душистым мылом и вымыла голову, чтобы на мне и намека не осталось про этот крем. Когда мне показалось, что уровень моей чистоты достиг критического, я выключила воду и выбралась из ванной, тихо ворча про высокие бортики. Это была жертва ради ее глубины. Утопить ванну в пол не удалось, потому что Кевин, живущий подо мной, не согласился на выступ в потолке своей комнаты. Так я и скакала каждый вечер, фыркая и кряхтя.

Взмахом руки я заставила воду исчезнуть с моего тела. Нашла любимый гребень, что все так же лежал на полке, где я его и оставила, и не спеша расчесала волосы, глядя на себя в

ростовое овальное зеркало. Мама говорила, что только видя себя обнаженным в полный рост будешь всегда держать себя в форме. Что ж, с формами у меня было все в порядке, однозначно. Частые диеты в виду недостатка денег на еду принесли свои плоды. Упругая грудь дерзко возвышалась и мягко покачивалась от моих движений. Плоский живот приковывал даже мой собственный взгляд. А подтянутую округлую попу я однозначно считала красивой.

Я тряхнула сиреневой копной, обрамившей мое лицо, и в последний раз бросила взгляд на себя. Без волос внизу живота я казалась себе более голой, чем просто без одежды. К тому же, появилось чувство, что я ребенок или кукла. С подросткового возраста я не видела себя такой. Ну что ж, Маркусу такое нравится, мне, по-видимому, нет.

Я не спеша заплела волосы обратно в высокую косу. Надела ночнушку на голое тело, радуясь ее мягкому прохладному прикосновению после горячего душа. Открыла дверь, гася свет в ванной, вышла в свою спальню. И замерла, уставившись на Маркуса, валяющегося под одеялом на моей кровати.

— Что ты... Почему ты в моей постели?! — воскликнула я, не зная, что теперь предпринять. Впервые я увидела мужчину в своей кровати, и этот факт меня невероятно смутил. — Спальня для гостей дальше по коридору, — дрожащим голосом произнесла я.

— Знаю, — улыбнулся Маркус, закидывая руки за голову. О Безымянные, это лучшее зрелище, что вы могли послать мне на ночь.

— Ну так... — я уставилась в пол, нервно переплетая пальцы, — ...и иди туда.

— Я внезапно обнаружил, что ни на одной двери нет замков. Как мне спать и чувствовать себя в безопасности? Это твой дом, ты могла бы запросто прийти ко мне посреди ночи и... избавиться от меня, так сказать. — Маркус пожал плечами, стерев с лица очаровательную улыбку. Я задохнулась от возмущения.

— Как ты смеешь говорить такое мне! — воскликнула даже громче, чем ожидала от себя, и Маркус вздрогнул. На его лице отразилось секундное замешательство, словно он начал понимать, что сказал не то, что имел право произносить в этих стенах. — Магик никогда не прикоснется к своему гостю, кем бы он ни был! Это священный закон нашего народа, и да будет изгнан с наших земель любой, кто преступит его! Ты говорил, что у вас, технеров, цивилизация? Так вот, если цивилизация, по-твоему, это убивать гостя, в постели, во сне в своем доме, то нам таких ее благ не нужно, мы предпочтем остаться дикарями! — Я скрестила руки на груди и уставилась себе под босые ноги, поджав пальцы. Я начала замерзать, стоя раздетая посреди комнаты на деревянном полу.

— Прости... — тихо произнес Маркус. Я подняла на него глаза, и он виновато улыбнулся. — Я видел и не такое. Но это не то, что я хотел бы рассказывать на ночь глядя. Наверно, ты права, иногда технеры могут быть большими дикарями, чем магики, живущие посреди леса.

— Тогда иди к себе и ложись спать, — буркнула я, подходя чуть ближе к кровати, чтобы хотя бы стоять на толстом коричневом ковре.

— Но у тебя такая большая кровать, — мечтательно протянул он. — Неужели для меня не найдется здесь места?

— Это неприлично, — упрямо повторила я, потирая ступни, пытаюсь их согреть. Сколько он еще будет со мной пререкаться?

— В прошлый раз ты очень забавно меня разбудила, — тихо засмеялся Маркус, заставляя меня гореть от стыда. — Обещаю, что ничего тебе не сделаю. Иди ложись, ты ведь

замерзла? — Он откинул край одеяла и похлопал рядом с собой ладонью.

— Я люблю спать слева, — буркнула я, отмечая, что он улегся на мою сторону.

— Как скажешь, — Маркус ловко переместился под одеялом вправо и улыбнулся, — Видишь, я даже нагрел тебе место.

Я настороженно подошла к кровати и улеглась. Любимая постель мгновенно окутала меня теплом чужого тела и мягкостью одеяла. Я удовлетворенно вздохнула, расслабляясь, и напоследок взмахнула рукой, потушив россыпь небольших светильников в форме капелек под потолком в центре комнаты. Это была моя собственная форма люстры, хоть мама и ругалась, что мне не нужно 12 светильников, сосредоточенных в одном месте.

Внезапно я ощутила крепкую руку, обхватывающую меня за талию и уверенно тянущую на себя, пока я не прижалась спиной к груди Маркуса.

— Что ты делаешь! — возмутилась я, чувствуя, что опять краснею.

— Не хочется приковывать тебя цепью, но и сбежать тебе я не позволю. Что если ты решишь выйти из дома и оставить меня под куполом в этом доме умирать от голода, пока не вернется кто-нибудь из твоей семьи? — Его дыхание скользнуло по моему уху. — Я просто тебя контролирую.

Это его "просто" ощущалось совершенно не так просто, но возразить мне было нечего. У меня мелькала такая мысль оставить его здесь, но это было бы ужасно жестоко. Да и, в конце концов, в нашем погребе были такие запасы еды, что этот гад не только бы прожил тут пару лет, припеваючи, а еще и раскормился бы. И мои родители очень удивились бы, обнаружив дома толстяка, лениво дожевывающего мамину консервацию.

Сил сопротивляться и выяснять отношения не осталось. Я расслабилась, подтянув подушку поближе к себе. Засыпать с кем-то, обнимающим меня, было непривычно, но приятно. Я часто мечтала о том, что когда-нибудь буду спать на этой кровати не одна. Внезапно я почувствовала попой, что в нее что-то упирается. Ко мне закралось пугающее подозрение, и я спросила:

— Ты что, без белья?

— Да, этой одежды ты ведь мне не нашла, — с усмешкой выдохнул Маркус мне в шею. Я вспыхнула от возмущения, поскольку до последнего надеялась, что ошиблась. — Да ты и сама без него, — добавил он, перемещая ладонь на мое бедро и начав поглаживать его под тканью. Я мгновенно среагировала и хлопнула его по руке, от чего Маркус засмеялся.

— Я в ночной рубашке! Это почти платье! — воскликнула я.

— М-м-м, ты любишь носить платья без белья? Не каждая на такое решится, — промурлыкал мужчина мне на ухо, прижимая к себе крепче.

— Нет, не люблю и не ношу! Отвали, или сейчас уйду спать в другую спальню! Благо у нас их в доме хватает!

— Не уйдешь, — прошептал Маркус, словно говорил не со мной, а только с той частью, которая реагировала на него, тянулась и требовала его прикосновений. — Ты этого не хочешь. А я люблю спать, обнимая кого-то. Быстрее засыпаю.

Я нервно сглотнула, начав жалеть, что под действием усталости поддалась Маркусу, но ничего не ответила. Он тоже ничего не предпринимал, и я решила, что если ему не давать поводов и не говорить с ним, то и он ничего не будет делать.

— Значит, это и была твоя подруга? — все же заговорил Маркус. Я с трудом подавила раздраженный вздох. По моим ощущениям уже была глубокая ночь, и сон требовательно наступал, сыпля песком в глаза. — Я ее почему-то представлял другой.

— Она и была другой, — произнесла я. — Она так изменилась за этот год, после брака. Даже пахнет теперь по-другому...

— Молоком, — внезапно ответил Маркус, наконец, давая мне понять, что же за неуловимый шлейф, которого раньше не было, преследовал мою подругу. — Энн так же пахла, когда родился Макс.

— Твой племянник?

— Да.

Родной дом действовал на меня словно снотворное. Я разомлела, согреваемая пуховым одеялом и грудью Маркуса. Мягкая подушка обнимала меня, увлекая в объятия сна. Где-то в доме раздался тихий скрип и щелчок.

— Что это? — Маркус резко приподнялся на локте, отогнав дрему, в которую я уже начала проваливаться, и я почувствовала, что он крепче прижимает меня к себе, словно защищая.

— Дом дышит, — успокоила я его. — Давно у него не было жильцов, вот и радуется. Ложись и спи, здесь тебе ничего не грозит.

— Дышит? — голос Маркуса звучал настороженно, но он все же лег и снова устроился у меня за спиной.

— Да. Он старый, мы уже пятое поколение, живущее здесь. Полы поскрипывают, двери вздыхают иногда. Сквозняк, в конце концов. Никогда не жил в доме?

— Нет... — Помолчав немного, Маркус снова подал голос: — А те синие шарики в прачечной правда чистят одежду?

— Ага... — сонно вздохнула я. — Магия в них притягивает к себе все, чего не должно быть на ткани. От этого шарики растут. И чем больше они становятся, тем быстрее и лучше чистят одежду. Я слышала, в соседнем городе в одной многодетной семье женщине удалось вырастить шар до размера головы быка. И он у нее был один на всю комнату. — Я вздохнула. — Но наши шарики долго не служат, мы все время их случайно прихлопываем, наступаем на них, теряем. А новый сделать сложно, нужно либо ждать мая, когда начнет летать пух, или искать по углам пыль, которой никогда нет, потому что мама тщательно следит за чистотой. Замкнутый круг: испортил шарик — получил за то, что испортил. Пошел искать пыль, чтобы сделать новый, нашел и сделал — получил за то, что пропустил ранее в доме пыль...

Маркус тихо засмеялся.

— У тебя строгая мама.

— Какой еще будешь, когда у тебя пятеро детей...

— У вас во всех семьях так много отпрысков? — поинтересовался мужчина.

— Сколько Безымянные дают, столько и должно быть.

— Ничего себе, — нервно ответил Маркус. — И никакого контроля рождаемости?

— Что это такое?

— Контрацепция.

— Что? — Я вздохнула. — Ты не в городе технеров, у нас свои устои. У вас, похоже, принято менять партнеров как перчатки, не задумываясь о последствиях. У нас пары почти всегда один раз и на всю жизнь. — Я осеклась, вспомнив, что у Маркуса было очень много женщин. Интересно, сколько? Десять? Нет, наверно, больше. Двадцать?! Ох, а сколько у него тогда детей должно быть?! В каждом доме в городе по ребенку?

— Чего притихла, уснула? — спросил он.

— Нет, просто... — я вспомнила, что он упоминал контроль рождаемости. Наверно, он им пользуется, чтобы не продолжать свой род каждый раз, когда ему вздумается пристроиться к красивой девушке. Мысль о том, что он регулярно ходит по женщинам, меня разозлила. Я свернулась калачиком и сердито буркнула: — Спи.

— Ладно, ладно, — тихо хмыкнул Маркус у меня за спиной, и я почувствовала, что он прикасается губами к моему затылку. Я испуганно вытаращила глаза в темноту, стараясь не выдать свою реакцию движением. — Спокойной ночи, — прошептал его голос мне на ухо, вызвав волну мурашек.

— Угу, — нервно кивнула я. Теперь уснуть будет сложно.

Глава 12. Пенные замки

Медленное пробуждение. Отступление сна и возвращение сознания в бытие после длительного, расслабляющего отдыха. Я не спеша открыла глаза и обвела взглядом ярко освещенную комнату. Точно, я ведь вчера вернулась домой. Наконец-то я вижу родной потолок вместо сотен чужих, которые не успевали со мной породниться за ночь-другую. Лениво потянулась, наслаждаясь объятиями любимой кровати и ощутила, как что-то тяжелое меня придавливает к ней, чего не должно быть. Я повернула голову вправо и увидела Маркуса, мирно спящего на животе, распластавшись на моей второй подушке и закинув на меня правую руку. Удивительно, но сон рядом с ним был такой спокойный и приятный, словно я провела рядом с ним несколько лет, и он был мне близким человеком.

Нет, не был. Не забывать об этом.

Я осторожно закопошилась и выползла из-под теплого одеяла и его руки, скатившись на пол. Выглянула из-за края кровати, оценивая последствия, к которым привела моя возня. Маркус медленно открыл один глаз и вперил его в меня, все так же не двигаясь. Я встала на ноги. Желтый глаз медленно проследил за моим движением, и я удивленно склонила голову к плечу. Так проснулся Маркус или нет? Я отправилась к шкафу под сонным наблюдением мужчины. Когда я была маленькая, мой папа тоже так иногда за мной следил, сидя в кресле у камина после долгого рабочего дня. Словно создавал видимость того, что я под бдительным надзором, но в то же время спокойно дремал, особо не видя того, что конкретно я делала. Наверно, у Маркуса выработалась подобная реакция из-за сестры.

Тихо отворив створку шкафа, я сняла с вешалки домашнее платье, нежно-кремовое в крошечный красный цветочек и с красным поясом, что завязывался на спине. Я отправилась в ванную, привела себя в порядок и оделась. Глянув на себя в зеркало, одергивая длинные рукава на место, я заметила, что в груди платье стало немного маловато, и теперь она выглядывала из квадратного выреза больше, чем обычно. Что ж, даже так оно смотрелось довольно неплохо, хотя мне не нравилось носить его на улице из-за длины всего до середины бедра. Как нужно одеваться, и какая должна быть погода, чтобы надеть на улицу короткое платье с длинным рукавом? Тут либо умрешь от жары, либо от холода. А для дома было в самый раз.

Я вышла из ванной под внимательный спящий взгляд желтого глаза Маркуса. Он все так же лежал под одеялом на животе, не поменяв положения, хоть я уже и давненько встала. А еще рассказывал, что чутко спит. Наверно, разморило после длительного похода по свежему воздуху в лесу. Я тихо притворила дверь своей комнаты с другой стороны и спустилась на первый этаж, по пути бросив взгляд на магические часы, стоящие под лестницей. Немного постояла, следя за гипнотическим движением их элементов, складывающихся в сложнейший механизм, что всего лишь в результате выдавал точное время, дату и год. Только спустя несколько минут, наконец, смогла осознать, который же на самом деле был час. Время уже шло к вечеру. Мы с Маркусом проспали целый день. И вот, почему мне так хотелось есть. Я вспомнила, что Мила дала мне с собой какую-то еду, и решила пойти ею подкрепиться.

В корзине обнаружился значительный кусок пирога с мясом. В общем-то, оценивая его окружность, можно было понять, что Мила со своей щедростью отдала мне его почти полностью. Я быстро вскипятила чайник, нарезала пирог и подогрела его. Наверняка Маркус

тоже скоро проснется и захочет есть. А уж его к нашей плите я не подпущу. Если он не смог справиться с душем без моей подсказки, то плиту раскроит на части в считанные минуты. Поставила на стол разогретый пирог и засыпала завариваться цикорий. Окинув взглядом наш семейный обеденный стол, мне показалось, что он выглядит слишком пустым. Да и еды на нем было как-то маловато. Раз у меня гости, то можно открыть какую-нибудь банку с маминой консервацией. Только сходить за ней в погреб.

Я откинула ковер посреди кухни и подцепила кольцо, утопленное в деревянный квадратный люк. Из темного провала на меня повеяло сухой духотой и холодной землей. Я сразу же включила в подвале свет, чтобы не оступиться в непроглядной темени, и начала спускаться по деревянной лестнице. Оказавшись внизу, я стукнулась обо что-то головой. Оказалось, что мама снова закоптила огромный кусок мяса и повесила его сразу у входа. Как смогла, я отодвинула его подальше от прохода, даже не надеясь, что у меня хватит сил его перевесить, и пошла вдоль стеллажей, заставленных банками. Они блестели выпуклыми боками, храня в себе законсервированные овощи, наверно, с прошлогоднего урожая. Мамина любовь к закатыванию в банки всего, что было овощем или фруктом, была почти маниакальной.

Я выбрала банку с салатом. По крайней мере, на глаз это был салат из помидор, перца, кажется, баклажанов и еще чего-то. Но в любом случае это должно было быть вкусно, как и все, что готовила мама. Я потушила за собой свет, опять ударившись головой об кусок копченого мяса, и поднялась обратно на кухню. Поставила банку на стол и закрыла люк в погреб.

Внезапно, почему-то со стороны входа в дом, раздался торопливый топот, и в дверях кухни показался взволнованный Маркус. В руках он сжимал куртку и выглядел так, словно одевался впопыхах. Я подняла на него глаза, не сразу догадавшись, что произошло. Похоже, он проснулся окончательно и понял, что упустил меня. А найти человека в огромном чужом доме не так-то просто, и мой гость начал носиться кругами в тщетных попытках обнаружить меня в какой-то из комнат. Я состроила невинную мину.

— Если ты хотел побегать утром, точнее, уже вечером, то это лучше делать вокруг дома, а не внутри него, — прокомментировала я его появление, начав заниматься открыванием банки.

Наткнувшись на меня взглядом, Маркус обеспокоенно выдохнул и выпрямился. Его лицо приняло надменно-спокойное выражение. Он не спеша подошел к столу и сел на стул, что был ближе всего ко мне. Я повернулась и поставила перед ним открытую банку, пододвинула тарелку с пирогом и, наконец, чашку с дымящимся горячим напитком.

— Что в ней? — Маркус кивнул на чашку. — Снотворное? Слабительное? Яд? Хотя, зная тебя, рискну предположить, что все сразу. — Мужчина тихо засмеялся про себя, чем вывел меня из равновесия.

— Это цикорий, трава такая, которую пьют, чтобы взбодриться, — процедила я сквозь зубы. — Не хочешь — не пей.

— Почему же не хочу, — вздохнул Маркус, поворачивая чашку по кругу за ручку, — я просто не знаю, что со мной произойдет, когда я его отопью.

Я психанула. Он пришел на все готовое, и еще и какие-то претензии мне выдвигал! Я схватила злосчастную кружку и сделала большой глоток, обжигаясь еще не успевшей остыть жидкостью. Грохнула чашкой перед Маркусом так, чтобы он заметил, что я действительно это выпила, и раздраженно скрестила на груди руки. Мужчина медленно проехался по мне

взглядом, видимо, оценивая платье, по открытым ногам и задержался на вырезе на груди. Не выдержав его созерцания, я отступила и обошла стол по кругу, сев напротив, и взяла с тарелки кусок пирога.

— Жри, пока не остыло, — сердито буркнула своему гостю, поглощая угощение Милы. Как всегда, оно было очень сытным и жирноватым, на мой взгляд. И как ей удавалось делать жирным даже печеный пирог?

Я увидела, что Маркус поворачивает чашку к себе той стороной, с которой я пила, и, ухмыляясь, прикладывается к ней губами. Я вскинула на него глаза, ловя во взгляде лукавый огонь, подтверждающий мою догадку о косвенном поцелуе. Пирог Милы встал колом в горле, и я внезапно расхотела есть дальше. Маркус снова решил со мной начать играть? Я вскочила со своего места, не зная, куда приткнуться недоеденный пирог, и поспешила к выходу из кухни.

— Доем у себя, — пробормотала я нервно. — Можешь обследовать дом, если хочешь, только не ходи в родительскую спальню и в папин кабинет, у него на двери фигурка чернильницы с пером.

Я вихрем взбежала по лестнице и захлопнула за собой дверь комнаты. Сердце почему-то бешено колотилось, словно я пробежала километр. Почему Маркус так себя со мной вел? Сколько уже можно было? Мы ведь, вроде, расставили все по полкам, можно было не пытаться делать вид, что он крайне во мне заинтересован. В конце концов, если он так озабочен, ванная для гостей все так же свободна, можно опять пойти... туда... мысли запутались, когда я вспомнила, как застала его за неприличным занятием.

— Так, все, никакого Маркуса, — мотнула головой в надежде вытрусить из нее воспоминания, которые, наверно, запечатлелись теперь у меня на всю жизнь, и сунула в рот остаток пирога. Все равно некуда было выкинуть, да и жалко.

Чем мне было заняться в своей комнате остаток дня? Наверняка мы уйдем отсюда рано утром. Хотелось отдохнуть по-настоящему, используя все возможности родного дома. Я отправилась в ванную комнату. Взмах руки — и ванна наполнилась горячей водой. Я целый год мечтала о пенной ванне, так что ни за что бы не позволила себе упустить момент. Взяла с полки бутылочку с порошком и щедро рассыпала его по поверхности воды. Тот мгновенно превратился в высокие пики нежно-голубой пены, приятно пахнувшей не то морем, не то океаном. Убедившись, что воды уже и не видно под голубой толщей, я сняла платье и достала пушистое полотенце. Уложив его на широкий бортик ванны, я переплела косу и свернула ее спиралью на макушке, чтобы не намочить. Теперь можно было погрузиться в ароматную воду.

Я осторожно коснулась воды, спрятавшейся в толще пены. Горячеватая, именно такая, как я люблю. Переступила через бортик и встала в ванну обеими ногами. Медленно села, позволяя маленьким волнам окатывать мое тело, пока я полностью не погрузилась в пену. Откинув голову на полотенце, служившее мне импровизированной подушкой, я вытянулась во весь рост, слегка всплыв, и удовлетворенно вздохнула, закрывая глаза. Просто идиллия. Вода даже не плескалась, погрузив меня в полнейшее успокоение. Комната наполнилась тихим шипением крошечных лопающихся пузырьков.

Внезапно сквозь дрему я услышала тихий шорох, которого не должно было быть в ванной. Я нехотя открыла глаза, и взвизгнула, собираясь в комок. На бортике сидел Маркус, с любопытством рассматривая не то меня, не то ванну. Я подтянула к себе колени так, что они одинокими островками показались из воды, и обхватила себя руками, прижимаясь к

стенке, словно это могло защитить меня от пронзительного взгляда мужчины.

— Почему ты опять в моей комнате?! — воскликнула я. — Я же разрешила тебе гулять по всему дому, неужели больше некуда было пойти?!

— Мне стало интересно, почему ты притихла. Не замышляла ли чего. — Он подхватил ладонью горсть пены. — Ничего себе, никогда не видел подобного, эта ванна просто огромна. Устроила себе пенную вечеринку на одну персону? — засмеялся Маркус, опуская руку обратно в воду. — А здесь неплохо, — он прикрыл глаза и глубоко вдохнул, — нет обилия запахов. Настоящий отдых для меня. Пахнет лишь отдушками...

— Это запах океана. Так сказал продавец, — обиженно поправила я его. Маркус посмотрел на меня и мило улыбнулся, как улыбаются неразумному дитяти, которое говорит глупости.

— Нет, это запах обычных ароматических отдушек. Настоящий океан пахнет не так...

Маркус поднялся и к моему удивлению начал неспешно раздеваться. Я уставилась на свои колени.

— Я тебя не приглашала, иди в другую ванную и там себе мойся, — буркнула я, боясь поднять глаза.

— Не хочу, там ведь нет такой ванны, — насмешливым тоном ответил мужчина.

Краем глаза я увидела, как он переступает через бортик, и меня окатило волной, увенчанной голубой пеной. Маркус погрузился в воду и удовлетворенно вздохнул, откинув голову. Места нам было более чем достаточно, но я еще плотнее прижала к себе колени, чтобы нечаянно не коснуться непрошенного вторженца в мою идиллию. Мне оставалось только следить, как Маркус блаженно улыбается, прикрыв глаза.

— Расслабься, — лениво выдохнул он, взглянув на меня из-под полуприкрытых век.

— Я не могу расслабляться, когда ты рядом! Еще и в моей ванне!

— Можешь, — Маркус продемонстрировал мне свои белоснежные ровные зубы. — Это несложно, я помогу.

Он двинулся в мою сторону, почти полностью погрузившись в воду, и я почувствовала его пальцы на своей лодыжке.

— Что ты делаешь! Оставь меня в покое!

Маркус потянул меня на себя, и мне пришлось выпрямить ноги, чтоб не утонуть.

— Я всего лишь хочу, чтобы ты тоже получила удовольствие от принятия ванны.

— Тогда сделай мне приятно — свали отсюда! — воскликнула я, пытаюсь отбрыкаться от Маркуса.

— Успокойся, — благодушно ответил он мне. — Ты много ходишь. Наверно, очень устают ноги?

Я почувствовала, как его пальцы начали уверенно разминать мои ступни. Это принесло болезненные ощущения, и я зашипела.

— Тише, потерпи немного, и станет лучше, — успокаивающим тоном произнес Маркус.

Я напряженно прислушивалась к его действиям. Мягкие поглаживания сменялись настойчивым надавливанием. Он уделял внимание каждому моему пальчику. Похоже, он не собирался делать мне ничего плохого, и я позволила себе ослабить бдительность. Я вытянула обе ноги, давая Маркусу свободу действий. Он закончил с одной ступней и принялся за вторую. В его прикосновениях было что-то завораживающее, и действительно очень расслабляющее. Я ощущала, как его осторожные поглаживания и надавливания успокаивают мои напряженные мышцы. Я невольно закрыла глаза, отдавшись во власть его рук. Закончив

с пальцами и ступнями, он переместился на лодыжки и икры.

— У меня дома есть только душ, — подал голос Маркус.

— Это так скучно, — проворковала я. — Лучше ванны ничего не может быть.

— Секс в душе очень удобен, — голос Маркуса стал ниже, и я распахнула глаза от подобного заявления, чтобы увидеть лукавые огоньки в его взгляде. — Хотя и в такой огромной ванне, думаю, он неплох.

— Ты вообще в состоянии думать о чем-либо, кроме... этой темы?

— Конечно, нет, — Маркус звонко рассмеялся, и я невольно улыбнулась ему в ответ. Вот же подонок. Красивый подонок. Не могу удержаться от того, чтобы постоянно поддаваться ему. — А ты думаешь не об этом, когда я рядом? — внезапно спросил он.

— Нет, — соврала я, скривившись, — я думаю о твоей бессмысленной фанатичности и наручниках.

— О, тебе они тоже нравятся? — хохотнул мужчина. — И какие способы их использования ты уже успела придумать?

— Конечно, классические, — ответила я, чувствуя, что начинают гореть щеки, и вовсе не от пара, поднимающегося над горячей водой в ванне, — например, надеть их на тебя, закрепить вокруг дерева в лесу и оставить не съедение диким зверям.

— Ну уж нет, — рыкнул Маркус.

Я не успела ничего понять, как он уже оказался позади меня, усаживая удобнее к себе спиной. Я вспыхнула, как свеча посреди ночи, и завопила:

— Не трогай меня, я не хочу сидеть рядом с тобой, мне это не нравится!

Я начала слабо отбиваться, но быстро оказалась сжата в объятиях Маркуса. Я рассерженно задыхалась в капкане его рук и ног.

— Что именно тебе не нравится? — выдохнул он мне в ухо. — Что я тебя обнимаю? Или, может, что я упираюсь стояком в твою восхитительную попку?

Я почувствовала, что мне в копчик и вправду что-то упиралась. Я взвизгнула от возмущения и смущения.

— Как ты можешь так со мной поступать! — я изворачивалась, как могла, но в скользкой ванне у меня не было ни шанса. Маркус тихо зарычал у меня за спиной.

— Не нужно так извиваться, если не хочешь, чтобы я потерял голову.

Я почувствовала толчок пониже спины, хотя Маркус, как мне показалось, не двигался, и испуганно замерла. Видимо, своим мельтешением я делала что-то, что ему нравилось. Ситуация была совершенно безвыходная. Я ощутила, что Маркус прикасается губами к моей шее, и дернулась от него в сторону, но он только крепче сжал меня в объятиях, не позволяя отодвинуться ни на сантиметр.

— Перестань мне сопротивляться, — прошептал он на ухо, продолжая вереницу поцелуев. По коже пробежали мурашки, даже не смотря на то, что я сидела в горячей воде, а за моей спиной был еще более горячий мужчина. — Разве я делаю что-то плохое? — он слегка укусил мое ухо, и я вздрогнула.

— Нет... — неуверенно ответила я. Его прикосновения мне даже нравились, но к чему они приведут?

— Вот именно. Тело — это инструмент, с помощью которого душа может получать удовольствие. Так что просто расслабься и принимай свою ванну.

Он отпустил мои запястья, но продолжал сжимать бедра ногами, чтобы я не сбежала.

— Интересно, как ты это любишь? Медленно и чувственно? — его ладони неспешно

скользнули вверх по моим рукам, вызывая очередную волну мурашек. — Или быстро и грубо?

Он остановился на плечах. Пальцы сжались, мягко разминая уставшие мышцы.

— Мне почему-то кажется, что второе, — прошептал Маркус, прижимая меня к своей груди.

Мое тело отозвалось на его прикосновения мелкой дрожью, и я поняла, что не в состоянии и дальше ему сопротивляться. Его умелые руки разминали меня, расслабляли, избавляя от перенапряжения.

— У тебя такие скованные плечи, — раздался голос Маркуса у меня из-за спины, приводя в чувства. Я едва не ляпнула причину, почему они так сильно устают, но вовремя спохватилась, что это было бы неприлично. — Я, кажется, догадываюсь, почему тебе нравится принимать ванну. — Его ладони внезапно отпустили мои плечи и скользнули ниже, накрывая грудь. — У тебя просто изумительная фигура, перед ней невозможно устоять. Наверно, тяжело носить таких красавиц на себе? — Ладони Маркуса сделали круговые движения, лаская меня, а соски волшебным образом оказались зажаты между пальцев, что мягко сдавливали их, одновременно с массажем. — В воде ты перестаешь чувствовать их вес, верно? — Маркус приподнял их и снова наклонился к шее, оставляя еще один голодный поцелуй.

— Перестань это делать, — жалобно захныкала я, непривычная к таким прикосновениям и переполняющим меня смешанным ощущениям.

— Почему? Тебе ведь нравится. И мне тоже.

Одна рука отпустила мою грудь и скользнула под водой ниже по животу.

— Ты прекрасна, — прошептал Маркус, заставляя меня терять голову.

— Ты просто дразнишь меня, — выдохнула я, нервно сглатывая и надеясь, что мое сердце сейчас не выскочит из груди и не отправится танцевать чечетку по полу. — Ты снова встанешь и уйдешь.

— А если нет? — спросил мужчина.

Его пальцы пересекли границу моего живота и коснулись лобка. Я услышала за спиной удивленный вздох.

— Неужели ты прислушалась к моему мнению и убрала волосы?

— Это... просто... — начала заикаться я, пойманная с поличным, но пальцы Маркуса быстро сбили меня с мысли. Левая рука мягко сжала грудь, покручивая сосок, который внезапно стал таким чувствительным, а правая достигла своей цели внизу живота, и начала ритмично меня поглаживать, вызывая по всему телу мурашки удовольствия. Я тихо застонала и закусил губу, не в силах противостоять ощущениям. Голова закружилась, а внизу живота зародилось тянущее пульсирующее ощущение, стучащее в такт с надавливаниями и поглаживаниями Маркуса. Внезапно его палец скользнул внутрь меня, и я выгнулась ему навстречу. Он касался меня в таких местах, о которых мне было стыдно даже думать, но останавливать его мне не хотелось. Сама не заметив, я вцепилась ему в бедра, на которых сидела, словно боялась провалиться в ту пропасть наслаждения, к которой меня подталкивал Маркус. Я ощутила, что мой мучитель пытается добавить к первому пальцу, неспешнодвигающемуся внутри меня, второй, и жалобно захныкала от тупой боли, появившейся внизу живота.

— Нет, не надо так... — я неосознанно схватила его за руку, пытаясь остановить вторжение.

— Почему это? — задал резонный вопрос Маркус. — Так тебе понравится даже больше.

— Нет, не понравится, — настаивала я, начиная паниковать. Мужчина вздрогнул.

— Почему ты останавливаешь меня? — настороженно спросил он.

— Это больно, не надо...

Его ладони исчезли с моего тела, вызывая легкое разочарование. Я несколько раз глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться и унять разожженное им возбуждение. Сволочь, он опять это сделал. Раздразнил и остановился на полпути.

— Что значит — больно? — Маркус повернул меня к себе лицом. Его руки крепко держали за предплечья так, чтобы я смотрела ему в глаза. Я испуганно захлопала ресницами, не в состоянии раскрыть свой секрет.

— Я... не... — голос испуганно задрожал. Я не знала, чего ожидать от Маркуса. В его взгляде внезапно мелькнула догадка, и брови поползли вверх.

— Ты что, невинна? — изумленно выдохнул он. Если бы Маркус не держал меня, я бы однозначно провалилась от этого вопроса куда-нибудь на первый этаж. Но поскольку я не могла этого сделать, то просто отвела взгляд и уставилась в дальний угол ванной комнаты, боясь посмотреть на Маркуса. — Быть не может... — тихо пробормотал он. — Все это время я измывался над девственницей?

Я почувствовала, как его пальцы разжимают свою хватку, почти отпуская меня. Я рискнула поднять взгляд и увидела, что Маркус пялится на меня круглыми от изумления глазами. Почему-то я ощутила себя ужасно виноватой за то, что так все произошло. Надо было не поддаваться ему с самого начала, не показывать свой интерес. Я ведь спокойно жила без мужчин, и как только один из них влез в мою жизнь, у меня начались проблемы. Да. Это не я виновата. Это он виноват! Все дело в нем, в Маркусе!

В душе зародилась ярость, и я подскочила на ноги, окатив Маркуса волной воды и пены. Он не ожидал от меня резких движений, все еще оглушенный новостью, и я, воспользовавшись его секундным замешательством, изо всех сил оперлась о его плечи. Скользящая ванна завершила мой коварный план, и мужчина с громким всплеском ушел под воду. Он нечаянно толкнул меня по ногам, и я завалилась на бортик ванны, перекатившись через ее край и выпав на пол, словно мокрая рыба, шлепнувшаяся на палубу трала. Подскочила на ноги, схватила полотенце, не успевшее соскользнуть в ванну, и укуталась в него, выбегая из комнаты. За спиной раздался всплеск, истошный кашель и ругательства. Я оглянулась на свою спальню. Мне некуда было деваться в собственном доме. Напуганная, я не придумала ничего лучше, кроме как распахнуть дверцу шкафа и юркнуть между платьев, прикрыв за собой створку. Я плюхнулась на пол, сжимая в руках полотенце, скрученное в узел на груди. Может, меня тут не найдут, и я позже ускользну...

В голове бесконечным потоком роились мысли. Почему я встретила Маркуса? Зачем он вообще был мне нужен? Он, который не просто знает, что такое секс, а живет им. То, что мне было недоступно, есть у него каждый день, стоит только поманить пальцем любую красотку, которую он сочтет интересной. А все, что оставалось мне — это облизываться с голодным взглядом и... завидовать. Да, завидовать. Тому, какой он открытый, как может с легкостью говорить о таких вещах, от которых у меня начинают гореть уши. И женщины, которые бывали в его постели, наверняка такие же. Как это слово... Раскрепощенные, точно. И оно однозначно не про меня. Теперь, когда он знает, он и пальцем не прикоснется ко мне. Я уверена в этом. Мила говорила, как многие мужчины относятся к девственницам, и как большинство избегает их. Она-то знает, она познала мужчину еще в 17, и поделилась со

мной, что да как.

Мои мысли прервал хлопок двери ванной комнаты. Я вздрогнула и обняла себя за колени, сжимаясь в маленький клубочек. Я ничтожество, недостойное такого, как Маркус. Или, может, это он ничтожество? Потому что ему все равно, где член полоскать, лишь бы была дырка. Наверняка он воспринимает женщин как теплый дышащий кусок мяса. Говорил же, что ему все одинаковы. А я буду еще один кусок, одинаковый, как все, потому что он мне понравился. Потому что я не могла выбросить его из головы ни на минуту.

— Никки? — раздался голос Маркуса в комнате.

Теперь он звал меня, ну зачем я была ему нужна? По полу раздалось тихое шлепанье босых ступней. Сквозь щели в створках шкафа я увидела, как Маркус обошел комнату. Уйди, просто уйди отсюда, оставь меня в шкафу. Я буду сидеть здесь, покрываясь пылью, паутиной, трупиками моли. Вот, один валяется у моих ног. И я буду как он, никому не нужная, замшелая, растоптанная, раздавленная...

Маркус подошел к шкафу. Я увидела, что его бедра были обернуты белым полотенцем. И умудрился же его найти. Похоже, он не очень спешил за мной, знал, что далеко не сбегу из собственного дома.

Мужчина оперся ладонями о шкаф, и дверцы стукнули, вплотную прижимаясь к корпусу.

— Никки... — тихо произнес Маркус. — Ты же знаешь, что шкаф не закрывается изнутри?

Я промолчала. Здравствуй, вестник очевидности. Конечно, знала.

— Может, выйдешь, и поговорим? — предложил мужчина.

Я предпочла продолжать молчать, сидя в своем темном убежище, пахнущем одеждой. Маркус вздохнул, и я увидела, что он посмотрел на потолок, словно ища на нем нужные слова. Он снова обратился ко мне.

— Извини. Я погорячился и слишком бурно отреагировал. Не ожидал такого.

Я вздрогнула.

— То есть, по-твоему, я вела себя до этого как шлюха? — не выдержала я. От его слов на глаза навернулись слезы. Глупый вопрос. Если пересмотреть то, как я на него реагировала и действовала, то еще как вела... Маркус едва слышно выругался.

— Нет, я не это хотел сказать. Не перекручивай мои слова. Знаешь, мне не очень удобно разговаривать с дверцей шкафа. Которая еще и отвечает. Чувствую себя шизофреником. Может, все же выйдешь?

Я хмыкнула на его слова, но осторожно поднялась. Платья мешались, цепляясь за полотенце с длинным ворсом. Маркус, услышав возню, отступил от шкафа, позволяя мне открыть его дверцы и ступить на ковер. После темноты глаза резануло ярким светом от моих светильников-капелек, и я насупленно заморгала. Скрестила руки на груди и отвела взгляд в сторону, не зная, нужно ли что-то говорить, и как вообще себя вести.

— Я не предполагал не потому, что ты как-то не так себя вела, — произнес Маркус, подходя ко мне. Я отступила, упираясь спиной в шкаф, но мужчина остановился, не продолжив на меня давить. — Я просто никогда не встречал... девственниц, — объяснил мужчина.

Я подняла на него взгляд. Скользнула по мускулистому торсу, красивому лицу и остановила в его глазах. В них отражалось сожаление. Я вздохнула, опустив плечи, и снова устала в пол. Так и знала. Пошел на попятную. Быть первым у девушки — это

ответственность, а Маркусу такое не нужно. К тому же, он ведь считает меня ужасной преступницей, которую нужно посадить в тюрьму. Я и так уже в тюрьме. Своего тела, своих комплексов, неуверенности и страха перед мужчинами, потому что не знаю их. И не нужно. Я скривилась и ответила:

— Ладно. — Мне вдруг стало так тоскливо. В груди защемило, и я добавила. — Поспи сегодня, пожалуйста, в спальне для гостей.

Я оторвалась от дверцы шкафа и собралась пойти обратно в ванную, чтобы одеться, но Маркус меня остановил. Поймав за предплечье, он мягко вернул меня на место и наклонился к лицу, заглядывая в глаза.

— Что ты хочешь? — не выдержала я его близости. Я затрепетала, ощутив кожей его тело так близко. Близко, но недостижимо для меня. Зато наверняка достижимо для какой-нибудь девки легкого поведения.

— Знаешь, мы ведь взрослые люди, — ответил он. — Так что скажу честно: я хочу тебя.

Я вытаращила на Маркуса глаза. Его руки уверенно легли мне на пояс, и он привлек меня к себе, заставив опереться о его грудь.

— Если ты хочешь, я мог бы стать твоим первым, — продолжил Маркус вгонять меня в краску. Кожа на висках как-то странно защипала, а сердце заметалось в груди, заставляя меня задохнуться. Я уставилась в его глаза. Их свет согревал меня, обещая, что все будет хорошо, и я могу больше ни о чем не волноваться. Маркус наклонился ко мне и поцеловал в шею. Медленно, нежно, провел языком по коже, заставив задрожать и закрыть глаза, отдаваясь во власть долгожданных ощущений. Маркус глухо застонал, словно голодный зверь.

— Мне не стоило пробовать тебя в первый раз, — прорычал он. — Я совершил ошибку, и теперь не могу остановиться.

Его губы прижались к моим, настойчиво и требовательно, вырывая из груди стон и лишая легкие воздуха. Голова закружилась, и я осторожно положила ладони на плечи Маркуса, впервые касаясь его тела так, чтобы он об этом знал. Его мышцы напряглись под моими пальцами, показывая, какую мощь они скрывали в себе. Маркус остановил поцелуй:

— Я чувствую, что ты тоже меня хочешь, — выдохнул он в мои губы. — Но я должен это услышать. Скажи мне, что не только твое тело меня жаждет. Но и ты тоже.

— Ты же понимаешь, что нам нельзя... — я попыталась воззвать к его благоразумию. — Мы из разных народов...

— Плевать.

— А как же то, что ты говорил?.. Про меня... — я выдала свои опасения.

— Я уже не уверен, — опалил горячим дыханием Маркус мою шею. — Я больше не могу видеть в тебе преступницу. Не хочу тащить тебя дальше, ломать тебе жизнь.

Я молчала, смущенно глядя мимо него, не в силах вымолвить и слова.

— Прощу, Никки, скажи, что ты хочешь меня так же, как я тебя, — он продолжил ласку, скользя губами по моей коже, а руками по телу поверх полотенца, вот-вот норовя его стянуть с меня. Я закинула голову, давая ему свободу движений. — Как же хочется совратить тебя, развратить так, как нравится мне, — горячо шептал Маркус, — научить тебя тому, что я умею...

Пусть будет, что будет, я хочу нырнуть в эту пучину, узнать, каково это — быть с мужчиной. С мужчиной моей мечты, пусть он и останется столь же недостижимым, как и настоящая мечта.

— Я хочу тебя, — произнесла я одними губами, но Маркус услышал меня.

Полотенце соскользнуло, оставив меня обнаженной, и меня подхватили на руки. Я обняла Маркуса за шею, прижимаясь к нему, вдыхая запах его тела.

— Выключи свет, — прошептал он, садясь на кровать.

— Зачем?

— Ты хочешь меня видеть? Ладно, — Маркус улыбнулся и уложил меня на холодные простыни.

— Нет, я не это имела в виду, — промямлила я, легко взмахнув рукой и тут же туша свет наполовину. Я не могла отказать себе в удовольствии созерцать Маркуса хотя бы частично.

— Что ж, полумрак тоже неплох, — проворковал он.

Мужчина поднялся с кровати и стянул с себя полотенце, последний белоснежный островок, отделяющий меня от того, что меня ждало через несколько мгновений. Я села на постели и обхватила себя за колени, скрывая наготу. Неловко отвела взгляд, не привыкшая к подобному зрелищу, и смущаясь показывать откровенную заинтересованность. Кровать рядом со мной прогнулась под весом Маркуса. Я почувствовала, как его ладонь касается моей макушки и мягко поглаживает в успокаивающем жесте.

— Не прячься от меня, — раздался его обезоруживающий шепот. Ладонь скользнула по моей щеке, горячие пальцы коснулись губ, слегка оттянули нижнюю, и следом за ними Маркус жарко поцеловал меня, одновременно притягивая к себе. Мгновение — и я уже лежала на спине под ним поперек кровати, оглушенная его ласками, не помнящая себя из-за вихря прикосновений, окутанная жаром его желанного мной тела. Его ладони скользнули вниз по моей коже, танцуя вокруг груди, и я невольно застонала от пламени желания, что поглощало меня, грозя сжечь без остатка мой разум и самоконтроль. Маркус тихо хмыкнул.

— Воистину, женщина — это инструмент, из которого может извлечь чистый правильный звук только умелый мужчина, — произнес он, сжимая пальцами мои соски, от чего я снова жалобно застонала, не в силах совладать с собой. Маркус навис надо мной, опираясь на локти, и я распахнула глаза, любуясь его горящими янтарями.

— Мне придется причинить тебе боль, чтобы мы смогли продолжить, — прошептал он, наклоняясь к моему уху и ловя губами мочку. Его язык скользнул вдоль раковины, и я мелко задрожала от предвкушения. Боль уже не пугала меня. Я лишь хотела, чтобы Маркус сделал это, позволил мне испытать то, что он так любит. И чтобы это был именно он. — Прости за то, что я это сделаю, птичка — обдал он дыханием, горячее пламени, пожирающего поля и города.

Его бедра настойчиво прижались ко мне, и мне пришлось раздвинуть ноги шире, позволяя ему прильнуть ко мне в таком бесстыдстве. Я почувствовала, как его горячий член прижимается к моему лону, и сердце испуганно заухало в груди. Неужели я вправду делаю это с ним, в своей собственной постели? Еще мгновение — и я стану женщиной благодаря ему?

— Расслабься, — прошептал Маркус. — Если не будешь напрягаться, мне будет проще сделать это.

Его ладонь легла на мой живот, ласково поглаживая его, и я невольно выдохнула от такого заботливого прикосновения. Будто я была не с тем Маркусом, который угрожал мне, обещал бросить за решетку, попросту уничтожить, а с мужчиной, которому я была готова подарить всю свою жизнь сама, и позволить ему делать с собой что угодно.

— Готова? — он приподнялся на локте, заглядывая мне в глаза. В его взгляде было лишь

тепло. То самое тепло, которое я так хотела увидеть в свой адрес: открытое и искреннее. Я захлопала глазами и кивнула.

— Да.

На моей щеке осел быстрый поцелуй. Я ощутила, как давление на вход внизу живота увеличивается, и постаралась расслабиться, насколько это могло получиться в столь волнительной ситуации. Неожиданно давление сменилось оглушающей болью. Будто в меня вогнали раскаленную булаву, разрывающую в клочья все на своем пути. По попе потекло что-то горячее. Из глаз брызнули слезы, и я жалобно захныкала, начав сучить под Маркусом ногами.

— Мне больно! — простонала я, надеясь на милость, и что эта пытка сейчас закончится. Но Маркус, казалось, не собирался останавливаться.

— Так и должно быть, милая, потерпи, и сейчас боль отступит, — хрипло ответил он, продолжая входить в меня все глубже. Влагалище растягивалось, принимая в себя вторженца. Я чувствовала его член каждым миллиметром, как он безапелляционно пробивает себе путь в похотливом жаре.

— Остановись, нет, мне больно, — прошептала я, задыхаясь от боли. Голос словно потерял всю свою силу, и я в отчаянии начала царапать широкую каменную спину Маркуса, желая вылезти из-под него, сбежать и спрятаться. Его член достиг какой-то преграды глубоко внутри меня, и начал неспешное движение в обратную сторону, внезапно снова толкнувшись вперед и больно ударив меня. Вход в лоно горел огнем, растягиваемый его размером, а тело отозвалось волной тошноты.

— Отпусти... — выдохнула я в панике.

— Какая же ты узкая, — простонал Маркус, прижимая меня к себе крепче. — Никогда такого не ощущал, ты будто сжимаешь меня ладонью, я с трудом могу в тебе двигаться.

Еще один толчок — еще одна волна отвратительной тошноты, словно кто-то ударял меня палкой в самый желудок изнутри. Я поняла, что не выдержу больше ни мгновения этой пытки, но Маркус не собирался проявить снисхождение к моим мучениям и останавливать их. Я открыла рот и изо всех сил впилась зубами ему в плечо. Почувствовала на языке солоноватый привкус крови, и по ушам ударил вскрик Маркуса.

— Ты с ума сошла?! — заорал он.

Вес его тела мгновенно исчез с меня, и горячий поршень покинул недра моего тела, наконец, принося долгожданное облегчение и уменьшение боли. Я подскочила с кровати и бросилась в ванную, подальше от этого ужаса, чувствуя себя использованной и так глупо обманутой в своих ожиданиях. Дверь за моей спиной хлопнулась, и я прижала ладонь, создавая магическую связь между ней и проемом, которая не даст Маркусу ворваться за мной следом.

Меня колотила нервная дрожь, будто я несколько часов провела на жгучем морозе. Тошнота еще не отошла, а низ живота нестерпимо болел и тянул. Я почувствовала, что по ногам продолжает что-то течь, и развернулась к зеркалу. Ляжки были измазаны кровавыми разводами, они тянулись до самых колен, и густые редкие капли продолжали лениво сползать ниже. Я прижала ко рту ладонь и беззвучно зарыдала, ошеломленная этим зрелищем. Что я натворила? Где была моя голова, когда я согласилась на это?! Включила горячую воду и поскорее влезла в ванну, надеясь согреться и унять дрожь. И, возможно, смыть этот позор, которым я запятнала себя, вступив в связь до брака, еще и с технером. Маркус просто соблазнил меня, намереваясь воспользоваться для удовлетворения своих

распутных желаний, а я, наивная неискушенная дурочка, повелась на его слова и действия.

Я плюхнулась на дно ванны, сжимаясь в комок и горько рыдая, оплакивая свое падение. Я допустила ошибку, которую теперь было не повернуть вспять. Заплаканными глазами я смотрела на красные водовороты, утекающие в слив ванны вместе с моей честью и гордостью. Сама была виновата, никто меня не принуждал и не заставлял, ведь я дала на это согласие, поддавшись искушению. Не захотела — ничего этого не случилось бы.

Низ живота тянул, словно начались месячные, а кровь все не останавливалась. Нужно было что-то с этим сделать и уменьшить боль. Я с трудом поднялась на ноги, чувствуя себя невероятно разбитой, и, тихо икая от почти закончившейся истерики, потянулась к своей полке с баночками. Выбрала среди них одну с заживляющей мазью, открутила крышку и аккуратно, одними подушечками пальцев, нанесла ее на себя, боясь лишней раз прикоснуться к саднящему лону. Через несколько минут мазь подействовала, и кровь остановилась. Боль унялась, и я начала приходить в себя.

Я еще долго сидела под горячим душем, прежде чем вода вымыла мысли, бесконечно роящиеся в моей голове. Что ж, что сделано, то сделано, пути назад нет. Теперь я женщина.

Я выключила воду и высушила тело от воды. Прислушалась к себе. Но не заметила никаких изменений. Мне не открылась какая-то великая тайна, я не приобрела новых ощущений и, в общем-то, чувствовала себя абсолютно так же, как и часом ранее. Разве что теперь я смогла бы заниматься сексом с...

О нет, я ведь сбежала от Маркуса, еще и укусила его до крови перед этим! Я растворила маленькую запирающую печать на двери и вышла в комнату, кутаясь в огромное полотенце. Но мужчины там не оказалось. Я выскочила в коридор и прислушалась к дому, надеясь на его подсказку, где находился гость. Он указал мне на гостевую спальню.

Я подошла к двери. Тяжелый темный дуб надежно скрывал того, кто находился по ту сторону. Нервно сглотнув, я занесла руку и робко постучала.

— Маркус?

Пару мгновений постояла под дверью, напряженно прислушиваясь. Но с той стороны не раздавалось ни звука. Неужели Маркус не понял, что я всего лишь испугалась, и если бы он сделал так, как я его просила, остановился бы на пару минут — то все было бы по-другому? Почему он ушел вот так, оставив меня одну, еще и спрятался в другой комнате? Я снова постучала, уже громче. Но ответа не последовало. Конечно, я могла бы самостоятельно войти и поговорить... но только я считала, что если человек не выходит сам из закрытой комнаты... значит, лучше к нему не лезть...

Глаза снова наполнились слезами. Я медленно отступила от двери, которой оградила от меня Маркус. Мне больше не на что было надеяться с этим человеком. Я почувствовала, как болезненно щемит в груди, и прижала к ней руки, быстрым шагом направляясь в свою комнату. Первое, за что зацепился глаз — это испачканная простыня. Словно художник неловко отряхнул кисть, которой рисовал очередное полотно, и теперь красные капли покоились на ней, напоминая мне своим росчерком об огромном провале. Я скомкала простыню, стянув ее с кровати вместе с одеялом и подушками, и запихнула в корзину в ванной комнате, с глаз долой, чтобы не видеть этого напоминания, и наспех перестелила постель. Я бухнулась на нее, сворачиваясь клубком и горько рыдая. Одиночество придавило меня могильной плитой, выдавливая из меня потоки слез и причиняя душевную боль. Я совершила такую большую ошибку...

Глава 13. Наизнанку

— Вставай! — рявкнул голос почти над ухом, и я вздрогнула от испуга. С трудом разлепила закисшие от слез, которые я проливала почти весь вечер и полночи, глаза и потерла их ладонями, пытаюсь прийти в себя после беспокойного сна.

— Ты не слышала, что я сказал? Поднимайся! — железным тоном потребовал голос.

Я с трудом села на кровати и подняла глаза на Маркуса. Он стоял в паре шагов от меня, расставив ноги и сцепив руки за спиной. На нем была его технеровская форма, чей вид заставил меня невольно вздрогнуть.

— Маркус? Что случилось? — промямлила я, глядя в его глаза. Я увидела в них лишь чистое золото. Золото — столь дорогостоящий и желанный металл, но ледяной и безжизненный, не способный согреть того, кто его носит, и окружающих.

— Одевайся, — приказал он. — Мы уходим.

На его лице не дрогнул ни единый мускул, и мне на мгновение показалось, что передо мной стоит человек, которого я вижу впервые в жизни.

— Куда? — глупо переспросила я.

— В Таврас, — отчеканил Маркус. По спине пробежал холод.

— В Таврас?! — воскликнула я дрожащим голосом, все еще не понимая, что происходило. — Но ты же говорил мне...

— Во-первых, — жестко перебил Маркус, глядя куда-то мимо меня, — кто тебе давал разрешение мне тыкать, магик?

— Что?.. Что происходит, Маркус? — я поднялась и сделала шаг к нему. Мне отчаянно захотелось его встряхнуть, чтобы поставить на место мозги, которые, как мне показалось, начали куда-то съезжать. Но мгновенно отшатнулась, когда он опустил на меня холодный безжизненный взгляд.

— Во-вторых, для тебя — господин Гордар, сэр, и никак иначе. Соблюдай субординацию "заключенный-конвоир", магик.

Услышав это, я отпустила нервный смешок.

— Маркус, ты что, умом тронулся? Или ты решил меня так наказать за вчерашнее? Мне жаль, что я тебя укусила, но...

Договорить я не успела. Маркус тенью мелькнул в мою сторону. Его ладонь железной хваткой вцепилась в мою шею сзади, и уже через мгновение я лежала лицом на кровати, задыхаясь от боли и его веса на своей спине.

— Ты что, не поняла, что я сказал? — тихо произнес Маркус размеренным тоном мне на ухо. — Мне нужно еще раз тебе повторить про субординацию или, может, просто вдолбить в тебя это?

Его пальцы безжалостной клешней сжались на моем затылке, давя на какие-то болевые точки. Перед глазами поплыли темные круги, и я тихо запищала.

— Как ты смеешь нападать на меня в моем же доме?! На меня, давшую тебе кров, постель и еду?!

— Ни твой дом, ни ты сама для меня ничто не значат. Моя цель — доставить тебя в Таврас, остальное лишь детали.

— За что ты так со мной поступаешь? — всхлипнула я, не в силах сдержать слезы боли

и обиды.

— Что-что ты опять сказала? — переспросил Маркус, наклоняясь ко мне и еще сильнее сжимая пальцы, грозя свернуть мне шею.

— Вы! За что Вы! — взвизгнула я и, наконец, почувствовала хоть какое-то облегчение.

— Я не обязан отчитываться в своих действиях перед шлюхой, — ответил Маркус.

— Что?! Я не... не... ты... то есть Вы... были ведь первым... — заикаясь пролепетала я, не зная, как поступить.

— Не важно, первый, третий, двадцатый. Это твоя натура. — Я слышала тихий смех за спиной. — Знал я одну девицу, отсасывать любила — за уши не оттащишь. При этом оставалась целкой, берегла себя, как вы, женщины, частенько говорите "для того единственного". Представляю, какой сюрприз получит тот, кто поведется на ее пустые слова о несуществующей любви.

— Но я... думала... — всхлипнула я, до последнего не желая верить в происходящее.

— Что? Неужели ты думала, что для меня это что-то будет это значить? Я даже не вспомню твое имя через пару месяцев. Правда, вот это будет напоминать о тебе некоторое время. — Я увидела у своих глаз плечо Маркуса с отметинами от моих зубов. Глубокими и красными, с запекшейся кровью. Даже клыки впечатались, пробив кожу. — Если останется шрам, я найду способ отыгаться на тебе даже спустя время. — Тон Маркуса напугал меня еще больше, не суля совершенно ничего хорошего. — Но не надейся, что я оставлю хоть какое-то воспоминание о тебе. В случае надобности сделаю косметическую операцию, чтобы стереть память о грязной швали, посмевшей испортить мое тело. — Я слышала, что Маркус коротко вдохнул у меня возле уха и тут же громко фыркнул. — От тебя даже воняет как он затхлого амбара, набитого жухлыми листьями. Недоразвитый дикарь. А теперь поднялась и пошла собираться, иначе я тебя заставлю, и ты очень пожалеешь, что не сделала этого сама. Нас ждут.

Маркус поднялся с кровати и я, задыхаясь и захлебываясь слезами, подскочила на ноги следом.

— Кто... ждет? — икая, спросила я.

— У нас будет попутчица, — отчеканил Маркус. Внезапно он расплылся в улыбке, а его взгляд преобразился загоревшимся в них развратным огнем. — Утром я встретил на крыльце одну женщину. Она представилась Мирабэлль. И выяснилось, что, какое совпадение, нам по пути. Никогда не видел такой красавицы. У меня на нее большие планы, так что шевели задницей, пока у меня есть еще капля терпения на ничтожество вроде тебя.

Я внутренне похолодела, начав понимать, что произошло. Я бросилась к Маркусу и вцепилась в его куртку, встряхнув настолько, насколько получилось. Мне показалось, что я пытаюсь сдвинуть с места не человека, а статую, такую же холодную и безучастную к моим чувствам. Я ощутила, что от Маркуса веет магией. На него как-то повлияли.

— Слушай меня, — я почти сорвалась на крик, — нам нельзя идти с Мирабэлль, она колдунья и страшный человек. — Я уставилась в пустые желтые глаза Маркуса, понимая, что не найду в них отклика, но надеялась, что у меня получится до него достучаться, до того Маркуса, который мог согреть меня, вогнать в краску, подарить нежность и заставить сердце трепетать. — Я даже не знаю, сколько ей лет, никто не знает — затараторила я. — Она словно вечность живет в нашем городе, мы все ее боимся. Она никогда не делает добрых дел. К ней ходят только те, кто хочет причинить зло. Наговор, проклятие, насылание болезни — вот, чем занимается Мирабэлль. Старейшина не может ее изгнать, потому что она очень

могущественна, потому ей просто разрешают жить на окраине. Она что-то с тобой сделала, попробуй вспомнить, были ли какие-то странные фразы, которые ты не понимал, или вспышки света? Ты у нее на поводке, она управляет тобой! Я знаю, ты не поступил бы так со мной по своей воле!

Маркус медленно взял меня за запястья, не разрывая зрительного контакта, и опустил руки.

— Ты понимаешь, что я тебе говорю? Нам нельзя идти с Мирабэлль! Она замышляет какое-то зло! Услышь меня, Маркус, пожалуйста!

Внезапно я ощутила тяжелый удар прямо в солнечное сплетение. Воздух мгновенно покинул легкие, и я упала на колени перед Маркусом, разевая рот, словно выброшенная на берег рыба, не в силах загнать в себя и глоток воздуха. Он ударил меня... Просто взял — и ударил в живот...

— Похоже, ты ничего не поняла из того, что я тебе сказал? — раздался надо мной жесткий голос, наполненный жидким металлом. — Существует множество способов причинить боль так, чтобы не оставить на теле следов. Это лишь один из них. Продолжим урок, или ты пойдешь собираться?

Каждое его слово резало меня ножом. Мне не удалось ничего изменить в этой ситуации. Передо мной стояло искаженное подобие Маркуса, от которого осталась лишь оболочка. И я никак не смогу противостоять этой оболочке, в разы сильнее меня.

Я, наконец, кое-как вдохнула и, держась за живот, поднялась на ноги. Я отвела взгляд от черных ботинок Маркуса и обреченно подошла к шкафу, начав одеваться. Это однозначно Мирабэлль, похоже на нее. Она просто выбрала негативное качество Маркуса, которое в обычной жизни он мог бы успешно подавлять и контролировать, вывела его на поверхность и усилила стократ. После чего направила в нужное ей русло. И я ничего не могла с этим сделать. Я слаба, я не умею влиять магией на людей, к тому же, этому нигде не учат. Потому мы все опасались Мирабэлль. Мы не знали, откуда она достала эти знания, и как могла их применять. Но одно я знала точно: если бы Маркус ей сопротивлялся, она не смогла бы ничего с ним сделать. Он сам дал ей в руки поводья, она лишь направляла его в нужную сторону.

Я оделась в новую рубаху и штаны, накинула свою куртку и полезла под кровать. Там обнаружился мой запасной рюкзак. В нем было намного меньше вещей, чем в первом, который я потеряла благодаря Маркусу, но хотя бы что-то. Надев его на плечи, я подошла к тому, кто превратился в моего ревностного конвоира.

— Наконец-то, — надменно бросил он, — в следующий раз шевелиться быстрее.

Под его бдительным надзором, почти не помня себя, я собрала еду в дорогу. Все, что он делал, он подсознательно хотел бы сделать. Какая-то часть его души об этом думала. Возможно, я тоже была в этом виновата. Если бы я не заистерила вчера и не выгнала его, мы бы встретили утро в одной постели, и он не пошел бы на улицу, не встретил Мирабэлль. На глаза снова навернулись слезы, и я горько всхлипнула.

Когда я закончила сборы, Маркус закинул на плечи свою котомку и вывел меня на улицу, держа предплечье в железном капкане своих пальцев. Он словно намеренно причинял мне боль, заставляя изредка вскрикивать и пищать от толчков в спину.

Маркус потащил меня за собой по улице, и я слабо попыталась притормозить его.

— Я должна восстановить барьер вокруг дома и вернуть руну Миле. Иначе наш дом останется без защиты, пока не вернется кто-то из семьи.

— Я не заинтересован в задержках, и мне плевать на твой дом и твою семью, — хладнокровно ответил Маркус, продолжая тянуть меня следом. Я тихо заплакала от отчаяния и бессилия, боясь пикнуть слишком громко, чтобы не навлечь на себя новую волну гнева.

Вдали показалась женская фигура в длинном черном платье. У дороги, ведущей из города, стояла высокая статная женщина. Ее белоснежные волосы ниже пояса ниспадали призрачным водопадом. Тонкую талию обхватывал широкий черный пояс, на котором были равномерно развешаны небольшие холщовые мешочки и искривленный нож для сбора трав в ножнах.

Мирабэлль была единственной женщиной в городе, которая позволяла себе носить волосы распущенными, словно она вслух заявляла о том, что для нее законы были не писаны, а традиции ничего не значили. Она повернула к нам свое прекрасное круглое лицо с идеальными чертами и скользнула по мне безликими серыми глазами, грязными, как лужа после дождя.

— О, здравствуй, Николь, — она улыбнулась неискренней улыбкой, узнавая меня.

Маркус мгновенно отпустил мое предплечье и подошел к женщине. Он обворожительно улыбнулся ей как старой знакомой и протянул руки, норовя обхватить за талию, но Мирабэлль ловко предупредила его движение и увернулась. Она уперла тонкий пальчик, украшенный массивным перстнем с красным камнем, ему в грудь, и проворковала:

— Не сейчас, милый.

В ответ, Маркус лишь утробно заурчал, как довольный кот, расплываясь в еще более широкой улыбке. На душе стало так тошно, что я поспешила отвести взгляд от этой картины. В груди что-то болезненно сжалось, похожее одновременно на страх, злость и растерянность. Я не знала, что делать дальше.

Глава 14. Израненная мечта

Я шла, не разбирая дороги. Голова была совершенно пустой, ни единой мысли, лишь густой туман, что заволок мои мысли. Маркус заставил меня идти впереди себя, сам же шагая рядом с Мирабэлль. Я была уверена, что эта прогулка не продлится долго. На колдунье было не дорожное платье, в нем она ходила по городу, и изредка я видела ее в нем возле ее низкорослого домика. Но для чего мы ей понадобились? Я никогда не делала ничего против нее, боясь навлечь гнев могущественного магика. Наверно, все дело в Маркусе. Его голос непрерывным бормотанием раздавался за моей спиной, прерываемый лишь редким посмеиванием. Мирабэлль за всю дорогу не проронила ни слова, никак не реагируя на его попытки обратить на себя внимание. Казалось, что он сорвался с цепи, вымещая злость на мне, а похоть — на ней.

Я пришла в себя только когда услышала голос Мирабэлль:

— Может, немного передохнем?

— Стой! — рывкнул мне в спину Маркус, и я мгновенно застыла на месте, словно приросла к земле, боясь ступить следующий шаг.

По мне, еще было очень рано делать привал. Мы шли не слишком долго, и я даже не начала ощущать усталость, да и солнце было высоко. Хотя с другой стороны, мы отошли достаточно далеко от Вайона.

Я медленно развернулась в сторону леса. Маркус, скинув с плеч сумку, суетился вокруг Мирабэлль, собирая хворост и снося его на небольшую полянку в нескольких шагах от дороги. Женщина медленным шагом, полным чувства собственного превосходства, подошла к нему ближе, и он галантно подал ей руку, помогая переступить какую-то крошечную канавку. Я внезапно поняла, что смотрю на все это, брезгливо скривившись. Гадкое чувство в груди разрасталось все сильнее, когда Маркус перехватил вторую ладонь Мирабэлль и пылко потянул ее к себе, заглядывая в глаза сверху-вниз. Но женщина мягким движением освободилась, вновь ускользнув из его объятий, и села на мешок Маркуса, вызвав в его глазах новый восхищенный взгляд.

— Кобель... — процедила я сквозь зубы, не сдержавшись.

Маркус коротко на меня посмотрел и отдал новый приказ:

— Марш собирать хворост.

— Я не рабыня! — вызверилась я на него, снимая с плеч рюкзак. — Я не обязана ничего собирать! Еще рано делать привал, мы шли недолго!

Лицо Маркуса исказилось такой ненавистью ко мне, что я задохнулась от страха. Он подошел ко мне широким шагом, и я сжалась, пожалев, что открыла рот и просто не пошла выполнять то, что мне сказали. Моей последней надеждой было то, что Мирабэлль бы его остановила и не позволила обращаться со мной как с мусором, но я ошиблась. Маркус схватил меня за шею и сдавил так, что я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Перед глазами поплыли мушки, а в голове зашумело. Кровь прилила и начала давить на глаза, и я задрожала, распахнув рот.

— Еще раз откроешь свою поганую пасть, шавка, и я избью тебя до полусмерти, если ты не в состоянии запомнить простейшие требования. Поняла?

От страха я перестала соображать. Я только смотрела в испепеляющие лавовые глаза

Маркуса, готовые сжечь меня дотла, уничтожить на месте, только чтобы добиться своей цели.

— Я задал тебе вопрос, — жестко повторил он, и я почувствовала, как его железные пальцы чуть ослабили хватку, пуская поток крови к голове. В макушку ударила горячая пульсирующая волна, и я хрипло просипела:

— Поняла...

— Тогда пошла выполнять мой приказ! И чтобы я тебя видел!

Он легко отбросил меня от себя так, что я упала на полотно сухих листьев. Схватившись за саднящее горло, я вскинула на него глаза и поползла в сторону леса. Через несколько шагов я подскочила на ноги и отбежала хотя бы на немного, чтобы быть не так близко к этой паре. Я оперлась ладонью о шершавый ствол дерева, пытаюсь отдышаться. Сердце уже не колотилось как испуганно, как раньше, и голова прояснилась. Эта мразь, Мирабэлль, и не думала останавливать свою марионетку. Наверняка она бы и глазом не моргнула, сверни мне Маркус шею. Я все еще ощущала кожей его раскаленные металлические пальцы, и провела ладонью по шее, чтобы убедиться в своей мнимой свободе.

Лучше было не сердить Маркуса, маячившего между деревьев, еще больше, потому я начала наспех собирать хворост, весь подряд, что попадался мне под руку: крупный и мелкий, сырой и сухой, в листьях и с какими-то нарощими на ветках высохшими с прошлого года грибами. Довольно быстро у меня в руках была уже хорошая вязанка, и я пошла обратно к стоянке. Маркус даже место для нее выбрал отвратительное. Кто же останавливается прямо у дороги? А если привал короткий, то для чего нужен костер? Погода была на удивление тихая, и солнце по-весеннему пригревало.

Подойдя ближе, я увидела своих мучителей. Они стояли ко мне в профиль, еще не заметив моего приближения. Я невольно остановилась и неслышно отошла за дерево, положив хворост на землю, чтобы не мешал выглядывать. Маркус что-то тихо говорил, до меня доносился только его голос, слов я не разбирала. Он положил руки на пояс Мирабэлль и, улыбнувшись, скользнул ими ниже, притягивая ее тело, затянутое в черное платье, к себе.

Какой же красивой парой они были. Высокий, идеально сложенный Маркус и Мирабэлль, чья стать была словно у настоящей королевы. Глядя на них, я внезапно почувствовала себя полным ничтожеством. Вот, какие женщины нравились Маркусу. Ее белоснежные волосы контрастировали с одеждой и словно светились изнутри. Когда он наклонился к ее шее, оскалившись голодной улыбкой, которую когда-то дарил мне, Мирабэлль осторожно отстранила его от себя. Ее утонченные пальцы завозились с одним из мешочком, что висели на поясе, и через мгновение она протянула к глазам Маркуса ладонь, сжатую в кулак. Что-то произнесла одними губами — и резко дунула ему в лицо, разжав ладонь. Его голову окутало голубое облако и он, отшатнувшись, безвольно рухнул на землю.

Я стояла у своего дерева, не в силах даже пошевелиться, и следила, как Мирабэлль обошла Маркуса и остановилась у его правой руки. Присела на корточки, немного повозилась, и снова поднялась. Затем развернулась ровно в мою сторону, и я юркнула за ствол дерева.

— Нико-о-оль! — над лесом разнесся ее бархатный голос. — Николь, детка, ты где?

Я стояла за деревом, ни живая, ни мертвая, и боялась даже вдохнуть, чтобы Мирабэлль не услышала. Мне оставалось только надеяться, что она не пойдет меня искать. Что она сделала с Маркусом? Она убила его?

— Николь! — раздался еще один окрик, и я с трудом заставила себя остаться на месте,

поскольку голос не приближался, и шагов я не слышала.

Мирабэлль что-то произнесла, и я увидела на деревьях передо мной зеленые отблески, словно на них отражалась вода, в которой решили поплескаться веселые солнечные зайчики. Я осторожно, одним глазком, выглянула из-за дерева, чтобы увидеть лишь последние мгновения того, как черное платье Мирабэлль скрывалось в портале буро-зеленого цвета. Когда он растворился в лесной тиши, я смогла, наконец, оторвать себя от дерева и выйти к стоянке.

Я с замирающим сердцем подошла к Маркусу. Он лежал на спине и не шевелился, и в первое мгновение я затрепетала от страха, решив, что Мирабэлль его убила, но он распахнул глаза и уставился на меня, видимо, услышав шаги. Его лицо было сплошь покрыто голубой пылью. Во взгляде Маркуса читались одновременно испуг, растерянность и боль. По крайней мере, он больше не был безжизненным и пустым, как ранее, значит, Мирабэлль его отпустила напоследок, отрезав свои нити. Я окинула взглядом мужчину и увидела, что в районе правого плеча рукав его куртки был срезан, а под тканью чернела вырезанная ножом глубокая широкая рана, из которой лилась кровь. Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что произошло. Маркус все так же смотрел на меня, видимо, ища поддержки и помощи, и я обреченно вздохнула. Я подошла к неуклюже собранному им горящему костру и, вытащив из рюкзака нож, вытерла его о свою рубашку и сунула лезвием в пламя, подперев камнем, чтобы оно оставалось навесу. Следом я порылась в рюкзаке и достала бинт и чистую марлю.

Я переступила через Маркуса и села ему на живот, начав отирать его лицо от пыли под удивленный взгляд.

— Я говорила тебе, что не нужно идти за Мирабэлль... — произнесла я, даже испугавшись собственного холодного тона. Словно во мне что-то умерло, и теперь к нему обращалась именно эта часть, которую он убил, задавил собственными руками. — Жаль, что ты меня не слышал. — Я нервно сглотнула, медленно обводя краешком ткани его красивые черты, убирая этот порошок. — Я ведь для тебя никто. Просто мусор, грязный магик, о котором ты забудешь через пару месяцев. Но ты ведь... на самом деле ты не плохой человек, ведь так? Ты не можешь быть плохим человеком... — Меня начали душить непрошенные слезы, сдавливая горло, и я болезненно поднесла к нему ладонь. — Я бы не влюбилась в плохого человека... — выдавила я из себя, признаваясь, в конце концов, сама себе в том, что происходило в моей душе. На лицо Маркуса капнула моя слеза, и он удивленно моргнул. Я поспешно вытерла ее и свои глаза. — Да, ты наверно думаешь, что это все полная ерунда, — усмехнулась я сквозь слезы, — представляю, сколько раз ты это слышал в свой адрес, и сколько женщины пытались привязать тебя к себе этими словами, произнося их всуе. Мне, увы, нечем тебя переубедить. Да я и не хочу. Но напоследок я помогу тебе не истечь кровью и не умереть в этом лесу. Это будет последний жест моей любви к тебе, но ты прочувствуешь всю ту боль, что причинил мне за эти несколько дней.

Полная решимости, я поднялась с его бедер и подошла к костру, бросив в него тряпку, испачканную голубой пылью. Пламя тихо вспыхнуло, протянув посиневшие пальцы к небу.

— Мирабэлль дунула на тебя обездвиживающим порошком, — объяснила я. — После него ты можешь только дышать и водить глазами. У нас им пользуются для самозащиты. Затем она, похоже, вырезала твой чип, если я что-то в чем-то понимаю. Ты проваляешься еще час недвижимый, но, боюсь, от такой раны ты можешь истечь кровью до того, как придешь в себя и сможешь оказать себе помощь. — Я натянула рукав на ладонь и осторожно

достала из костра раскалившийся нож. — Потому, я прижгу тебе рану. — Я перевела взгляд на Маркуса и увидела в его глазах животных ужас. Почему-то я ощутила внутреннее удовлетворение от этого зрелища. Теперь я сильнее его, а он беспомощен и слаб, не способен что-то решать или защищаться от того, что с ним пожелают сделать. Если бы я захотела, я могла бы вонзить этот нож ему прямо в сердце.

Я подошла к его раненой руке и присела на корточки. Кровь успела натечь на землю бурым ручейком, мгновенно впитываясь в нее. Я могла бы просто наложить сдавливающий жгут и нанести заживляющую мазь. Посидеть с ним, пока кровь не остановится, и убрать повязку. Но это было бы слишком долго, и не так мучительно, как пытка, которую я приготовила Маркусу, движимая жаждой мести за себя.

— Я в последний раз помогу тебе. Все началось с моей помощи тебе, ею же и закончится. Надеюсь, ты этого никогда не забудешь, — произнесла я, прижимая к ране раскаленный металл.

Глаза Маркуса закатились под лоб, и ресницы задрожали. Его тело едва заметно выгнулось, не сдерживаемое даже парализующим порошком, и он чуть слышно застонал. В воздухе запахло жареным мясом. Я отняла металл от его руки, оценивая результат своих трудов. Кровь мгновенно свернулась, и рана больше не представляла опасности для жизни Маркуса. Он тяжело дышал, закрыв глаза, и я наспех перевязала рану бинтами прямо поверх куртки, лишь подложив под низ плоский тампон из марли, чтобы до момента, как Маркус найдет полноценную медицинскую помощь, в рану ничего не попало. Я поднялась с колен и отряхнулась.

— У меня осталось мало времени, — произнесла я, перераспределяя вещи между моим рюкзаком и сумкой Маркуса, в которой хранились почти все припасы. — Нужно уйти подальше и найти хоть какую-то дорожную развилку, чтобы ты не сумел меня догнать. — Мужчина следил за мной из-под полуприкрытых глаз, подернутых поволокой. Сердце болезненно кольнуло от предвкушения расставания навсегда, и я, не выдержав, подвинулась к Маркусу. Я наклонилась к его лицу, и он с трудом сфокусировал на мне взгляд. В последнем порыве я прижалась губами к его лбу, покрытому испариной.

— Прощай... Хотела бы я забыть тебя так же быстро, как можешь ты...

Проведя ладонью по его груди, я поднялась, подхватила с земли потяжелевший рюкзак и зашагала дальше по дороге, не оглядываясь на мою израненную мечту.

Глава 15. Старый друг

Весенний лес уже пах по-другому. Я чувствовала, что зима отступала, но мне казалось, что мою душу сковали вечные холода. По ощущениям, я шла пару часов, и все это время я мысленно возвращалась к брошенному мной Маркусу, каждый раз одергивая себя и силком останавливая поток мыслей. Мне нужно было забыть его как можно скорее и идти дальше, идти вперед. Моя жизнь принадлежит только мне одной.

Я дошла до развилки дороги. Указателя на ней не было, и я задумчиво посмотрела в обе стороны, куда разбежались тропы. Визуальной разницы я никакой не заметила. И все же решила пойти по левой дороге. Почему-то она показалась мне более привлекательной, и я отправилась в путь дальше. Вряд ли Маркус, даже дойдя сюда, а не вернувшись в Вайон, угадает, куда я пошла.

Не прошла я и получаса, как на дорогу передо мной из чащи вышли двое мужчин. Я удивленно взглянула на них, и собралась обойти, но один из них ко мне обратился:

— Куда это ты идешь?

Я осмотрела его типичную для наших краев одежду, состоящую из свободных серых штанов и рубахи с длинным плащом, надетым поверх, и его спутника, одетого так же. На вид они не показались мне разбойниками или опасными людьми. Оружия с ними не было, лишь холщовый мешок в руках.

— Вперед, — пожала плечами, собираясь пойти дальше, но первый мужчина поймал меня за руку и остановил.

— По этой дороге никто не ходит просто так, — произнес он, и я услышала в его голосе ноту угрозы.

— Хорошо, раз не ходят, значит, я могу уйти отсюда и пойти куда-нибудь еще, я не настаиваю! — затараторила я, начиная нервничать. Куда меня завел Маркус со своими обходными путями мимо крупных городов?

— Нет, ты откуда-то узнала эту дорогу, значит, сможешь сюда вернуться или, что еще хуже, привести кого-нибудь.

— Что вы, я просто путешественница, я никого никуда не приведу, я, кажется, вообще заблудилась, — я обернулась, решив сбежать назад, на главную дорогу, но увидела за своей спиной второго мужчину. Он вскинул мешок, зажатый в руках, и мир вокруг меня погрузился во тьму, пахнущую старой сухой травой. — Что вы делаете?! — завопила я, пытаюсь отбиваться, но меня мгновенно схватили за обе руки и куда-то потащили.

— Отведем тебя к нашему лидеру, пусть он решает, заблудилась ты или нет, — ответил мне голос.

— Я говорю правду! — заверещала я, упираясь ногами в землю и мотая головой, надеясь сбросить с себя грязный мешок. Я ничего не видела сквозь него, а в глаза насыпался какой-то мелкий мусор, и они начали печь и резать.

— Не рыпайся! — меня дернули за руки вверх и снова потащили дальше. Я спотыкалась о какие-то препятствия, но крепкие мужские руки меня неизменно подхватывали и выпрямляли, продолжая тянуть куда-то дальше, туда, куда я не знала дороги. Теперь Маркус меня точно не найдет. Да никто меня не найдет!

Когда я уже, было, отчаялась сопротивляться, я почувствовала под ногами твердый пол

и слышала хлопок двери.

— Она шла по заброшенной дороге, — произнес один из моих сопровождающих, и с головы сорвали мешок. Меня ослепил свет магических светильников, лениво летающих под потолком небольшой комнаты с деревянными стенами.

— Да отпустите! — воскликнула я, наконец, выдергивая одну из рук и начав отчаянно тереть глаза, прочищая их от мусора.

— И зачем вы ее привели? — спросил третий голос, глубокий и уравновешенный. Проморгавшись, я подняла взгляд на широкую спину рослого мужчины с короткими каштановыми волосами.

— Так ты сам говорил, кого увидим, того и приводить!

— Я говорил приводить подозрительных, а не женщин, — утомленно вздохнул лидер, поворачиваясь ко мне. Он замер и удивленно вытаращил глаза, пялясь на меня. Я подозрительно посмотрела по сторонам, затем незаметно окинула себя взглядом, потому что мужчина глядел на меня так, будто у меня было три головы, и минимум одна из них — волчья.

— Фиалка? — наконец подал голос мужчина, и я вздрогнула. Меня так довольно-таки давно не называли, и я нахмурилась, рассматривая своего собеседника. Однозначно я видела его впервые в жизни. Не помнила среди своих знакомых высоких молодых мужчин с треугольным лицом, правильными чертами и чуть сплюснутым носом. Хотя глаза глубокого коричневого цвета, напоминающего блестящий бок каштана, были смутно знакомы. Только вот могучее телосложение сбивало с толку.

— Ты что, не узнаешь меня, Фиалка? — мужчина залился звонким смехом, и я недоверчиво произнесла:

— Медведь? Это ты?..

— Ну наконец-то! — мой друг детства подошел ко мне и подхватил за пояс, поднимая в воздух. Он со смехом закружил меня по комнате, разгоняя светильники под потолком, под удивленные взгляды мужчин, что меня привели к нему.

— Джон, поверить не могу, что это ты! — рассмеялась я в ответ, держась за его плечи. — Сколько лет я тебя не видела!

— Почти 4 года, Фиалка!

— Да, именно! Тогда ты сбежал из города, никому ничего не сказав, даже мне! — я перестала смеяться, вспомнив все те обиды и волнения, что я испытала из-за его побега. Джон бережно поставил меня на пол и кивнул своим людям, отпуская их. Те молча покинули комнату, оставив нас наедине.

— У меня были на то причины, — серьезно произнес он.

— Ты так изменился, — удивленно прокомментировала я, отступая на шаг и рассматривая своего друга. Не хотелось заострять сейчас внимание на старых обидах.

— Да, есть такое, — Джон усмехнулся, запуская пальцы в каштановую шевелюру. — Зато ты стала еще красивее, чем я тебя помнил.

Я заметила в его взгляде оценивание, точно такое же, как бывало у Маркуса, когда он на меня смотрел. Оценивание взрослого мужчины взрослой женщины как возможного партнера. Я смущенно заморгала, отводя глаза. Все же мы оба повзрослели, но видеть своего друга таким было совершенно непривычно. Мы провели с Джоном-Медведем все детство вместе, пока он внезапно не исчез из Вайона. Мне тогда было всего 16, а ему — 18.

Еще лет в 6 я выбрала его своим другом и сделала все возможное, чтобы он обратил на

меня внимание и начал со мной общаться. В целом, я просто ходила за ним хвостиком, следовала в чащу леса, когда ему взбрело в голову, лазила к соседям воровать яблоки вместе с ним, участвовала в рыбалке, и он не выдержал моего молчаливого присутствия, согласившись дружить. Мы были не разлей вода, и все время, которое я не была с Милой, я проводила с Джоном. Мама считала, что он до добра меня не доведет своими мальчишескими шалостями и пакостями, но я была неотступна в желании с ним дружить. К тому же, мама никогда не успевала следить за мной, потому я могла позволить себе делать, что хочется. Мы помогали друг другу и доверяли как самим себе. И называть Джона Медведем было позволено только мне, ведь так я подтрунивала над ним из-за его лишнего веса, что начал стремительно появляться, как и у всего нашего мужского населения, где-то в подростковом возрасте, от чего не спасали даже наши регулярные вылазки на охоту. В ответ, только ему можно было величать меня Фиалкой из-за моих сиреневых волос. Теперь же он выглядел совсем по-другому, стал таким статным, что от него было глаз не оторвать.

— А где я сейчас нахожусь? — поинтересовалась я, стараясь в открытую не рассматривать Джона.

— О, это... — он повернулся ко мне боком и незаметно закусил уголок губы. Я мгновенно вспомнила этот жест, означавший, что сейчас Медведь начнет выкручиваться, придумывая небылицы, лишь бы не сказать мне правду.

— А ну рассказал мне быстро, что здесь происходит! — я топнула ногой, и Джон удивленно оглянулся. — Что это за люди, которые называют тебя лидером и ловят безобидных путников на дороге? Я не присматривала за тобой каких-то 4 года, и что я вижу? Ты сколотил шайку? Это разбойничье логово?!

— Нет, нет! — взволнованно замахал на меня мужчина. — Никаких разбойников, ты что!

— Тогда что происходит, Медведь? Не пытайся выкручиваться, я тебя насквозь вижу! — настаивала я.

— Не сказал бы... — тихо ответил он.

— Что?

— Ничего, — он дернул уголками губ и нахмурился. — Ты слышала про перебежчиков?

— Ох, больше, чем хотела бы слышать. — Я закатила глаза, внезапно вспомнив про Маркуса.

— Когда я ушел из города, я набрел на них, и примкнул. Их идеология не придерживания никакой стороны и уважение всех людей вне зависимости от того, по какую сторону границы они родились, мне импонировала. И я остался с ними, в этом селении. А со временем стал их лидером, заменив предыдущего, у которого больше не было сил защищать и управлять людьми из-за возраста. Так что ты в скрытом селении перебежчиков, в котором я, по сути, главный.

Джон замолчал. В его взгляде я увидела напряжение и надежду. Ему все так же было важно мое мнение. Я ободряюще ему улыбнулась и села на один из грубых деревянных стульев у такого же грубого стола из темного дерева.

— Ну, все не так плохо, как я думала. — Мне показалось, что Медведь тихо выдохнул, расслабившись. Неужели он боялся не оправдать моих ожиданий, даже спустя столько лет? Он сел напротив меня, готовый выслушать. — Я, знаешь ли, тоже придерживаюсь таких взглядов. — Я сняла куртку, повесив ее на спинку стула, и закатала рукав рубашки. Я нажала на правое предплечье, как это когда-то делал Маркус, и лампочка снова зажглась, как и

глаза Медведя, когда он это увидел.

— Ты имплантировала чип? Как?!

— Секрет, — мило улыбнулась я. Не хотелось посвящать Джона во все беды, что со мной приключились в последнее время.

— Не хочешь остаться у нас? — по-мальчишески выпалил Джон, наклоняясь ко мне через стол. — Если ты, как и я, считаешь, что люди вправе быть равны, то тебе будет у нас хорошо. Нас около сотни человек, и технеры, и магики. Некоторые даже создали смешанные семьи. Неслыханное событие для остального мира, но здесь нет никаких подобных глупых правил!

— Я не знаю, Джон, у меня много планов на ближайшее время, — осторожно произнесла я. Из-за Кредиториума мне нельзя было надолго нигде задерживаться, чтобы не дать им меня нагнать.

— Ясно, — разочарованно произнес мой друг, сразу же сникнув. — Но раз ты к нам попала, хотя бы Расскажи, как у тебя дела, куда ты шла?

— О, я просто заплутала! — захихикала я. — Понятия не имела, куда я иду.

— Не удивительно, эта дорога несколько лет как никем не хожена, о ней знаем только мы, и пользуются ей люди из нашего селения, чтобы ездить за провизией. Тебя поймали часовые, я дал им указание следить за подозрительными личностями, которые могли бы навредить нам, но они, видимо, решили слишком рьяно выполнять свою работу, притащив тебя ко мне.

— Ничего страшного. Я всего чуть испугалась, — я улыбнулась. — Но зато повидала тебя! — Я протянула руку и коснулась ладони Джона, лежащей на столе.

— А... я... тоже... — Медведь внезапно начал заикаться, глядя на наши ладони.

— Что — тоже? Тоже испугался, увидев меня? Думал, потащу тебя домой силком? Или, может, что начну вываливать всякие истории из твоего детства, компрометирующие великого и важного лидера перебежчиков? — Я громко расхохоталась, и Джон последовал моему примеру. Все же, я по нему соскучилась. Столькое хотелось с ним обсудить, и столькое рассказать. Кроме последних нескольких дней, конечно...

Нас прервал стук в дверь. Джон мгновенно поднялся с места и собрался, превратившись из моего старого знакомого в настоящего Лидера. Я даже невольно засмотрелась на него, любуясь той невероятной внутренней мощью, которая в нем откуда-то взялась за то время, что я его не видела.

Дверь распахнулась, и дозорные опять затащили кого-то с мешком на голове.

— Сегодня что, день экскурсий? — недовольно процедил сквозь зубы Джон. Я заметила, что оба вошедших мужчины были порядком измяты, а у одного был подбит глаз.

— В этот раз мы точно по делу! — прокряхтел тот, который разговаривал со мной первым. — Он сопротивлялся как ненормальный, даром, что раненый!

— И удар поставленный... — проворчал мужчина с подбитым глазом. — Точно или разведчик, или связан со стражей какого-то города.

Они стянули с головы пленника мешок, и я испуганно скривилась, увидев Маркуса. Резко захотелось спрятаться под стол до того, как он меня увидит, но он вскинул голову, и сразу же уставился на меня. Его разбитые в кровь губы чуть дрогнули в улыбке.

— Вот ты где, Никки...

— Ты его знаешь? — спросил меня Джон. Я нервно поднялась на ноги, и он подошел ко мне, полубоком прикрывая от Маркуса, словно тот мог причинить мне вред даже будучи

связанным.

— Еще как знает, — усмехнулся Маркус недоброй улыбкой. — Верно, птичка?

— Что происходит? — Джон заметно напрягся, и я положила ему ладонь на плечо, успокаивая.

— Это... просто знакомый, — пролепетала я, чувствуя, как горят уши. Как Маркусу удалось меня найти?

— Ага, знакомые по постели, дружим телами, — дерзко ответил Маркус, и я вспыхнула уже до самых корней волос. — А это кто? — спросил он, глядя мне в глаза. — Примкнула к разбойничьей шайке? К этому дикарю ты так спешила? Варвары тебе ближе по духу?

Его поток вопросов был прерван ударом под дых тем дозорным, у кого уже почти заплыл глаз под синяком, и Маркус согнулся пополам, задохнувшись. Я заметила, что его руки были связаны грубой веревкой за спиной.

— Так... понятно... — прорычал Джон. Он подошел к своим людям и что-то тихо им сказал. Те покивали, и он сказал уже вслух: — А пока, в погреб его.

Глава 16. Еще одна ночь

— Так ты мне не расскажешь, что это за наглый страхолюд, который еще и утверждает, что знает тебя... так близко? — спросил Джон. Я поджала губы, не желая вдаваться в подробности этих сложных отношений, в которых я совершенно запуталась.

— Это просто недобрый страхолюд, увязавшийся за мной следом, — частично соврала я. В который раз я прикидывала, сколько времени понадобится Маркусу, чтобы меня практически догнать. Наверно, порошок на него подействовал не так, как я ожидала, и он пришел в себя быстрее. Но раз он проиграл всего лишь двум невооруженным мужчинам, рана его наверняка ослабила. Ему нужно было возвращаться в город и искать лекаря. Упрямый болван.

— Почему? — прервал мои размышления Медведь.

— Что почему? — повернулась я к нему.

— Почему ты назвала его упрямым болваном? Что происходит, Фиалка?

Я испуганно забегала глазами. Вот же проклятье, я умудрилась произнести это вслух, совсем задумавшись. Нет, Медведю точно не стоит знать, что произошло. Но что мне было делать дальше? Если я скрою тот факт, что Маркус — капитан стражи, назову его своим другом, то его отпустят, и он запросто приведет сюда людей, чтобы накрыть всю группу перебежчиков. Так я подставлю Джона. Но если я расскажу все, как есть, то зная Медведя, он просто свернет Маркусу шею, защищая меня и своих людей, тем более он сейчас не в состоянии сопротивляться.

— Не обращай внимания, — пробормотала я, сосредотачиваясь на тарелке с мясным угощением, которое предоставил мне Джон, правильно решив, что я проголодалась с дороги. — Он просто увязался за мной в одном из городов, и сколько бы я ни говорила, что нам не по пути, упрямо шел следом — вот и все. А тут я ушла пораньше, надеясь, что он наконец-то меня потеряет из виду, но он снова умудрился меня найти, даже в вашей глуши.

Медведь задумчиво потер ладонью подбородок и указал на меня:

— А синяки от пальцев у тебя на шее тоже от его упрямства?

Я инстинктивно схватилась за шею. Я и не знала, что Маркус оставил на ней отметины. Неужели он вправду так сильно сдавил мое горло?

— Тебе нужна помощь? — настаивал Джон. О нет, его неуклюжей медвежьей помощи мне не хотелось.

— Я же сказала, что все нормально! — воскликнула я. — Чего ты заладил: помощь, помощь, кто такой, что да почему? Я в состоянии справиться с любой проблемой самостоятельно!

— Да-да, — засмеялся Медведь, — помню, ты говорила то же самое, когда застряла в дыре в старом баке и гордо провисела там целый час, убеждая меня, что скоро похудеешь и вылезешь сама, пока я тебя не вытащил.

— Мне тогда было десять! — возмутилась я. — Я уже вдвое старше, а значит и вдвое умней!

Джон с ухмылкой покачал головой, словно показывая мне свои сомнения на этот счет, и поднялся из-за стола.

— Нам пора идти.

— Куда? — поинтересовалась я, с готовностью вставая следом и вытирая рот рукавом.

— Увидишь, — криво улыбнулся он. Почему-то эта ухмылка мне не понравилась.

Мы вышли на улицу, и я оглянулась на дом. Это был добротный одноэтажный сруб, стоящий между двух высоченных хвойных деревьев, прикрывающих его сверху своими вечнозелеными лапами.

— Ты живешь здесь? — поинтересовалась я, идя следом за Джоном куда-то. Мимо нас проходили люди, каждый приветливо с ним здоровался, и он благодушно кивал им в ответ.

— Да, у нас здесь несколько домов, мы стараемся быть неприметными. Этот — мой, здесь я и живу, — в его голосе зазвучала гордость. Меня разобрало любопытство, и я осторожно спросила:

— Один?

Медведь заинтересованно покосился на меня:

— А почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами.

— Я так давно не видела тебя. Стало интересно, как у тебя сложилась жизнь.

— Один, — коротко ответил Джон.

Я промолчала, почувствовав какое-то напряжение, исходящее от моего друга. Наверно, ему было и так сложно справляться с обязанностями главы селения, а тут я полезла со своими вопросами, есть ли у него отношения. Надеюсь, у него было время хотя бы спать. Чтобы отвлечься, я начала рассматривать домики вокруг нас. Они все были совсем крошечные и деревянные, ни одного двухэтажного. У некоторых были соломенные потемневшие крыши. Между ними земля была очищена и притоптана ногами жителей, постоянно занятых выживанием в сложном для них, но свободном от предрассудков и ограничений мире. Мимо нас пробежал маленький мальчик, лет трех от роду, и скрылся в одном из таких домиков.

— Здесь есть дети? — удивилась я.

— Да, это сынишка той смешанной пары, о которой я тебе рассказывал, — улыбнулся Джон.

— Дети — показатель того, что людям хорошо там, где они живут, — я усмехнулась в ответ, скрыто поддерживая Джона.

— У нас их здесь трое, — продолжил он, — и еще одна женщина на сносях. Так что еще пара недель, и станет четверо. Я так привык к этому месту, что мне кажется, будто они мои собственные, — честно признался Медведь.

— У тебя всегда была тяга опекать маленьких детей, — я добродушно толкнула его в бок, и он мило рассмеялся.

Мы подошли к небольшому скоплению людей, которые стояли вокруг чего-то вдали от жилых домов. Я отметила, что среди них были лишь мужчины, когда они расступились перед Джоном, пропуская его к центру, к круглой поляне. Я оказалась единственной женщиной.

— Ты привел меня на собрание? — я подняла голову на Медведя.

— Нет, — он повернулся к одному из мужчин, что-то ему тихо сказал, и тот, кивнув, ушел.

— Тогда что мы тут делаем? — не унималась я.

— Сейчас увидишь, — твердо ответил Джон.

Мужчины вокруг нас толклись и тихо переговаривались. Один из них нечаянно пихнул

меня локтем, даже не заметив из-за моего низкого роста, и громко рассмеялся над словами другого мужчины. Я обиженно потеряла правое предплечье и нахмурилась. Казалось, мне здесь не место. Джон, заметив, что меня толкают, встал у меня за спиной и сцепил пальцы на моем животе, ограждая от толчеи. Я подняла на него лицо и улыбнулась.

— Спасибо.

Медведь снисходительно улыбнулся уголками губ.

Толпа внезапно заулюлюкала, и я повернулась обратно к поляне. Прямо в ее центр двое рослых мужчин вытолкнули Маркуса с завязанными за спиной руками. От удара в спину он упал на землю, едва не пропахав ее носом. Я вздрогнула от этой картины, и сердце болезненно сжалась. Я наблюдала, как он тяжело перекачивается на бок, а затем с трудом поднимается на ноги, слегка покачиваясь. Похоже, рана и вправду очень его ослабила.

— Это что, какой-то ваш суд? — взволнованно спросила я Джона, но он не смотрел на меня, сверля тяжелым взглядом Маркуса.

— Сейчас увидишь, — глухо ответил он мне.

Маркус напряженно осмотрел толпу, тоже не понимая, что происходит, и остановил взгляд на мне. Я пристыженно опустила глаза, не в силах выдержать сейчас этого. Джон задумал что-то плохое, чтобы отомстить за меня, это я знала точно. Внезапно толпа заволновалась еще больше, и нас с Медведем чуть потеснили. Мимо прошел высоченный необъятный мужчина и тоже вышел на середину поляны.

— Бык! Бык! — заскандировали мужчины вокруг, громко свистя.

— Что это такое? — воскликнула я, поворачиваясь к Джону в кольцо его рук. — Что ты делаешь? Это что... — я задохнулась от ужаса, — бой?!

— Когда управляешь большим количеством людей, важна не только их безопасность, но и развлечения. В лесу их нет, а моим людям нужно как-то сбрасывать постоянное напряжение. Твой шибздик идеально для этого подойдет, — ответил он, глядя вверх моей головы.

— Джон, так нельзя! Останови это! — вскрикнула я, ударив его по груди кулаком, чтобы заставить посмотреть на меня, но он словно принципиально игнорировал меня. Я замахнулась снова, но мое запястье было ловко поймано в мягкое кольцо его пальцев. — Да что на тебя нашло!

Джон медленно развернул меня обратно спиной к себе и, поймав второе запястье, сжал их у меня на животе, привлекая к себе плотнее.

— Стой и смотри, — жестко произнес он тоном, не допускающим неповиновение.

Я все же заставила себя взглянуть на поляну. У высоченного мужчины бритая голова с расплюснутым носом, казалось, плавно перетекала из ушей сразу в плечи. Он был одет в кафтан грязно-коричневого цвета, который был подвязан поясом под его необъятным животом. Здоровяк лениво рассматривал Маркуса, как хищник смотрит на раненого кролика, которому уже никуда не сбежать. Маркус же, оценив габариты соперника, начал нервно крутить запястьями за спиной, тщетно надеясь освободить руки.

— Он что, останется связанным? — севшим голосом спросила я.

— Так будет интереснее.

— Так нельзя, Джон, что же ты делаешь!

Я почувствовала, что он пожал плечами за моей спиной.

— Когда ты успел стать таким черствым и жестоким?! — воскликнула я, не в силах освободиться из его заботливой хватки.

Бык, наконец, придя к какому-то выводу в своей маленькой голове, отстегнул что-то с пояса, и я увидела в его руках огромный тесак, размером, наверно, с мою руку. Даже в Вайоне мясники пользовались меньшими топорами для разделки туш на продажу.

— Он вооружен?! — взвизгнула я.

— Однажды я видел, как он отрубил этим топором голову волку. Одним движением. На лету. Чик — и к его ногам упало лишь тело, отделенное от головы идеальным ударом, — палец Джона провел длинную линию по моему животу, и в нем закопошилось чувство ужаса.

— Медведь, нет, останови его! Вооруженный против безоружного со связанными руками? Это просто мясорубка, а не развлечение! Это будет нечестный бой!

— Он ответит за каждую эту отметину кровью, — тихий голос Джона прозвучал у самого моего уха, и я почувствовала, как пальцы его свободной руки скользят по моей шее, там, где Маркус поставил мне синяки. — Думаешь, я не догадался? Ты лжешь еще хуже меня, Фиалка.

Его ладонь исчезла с моей шеи и вернулась горячим камнем обратно на живот. Это представление было устроено лично для меня. Джон решил, что так он освободит меня от Маркуса. И от проблем, которые он мог создать для селения. Умом я понимала, что Медведь прав, но моя душа рвалась к пленнику, требовала его спасения.

Здоровяк, наконец, пошел в атаку под ободряющие возгласы толпы. Взмах топора — и мне показалось, что мое сердце остановилось, пока он опускался на то место, где стоял Маркус. Мгновение перед его неминуемой гибелью продлилось для меня вечность. Лезвие, разрезав воздух, ударилось в пустое место, с которого Маркус успел откатиться в последний момент. Толпа взревела, довольная тем, что шоу продолжалось, а Джон за моей спиной тихо хмыкнул. Маркус подскочил на ноги, пытаясь хотя бы выпутаться из веревки. Еще замах — и снова пленник отпрыгнул в последний момент. Бык, не выдержав того, что жертва оказалась проворнее, чем он ожидал, утробно заревел, и с неожиданной для него прытью бросился к Маркусу. Тому не оставалось ничего, кроме как побежать в противоположную сторону, описав круг по поляне. Толпа недовольно загудела:

— Хватит бегать кругами!

— Да прибей его уже!

— Бык, сколько можно?

— Теряешь хватку!

Эти крики разозлили здоровяка еще больше. Даже со своего места я увидела, как наливаются кровью его глаза, словно у настоящего быка, увидевшего раздражающее его мельтешение. Взмахи топором становились все хаотичнее, когда он пытался хоть как-нибудь попасть по Маркусу, который сноровисто уворачивался от каждого. Внезапно, когда Бык размахнулся, а его противник дернулся в сторону, здоровяк подловил его. Кулак ударил прямо в челюсть, и Маркус упал перед ним на колени, тяжело дыша. Он повесил голову, слегка наклонившись вбок, и мне показалось, что он потерял сознание. Толпа взволнованно взревела, а Бык оскалился черными кривыми зубами. Он медленно поднял топор, словно боялся спугнуть свою жертву случайным резким движением, и я, не выдержав, начала рваться из рук Джона.

— Нет, стой! Стой! Не надо! Не-е-ет!

Я с ужасом смотрела на последние моменты перед показательной казнью, и ничего не могла сделать. Медведь без особых усилий удерживал меня на месте, чтобы я не бросилась к головорезу в последней отчаянной надежде остановить его от кровавого преступления, от

уничтожения моей мечты.

Маркус едва заметно вздрогнул. Может, он услышал мой голос среди толпы. А может просто пришел в себя. Я закричала, едва не срывая голос, когда лезвие топора в последний раз разрезало воздух.

Внезапно Маркус резко развернулся и наклонился вперед, выставив связанные запястья вверх. Лезвие топора идеально прошло сквозь веревки, разрезая их, словно волос. Маркус дернул руками в стороны, сбрасывая с себя оковы, и откатился от здоровяка в сторону. Развернулся к нему одним движением, и в глаза Быка полетела пригоршня песка.

Я шумно выдохнула. Я словно не дышала несколько минут, так громко билось в груди сердце, обрадованное тем, что Маркусу удалось выжить, и у него даже появился шанс на победу. Джон за спиной тихо присвистнул, видимо, не ожидая увидеть подобное.

Бык взревел, начав тереть глаза свободной рукой и размахивая топором перед собой. Толпа заволновалась и бросилась врассыпную от него, боясь поймать лезвие. Маркус проскользнул за спину Быка и ловко взобрался на нее. Толпа остановилась, удивленно следя за зрелищем. Здоровяк начал размахивать тесаком и руками, не в состоянии дотянуться до собственной спины из-за толстоты. Наверно, именно на его габариты Маркус и рассчитывал, залезая к нему на спину. Я увидела в его руках обрывок веревки, и он накинуд петлю туда, где теоретически у Быка была шея, и начал ее закручивать, стягивая удушающую петлю. Здоровяк захрипел и покраснел, его движения становились все более вялыми. Маркус не сдавался, встав у него на плече на одно колено и уперевшись другим в основание необъятной шеи, словно сражался с огромным монстром, а не человеком. Спустя несколько мгновений Бык, наконец, сдался. Он рухнул на поляну, подняв вокруг себя облако пыли, и Маркус неуклюже упал на землю рядом, но сразу же поднялся на ноги и, пошатываясь, подошел к нему. Он рывком содрал с его шеи удавку под разочарованные вопли толпы, и я увидела, как Бык судорожно вдохнул. Все же он его не убил. Затем Маркус поднял оброненный тесак и, с размаху всадив его в сухую землю, ударил по лезвию ботинком, переломал его, бесповоротно испортив оружие. Он выпрямился, стараясь унять дрожь от перенапряжения в ногах, и указал сжимаемой в руке рукоятью с покореженным металлом на конце на меня. Нет, не на меня. Он указывал на Джона. Толпа благоговейно стихла, и Маркус заговорил:

— Ты здесь главный? Я вызываю на бой тебя. Хватит прятаться за спинами своих людей. Хочешь что-то мне доказать? Выходи против меня сам! С оружием или без, я убью такого подлеца, как ты, с завязанными глазами!

Толпа молчала. В воздухе повисла звенящая тишина. Внезапно ее разрезал громкий смех Джона за моей спиной. Он махнул рукой, и из толпы послушно вышли двое мужчин и подошли к победителю. Маркус был без сил. Он едва стоял на ногах после поединка, потому им ничего не стоило попросту забрать у него из рук остатки топора и снова связать их за спиной.

— Куда они его тащат? — взволнованно спросила я.

— Обрато в погреб, — бросил Медведь, наконец, отпуская меня. Люди вокруг начали задумчиво расходиться по своим делам. Тем более, начало темнеть, и на лес опускалась холодная ночь.

— Маркус ведь победил! — воскликнула я, ошеломленная столь жестокими действиями моего друга. — Отпусти его!

— Он сражался не за свободу, — холодно ответил тот, — а за возможность прожить еще одну ночь. Идем обратно в дом, уже вечерет, — произнес Джон более дружелюбно, и я

была вынуждена последовать за ним. Хотя теперь мне хотелось сбежать и от него тоже. Это был уже не тот Медведь, которого я знала всю жизнь.

Глава 17. Глупость

— Ты объяснишь мне, что это было за показательное выступление? — поинтересовалась я у Джона, рассматривая медвежью шкуру, висящую на стене его дома. Так символично.

— О чем ты? — спросил он, роясь в грубо сколоченном шкафу и позвякивая чем-то стеклянным.

— Про это подобие боя, из которого ты пытался сделать бойню!

— Хочешь выпить со мной? — произнес Джон, ставя передо мной высокую бутылку с плещущейся внутри темно-бордовой жидкостью.

— Ты что, съезжаешь с темы? — поинтересовалась я, наблюдая, как к бутылке присоединились две деревянные чаши без ручек, молчаливо констатирующие тот факт, что я не могу отказаться от предложения.

Медведь пожал плечами, словно участвовал в будничной болтовне о погоде, а не об организованной им поножовщине.

— Что это? — спросила я, указывая на уже разлитую выпивку.

— Обычная ягодная настойка, — ответил Джон. — Неужели не хочешь отметить со мной встречу? — он улыбнулся и осторожно стукнул краем своей чаши о ту, что предназначалась мне, и я, не желая обидеть хозяина дома, с улыбкой взяла ее и опрокинула в себя под одобрительный кивок Медведя. У выпивки был мягкий сладкий вкус, отдающий не то вишней, не то смородиной. Через несколько минут я почувствовала, что голова начинает немного кружиться.

— Я рад, что ты случайно забрела к нам, — произнес Медведь, обновляя мой самодельный бокал и садясь за стол напротив меня.

— Я ненадолго, — честно ответила, отпивая из чашки. Все же настойка была неплохой, так легко пила, а перебродившая составляющая в ней почти не чувствовалась.словно компот, от которого начинала плыть комната.

— Почему? Ты можешь оставаться у меня сколько захочешь, — Джон снова налил настойку, и я опять с довольной мордой сжала чашку в руках. Давно мне не приходилось выпивать с друзьями в тишине и спокойствии.

— Меня ждут в одном городе, — соврала я.

Джон тихо засмеялся. В его глазах играли отблески осеннего солнца, отскакивающего от налившихся каштанов, готовых сорваться с ветки дерева. От его улыбки на щеках появлялись едва заметные ямочки. Джон так похудел с нашей последней встречи. Когда его щеки были круглыми, этих ямочек не было. Да и подбородок не выглядел таким мужественным, как сейчас.

— Я помню, как ты впервые заплела волосы, Фиалка, — внезапно произнес Джон. — Ты так упрямо отказывалась выходить в тот день из дома. — Я густо покраснела и отвела взгляд. Конечно же я не хотела выходить, ведь в тот день я стала девушкой, и мне не хотелось так открыто демонстрировать это Джону. — Но мне удалось тогда выманить тебя земляникой, — захохотал он, — битый час ее собирал в лесу для тебя.

Я угрюмо кивнула и смущенно уткнулась в чашу, в которой еще оставалось немного настойки на дне.

— А ты помнишь... день, когда я ушел? — поинтересовался Медведь. Я вздрогнула. Этот день совсем не хотелось вспоминать.

— Нет, не помню, — заплетающимся языком пробормотала я. — Я же не знаю, когда именно ты ушел после того, как мы встретились в последний раз. Ты же не посчитал нужным о чем-либо мне говорить! — Внезапно меня разобрало зло за то, что мой друг просто развернулся и ушел.

— Ты поняла, о чем я. — Мне показалось, что Медведь стал более напряженным, чем до этого.

— Какая разница, что было тогда, — буркнула я, ставя на стол чашу, которая сразу оказалась полной. Я чувствовала себя совсем захмелевшей, чего не могла сказать про Медведя. Он пил со мной, или нет? Я не обращала на это внимание.

— Есть разница, — вздохнул Джон, отводя от меня взгляд и все же опустошая свою чашу, словно он к чему-то готовился и собирался с духом. Посидев немного, глядя куда-то на стену он, наконец, заговорил. — Я тогда струсил. Посмотрел на тебя, и понял, что тебе это все не нужно.

— Что не нужно? — я сосредоточенно уставилась на Медведя, пытаюсь собрать разбегающиеся глаза в кучу. — Ты хотел забрать меня с собой?

— Нет, — мотнул головой Медведь, опуская ее. — Но раз ты пришла сама, спустя 4 года, значит это точно судьба, иначе быть не может.

Я неожиданно для себя рассмеялась, слушая белиберду, которую нес Джон.

— Какая судьба, о чем ты?

Медведь поднял голову и, глядя мне в глаза, произнес твердым голосом:

— Николь, я люблю тебя.

Я выпучила на него глаза в ответ. Я едва не лягнула какую-то ерунду, сведя все в шутку, но вовремя спохватилась, что могла бы сильно обидеть Джона. Я внезапно вспомнила все то время, что мы проводили вместе. С самого детства. Это было так очевидно, но я не замечала того, что происходило рядом. Медведь всегда был со мной, его не нужно было просить о помощи, он готов был выслушать и поддержать. Как и я его. Только я считала его хорошим и надежным другом. А он...

— Я... — проблеяла дрожащим голосом, судорожно пытаюсь поймать нужные слова, разбегающиеся в пьяной голове, как мыши по амбару.

В комнате повисла напряженная тишина. Я чувствовала себя невероятно неловко. Мне нечего было ответить Медведю. А он ждал. Сидел и сверлил меня взглядом, ожидая, когда же я наконец-то выдавлю из себя хоть что-то. Мне внезапно стало невероятно душно в его доме и рядом с ним. Ужасно захотелось выйти на улицу, чтобы проветрить хмельную голову. Я подскочила на ноги, качнувшись, и Медведь последовал моему примеру.

— Мне нужно пройтись, — с трудом произнесла я, виляя отправившись к двери.

— Я с тобой, — мгновенно отреагировал Медведь, начав натягивать на себя куртку.

— Нет, я сама, — не глядя махнула на него рукой, выходя на улицу.

Солнце уже давно село, закончив день. В лесу было довольно холодно, и я немного пришла в себя. Ледяные пальцы ветра грубо касались моих щек, цепко пытаюсь пробраться под одежду, и я поежилась, кутаясь в куртку. Я зашагала по первой попавшейся на глаза тропе в лес, убеждая себя, что я не сбегаю от Медведя и разговора с ним, а просто гуляю. Проходя мимо одного из крошечных деревянных домов, я заметила женщину, и ноги сами повели меня к ней, а пьяный мозг задал вопрос:

— Извините... Где у вас... подвал? Где вы пленников держите?

— Погреб, что ли? — повернулась ко мне женщина и добродушно улыбнулась. — Там, у валуна, — она указала дальше по дорожке, по которой я шла, и отправилась дальше по своим делам.

Надо же, я умудрилась выбрать нужный путь из всех возможных. Хотя, почему он был мне нужен? Я не могла понять, что заставило меня, пьяную, с трудом различавшую двоящуюся под ногами тропу, отправиться именно к Маркусу, в эту темень, этот холод, посреди леса, проверить, как он там, как его рана... Нет, я шла просто так. Всего лишь гуляла. Не важно, куда ты придешь, если ты гуляешь.

Тропинка уткнулась в какую-то деревянную дверь с крошечной решеткой наверху, вдавленную прямо в небольшой холм. Сбоку от нее нависал, давя на меня невероятным весом, гигантский валун. Я встала перед дверью, пялясь на нее, как баран.

— Зачем ты пришла? — прозвучал голос из-за двери, и я подпрыгнула на месте от неожиданности. — Ты что, пила? — раздался следующий вопрос.

— А тебе-то какое дело? — горделиво спросила я, скрещивая руки на груди. — Ну что, как тебе там, за решеткой? Удобно, тепло? Каково это, испытать на своей шкуре то, что ты готовил для меня? Нравится? — желчно произнесла я, чувствуя, как мое сердце наполняется все большей ненавистью и гневом ко всему этому. К Маркусу, к Медведю, к себе самой.

— Нет, — донесся короткий ответ. Я мгновенно стусевалась, не ожидая такой реакции. Хотелось ругаться, кричать, обвинять Маркуса в том, что он сделал со мной. А он... просто...

— Никки, выпусти меня отсюда, — произнес Маркус.

— Зачем мне делать это? — опешила я от его предложения.

— Уйдем отсюда. Только ты и я, и больше никого. Мы вдвоем. Мы могли бы быть вместе. Я все понял, почему ты так поступила со мной, понял твои слова. Я хочу поговорить с тобой, обсудить все. Извиниться за то, что сделал...

— Нет... — я отшатнулась от двери. — Ты просто говоришь то, что я хочу услышать! Используешь мои слабые места против меня же. Это так похоже на тебя! — Слезы неожиданно подступили к глазам и начали сдавливать горло, напомнив, как Маркус едва не задушил меня, управляемый Мирабэлль.

— Не говори глупостей, — возразила мне дверь. — Ты просто пьяна, и не в состоянии сейчас думать логически, потому я предлагаю тебе решение, которое помогло бы нам обоим. Я задохнулась от подобного заявления.

— Значит, я по-твоему пьяная дура?! — я вытерла рукавом глаза и громко шмыгнула. Оперлась о дверь и наклонилась к самой решетке, которая оказалась чуть ниже моего лица. — Я натравлю на тебя Джона, понял? Он сделает для меня все! Он разберет тебя по частям на органы. Джон меня любит, понял?! Меня могут любить, а не пользоваться и держать у своей ноги на случай, когда смогу пригодиться! Я отомщу тебе, и за себя, и за всех тех женщин, которых ты использовал для удовлетворения своей грязной похоти! Я... Да я...

Я съехала по двери на землю. Из глаз лились слезы непрерывным потоком, перекрывая поток словесный. Я не могла выдавить из себя больше ни слова. Маркус меня обманывал, его слова были сотканы из сплошной лжи, словно полотно, сплетенное из множества нитей, созданных чьими-то кропотливыми пальцами. Не будет с ним никаких "мы" и "вместе".

— Закончила? — поинтересовался голос из-за двери. Я медленно поднялась на ноги, размазывая слезы по лицу и всхлипывая.

— Пошел ты, Маркус. Сиди там, в земляном мешке. Там тебе и место, — ответила я и, с трудом разбирая дорогу, пошла обратно к дому Джона.

— Нет, погоди, Никки, извини, если я обидел тебя! Никки! Вернись! — донеслось мне в спину, но я упрямо ушла от камня назад в селение.

Не успела я пройти и несколько метров, как уперлась в чью-то широкую грудь.

— Фиалка? Что случилось? — раздался заботливый и взволнованный голос Джона.

— Медве-е-едь... — зарыдала я в голос, утыкаясь в него носом и сжимая руками его куртку.

— Ну чего ты? Кто тебя обидел-то? Ты ходила к тому ублюдку? Зачем? Он тебе что-то наговорил? Только скажи, и я его...

Руки Джона сжались вокруг меня, привлекая ближе в теплых объятиях.

— Нет, не надо, не трогай его... — замотала я головой в его груди, от чего она закружилась еще больше, и я чуть качнулась.

— Все, все, успокойся, Фиалка, — Медведь осторожно погладил меня по голове своей огромной лапой. Я подняла на него заплаканные глаза. В темноте я с трудом различала лишь его расплывающийся в моих пьяных глазах силуэт, но видела, что он на меня внимательно смотрит.

— Все будет хорошо, я постараюсь для тебя, — пообещал он, и я снова горько всхлипнула. Ну почему именно Медведь мне это говорил? Почему он полюбил меня, а не тот, кого полюбила я? Но я не имела права обманывать его или давать ложные надежды.

— Медведь, прости меня, — слезы снова потекли ручьями, мешая подобрать лучшие слова. — Я не могу ответить тебе... взаимностью...

— Я это понял... — Медведь тяжело вздохнул, прижимая меня обратно к своей груди. — Ты сейчас в моем положении, верно? — он тихо хмыкнул, и я пристыженно кивнула.

Мы стояли посреди тропы, в лесу, в крошечной тишине, оба отвергнутые теми, кого любили, и казалось, что вокруг нас никого больше нет. Лишь два человека с разбитыми сердцами.

— Я ушел тогда из города, потому что не мог больше находиться рядом с тобой, каждый день, и в то же время мне не хватало мужества принять твой возможный отказ, если бы я рассказал о своих чувствах. Потому я трусливо сбежал, чтобы отдалиться от тебя. Я думал, что если я больше не буду тебя видеть, то чувства уйдут, но как же я ошибся... Когда я увидел тебя, в своем доме, все мгновенно вернулось назад, ожило, ударило мне в голову. Словно не было этих четырех лет. А потом приволокли этого... и я понял, что ему не соперник... — Медведь утробно и тихо засмеялся, едва уловимо ухом, прижатым к его груди. Я почувствовала, что постепенно успокаиваюсь, обволакиваемая его теплом и таким знакомым объятием. — Может, дашь мне шанс? — произнес Джон.

— Шанс? — я снова подняла на него глаза, уже почти высохшие от слез. Мысли хаотично бегали в голове, окончательно разбавленные алкоголем. Меня начало клонить в сон.

— Да, шанс, — в темноте мелькнула едва различимая улыбка Медведя. — Для нас. Моей любви хватит на двоих. — К моему удивлению, он наклонился ко мне ниже, сжимая в крепких объятиях, и я почувствовала прикосновение губ к своей шее. Его дыхание обожгло кожу горячим шепотом: — Просто дай мне этот шанс, Фиалочка.

Я почувствовала, что Джон куда-то меня ведет. Голова кружилась, и я с трудом

заставляла себя оставаться в сознании и не уснуть прямо у Медведя на руках. Я не поняла, как, но словно через мгновение я оказалась в его доме, и он увлек меня дальше, в соседнюю маленькую комнату. Приглушенный свет едва освещал стены, завешенные шкурами зверей, видимо, для тепла. Вместо кровати посреди комнаты были свалены в гору еще больше шкур, словно я попала в настоящую берлогу медведя, куда вместо листвы для зимовки натаскали незадачливых жителей леса.

— Я столько об этом мечтал, любимая, — прошептал Джон.

Я вяло стояла перед ним, краем сознания ощущая, что меня раздевают. Я качнулась под его крепкими горячими руками и упала спиной на шкуры, словно на мягкую терпко пахнущую перину, чей пух торчал наружу. Пальцы сжали пушистую шерсть, и я невольно ее погладила, наслаждаясь нежным прикосновением к своему обнаженному телу. Мою ладонь перехватили и прижали к чему-то горячему, и я с трудом осознала, что меня обнимает Джон, положив мои ладони себе на грудь. В его руке я увидела какой-то блестящий квадратик, и спросила полусонным голосом:

— Что это?

Медведь взглянул на меня и тихо усмехнулся:

— Этим пользуются технеры, чтобы предотвратить беременность. Думаю, пока еще рано о таком думать. Я не хочу насильно привязывать тебя к себе подобным образом.

Я отвернулась в сторону, смущенная тем, что Джон возвышался передо мной обнаженным и надевал какой-то кружок на член. Неужели это то, чего я хотела? Джон был моим другом. Другом, влюбленным в меня по уши. Может, смысл не в том, чтобы любить. А чтобы быть любимой?

Джон навалился на меня, прижимая к ложу из шкур и крепко обнимая. Устроился между бедер, тяжело дыша на ухо и без остановки осыпая меня поцелуями. Мне казалось, что это глупый сон. Не могла я вправду быть с Джоном. Он ведь... друг...

Я почувствовала давление внизу живота и легкую боль. Поморщилась и тихонько заскулила, но было совсем не так больно, как с Маркусом. Все было совершенно не так. Я ничего не чувствовала. Прикосновения Джона не сводили с ума, его поцелуи не разжигали во мне пламя. Даже мое лоно словно не согласно было его принимать и отключило те ощущения, которые мог вызвать Маркус одними лишь пальцами. Интересно, как было бы с ним? Был бы это вулкан ощущений? Не могло быть так, что секс — это лишь механические движения, не приносящие больше ничего. Ничего. Пустота, заполненная не тем, кого я хотела. На глаза навернулись слезы, и я зажмурилась, пытаюсь не слышать шумное дыхание мужчины у моего уха, не ощущать в себе его член, его руки на своем теле, своей груди. Все было неправильно.

Внезапно Медведь утробно зарычал, и резко дернулся во мне так, что я ощутила боль. Несколько резких, грубых толчков, похожих на конвульсии, и его хриплый стон. Я лишь кукла, позволившая ему исполнить с собой то, чего он так долго хотел.

— Фиалочка, я люблю тебя... — раздался шепот возле моего уха, и из глаз потекли на шкуры слезы, затекая мне в уши, запутываясь в выбившихся прядках волос. Я тихо шмыгнула, и почувствовала, что Джон из меня вышел. Все закончилось.

— Что это... — произнес он. Сквозь полудрему, в которую я начала мгновенно проваливаться, услышала его удивление. Я почувствовала влагу между ног, но меня это совершенно уже не заботило.

— Это кровь... — растерянно добавил Медведь. — Ее ведь не было вначале, я бы

заметил. Неужели ты была девственницей?

Я бы и не задумалась об этом, если бы Джон внезапно не бросился ко мне обратно, снова сковывая в капкане рук и осыпая поцелуями.

— М-м-м... — неоднозначно потянула я, пытаюсь увернуться от его губ, от которых мне становилось тошно. Наверно, рана, оставленная Маркусом, не успела зажить до конца, и закровоточила, вводя Медведя в заблуждение.

— Я-то, дурак, думал, что ты с ним... а ты... О Безымянные, как же я тебя люблю, моя родная, моя хорошая девочка, — шептал без остановки Джон, врезаясь каждым словом в мое сердце, словно острыми ножами. Я обманула его, сама того не зная. — А я был так груб с тобой и напорист, еще и кончил слишком быстро. Я столько мечтал об этом, что не смог сдержаться дольше... Прости, если сделал больно, Фиалочка, обещаю, это первый и последний раз, когда я причинил тебе боль, физическую или душевную. Я все для тебя сделаю, — продолжал шептать Медведь, убаюкивая меня. — Хочешь, уйдем отсюда, я брошу эту общину, вернусь в наш город. Или пойдем туда, куда ты скажешь. Что угодно, лишь бы ты была счастлива.

Он укутал меня в еще одну шкуру, укрывая от холода ранней весны, и лег рядом.

— Спи, цветочек, завтра все решим.

Медведь тихо поцеловал меня в макушку и немного отодвинулся. Меня обнимало лишь импровизированное одеяло. Совсем не так, как делал Маркус. Он всегда прижимал меня к себе покрепче. Я ощущала одиночество, даже находясь в комнате с Медведем. Наверно, он хотел, чтобы я отдохнула, потому отодвинулся подальше на своей звериной кровати. Маркус бы наверняка не оставил меня так быстро в покое. А Джон сразу отвернулся к стенке... Хотя, может, все не так уж и плохо. По крайней мере, он меня любит. Он меня не предаст, никогда не предавал. Он настоящая каменная стена. В конце концов, он из моего народа... Может, со временем я забуду Маркуса, и Джон сможет вытеснить его из моего сердца своей заботой и любовью. И тогда я обрету свое счастье.

Я закрыла глаза и мгновенно провалилась в хмельной сон без сновидений.

Глава 18. Проигравшие

Какой-то шум настойчиво вдалбывался в мой глубокий тяжелый сон. Он стучал то громче, то тише, короткими очередями и единичными ударами. Мне размыто снилось, что кто-то бьет молотком по стене, но звук становился все громче и я, в конце концов, нехотя проснулась, недовольная тем, что меня разбудили. Алкоголь еще не полностью растворился, и голова немного кружилась и гудела. Я услышала какие-то посторонние шорохи и топот в комнате. Осторожно сев на кровати, я увидела торопливо одевающегося Джона.

— Что происходит? — спросила я, и он бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Оставайся тут, — ответил он тоном, не терпящим пререканий, и направился к двери. Я снова услышала где-то совсем близко быстрый перестук и... крики. На улице раздавались крики, мужчин, женщин. Это был не стук, а выстрелы! Я вскочила с кровати следом за Джоном.

— Что случилось?! — я начала судорожно искать обувь, но ее нигде не было, и я бросилась за Джоном в одних носках, увидев лишь его спину в проеме. Он захлопнул дверь за собой, даже не оглянувшись на меня.

Я заколебалась, не решаясь последовать за ним, но по ту сторону двери снова раздались выстрелы. Кто-то напал на деревню. Но если я останусь в доме, то не буду знать, на чьей стороне перевес, и не смогу действовать согласно сложившейся ситуации. Я просто не могла позволить себе оставить Джона.

Я взялась за дверную ручку и рванула тяжелую дверь на себя. Холодный ветер ударил в лицо, голова закружилась, и я выскочила на улицу, сразу же отбежав от двери в сторону большого дерева, что росло рядом с ним. Когда я оглянулась, моим глазам предстало побоище. В предрассветной мгле я разглядела людей, что лежали на земле и не двигались. Мимо деревьев тенями мелькали чьи-то фигуры. По ушам время от времени ударяли оглушающие выстрелы какого-то оружия, которые раздавались, казалось, сразу со всех сторон.

В этом беспорядке я заметила Медведя и бросилась к нему, не зная, что делать, но остановилась, не добежав несколько шагов. Джон стоял боком ко мне, лицом к какому-то мужчине в черной одежде, направившем на него длинное дуло оружия. Сердце пропустило удар, и сразу же застучало в голове, пытаясь заставить ее придумать, что делать. Еще мгновение, и Джона просто пристрелят. Я должна была что-то предпринять, отвлечь нападавшего, потому я резко присела и подхватила с земли камень, намереваясь бросить его в голову мужчины в шлеме. Выиграть хотя бы минуту времени для Джона, чтобы он мог воспользоваться большим топором-секачом, зажатым в руке. Но Медведь заметил меня. Он оглянулся, и я поняла, что он смотрел куда-то мимо, за мою спину.

— Забери ее! — крикнул Медведь.

Мою талию крепко обхватили чьи-то руки, отрывая от земли, и я замахала руками, намереваясь отбиться, все еще следя взглядом за Медведем, стоящим напротив врага. Он поднял руку с топором, и время остановилось. Воздух взорвался выстрелом.

— Не смотри! — крикнул знакомый голос над ухом.

Но я смотрела.

Видела каждое последнее мгновение. Как пуля вонзилась в лицо Медведя. Как вылетела

из затылка кровавым фонтаном с какими-то ошметками. Как его голова превратилась в багровое месиво. Как мой друг, большой, сильный, веселый, надежный, один из лучших в мире людей, которых я знала, медленно падал. Как земли коснулась лишь пустая оболочка, в которой больше не было Джона. И больше никогда не будет.

Я закричала, срывая голос, оглушая сама себя собственным криком отчаяния. Кто-то потащил меня назад, в сторону леса, сжимая меня настолько крепко, что я не могла и пошевелиться.

— Я не могу его бросить!.. — просипела я, пытаясь остановить похитителя.

Нельзя было вот так уйти, оставив Джона неотмщенным, оставив просто лежать посреди леса. Даже не похоронив его. Перед глазами по кругу проигрывалась яркими вспышками увиденная картина. Последние мгновения жизни Медведя. Я ничего не видела вокруг себя, ни кто меня тащил, ни куда. Силы покинули меня, когда я окончательно сорвала голос, и ноги предали, заставив упасть на землю. Кажется, я поранила колени и ладони при падении. Чьи-то руки подхватили меня подмышки и взвалили на плечо, переворачивая очертания мира, плывущие дрожащими волнами сквозь плотную пелену слез, и мои мысли вверх ногами. Я безвольно опустила голову. Сознание в последний раз вспыхнуло перед глазами и погасло, ограждая и оберегая меня от пережитого.

Я почувствовала, что пришла в себя. Голова и горло нестерпимо болели. Первым желанием было мгновенно подняться на ноги, но когда в памяти всплыли все недавние события, мгновенно сжав горло будто жестким кулаком, я решила для начала оценить свое положение. Джон кому-то меня отдал, меня забрали из той бойни. Это сделал кто-то, кому он доверял. Медведь не стал бы подвергать меня дополнительной опасности. Это было последнее, что он смог для меня сделать в той ситуации. Мне показалось, что я вот-вот снова разрыдаюсь, оплакивая гибель своего друга, но слезы не покатались из моих глаз. Похоже, я уже успела их все выплакать, и их место теперь занял острый песок. К тому же, внезапно пришло пугающее понимание. Я хотела плакать только потому, что должна была. Было положено оплакать умершего. На самом деле, я ощущала... облегчение. Страх от этого осознания сдавил горло еще больше. Безмянные решили за меня, как должна была продолжаться моя судьба и чем закончиться судьба Джона. Мне оставалось лишь принять их решение и смириться с ним. Теперь его душа была во Внемирье, освобожденная от существования и воспоминаний предыдущей жизни, ожидая выбора новой для нее судьбы в новом мире. Ну а мне было пора разбираться со своей собственной ситуацией.

Я осторожно напрягла по очереди мышцы тела, прислушиваясь, все ли мне отзовутся. Левая нога затекла и покалывала, но ни на одной конечности я не ощутила сковывающих пуг. Лишь что-то теплое и мягкое, лежащее на мне. И такую же мягкость под моей спиной. Словно я лежала на кровати. Медленно открыла глаза и увидела над собой самый обычный желтоватый потолок с чуть облупившейся краской, освещенный плоским магическим светильником, висющим левее. Магия ощущалась крайне слабо, но она была.

Осторожно сев на кровати, я стянула с себя жаркое розовое покрывало в квадрат с цветочками и оглянулась. Я была в обычной небольшой комнатушке с довольно-таки старым ремонтом. Обои с зелеными вертикальными полосами кое-где отклеились под потолком, по углам посеребрившим пухом висела паутина, чуть покачиваясь от не ощутимого сквозняка. Я

посмотрела налево и вздрогнула, увидев Маркуса, сидящего в кресле темно-коричневого цвета с ободраными подлокотниками. Он сверлил меня желтыми глазами, подперев голову.

— Проснулась? — Маркус сразу же поднялся и пересел ко мне, чем заставил меня вжаться в спинку кровати. Неужели Джон позволил ему меня забрать себе?

— Недалеко ты улетела от меня, птичка, — хмыкнул он. Я скривилась от этого обращения. — Как ты? — спросил Маркус, и мне показалось, что я услышала в его голосе заботу. Я продолжала молча следить за ним, и он подозрительно спросил: — Ты точно пришла в себя? Потому что это уже третий раз за два дня, как ты открываешь глаза, и если ты снова начнешь биться в истерике и лопотать что-то неразборчивое, я тебя просто привяжу.

Я удивленно захлопала глазами. Два дня? И я уже несколько раз просыпалась? Я ничего из этого не помнила. Наверно, у меня случился нервный срыв.

— Я пришла... — голос хрипел и я кашлянула, прочищая пересохшее горло, — в себя...

— Наконец-то, — сдержанно произнес Маркус. Он потянулся к прикроватному столику и взял с него тарелку, дав мне ее в руки. Я ощутила исходящее от нее тепло и совсем немного магии. Наверно, с ее помощью поддерживали температуру находившегося в ней супа. — Ешь, — приказал мужчина. Я кивнула и почему-то покорно начала присербывать теплый мясной бульон. Едва проглотив его, я почувствовала ужасный голод. Похоже, я и вправду несколько дней провела в отключке. И все это время Маркус провел со мной? Где мы находились? Не отрываясь от тарелки, я быстро обежала взглядом комнату еще раз, пытаюсь понять, что это было за место.

— Это дом пожилой пары, расположенный на окраине крошечного селения магиков прямо у границы, — произнес Маркус, словно прочитав мои мысли и сомнения. Он все так же сидел у меня на кровати, следя, чтобы я все доела. — Я случайно нашел это место посреди леса. Повезло, ничего не скажешь, иначе кто знает, сколько еще мне пришлось бы тащить тебя на себе через чашу.

Я снова кивнула, складывая у себя в голове картину произошедшего. Маркусу как-то удалось сбежать. Наверно, кто-то его выпустил, и он наткнулся на меня и Джона. Я доела суп и хотела поставить тарелку на столик, но Маркус забрал ее и сделал это сам. Я сцепила пальцы перед собой и уставилась на них. У меня было столько вопросов, что я не знала, с какого начать. Вздохнув, я, все же, заговорила:

— Что там... произошло?.. — спросила я севшим голосом.

— Зачистка, — коротко ответил Маркус. Значит, вот как поступали с обнаруженными перебежчиками. А я никогда ранее не слышала о подобных инцидентах. Видимо, их тщательно скрывали, да и поведать о них было попросту некому.

— А как же... там ведь были женщины и дети, — я вспомнила маленького мальчугана, бегавшего между домами по тропинке, и беременную девушку, о которой рассказывал Джон. — Неужели и их...

— Они наверняка сбежали. Спрятались. Думаю, их лидер предусмотрел эту ситуацию, — безлико ответил Маркус, на мгновение отведя взгляд.

Он лгал. Я видела это по его напряженной позе, по тому, как он потирает содранные до крови костяшки на кулаках, и как он силком заставляет себя смотреть мне в глаза, чтобы я не заподозрила лжи. Маркус прошел сквозь всю деревню от погреба за мной, он видел все, что происходило в каждом доме, как расстреливали спящих жителей прямо в их постелях... и не хотел, чтобы я это знала. Ложь во благо. Но мне не было от этого легче. Я потеряла

своего друга. При этом я умудрилась, сама того не ожидая, обмануть его, он считал меня чистой девушкой, он был так счастлив в ту единственную ночь... когда я была невообразимо пьяна... а он признался мне в любви... На глаза все же навернулись слезы. Я больше никогда не увижу Медведя. Я даже не смогу похоронить его, поскольку не знала, где располагалось селение. В одно мгновение его просто не стало...

Маркус закинул ногу на ногу, чем качнул кровать и обратил мое внимание на себя. Я исподлобья взглянула на него. Как обычно, Маркусу было все как с гуся вода, что бы ни происходило. Он холодно глядел на меня сверху-вниз, скрестив руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну и что, — заговорил он, — стоило оно того?

Я непонимающе нахмурилась.

— Что чего стоило? — осторожно спросила я.

— Стоило пытаться так глупо отомстить мне? Когда я, наконец, выбрался из того промозглого подвала и прокрался мимо головорезов, то обнаружил, что ты была в совершенно невменяемом состоянии. От тебя разлило не только алкоголем, но и другим мужчиной. Значит, как только я тебя сделал женщиной, ты мгновенно решила начать скакать по чужим постелям без разбора? Я, конечно, догадывался, что присказка про пьяную женщину содержит в себе долю правды, но чтобы настолько?

Я мелко задрожала, закипая от злости.

— Как ты смеешь мне такое говорить? — хрипло воскликнула я и закашлялась. — Да кто ты вообще такой? Что ты о себе возомнил, а? Что ты блюстител чести и верности? Ты?! Который, наверно, и не вспомнит по имени всех тех, кого пропустил через конвейер своей постели?!

Маркус тихо хмыкнул, растянув уголок рта, но я не видела смеха в его глазах. Ядовитая желтизна продолжала пялиться на меня, затекая в потайные уголки души, отравляя все, к чему прикасалась, обращая на свою сторону и привязывая к себе словно тяжелый наркотик, который рано или поздно убьет того, кто его попробовал. Внезапно Маркус закинул голову и громко расхохотался злым смехом. Я не выдержала этого издевательства. Я была обречена, у меня не было ни шанса сбежать от него или избавиться. После того, как я увидела смерть своими глазами, я поняла, что никогда не смогла бы сама сотворить ее своими руками. Я бросилась к Маркусу, и со всей силы ударила его в челюсть, но мой кулак пронзила такая боль, что в глазах потемнело. Я никогда не дралась и не была готова к тому, что при этом боль причиняется обоим сторонам. Мужчина клацнул зубами, мгновенно перестав смеяться, и я ринулась в новую атаку, все же не готовая сдаваться. Но Маркус легко отбил мою руку, схватил за запястье и развернул в сторону, толкая меня на обратно на подушку. Я сжала ее, залившись слезами отчаяния.

— Все? Уже и сдулась? Что-то слишком быстро, — фыркнул у меня за спиной Маркус, и я бросила на него злой взгляд, подбираясь на кровати.

Он скривил губы, даже не глядя на меня. И что мне нужно было делать? Лучше бы я осталась в селении и хотя бы попыталась помочь Джону. Умерла бы, пытаюсь, но не позволила Маркусу надо мной так издеваться.

— Кто он был такой? — спросил мой пленитель. Я без объяснений поняла, что он спрашивал меня о Медведе.

— Мой друг, — буркнула я, доставая из-за спины подушку и прижимая ее к себе на всякий случай. Почему-то мне вспомнилось, как Маркус ударил меня в живот, пусть и сделав

это под контролем Мирабэльль. Он мог решить отомстить мне за попытку подраться. Костяшки ныли, но я не могла адекватно оценить силу своего удара.

— Если отбросить в сторону твои глупые попытки отомстить мне... то мне стоило бы поблагодарить тебя, — произнес Маркус, чем несказанно меня удивил. — Тот бой с мясником... Когда я увидел тебя в толпе, и что тебя обнимает лидер этих людей, я решил, что это с твоей подачи все было устроено. И когда я пропустил удар в челюсть, то мысленно был готов к смерти, не видя выхода. Но потом я услышал тебя. Твой крик пробился сквозь толпу. Только ты не желала моей смерти. И я словно очнулся. Я сам удивлен, что нашел силы выжить в том бое после такой раны, — Маркус осторожно коснулся ладонью своего предплечья, и я внезапно увидела свою повязку. Которую я накладывала еще несколько дней назад.

— Ты что, не менял повязку все это время? — воскликнула я.

— Нет, — угрюмо буркнул Маркус.

— Ты с ума сошел? — я подалась к нему, отбросив в сторону подушку, и потянулась к его предплечью. — Ты уже два дня торчишь в чьем-то доме и не мог попросить даже бинтов?

— Вон бинты, — рыкнул мужчина, уворачиваясь от моей руки и указывая подбородком на какой-то плетеный короб, стоящий на письменном столе у стены возле маленького окна.

Я подскочила с кровати, намереваясь проверить эту коробку, но комната внезапно качнулась перед моими глазами, и я едва не упала. В ушах зашумело, а перед глазами поплыли звезды. Видимо, я была еще слишком слаба, и нужно было двигаться осторожнее. Когда пелена развеялась, я поняла, что все еще стою на ногах, и меня крепко держат за предплечья. Я осторожно посмотрела за спину на Маркуса, стоящего на коленях на кровати и позволяющего мне опереться о его грудь, чтобы не упасть. Зачем он это делал? Он ухаживал за мной несколько дней, не говоря уже о том, что донес до безопасного места. Неужели это все только ради того, чтобы... чтобы уничтожить меня в будущем? В душе царил полное смятение. Он через столько прошел и был ранен, а я отделалась лишь легким испугом. Его рана могла быть опасна, ее нужно было обработать и попытаться хоть как-то залечить. Но я не должна...

Руки Маркуса сомкнулись у меня на талии, и он потянул меня назад, на себя, заставляя сесть себе на колени. От его объятия сердце радостно забило, и я почувствовала, как таю, а все мое естество тянется к нему. Мы наконец-то снова были вместе, в одной комнате, и никого больше, кроме нас двоих. Так хотелось расслабиться, положить голову ему на плечо и хотя бы на мгновение представить, что я принадлежу ему как женщина, а не как вещь, которой он воспользуется, как ему хочется.

Нет, я не была согласна быть его вещью, потому спокойно сняла с себя его руки и поднялась с коленей. Подошла к письменному столу и заглянула в короб.

— Набор довольно скудный, но я смогу сменить тебе повязку, — заговорила я, просто чтобы не слушать эту вязкую тишину и разогнать неловкость, что плела ее, словно паутину. Открыв по очереди ящики стола, я нашла и ножницы. Набрав побольше марли и бинтов, я вернулась на кровать, где все так же одиноко сидел на коленях Маркус, следя за моими действиями. Я ловко разрешила старые бурые бинты, боясь слишком глубоко вдохнуть, чтобы не почувствовать запах гнили. Могло оказаться, что рана воспалилась, а ткани начали отмирать. — Сними куртку, — приказала я Маркусу, подивившись своей самоуверенности и наглости, но он покорно поднялся с кровати и выполнил мое требование, скривившись. Я не

выдержала этой картины, и подскочила к нему, помогая стянуть рукав с раненой руки. — Как ощущается рана? — спросила я, внутренне надеясь, что ничего плохого с ней не случилось.

— Болит, — коротко бросил Маркус, возвращая себе непроницаемое выражение лица. Похоже, болела она намного сильнее, чем он показывал.

— Это хорошо, хорошо, — пробормотала я, снова усаживая его на кровать и умащиваясь рядом.

— Не удивлен, что ты рада моим мучениям, — прорычал Маркус, напряженно следя, как я пытаюсь снять хотя бы верхние слои старой марли.

— Я не радуюсь, болван! — взорвалась я. — Это означает, что там еще есть, чему болеть! — я добралась до слоев, которые намертво прикипели к ране и не снимались без последствий для Маркуса. — Нужно размочить, тогда я смогу это снять. Где здесь ванная? — спросила я.

— Там, — указал мужчина на неприметную дверку в углу комнаты.

— Ну иди туда, чего расселся! — рассердилась я на его нерасторопность и начала осторожно подталкивать к двери. Руки дрожали от нервозности, поскольку я никогда не встречала такие сложные раны, да и обычно лечила других лишь по наитию, хоть и всегда успешно.

Маркус проследовал в ванную, и я включила крошечный светильник под потолком, направив в него столько магии, сколько смогла, чтобы он светил поярче.

— Снимай футболку, — нервно бросила я Маркусу, пристраивая зачем-то прихваченные с собой бинты на маленький туалетный столик, стоящий возле деревянной глубокой кадки, служащей поддоном для душа. — Сядь сюда, — указала пальцем на ее обод и сняла со стены шланг без распределителя. Сосредоточившись, мне удалось пустить воду. Сначала она была ржавой, и мне пришлось некоторое время слить ее в кадку, чье дно было выложено мелкой коричневой потрескавшейся плиткой. Оценив высоту кадки и недостаток места для того, чтобы оба на ней сидели, я встала на колени на деревянный немного вздувшийся от многолетней сырости пол. — Давай руку, — сказала я Маркусу, уже сидящему передо мной.

На дно кадки потекла бурая вода. Марля медленно размокала под моими пальцами. Я регулярно проверяла ее состояние и поддерживала, пытаюсь понять, когда же можно будет начать ее отклеивать от раны. Обнаженный торс Маркуса рядом со мной совершенно не помогал сосредоточиться, и я то и дело отвлекалась, сама того не желая, любуясь его напряженными мышцами. Какой красивый у них был рельеф. И почему мне так не повезло? Я не должна была влюбляться в кого-то вроде Маркуса, даже Мила мне это сказала. А я...

Отлепив, наконец, хотя бы один слой марли, я осторожно положила его на край кадки. Еще с полчаса моих стараний, и я смогу увидеть рану. Я старалась не смотреть напрямую Маркусу в лицо, но видела краем глаза, что он не следит за моей работой, рассматривая меня саму.

— Не думай, что я забыл те слова, что ты сказала мне перед тем, как прижечь рану, — нарушил неловкую тишину мой пациент. Я подняла на него глаза, на мгновение прервав свои попытки размочить бинт. Маркус улыбнулся мне с такой нежностью, что сердце в груди заколотилось как сумасшедшее. Я выдала ему свои чувства, и он это не забыл, он принял их всерьез. Неужели он ответит на них? Неужели этот проникновенный взгляд в мои глаза вправду что-то значил и он... сейчас...

— Ты проиграла, — произнес Маркус с улыбкой.

— Что? — зачарованно прошептала я, не сразу осознав его слова. Несколько секунд, и мой мозг, разделенный с влюбленным трепещущим сердцем каменной стеной, внезапно понял, что сказал Маркус. Кровь прилила к голове, мне показалось, что она сейчас взорвется. Красная пелена застлала глаза, и я потеряла контроль над собой. Разбитые чувства породили ярость и желание жестоко мстить. Пальцы сами собой крепко сжали края марли.

— Ах значит для тебя все это лишь игра? — тихо произнесла я, глядя прямо в глаза Маркуса. Он внезапно побледнел. Видимо, выглядела я более чем угрожающе, но меня уже было не остановить. Сцепив пальцы, я одним рывком оторвала от его предплечья бинт, сдирая засохшую кровь и разрывая до мяса начавшую заживать кожу. Маркус закричал, пытаясь зажать ладонью хлынувшую в кадку кровь.

— Ну что, как тебе играется? — ядовито поинтересовалась я, бросая на пол окровавленную марлю. — Весело? Нравится играть с чувствами других людей? Нравится ощущать на своей шкуре причиненную тобой боль? Ты ничего не понял из того, что я тебе сказала! Ты черствый и жестокий человек!

Я развернулась, чтобы уйти в комнату и просто не видеть Маркуса, но была поймана за запястье мокрой от крови ладонью.

— погоди, — сдавленно произнес мужчина.

— Что ты хочешь от меня? — прошипела я со всей ненавистью, на которую была способна.

— Дело в том, что... я тоже проиграл.

Я уставилась в глаза Маркуса, потемневшие от боли до цвета древнего янтаря.

— Нет, это не может быть правдой, — замотала головой, ошеломленная услышанным. Может, я неверно его поняла? Однозначно он имел в виду что-то другое.

— Это правда, — кивнул Маркус. — Я влюбился в тебя, Ники. Ты выжгла на мне свое имя, залезла под кожу, просочилась в кровь. Я не могу без тебя.

— Нет... — прошептала я, пытаюсь отступить, но ладонь Маркуса крепко удерживала меня. — Нет! — я почувствовала, как слезы полились по щекам. — Не смей произносить такие слова в мой адрес! — Я так мечтала их услышать, но, услышав, поняла, что не была готова воспринять их. Это была очередная красивая ложь. — Ты лжешь, — высказала свою догадку, — каждое твое слово пропитано ложью, ты произносишь только то, что тебе выгодно, и тебе, на самом деле, плевать, что я чувствую к тебе!

— Я не лгу, птичка, я... — Маркус поджал губы, и я была уверена, что волна боли, пробежавшая по его лицу, была лишь искусной игрой на публику. — Если не веришь моим словам, я докажу их действием. Ты хотела свободы — я отпускаю тебя. — Ладонь Маркуса разжалась, и я отступила к двери. — Все кончено, иди, — он махнул на меня, но я недоверчиво осталась стоять, не покидая комнаты. — Ты свободна, я отпускаю тебя! Это единственный способ, которым я смогу доказать тебе, что... — Маркус осекся, словно слова застряли у него в горле, не решаясь вылиться во всеуслышание. — Уходи. Просто уходи. Забудь все и прости меня, — закончил он и отвернулся от меня, сосредоточившись на предплечье.

Меня не нужно было просить дважды. В гневе я распахнула дверь и со всей силы захлопнула ее за своей спиной так, что старая краска с косяков с тихим шорохом упала на пол. Дверь комнаты тоже оказалась открытой, и я вышла в темный коридор. В нем творило запустение. Все двери были закрыты, и я упрямо пошла вперед по старому скрипучему полу. Похоже, никто не жил в этом крыле. Еще одна дверь — и я очутилась в холле. Входная дверь

была прямо передо мной. Не оглядываясь, я дернула ее и оказалась на улице. Ночь была укрыта пеленой весеннего ливня, в который я нырнула с головой, мгновенно намокая. Вода с небес перемешалась со слезами на щеках, смывая с меня все чувства, пока я стояла на расшатанном крыльце. Я спустилась с двух деревянных ступенек и вступила в глубокую лужу, собравшуюся прямо под ними. Холод мгновенно пробрал меня до костей, и я с удивлением поняла, что на ногах были одни носки. И вправду, я ведь не смогла найти обувь в доме Джона. Мои ботинки так и остались там.

Я сделала шаг в сторону черной стены леса, в сторону своей свободы. Тяжелые капли стучали мне по макушке, закапываясь в косу, делая ее все тяжелее и тяжелее, приклеивая рубашку к телу, заставляя меня дрожать. Еще один шаг. Грязь под ногами была такой скользкой и противной, холод пробрал до самых костей. Третий. И я поняла, что не смогу ступить больше ни шагу. Вся жизнь у меня существовало какое-то странное правило трех шагов. Я либо спокойно переступить через эту границу, либо оставалась стоять на третьем шаге, не в состоянии пересилить себя. И это значило, что я никуда уже не уйду. Слезы хлынули новым потоком, и я заревела в голос от отчаяния. Без обуви, без денег, без сил я не дойду никуда. Я не знала, где я нахожусь, и некому было мне помочь. Я сама не была в состоянии сейчас позаботиться о себе. Упала бы в ближайшую канаву и утонула там, в грязи, в одиночестве, меня никогда не нашли бы в этом лесу.

Или я могла бы сейчас вернуться в дом. Мне так хотелось обратно к Маркусу. Что, если его слова были правдой? Он действительно отпустил меня. Равномерный шум дождя не нарушал ни звук открывающейся двери, ни окрик в спину, ни шаги. Он просто отпустил меня, позволил уйти и продолжить свое путешествие так, как я и собиралась до встречи с ним.

Нет, он позволил мне пойти подумать. Маркус прекрасно понимал, что я не смогу уйти от него. Даже в постели с другим мужчиной я думала о нем. Мне не преодолеть эту зависимость. Так, может... дать ему шанс? Попробовать довериться? Мирабэлль, конечно, превратила его в озлобленного монстра, воспользовавшись его подсознанием, но это были лишь скрытые мысли, созданные моим же неадекватным поведением. Мы можем думать о других что угодно в порыве гнева. Но это не значит, что после того, как мы успокоимся, наше мнение и отношение останутся теми же. Маркус рисковал ради меня, и приложил намного больше усилий, чтобы спасти, чем следовало бы просто для того, чтобы бросить меня за решетку. За его поступками стояла не корысть, а... чувства. Я внезапно перестала рыдать, осознав все, что между нами происходило. Маркус давно был в меня влюблен. Он показал это еще когда мы дошли до моего дома. Его отношение ко мне менялось с каждым днем, но он останавливал себя, понимая, что нам не быть вместе. Мы разделены нашим происхождением, наши чувства обернутся для нас катастрофой. У Маркуса есть обязательства перед семьей, у меня — долги перед Кредиториумом. Но сердце так отчаянно просило меня вернуться к нему, дать хоть малейший шанс, попробовать, что из этого получится. Хоть ненадолго окунуться в любовь и страсть. И потом, насытившись, отпустить это, соскочить, пока не стало слишком поздно.

Дрожа, я повернулась обратно к дому. Он был одноэтажным с чуть наклоненной в мою сторону крышей, и ливень скатывался с нее стеной прямо перед моим лицом. Я пересекла этот водяной барьер и снова ступила на крыльцо. Тихо отворила дверь и вошла в дом, в его уютную тишину и тепло. Под ногами сразу же образовалась лужа, и я неловко переступила через нее, оставляя за собой мокрый след. Носки и вся одежда промокла и остыла, заставив

меня замерзнуть. Я обхватила себя руками и тихо пошлепала по коридору, пытаюсь вспомнить, какая дверь была мне нужна. Пройдя мимо пары из них, я увидела свет, бьющий из щели у пола. Я взялась за рукоять и тихо отворила дверь.

Маркус сидел на кровати, обложившись бинтами, и пытался затянуть на окровавленной руке повязку. Держа один конец в левой руке и, закусив второй зубами, он неуклюже тянул свернувшийся бинт, бормоча себе что-то под нос, время от времени бросая один конец и пытаясь вытереть льющуюся кровь. Услышав щелчок замка, он поднял голову и замер, удивленно глядя на меня. Я икнула и шумно шмыгнула, вытерев нос мокрым рукавом. Подошла к кровати и сгребла с нее окровавленные бинты на пол, оставив чистый кусок. Маркус, наконец, выпустил изо рта бинтовый хвост, и я сунула ему в руку марлю. Разрезала неуклюже скрученный жгут, который Маркус зачем-то пытался наложить прямо поверх раны, а не на руку выше нее. Взяла его за ладонь и приложила бинт под рану, чтобы кровь не натекла на кровать. Все происходило в абсолютной тишине, словно никому не нужны были объяснения и слова.

Я осмотрела глубокую рану. Возможно, если бы я не содрала с нее повязку так грубо, все было бы намного лучше, но теперь пришлось бы проводить лечение заново, и не было никакой гарантии, что после такого урона ткани снова начнут заживать. Второе прижигание делать не хотелось. Я закрыла глаза, прислушиваясь к потоку магии, который мне был сейчас нужен.

— Тебе плохо от вида крови? — подал голос Маркус, заметив это.

— Помолчи, — буркнула я на него, потеряв на мгновение концентрацию.

Поток заканчивался где-то рядом с поселком, и я могла дотянуться только до его скудного лучика. Он отозвался мне, и я сложила ладони над раной, сосредоточившись на необходимости заживить ее. Редко, очень редко у меня получалось восстановить ткани до первоначального состояния, но я делала это дома, где магия была сильнее, а раны друзей были не настолько серьезными. Я представила, как должна выглядеть здоровая кожа, и направила потоки магии через свои ладони. Мягкое тепло просочилось через мои пальцы, и я увидела сквозь веки приглушенное свечение. Магия быстро иссякала, и я начала использовать мои собственные силы для заживления раны. Я приоткрыла глаза как раз, когда последние миллиметры кожи смыкались вместе, создавая здоровый, целый покров. Краем глаза я заметила шрам от моего укуса на плече Маркуса. Он почти зажил сам, но след от моих заостренных клыков и вправду остался, испортив кожу мужчины. Из последних сил, пока крохи магии еще оставались в моих ладонях, я провела ею по плечу Маркуса, стирая свою отметку, и отпустила поток. Он покинул мое тело, оставив невероятную усталость, такую, что я качнулась и начала оседать на пол.

Я с трудом пришла в себя, не понимая, где нахожусь. Меня окутывало что-то теплое, и я чувствовала себя так уютно, что не хотелось просыпаться.

— Никки, ты слышишь меня? — раздался тихий взволнованный голос, и я недовольно нахмурилась. — Что с тобой?

— Все нормально, — я с трудом разлепила глаза и поняла, что полулежу на руках Маркуса, и он трепетно прижимает меня к своей груди.

— Что произошло? Ты убрала рану?

— Я ее просто заживила с помощью магии. Думаю, это моя способность, я даже когда-то собиралась ехать учиться на лекаря, но не сложилось. Я интуитивно понимаю, как это делается, но трачу слишком много своих собственных сил. Насколько я знаю, так не должно

быть. Потому теперь я ужасно ослаблена...

— Как тебе помочь? Я понятия не имею, как обращаться с магиками, — растерянно произнес мужчина.

— Я не домашний питомец, чтобы со мной как-то обращаться! — возмутилась я, с трудом поднимаясь с его колен.

— Просто ты отключилась после того, как... сделала это. От ран не осталось и следа, — он провел рукой по вымазанному кровью предплечью. Я мельком взглянула на него, с удовольствием отмечая, что и вправду не оставила даже шрам. — Ты можешь так залечить и себя? — поинтересовался Маркус.

— Нет, самого себя лечить нельзя. Магию нужно направлять, и поскольку ты являешься проводником, то не можешь воздействовать сам на себя. Это как пытаться поливать шланг водой, текущей из этого шланга, не подключив его к источнику. Я вся промокла под этим дождем, — проворчала я и начала осторожно снимать с себя рубашку. — Проклятие, что с этим делать-то... — С меня капала на пол вода, смешиваясь с кровью, натекающей с бинтов Маркуса.

— Иди прими горячий душ, — произнес мужчина, поднимаясь с кровати. Он начал собирать бинты, попутно вытирая пятна теми, что остались чистыми.

— Что толку с этого душа, — вздохнула я. — У меня не осталось сил даже высушить одежду.

— Ты согреешься — это главное. Возьми с прикроватного столика ночную рубашку, ее мне дала хозяйка дома, у меня руки грязные. Раздевайся и давай мне свою одежду, мне показывали, где здесь комната, похожая на ту, у тебя дома, со светящимися шарами.

Я взяла со столика белую ткань и развернула ее. В длинную рубашку, наверно, можно было завернуть три меня, а несурзное кружево на груди топорщилось, словно жабо.

— Это ужасно... — пробормотала я, складывая одежду обратно. Переодеться мне все равно было больше не во что.

— Ты прекрасна в любой одежде, — произнес Маркус, чем заставил меня вздрогнуть и покраснеть. Он запихнул в короб использованные бинты и искоса посмотрел на меня, улыбнувшись уголком рта.

— Дешевая лесть, — буркнула я, уходя в душ.

Раздевшись, я осторожно выбросила вещи прямо на пол через щель в двери, и захлопнула ее обратно. Залезла в странную деревянную кадку, и с огромным трудом включила воду. Слово такое простое действие стало для меня сравни перетаскиванию огромных валунов. Вода нагрелась далеко не сразу, но моим замерзшим ногам даже ледяная она показалась немного теплой. Когда, наконец, комнату окутал пар, я перестала дрожать и расслабилась. Дверь в ванну хлопнула, и я подпрыгнула в кадке, едва не оступившись, и попыталась прикрыться.

— Полотенце, — произнес Маркус. Я обернулась к нему и увидела, что он демонстративно смотрит в стену, протягивая мне розовое выцветшее полотенце. — Твои вещи я уже повесил чиститься. Заканчивай мыться и иди в постель. Ты заберешь полотенце или нет? — Он качнул рукой в мою сторону, и я перехватила полотенце, попутно отключив воду, и сразу же в него замоталась.

— Мог бы постучать, — пожаловалась я на его невежливость.

— Не вижу в этом смысла, — честно ответил Маркус, выходя из ванной.

— Не вижу в этом смысла, — передразнила я его в спину и показала ему язык. — Хам!

Маркус даже не оглянулся на меня. Какой-то он был слишком задумчивый, если никак не отреагировал на мою атаку. Я расплела мокрую растрепанную косу и кое-как подсушила ее полотенцем. Она отняла у меня много времени. Когда мне более-менее удалось привести волосы в порядок и заплести их обратно в мокрый жгут, я надела на себя ночную рубашку, утонув в ней. Рукава, которые должны были быть у меня на плечах, свисали намного ниже, а сама рубашка оказалась до самого пола. Я тяжело вздохнула, глядя на этот ужас, и вышла из ванной комнаты.

Маркус с отрешенным видом сидел на кровати, глядя перед собой. Я только сейчас, наконец, рассмотрела этот предмет интерьера. Металлическая спинка потемнела от времени, а некоторые прутья были немного изогнуты. Сама кровать была рассчитана всего на одного человека. Битов нигде не было, ровно как и пятен крови на полу. Я подошла и села рядом с Маркусом. Он вздохнул и почему-то отвернулся от меня.

— И что нам... теперь делать?.. — осторожно спросила я. Наполовину выбритый затылок медленно качнулся из стороны в сторону.

— Не знаю...

Я залезла с ногами на кровать, подогнув их под себя, чтобы не замерзнуть. В комнате висела тишина, украшенная мерным пением дождя за окном.

— Я потерял свой чип, — заговорил мужчина. — Это вся моя жизнь, все, что у меня было. Это идентификация личности, доступ к счетам и возможности использовать технологии, это пропуск в города, это доказательство моей законопослушности. Я теперь никто! Первый патруль — и меня заберут как перебежчика, никто не будет слушать мои оправдания, что какая-то женщина вырезала у меня чип вместе с куском мяса и скрылась в неизвестном направлении. Я ни хрена не знаю. Не знаю, что делать дальше, — с отчаянием в голосе закончил Маркус. Он провел по волосам обеими ладонями, спрятал в них лицо, оперевшись локтями о колени, и так и замер. На мгновение мне показалось, что он скрывает от меня слезы. Я запаниковала и неловко прикоснулась к его плечу. Он так и не оделся и сидел в одних штанах. Его кожа была такой горячей.

— Что-нибудь придумаем, — дрожащим голосом произнесла я.

— Что ты можешь придумать, магик? — напал на меня Маркус, обратив золотые глаза в мою сторону. — Наколдуешь мне новый чип, но чтобы с той же информацией, что была в старом? Я не могу даже вернуться в собственный город. Я никуда не могу пойти, потому что не принадлежу теперь никакой стороне.

Я ступевалась и убрала руку, потупив глаза.

— Извини... — сразу же произнес Маркус. — Я просто впервые не могу контролировать ситуацию и не знаю, как поступить. — Он вздохнул и попытался мне улыбнуться. — Еще и ты на меня свалилась.

Он протянул ко мне руки и с легкостью пересадил к себе на колени. У меня не осталось сил сопротивляться или ругаться, и я устало прижалась головой к его груди.

— Ты сам виноват... — буркнула я. — Я говорила тебе: не надо, не трогай меня, не ходи за мной, не слушай Мирабэлль. Но ты же всегда знаешь лучше. У тебя это размером больше, чем этот дом.

— Тогда, может, ты расскажешь, что мне делать дальше? — тихо хмыкнул Маркус.

— А ты мне что взамен? — поинтересовалась я.

— А чего ты хочешь? — хитро прищурился он, и я резко покраснела.

— Чтобы ты не называл меня магиком и не тащил в свой участок, когда я все сделаю.

— Всего-то? — фыркнул мужчина. — Я надеялся на более интересные условия. Что ж, — он поднялся с кровати, держа меня на руках, и бережно уложил обратно, — пора спать. Ты пережила достаточно за последние несколько дней. Тебе нужно поспать, а завтра на свежую голову придумаем что-то, — он укрыл меня одеялом и целомудренно поцеловал в лоб. — Можешь выключить свет? Я уже две ночи сплю вполглаза из-за него.

— Конечно, — я сосредоточилась и с трудом потушила свет.

Я ожидала, что Маркус ляжет рядом со мной и была готова подвинуться, но услышала, что он сделал несколько шагов в сторону, и как под его весом заскрипело старое кресло. Я почувствовала небольшое разочарование от этого жеста.

— Спокойной ночи, — раздался в темноте голос Маркуса.

— Угу, — буркнула я обиженно в ответ и закрыла глаза.

Глава 19. Я люблю тебя

Я внезапно проснулась посреди ночи. За окном и в комнате висела крошечная тьма. Я вспомнила города технеров, в которых мрак тщательно разгонялся фонарями, словно жители боялись остаться без крохи света, ведущей их сквозь ночь. У нас такого не бывало. Я вздохнула и завозилась, укладываясь. Кровать была, похоже, очень старой. Пружины просели от времени и на боку было невозможно нормально лежать, не выгнувшись непонятной дугой. Но перевернувшись на спину, мне показалось, что я наполовину сижу, потому я все же предпочла улечься на левый бок и устаться в темноту, в которой спал на кресле Маркус. Я обиженно нахмурилась из-за того, что он оставил меня на кровати в одиночестве, а сам сбежал подальше.

— Почему ты не спишь? — раздался голос из недр комнаты, и я вздрогнула, громко скрипнув пружинами. Я затихла, напряженно пялясь перед собой и делая вид, что меня здесь не было.

— Я слышу, что ты беспокойно дышишь, — произнес Маркус. — Ты уже минут 10 как крутишься и вздыхаешь. Что случилось?

Я с трудом сдержала следующий тоскливый вздох. Мне показалось, что мы раскрыли карты друг перед другом. И я представляла, что двое влюбленных проводят время рядом, а не по отдельности. Я попросту скучала по объятиям Маркуса.

— Хочешь ко мне? — внезапно спросил он. — Иди сюда.

Я села на кровати и спустила ноги. Он позвал меня, и я готова была стремглав броситься к нему. Но поднявшись я нерешительно осталась стоять у кровати, боясь отойти от нее в непроглядную темноту.

— Я ничего не вижу, — призналась я честно.

— Ты слышишь меня. Тебе этого недостаточно?

Уверенный и глубокий голос меня взволновал, и я нервно сглотнула. Это был тот Маркус, которого я желала ночами, когда он прижимал меня к своей груди, дразня редкими прикосновениями. Я могла сейчас гордо лечь обратно в постель и попытаться уснуть до утра, а могла поддаться зову и узнать, что будет.

Я осторожно сделала шаг в сторону кресла. Еще один. На третьем меня крепко перехватили руки, разворачивая и усаживая. Сквозь тонкую ткань ночной рубашки я ощутила спиной каменную горячую грудь Маркуса и замерла. Его руки отпустили мои запястья и легли на живот, прижимая к себе крепче. Я почувствовала, как он не спеша проводит носом по моей шее, тихо втягивая воздух. По коже пробежала волна взволнованных мурашек от этого хорошо мне знакомого жеста.

— Знала бы ты, как разозлила меня... — произнес Маркус низким голосом.

— Чем? — невинным тоном спросила я, давая ему поле для игры. Он глухо замычал, принимая мое предложение.

— Тем, что от тебя воняло другим мужчиной. Меня начинает трясти от ярости, когда я думаю о том, что он касался тебя.

Его руки потянули вверх мою рубашку, сминая ее до тех пор, пока она не оказалась задрана до самых бедер. Я задохнулась, почувствовав попой, что сижу на чем-то твердом, что однозначно было не молнией на брюках Маркуса.

— Признайся, — прошептал он мне на ухо, — ты думала обо мне, когда он входил в тебя? Представляла меня на его месте?

Пальцы Маркуса скользнули по моему влажному лону, и я бесстыдно застонала, откидывая голову ему на плечо.

— Я считала, что ты свободных нравов, почему тебя это так задело? Неужели приревновал? — с трудом выдохнула я, прислушиваясь к его неспешным ласкам. Свободная ладонь Маркуса пробралась под рубашку и настойчиво сжала мою грудь.

— Потому что обычно я не делю свою женщину с кем-то, — праздным тоном произнес он, сдавливая пальцами мне сосок и оттягивая его так, что мое тело словно пронзила молния, ударившая в низ живота и свернувшаяся там плотным волнительным узлом.

— Обычно? — ухватилась я за непривычное в его предложении слово.

— Есть у меня один знакомый, — начал рассказ Маркус, лениво описывая пальцем круги вокруг моего клитора, — ему нравится делить одну девушку с другим мужчиной. Когда я свободен и та, которую он предлагает, приходится мне по вкусу, я не отказываюсь от участия.

— И как вы ее делите? — недоумевающе спросила я, не имея ни малейшего понятия, как это происходило.

— Твоя невинность и неискушенность обезоруживает. — Я услышала улыбку в голосе Маркуса. — Это очень просто, хотя от девушки и требуется небольшая подготовка. Я могу объяснить в общих чертах, как это происходит. Мы делаем это примерно в такой же позе, в какой сейчас находишься ты, сидя или лежа на кровати. — Я внезапно представила себя на месте той девушки, зажатой между двух мужских тел, и у меня закружилась голова от перспектив. — Я обычно вхожу сзади и раскрываю девушку, помогая Алексу войти в нее.

— В каком смысле — сзади?

— Вот сюда, — ответил Маркус, и я почувствовала, как его пальцы опускаются ниже, туда, куда ему не стоило прикасаться. Я взвизгнула от возмущения и стыда, и сжала ноги, останавливая его движение.

— Именно для этого я и нужен: чтобы приструнить девушку, если она надумает начать вырываться. — Он с легкостью раздвинул мои колени ногами, получая доступ ко всему, чему бы ему захотелось. — А затем уже сюда входит Алекс, — палец Маркуса переместился выше, медленно и мучительно войдя в меня. Я задрожала от предвкушения, желая большего, чем просто ласка руками. — И тогда, — продолжил Маркус, скользя губами по моему уху, — мы трахаем ее вдвоем, заполняя до отказа, пока она не начнет биться в оргазме такой силы, что едва не теряет сознание, а придя в себя будет просить еще и еще. Ни одна не оставалась разочарована нами, — горячо прошептал Маркус, и я задрожала, представив двух невообразимо красивых мужчин, сжавших с двух сторон хрупкую девушку, стонущую от сладострастных конвульсий. — Тебе нравится то, что я рассказываю? — поинтересовался он, добавляя второй палец, растягивая меня сильнее. Внизу живота начал нарастать горячий пульсирующий клубок, готовый скоро взорваться фейерверком, и я неоднозначно застонала, не желая выдавать себя.

— Это неестественно, нельзя же... туда... — задыхаясь произнесла я.

— Если ты этого не пробовала, не значит, что это нельзя, — усмехнулся у моего уха Маркус, замедляя ласку, дразня меня недостижимым удовольствием. — Хотела бы попробовать то, о чем я рассказал тебе?

Голова кружилась от возбуждения, а картина, нарисованная словами Маркуса, стояла

перед глазами.

— Да... — выдохнула я, нечаянно раскрыв свое желание.

Маркус засмеялся.

— Мне нравится твоя заинтересованность в экспериментах. Но увы, я вынужден тебя разочаровать. Делить тебя с другим мужчиной я не буду.

Руки Маркуса оставили меня в покое, и я почувствовала, что он отпустил мои ноги, словно разрешал мне встать и уйти после того, как разжег мою фантазию и желание. Я замерла, не зная, что предпринять, не согласная сейчас уходить спать в пустую холодную постель.

— Но знаешь, — продолжил Маркус, — если захочешь это испытать, я мог бы купить для тебя игрушки, и мы попробовали бы это вдвоем.

Его ладони вновь вернулись на мое тело, но зацепили скомканную ночную рубашку, от чего та развернулась до самого пола, скрыв меня от всепроникающих пальцев моего мучителя.

— Какие еще игрушки? — озадаченно спросила я, сбившись с настроения возней Маркуса, который снова начал собирать мою одежду, пытаясь задрать ее повыше. Мужчина тихо засмеялся.

— Поверить не могу, насколько ты не осведомлена в этих вопросах. Ты даже не имеешь понятия, что такое секс-игрушки?

Я почувствовала, что начинаю краснеть из-за откровенности нашего разговора и от того, насколько я не соответствую уровню Маркуса.

— Нет, — тихо призналась я. — Не слышала о таком. Да и... откуда мне было об этом узнать?

— Тогда я обязательно достану парочку для экспериментов, — пообещал мужчина. — Как меня достала эта тряпка, — недовольно зарычал Маркус, в конце концов срывая с меня одежду. Отбросив рубашку куда-то в сторону, он подхватил меня под бедра и развернул лицом к себе. Я почувствовала себя неловко, сидя на нем обнаженной. — Скажи, чего ты сейчас хочешь? — спросил он меня.

— Чего? Я не знаю, — я окончательно растерялась. Маркус откинулся на спинку кресла.

— Неужели тебе не хочется чего-то конкретного? Как ты обычно представляла себе секс? Только не говори о чем-то банальном вроде постели, мы это уже проходили, и почему-то с негативными последствиями для меня. — Маркус тихо хмыкнул в темноте, вгоняя меня в краску.

— Я правда не знаю, — проблеяла я испуганно. — Не заставляй меня делать все самой, я... я не умею...

— Это очень легко, — будничным тоном произнес Маркус, скользнув ладонью по моей груди и не спеша начав покручивать затвердевший сосок. — Просто прислушайся к своим желаниям и инстинктам. Твое тело подскажет тебе, что и как сделать, — Он отпустил мою грудь и дотронулся до лона, погладив складочки двумя пальцами, но не входя в меня, как до этого. Его прикосновения к моей обнаженной коже были непривычно чувственными. Я и не думала, что волосы вправду могли скрадывать столько ощущений. Кровь запульсировала внизу живота, и я приподнялась, позволяя ему двигаться свободнее, но вместо этого Маркус убрал руку. — Вот видишь, ты уже влажная, твое тело готово к чему угодно, что ты сейчас придумашь. — Я услышала, что он улыбается, и Маркус добавил: — Это будет твое

наказание за то, что ты укусила меня до крови. Хочешь меня — возьми сама. Я не буду тебе помогать, но и препятствовать не стану. Касайся меня, как хочешь и чем хочешь.

— Чем? — глупо переспросила я.

— Руками. Губами, — его палец неожиданно коснулся моей нижней губы, и я дернулась в сторону, не увидев жеста в темноте. — Ты вздрагиваешь как дикий зверек. Иногда мне кажется, что я легко могу тебя спугнуть неосторожным движением, и ты снова сбежишь, оставив меня одного... — В его голосе зазвучала тоска, такая же, которую я испытывала, когда Маркус избегал меня или когда мы были не вместе. — Что ж, — он словно пришел в себя и убрал руки с моего тела, оставив горящие участки кожи, — давай, покажи мне, что ты можешь придумать сама.

— Я могу тебя касаться? — на всякий случай переспросила я.

— Да, где захочешь, — он поймал мою ладонь и прижал к своей груди. — Как когда мы впервые встретились, в лесу. Помнишь? — он медленно провел моей ладонью вниз по своей коже, и я закусила губу, жалея, что мы в крошечной тьме, но мое смущение не позволило бы сейчас включить свет.

Я положила обе ладони на грудь Маркуса и медленно одним пальцем очертила впадинку между его напряженных мышц. Почувствовала короткие мягкие волосы, что росли на ней, и улыбнулась, представив то, что я делала, в своем воображении. Провела по ямкам над ключицами ладонью. Скользнула ею ниже, медленно подпрыгнув на кубиках пресса.

Пальцы остановились на границе штанов. Наверно, мне стоило их снять. Меня снедало любопытство. Хотелось раздеть его тоже, чтобы чувствовать бедрами кожу Маркуса, а не безликую шершавую ткань брюк. Я осторожно прикоснулась к поясу, но не смогла нащупать ни пуговицу, ни ремень, ни хотя бы завязку. Я растерянно остановилась, и судорожно начала шарить влево-вправо, пытаясь отыскать способ расстегнуть пояс. Маркус тихо засмеялся и остановил мои руки.

— Они расстегиваются изнутри, ты не могла об этом знать.

Маркус убрал мои ладони и, секунду провозившись с поясом, к моему удивлению легко поднял меня бедрами и стянул с себя штаны, сев обратно в кресло. Я испуганно осталась стоять на коленях, навесу, не в силах заставить себя опуститься на теперь уже обнаженного мужчину, хоть и хотела этого пару мгновений назад.

— Что же ты замерла? — усмехнулся Маркус. — Если не хочешь или не готова, можешь пойти обратно в постель, я ничего тебе не скажу.

— Нет-нет! — воскликнула я с испугом, и тут же смутилась непонятного для меня рвения.

Мысленно представив Маркуса обнаженным, я аккуратно села на его колени, стараясь избежать самого главного органа, с которым понятия не имела, что делать.

— Можешь меня коснуться, — подсказал Маркус. — Ладонью, не бойся.

— Я не вижу, — попыталась уклониться от предложения.

— Что ж, я могу тебе немного помочь.

Маркус поймал мою ладонь так, словно он мог меня видеть, и положил ее на свой член, удержав за запястье и предупредив мой первый порыв отдернуть руку.

— Я... не могу... это так... стыдно... — пролепетала я, боясь сжать пальцы.

— Если ты так и продолжишь сидеть скованным камнем, то ничего не получится. Неужели ты лежала без сна посреди ночи ради того, чтобы сейчас встать и уйти? — поинтересовался Маркус.

— Нет, конечно нет, — твердо ответила я, решив, наконец, взять себя в руки.

Маркус отнял от меня ладонь, позволив вновь решать, что мне делать дальше. Я осторожно сжала его член, пробежалась по нему пальцами, оценивая внушительный размер. Он был словно одновременно мягким снаружи, но твердым как камень внутри, и я с любопытством провела ладонью вверх и вниз, чувствуя, как кожа ходит за ней отдельно от ствола. Маркус застонал.

— Крепче...

— Я не сделаю тебе больно?

— Нет... можешь сжать его сильнее, — прерывисто ответил он. — Я давно хотел, чтобы ты меня коснулась....

Я выполнила его просьбу, плавно двигая ладонью вверх и вниз. Член под пальцами пульсировал время от времени, словно пытаюсь вырваться из оков моих пальцев. Маркус тихо вздохнул.

— Кстати, ты меня обманул, — внезапно вспомнила я и остановила ласку, убрав руку. — Ты сказал, что не встречал до меня девственниц. А потом... позже... сказал, что знал одну, которая... что-то умела делать, я даже не поняла, что...

— Я не считаю ее чистой, такой, как ты, — хмыкнул Маркус, усаживаясь подо мной удобнее. Я чувствовала, как напряглись его ноги. Наверно, ему не понравилось, что я бросила ласку на полпути. Прямо как он любил делать. — Ты никогда не была близка с мужчиной никаким образом, я это вижу. А она не отказывала себе в таком удовольствии. И иногда баловалась вторым способом, который поверг тебя в такое смущение. Ты действительно первая.

Маркус притянул меня к своей груди, приподнимая с кресла. Я почувствовала его губы на своих. Чуть потухшее от смущения желание вновь разожглось, и я застонала вслух под напором его ласки. Он просунул руку мне между бедер, а второй начал осторожно давить на плечо. Поддавшись его жесту, я опустила и почувствовала головку его члена у своего лона. Я прервала поцелуй и, задыхаясь, спросила:

— А от этого... не будет последствий?

— Не волнуйся, я умею контролировать себя, — пообещал Маркус.

Оглушенная пробудившимся желанием, я медленно опустилась на его достоинство. Влажное лono помогло ему легко скользнуть внутрь меня, и я со стоном задрожала от головокружительного ощущения, от чувства наполненности, от звенящей в темноте страсти. Не было никакой боли, лишь звезды, мелькавшие перед глазами. Я остановилась на полпути и оперлась плечи возлюбленного.

— Не спеши, — прошептал Маркус мне на ухо и обнял за талию. — Как привыкнешь, начинай двигаться, вверх и вниз.

Я кивнула, задыхаясь от острых ощущений. Теперь все было правильно, так, как я хотела, с тем, кого я хотела. Мое тело отзывалось на каждое прикосновение Маркуса взрывными волнами возбуждения, накрывающими меня с головой. Я приподнялась, чувствуя, как медленно его член покидает мое лono, как движется внутри головка, и опустилась обратно, задохнувшись от нового для меня глубокого чувства. Каждое следующее движение давалось мне все смелее, и я даже нашла какой-то ритм, который словно идеально разученный танец увлекал мое тело все выше и выше к раскаленной точке, обжигающей, как полуденное солнце. Но сколько бы я ни двигалась, я не могла достичь его, словно что-то препятствовало этому. Будто мне не хватало последней ступеньки, чтобы дотянуться до него

и сорваться в сладострастную бездну. Такого никогда не бывало, когда я ласкала себя сама, и я жалобно заскулила, прижимаясь грудью к торсу Маркуса, неосознанно прося его о помощи.

— Что, все же не можешь сама? — хмыкнул он.

Я почувствовала его пальцы на своем клиторе и застонала, откинув голову. Он поймал мой ритм, и спустя несколько мгновений я пересекла ту границу, с которой не могла справиться без него. Горячее чувство зародилось внизу живота, готовое словно разорвать меня на части, и я выгнулась Маркусу навстречу, начав судорожно сжиматься с громким стоном, не в силах сдерживать себя. Мне казалось, что это никогда не кончится. Ощущение было стократ сильнее того, что я получала от своих ласк, и настолько дольше, что где-то на задворках сознания зародился страх, что я не справлюсь с этим. Голова закружилась, когда я, в конце концов, успокоилась от оглушительного оргазма, и хотела перевести дух, но Маркус внезапно резко снял меня с члена, выдернув его из разгоряченных недр моего тела, разом создав пустоту внутри, и бросил меня обратно к себе на колени, прижав достоинство к моему животу ладонью. Я услышала тихий стон, такой робкий и незащитный, словно Маркус выпустил на свободу свою трепетную, слабую сторону, позволив ей пару мгновений насладиться единением со мной. Я почувствовала, как мне на грудь что-то брызнуло, и по животу потекли тягучие капли. Маркус судорожно выдохнул, пару раз приподняв меня на своих коленях, заставляя потереться о его член низом живота, и ослабил объятия.

— Что это? — спросила я, коснувшись капли на животе. Она была вязкой и скользкой.

— Не говори, что не знаешь даже, как кончают мужчины. Ты ведь уже видела меня однажды, — проворчал Маркус, куда-то наклоняясь. Я ощутила прикосновение пушистой ткани к своей коже, и перехватила ее, вытирая руку.

— Ох, я как-то не додумалась, — извиняющимся тоном буркнула я и следом тихо взвизгнула от беспардонного вытирания полотенцем моего еще чувствительного лона.

— Ты была настолько влажная, что у меня даже яйца мокрые, — хохотнул Маркус, и я почувствовала, как он в последнюю очередь начал вытирать себя.

— Не говори мне эти пошлости, — пробормотала я, обхватывая себя руками, не зная, куда теперь деться после того, как все закончилось. Маркус с шорохом убрал куда-то полотенце и обнял меня за талию. Кожа мгновенно покрылась мурашками, и я тихо вздохнула.

— Ты такая чувствительная после оргазма, — мягко произнес мужчина. — Даже твоя кожа отзывается на мои прикосновения. Ты отлично справилась. Устала?

— Угу...

— Пойдешь спать?

— Я не хочу одна...

— Кровать слишком маленькая, мы никак не поместимся на ней вдвоем, — с ноткой грусти произнес Маркус.

— Я знаю, что делать!

Я встала с его колен и осторожно подошла к кровати. Забрав с нее покрывало, я вернулась к креслу и устроилась поперек него на ногах Маркуса, почувствовав кожей, что он снова надел штаны. Я укутала ноги в кокон, перекинув их через подлокотник, и накрыла нас одеялом, положив голову на плечо Маркуса.

— Ты решила свить гнездо прямо на мне, птичка? — засмеялся он, устраиваясь подо мной удобнее.

— Я не хочу спать там, — упрямо повторила я, сжимая в руках край одеяла.

— Хорошо, хорошо, можешь остаться со мной на кресле, — добродушно ответил мужчина.

В комнате снова воцарилась тишина. За окном закончился дождь, и теперь лишь мы вдвоем творили едва слышимую музыку своих дыханий. Столько всего меня глодало, тревожило и вызывало чувство страха. Я не могла оставаться с Маркусом навсегда. Вернуть ему чип можно было с помощью имплантера, который установил такой же мне. После этого Маркус мог бы отправиться к себе домой, а я... сбежать подальше от этого пламени, что пыталось меня поглотить вместо того, чтобы равномерно согреть каждый день, в любую минуту.

— Хм-м-м, — удовлетворенно промычал Маркус, чем привлек мое внимание, — секс с тобой совершенно не такой, как я привык. Не пойму даже, чем отличается. Словно я чувствую себя по-настоящему удовлетворенным. Но при этом продолжаю хотеть тебя еще.

— Почему ты постоянно говоришь мне всякие непристойности? — проворчала я в ответ, возмущенная его откровенностью.

— Как еще понять друг друга, если не говорить о своих желаниях и ощущениях? — тихо хмыкнул Маркус в ответ. — Или тебя это смущает?

— Да, — буркнула я ему в грудь.

— Здесь есть только ты и я, — прошептал Маркус, касаясь губами моего виска. Я едва не замурлыкала вслух от накрывшей меня волны нежности, что исходила от него. — Но пока что мне нравится твое смущение, как ты постепенно учишься раскрываться и показывать мне, что именно тебе по вкусу. К тому же, ты такая чувственная, а твое тело легко откликается мне.

— И как мы до этого дошли... — тяжело вздохнула я. Я одновременно чувствовала счастье и угнетение от того, что Маркус был рядом со мной.

— Это я виноват, — тихо произнес он, прижимая меня к своей груди. — Когда я встретил тебя в лесу, я словно голову потерял. Маленькая девчонка, почти как моя сестра возрастом, одна в чаще так храбро тычет оружием в незнакомца, который больше и сильнее ее.

— Оно было разряжено, — надуту перебила я его. Маркус засмеялся.

— Даже если и не было бы, выбить его из твоей руки с такого расстояния не составило бы мне труда. Я много лет сталкиваюсь с социально опасными элементами, поверь, на меня не впервые направляют оружие. Но ты меня заинтриговала. Я рассчитывал заинтересовать тебя, а ты не реагировала на мои действия открыто, но то, что я ощущал, то, что ты не показывала, мгновенно выводило меня из себя. Дойдя до Тавраса и сдав тебя страже, я решил, что это было просто минутное помутнение рассудка, и стоило мне найти девушку, чтобы расслабиться, и я забыл бы тебя. Но придя домой я понял, что ты не выходишь из моей головы. Что бы я ни делал. Всю ночь я проигрывал в мыслях нашу встречу вновь и вновь, твое робкое прикосновение, твою самоотверженную готовность помочь нуждающемуся и позаботиться о нем просто так, ничего не прося взамен. Знаешь, я ведь не должен был проводить тот допрос, это не входит в мои должностные обязанности, — тихо захихикал Маркус, словно рассказывал мне какой-то секрет. — Я решил, что мне просто необходимо еще раз увидеть тебя и убедиться, что со мной все в порядке, и я не схожу с ума по какому-то магику, еще и преступнице.

— Ой, ну только не начинай эту проповедь про преступления, — раздраженно закатила

глаза.

— Я не об этом, — вздохнул Маркус. — Так я пытался остановить себя. Твердил, что ты магик, с другой стороны границы, ты с чипом, которого у тебя не должно быть, а у меня есть долг и обязанности, которые мне нужно исполнять. Думал, вот увижу еще раз, убежусь, что я просто переутомился со всеми теми хлопотами, что мне доставили разбойники у города, — и меня отпустит. А вместо этого... ты начала передо мной выделываться!

— Я?! — возмущенно зашипела.

— Конечно! Эти твои толчки грудью, отрицание очевидного, дерзость... Один твой запах чего стоил, когда твой рот говорил, что ненавидит меня, а тело требовало ласки, — Маркус утробно зарычал, стиснув меня в объятиях. — Я сорвался по глупости, поцеловав тебя, как подросток, не контролирующий приливы собственных гормонов. А затем я решил положиться на твое благоразумие. Ты контролировала себя много лучше, чем я. И я понадеялся, что ты сможешь меня остановить...

— Я не смогла, ты так...

— ... соблазнял тебя?

— Да! А я ведь не каменная!

— Я тоже, птичка...

— Почему ты бросил меня после того, как мы... в первый раз?.. — неуверенно проямлила я, раскрывая затаенную обиду.

— Ну, во-первых... — прокряхтел Маркус, начав усаживаться подо мной, — ...я привык заботиться о своей внешности. Не стану отрицать: я прекрасно осознаю, что выгляжу привлекательно. И часто этим пользуюсь в различных своих целях. Потому такая наглая и демонстративная порча моей кожи на видном месте меня попросту взбесила. Тебе, как магику, будет сложно меня понять. Я видел, что у вас главное — семья и община в целом. У нас, технеров, процветает индивидуализм и культ внешности. Потому, возможно, в быту могло бы оказаться, что я забочусь о своей внешности даже больше, чем ты, и...

— Короче, ты просто надулся, что я тебя грызнула? — прервала я утомляющий меня поток заумных слов.

— Магики — такие варвары, — наигранно вздохнул Маркус. — Из душевной трагедии всегда умудрятся сделать фарс.

— Это у тебя-то трагедия была? — взвилась я, выпутываясь из одеялового кокона. — Это у меня душевная травма вышла!

— У тебя была обычная истерика. И я просто ушел, давая тебе возможность перебеситься по причине, которую я не понимал.

— Болван! — прорычала я, едва сдерживаясь, чтобы не пнуть его. — Ты соблазнил меня, навешал лапши на уши, еще и рассказываешь, что ждал, будто я тебя остановлю! Предлагал то, чего я хотела, и ожидал, что я от этого откажусь?! После чего ушел, решив, что я истерю на пустом месте?! Да ты в своем уме?!

— Лучше замолчи, — предупредительным тоном произнес Маркус.

— А то что?!

— Помнишь, как я говорил, что есть много способов закрыть рот женщине?

— Я не собираюсь молчать о том, как ты издевался надо мной из-за того, что у тебя, видите ли, на меня встал! — завелась я, и не думая останавливать скандал.

Маркус молча намотал на руку мою косу и дернул меня на себя. Я охнула, подавшись навстречу, и он заткнул меня поцелуем. Кровь вскипела от его прикосновений, горячие губы

гуляли по моим, наслаждаясь каждым мгновением и требуя забыть ссору, то, из-за чего я так быстро вспыхнула, направляя мое пламя в другое русло.

— Вот так меня больше устраивает, — усмехнулся он в темноте, отпуская мои волосы и вновь ласково прижимая к груди, обхватывая руками и укладывая мою голову себе на плечо. — Я заходил проверить, как ты, ночью, — продолжил он прерванную беседу. — Ты спала, и я не рискнул тебя тревожить. А утром я вышел на крыльцо, просто подышать воздухом. И там была та женщина... Потом я помню только ярость, бушующую в груди, и что почему-то она была обращена на тебя. За то, что я в тебя влюбился, что ставило под угрозу мое положение, за то, что ты мучила меня своим присутствием, за то, что укусила и за то, что я... полностью запутался в себе. И словно кто-то дал мне команду "фас", а я с радостью побежал ее исполнять, не понимая того, что именно я делаю, но счастливый от того, что наконец-то передо мной появилось что-то определенное и четко обозначенное, за что я мог бы ухватиться.

— Примерно так я и думала, — нервно ответила я, пытаясь не вспоминать в подробностях события того дня.

— Забудь об этом, — мягко произнес мужчина, проводя ладонью по моей щеке. — Мне жаль, что так все сложилось. Но сделанного не воротишь. Главное, что мы, наконец-то, вместе, и приняли друг друга.

— Мне кажется, мы делаем что-то очень-очень плохое... — тихо произнесла я в грудь Маркуса.

— Возможно. Но мне от этого очень-очень хорошо, — усмехнулся он в ответ.

— Ты глупый, — насупилась я. — Эти отношения обречены. Мы сами себе роем могилы.

— Прекрати, — прошептал Маркус с отчаянием, прижимая меня к себе. — У меня ничего и никого нет, кроме тебя.

Я промолчала. Сейчас он вправду был одинок, оторван от своей семьи и своего народа. Маркусу не на кого было положиться, даже он сам не мог бы себе помочь. А у меня было решение его проблемы.

Я завернулась плотнее в одеяло и закрыла глаза. Тепло и запах тела Маркуса опутывали меня лучше любого покрывала, а его мерное дыхание убаюкивало, словно волны спокойного океана. Вот бы эта ночь длилась вечно. Чтобы существовали лишь я и он, а весь мир вокруг оставил нас в покое со своими правилами, чипами и татуировками, Кредиториумом, работой и обязательствами. Чтобы мы просто могли быть вместе всегда, не заботясь ни о чем.

Маркус осторожно погладил меня ладонью по голове, отвлекая от горестных размышлений.

— Я люблю тебя, — тихо произнес он, прикасаясь губами к макушке и заставляя мое сердце забиться, словно птица, заключенная в клетке и рвущаяся на свободу.

— И я тебя люблю, — в порыве чувств выдохнула я, прижимаясь щекой к его груди. Пусть это счастье побудет со мной еще мгновение.

Глава 20. Не выделяйся

Ласковое утро нежным солнечным лучом коснулось моей щеки. Я настороженно приоткрыла один глаз, не веря тому, что после вчерашнего шторма могла наступить хорошая погода. За окном с выцветшей розовой занавеской и вправду было ясное голубое небо. Я закопошилась в жарком одеяле и приоткрыла его, надеясь немного остыть. Подняла голову и наткнулась на теплый желтый взгляд Маркуса.

— Доброе утро, — он ласково улыбнулся мне, и я расплылась в глупой счастливой улыбке в ответ.

— Доброе, — я смущенно ткнулась носом ему в грудь.

Это было лучшее утро за всю мою жизнь. Я проснулась вместе с Маркусом, нас больше ничего не разделяло. Мы вместе, вдвоем. Он отпустил меня и сладко потянулся, покряхтывая от напряжения и похрустывая суставами. Еще бы, я просидела на нем всю ночь. Он выгнулся на кресле, с легкостью поднимая меня бедрами, и я захихикала, обхватив его за шею, чтобы не скатиться на пол с его колен. Я почувствовала, что и его главный орган, регулярно вгоняющий меня в краску, тоже напрягся, упираясь мне в бедро. Я отпустила короткий смешок.

— Смотрю, не один ты проснулся. Кстати, разве у тебя не было раньше щитка там, об который я чуть ногу не сломала? Куда он делся?

— Снял давно уже, мешался. И это всего лишь утренний стояк, — выдохнул Маркус, садясь обратно в кресло и обвивая меня руками. — Он не зависит от моего желания, только показывает, что я здоров.

— А им можно пользоваться? — заинтересовалась я.

— Пользоваться? — Маркус звонко рассмеялся. — Вот, значит, как ты ко мне относишься?

— Я просто спросила, — смутилась я.

— Что ж, — уже спокойно ответил мужчина, — если тебе так интересно, им можно "пользоваться", как ты выразилась. Я люблю утренний секс.

— Ты его любой любишь, без разбора, — буркнула я, отодвигаясь от горячей груди Маркуса.

— Нет, с тобой он совсем не обычный, — улыбнулся мужчина, притягивая меня к себе сквозь мое сопротивление и пытаюсь поймать губами мои губы. — Давай я покажу тебе кое-что особенное. Один из видов секса.

Маркус встал с кресла, держа меня на руках, и я решила, что он отнесет меня на кровать, но вместо этого он почему-то усадил меня обратно в кресло.

— Какой? — спросила я, набрасывая на себя одеяло. Быть обнаженной перед Маркусом было для меня еще слишком непривычно.

— Тот, о котором я упоминал вскользь ночью, — усмехнулся он, опускаясь на пол.

Я взволнованно опустила глаза на мужчину, стоящего передо мной на коленях. От столь будоражающего воображение зрелища я начала еще более нервно кутаться в покрывало, но Маркус уверенно ухватил его края и выдернул из-под меня, отбрасывая в сторону и оставляя совершенно безоружной против его пронзительных всепроницаемых глаз. Я неловко попробовала прикрыть полную грудь, обняв себя.

— Что ты надумал делать? — осторожно спросила я. Маркус провел ладонью по моей ноге, от лодыжки до бедра, вызывая мурашки.

— То, чего ты точно не испытывала. Раздвинь ножки.

Я отчаянно замотала головой, сжимая колени.

— Сейчас же светло. Ты все увидишь.

— Конечно, — усмехнулся Маркус, — этого я и хочу.

Он с легкостью оторвал мою ногу от пола и закинул себе на плечо, раскрывая для себя обзор на мое бесстыдство. Я взвизгнула и попыталась прикрыться ладонью в отчаянном жесте смущения.

— Не нужно мне сопротивляться, — проворковал Маркус, покрывая поцелуями внутреннюю сторону моего бедра, что лежало у него на плече.

— Это ужасно пошло! — пискнула я, не решаясь начать его отталкивать от себя. — Я еще и душ не приняла после вчерашнего!

— Я чувствую, — улыбнулся Маркус, внезапно поцеловав тыльную сторону моей ладони, прижатой к лону, — и мне это безумно нравится.

— Отпусти меня хотя бы помыться! — настаивала я, начав все же осторожную попытку отстранить его от себя второй рукой, уже бросив прикрывать грудь.

— Нет, — нагло ухмыльнулся он. Маркус наклонился к самой моей ладони и я увидела, как он не спеша с наслаждением делает глубокий вдох. — Как же головокружительно пахнет твоё возбуждение. У меня аж яйца сводит от желания трахнуть тебя.

— Ты просто невыносимый извращенец! — воскликнула я, отчаянно краснея. — Отстань уже от меня и дай сходить в душ! Тогда я подумаю над тем, что ты собирался сделать!

— Во-первых, это не извращение, а мой фетиш, — спокойно ответил Маркус, продолжая ласкать поцелуями мои ноги, — а во-вторых, я не отпущу тебя в душ, пока не закончу с тобой.

Он неспешно снял с себя одну мою ладонь и без особых усилий отнял вторую, положив обе на кресло и наклонившись слишком близко ко мне. Я испуганно уставилась в его глаза сверху-вниз.

— Что ты надумал делать? — спросил я, задыхаясь от его своеволия.

— Ничего такого, что не доставило бы тебе удовольствие, — усмехнулся Маркус, опускаясь к моему лону.

Я почувствовала, как его горячий влажный язык медленно прошелся вдоль всей моей промежности. От этого необычного и постыдного прикосновения и забила в его руках и начала вырываться.

— Ты с ума сошел! Это неприлично, как так можно! Языком и... и...

— И что? Неужели там, где я побывал членом, я не могу побывать языком? А ведь членом я дорожу поболее, — произнес Маркус, внезапно вновь очутившись у моего лица. — Языком и губами можно сделать очень приятно. Сравни, как отличаются эти ощущения. — Он стиснул ладонью мою левую грудь и зажал пальцами сосок, начав прокручивать его, чем заставил меня возбужденно вздохнуть. Следом за этим он наклонился к моей правой груди и вобрал в рот второй сосок, мягко сжимая его губами и касаясь кончиком языка. Не выдержав наплыва горячих ощущений, я издала тихий стон.

— Вот видишь, — Маркус оставил в покое мою грудь. — И я обязательно объясню, как доставить удовольствие мне, но пока что просто учись расслабляться и доверять мне. В сексе

нет ничего неприличного, если это доведет тебя до оргазма.

Его голова вновь исчезла между моих ног, а язык коснулся лона. Я напряженно прислушивалась к тому, как он не спеша скользит вперед и назад, описывая круги вокруг моего клитора. Маркус то напрягал язык, настойчиво надавливая, то расслаблял, словно мягкое влажное полотенце, собирающее капли моего возбуждения. И я начала ощущать в этом действие некоторую прелесть. Прикосновения Маркуса были такими ласковыми и нежными, хоть и вызывали у меня бурю смущения. Мое тело медленно расслабилось, и я откинулась в кресле, прикрыв глаза. Маркус отпустил мои руки, но я уже не пыталась прикрыться, наслаждаясь его ласками. Я ощутила на себе его ладони, как пальцы вслед за языком исследуют мое тело, касаются меня, словно я была невиданным и хрупким сокровищем. Один палец скользнул внутрь меня, и я издала тихий восторженный вздох. Маркус словно медленно изучал меня, каждый сантиметр, осторожно касаясь стенок внутри, будто что-то искал. Его искусный язык, кружащийся вокруг моего клитора, заставлял кружиться голову, и оргазм готов был вот-вот накрыть меня. Внезапно Маркус надавил внутри на какую-то точку, и мое тело выгнулось ему навстречу, пронзенное разрядом удовольствия.

— А-а-ах! — громко застонала, вцепившись пальцами в подлокотники.

Руки Маркуса мгновенно исчезли с меня, и он поднялся ко мне, вжав телом в кресло.

— Чшшш-чш-чш... Мне нравится, как ты поешь, птичка, но не нужно так громко. Дверь, конечно, заперта изнутри, только я не могу гарантировать, что нас не придут проведать хозяева дома. Не хочешь же ты, чтобы они все поняли?

Он оперся о подлокотники, оттолкнув мои руки, и я почувствовала, как его каменный член проскальзывает внутрь меня, вызывая новую волну голодной дрожи. Я закусила костяшку пальца, стараясь подавить новый стон, готовый вырваться из моей груди. Маркус не спеша толкнулся внутри, и начал набирать темп, ритмично лаская меня. Я неосознанно обхватила его за поясницу ногами, прижимая к себе крепче, желая чувствовать его каждой клеточкой своего тела.

— Обещаю, когда мы доберемся домой, я позволю тебе вволю накричаться подо мной, — произнес он глубоким голосом, наклоняясь к самому моему уху. Его тяжелое горячее дыхание коснулось моей кожи, заставив меня задрожать. Но в следующее мгновение он отстранился и пропустил руку между наших тел, находя ошупью мой чувствительный бутон, раздраженный его языком. Он осторожно сжал его пальцами, заставляя меня податься к нему, балансируя на грани оргазма.

— Ты ведь не можешь кончить без этого, потому что привыкла так мастурбировать? Тебя можно понять, ты так долго была без настоящего секса, хоть меня и удивляет, что столь сногшибательная девушка умудрялась избегать голодных взглядов мужчин. Пока что я помогу тебе кончить, но со временем позабочусь о том, чтобы ты научилась достигать оргазма без этого.

Несколько мгновений ритмичных поглаживаний, сопровождаемых его глубокими тягучими толчками, и я сдалась, взорвавшись под ним потрясающим мощным оргазмом. Дыхание перехватило, и я распахнула глаза, выгнувшись навстречу Маркусу, даже не в силах вдохнуть из-за сладких судорог моего тела, пронзенного экстазом. Едва конвульсии прекратились и я почувствовала, что вернулась с небес упоения в комнату, как Маркус легко выскользнул из моих влажных горячих недр и, обхватив ладонью член, сделал несколько резких движений. Он глухо застонал, сдерживая себя, и я увидела, как из его члена на меня

брызнула белая жидкость, осев горячей росой на груди. Маркус мелко задрожал и с облегчением выдохнул, отстраняясь.

— Опять на меня... - недовольно пробормотала я, растерявшись. Нужно было найти, чем вытереться. Жидкость медленно стекала с меня, щекоча кожу, и норвила либо вот-вот капнуть на кресло, либо затечь в пупок, если я пошевелюсь.

— Я сам уже скучаю по презервативам, — усмехнулся Маркус, вставая. Я беспокойно забегала взглядом, не в состоянии решить, хочу ли я его сейчас рассматривать его мощную фигуру с еще не успевшим опасть стояком, или стыдливо спрятать глаза. Тем временем, мужчина спокойно достал из-за кресла вчерашнее полотенце и промокнул им свои следы на моем теле. Я внезапно почувствовала себя настолько расслабленной, словно я сама была мокрым полотенцем, которым вытерлись после обильного летнего дождя и бросили на спинку стула просушиться.

— Вот теперь идем в душ, — бодро произнес Маркус. Похоже, он, в отличие от меня, зарядился энергией.

— У меня нет сил двигаться, — честно призналась я, растекаясь по креслу лужей. Мне даже было все равно, что я сидела обнаженной, настолько мне было хорошо.

— Серьезно? — Маркус звонко рассмеялся. — Я очень доволен, что ты так себя ощущаешь. Раз я причина твоего бессилия, то я помогу тебе принять душ.

Он осторожно поднял меня на руки, и я обхватила его за шею, доверчиво прижимаясь щекой. Как же с ним было хорошо. Наверно, мне больше ни с кем и никогда не будет так хорошо. Хотелось запомнить каждое это мгновение, чтобы оно отпечаталось в моей памяти так, чтобы я могла пересматривать его и ощущать, словно оно происходило со мной в реальности.

— У тебя не высохли волосы за ночь, — произнес Маркус, осторожно ставя меня в кадку, и я включила ему воду. — Ты так простудишься. Может, распустишь их?

— Нет, не надо, — буркнула я, сворачивая косу на макушке, чтобы она не намочила еще больше. — Я же говорила, что не стану распускать волосы...

— ...перед кем не попадая, если я верно помню? — хмыкнул Маркус, присоединяясь ко мне в душе и встав у меня за спиной. Горячая вода и его ладонь коснулись моего живота, начав плавно смывать с меня следы нашей недавней любви. — Неужели я все так же никто для тебя?

Я упрямо молчала, уставившись себе под ноги. Вода крошечным водоворотом утекала в слив, разбавляя своим плесканием неловкую тишину. Так кем был для меня Маркус? Секундным помешательством или тем, ради кого я брошу свои стремления и осяду в каком-то городе? Он однозначно не из тех, кто создан для заведения своей собственной семьи, брака, детей, дома и прочего. В его интересы не входит ничего подобного. Зато, когда я ему приемся, он с легкостью заменит меня следующей дурочкой, оставив разочарованно стоять у обочины, пытаясь собрать воедино разбитые мечты и чувства.

— Я бы хотел увидеть эту лиловую копну, как она водопадом струится по твоей спине... — произнес Маркус, медленно проводя ладонью по моей коже, соблазняя выполнить его желание.

— Я подумаю, — уклончиво ответила, желая избежать этой темы. Как бы мне ни было хорошо с Маркусом, он не вызывал у меня полного доверия.

Мы закончили принимать душ и вернулись в комнату, где Маркус сразу же надел штаны и собрался уйти за моими вещами. Я уловила в воздухе едва ощутимый запах, терпкий и

волнительный, от которого внезапно затрепетало сердце и задрожали ноги.

— Что это? — спросила я Маркуса, зная, что и он это ощущает.

— Хм-м-м, ты тоже чувствуешь? — он сладко улыбнулся и подошел ко мне, крепко прижимая к своему обнаженному торсу. — Так пахнет секс. Это запах нашей страсти, желания и оргазма. Теперь ты понимаешь, почему я теряю голову, когда ты рядом со мной? — он приподнял пальцами мой подбородок и нежно поцеловал в губы, заставляя запомнить свои слова и этот запах.

Маркус покинул меня на несколько мгновений и вернулся, держа в руках мою одежду. Я с радостью начала одеваться, наконец, скрываясь от его глаз, которые, казалось, без остановки рассматривали мое тело.

— Кстати, ты говорила, у тебя есть какой-то план? — подал голос мужчина, надевая куртку и неодобрительно кривясь на разрезанный рукав.

— А, ты насчет того, что нам делать дальше?

— Да.

— Все очень просто. Я отведу тебя обратно в Вайон.

— Так...

— Ты там обучишься какому-нибудь ремеслу. Поселимся в доме моих родителей. Ты будешь работать, я заниматься домом, заведем детишек, наверно, четверых, больше мне не хочется. Я буду за ними просматривать, готовить тебе ужины, ждать тебя с работы, дарить ласку по ночам, а все выходные мы будем проводить с детишками и моими родителями. Разве не здорово? — я подняла глаза на Маркуса, стараясь не выдать свою издевку и готовясь к его ошеломленной реакции. Как я и ожидала, у него вытянулось лицо и он несколько побледнел.

— Нет, ну... это все же... — он начал заикаться и неловко почесал затылок, стараясь на меня не смотреть, — план, конечно, но...

Я не выдержала и расхохоталась, глядя на его попытки не дать мне понять, что я его напугала.

— Ты что, серьезно решил, что я могла бы предложить тебе что-то такое? — я подошла и хлопала его по плечу, заливаясь смехом. — Неужели я похожа на тех женщин, чей предел мечтаний — куча пеленок и кастрюль?

— Я не знаю, — дрожащим голосом ответил Маркус. — У тебя же было четверо братьев и сестер, я думал, это является моделью семьи и для тебя...

— Расслабься, — выдохнула я, вытирая слезы смеха. — Видел бы ты себя. Безымянным было бы за тебя стыдно за твой страх перед ответственностью.

— У меня все нормально с ответственностью! — взвился Маркус, агрессивно на меня оскалившись. — Когда ты говорила о плане, я ожидал что-то стоящее, а не глупую выдумку!

Я на мгновение замерла, глядя на него в ответ. Это был один из тех моментов, что заставляли меня сомневаться в Маркусе. Он разозлился из-за того, что я наступила на его любимую мозоль, затронув тему ответственности, или потому, что ему показалось, что от меня ему не будет никакого толка, и его театр с любовью в меня мог не дать нужные ему результаты? Я хмыкнула и отошла к кровати, сев на нее. Старые пружины скрипнули, опуская меня едва ли не на самый пол.

— Мы пойдем к имплантеру. Я хорошо помню, как туда добраться, мне только нужно понять, где мы сейчас находимся. Было бы неплохо найти карту у местных жителей. Поговорим с ним, обсудим ситуацию, думаю, он найдет способ решить твою проблему. К

тому же, к нему удобнее идти через нашу сторону, тебе не придется заходить в города технеров, так что у тебя проблем не будет, а магики на тебя не обратят никакого внимания. — Я скрестила руки на груди, уставившись на свои носки. Обувки у меня не было, я понятия не имела, как я пойду хоть куда-то. Да пусть Маркус решает эту проблему, это не мое дело, если он хочет куда-то добраться.

— Ты что, обиделась? — неожиданно произнес он.

— С чего ты взял? — буркнула в ответ.

— Возможно, мне подсказала это твоя закрытая поза со скрещенными руками и то, что ты сидишь в другом конце комнаты, избегая смотреть на меня, а на лице написано желание расчленить меня заживо?

— Ох, отвали, Маркус, — вспыхнула я, поднимаясь на ноги. — Ты хотел узнать, что делать дальше — ты узнал.

— погоди, — он обхватил меня за талию, ставя перед собой. — Взгляни на меня и скажи, что я сделал не так.

— Я не хочу ничего тебе говорить, — надулась я, но в то же время чувствуя, как успокаивающе на меня действует тепло его тела и объятие.

Маркус осторожно взял меня за подбородок и потянул вверх, поднимая голову, и я была вынуждена посмотреть на него. Цитриновые глаза, что держали в плену мой взгляд, гипнотизировали, пытаясь то, что требовалось у меня узнать.

— Ты мне не доверяешь, — наконец, произнес Маркус, и я мгновенно потупилась. — Неужели все, что между нами происходит, не вызывает у тебя доверия ко мне?

— А ты послушай себя, — зарычала я, глядя мимо него. — Слово мое доверие — это что-то крайне необходимое для тебя. Будто если его не будет, ты не сможешь получить то, что тебе нужно. Теперь-то ты без поддержки своего статуса и своего города. Если бы не мои... чувства к тебе... я давно развернулась бы и ушла, оставив тебя разбираться со своими проблемами самостоятельно. Ты на меня кричишь, если что-то не по-твоему, а потом хочешь, чтобы я верила, будто ты мне сказал правду?

Маркус привлек меня к себе ближе, вжимая лицом в грудь и прерывая поток возмущений. Я почувствовала его ладонь, ласково поглаживающую меня по голове в успокоительном жесте, словно ребенка.

— Ты такая глупенькая, — усмехнулся он. Я яростно заворочалась в его объятиях, желая высказать все, что думаю по поводу данного мнения, но Маркус пресек мои попытки, просто прижав крепче. — Слово вправду дикий зверек. Чуть какой перестук — и ты сворачиваешься в клубок, пыхтишь, выставляешь иглы и норовишь цапнуть за палец. Я тебя понимаю. Для тебя это все впервые, ты непривычна, не знаешь, чего от меня ожидать, да и мы такие разные. Я просто на взводе, так же, как и ты, и, к тому же, я сам по себе вспыльчивый человек. Я постараюсь держать себя в руках, чтобы не пугать тебя лишним раз. У меня нет дурных намерений в твой адрес, просто поверь мне. Я ведь отпускал тебя, и ты сама решила вернуться. Я готов отпустить тебя в любой момент, птичка, и ты улетишь, если захочешь... — Его ладони крепко сжали мои предплечья.

— Почему именно я? — прогудела ему в грудь. Вокруг него достаточно девушек, он мог бы выбрать кого угодно, и любая с радостью пала бы к его ногам.

— Неужели не понимаешь? — мягко произнес Маркус. — Я же говорил, чем ты отличаешься от других.

— Ох, тем, что я тебе сразу же не дала? — фыркнула я, с трудом поднимая на него лицо.

Мужчина звонко засмеялся, и в его солнечных глазах заплясали игривые зайчики.

— Не только поэтому.

Он ласково мне улыбнулся, и я внезапно начала его просто рассматривать, словно он был картиной со множеством доселе невиданных мною деталей. На его щеках начала пробиваться черная щетина. Все же мы были уже так давно в пути. Но почему-то он не стал выглядеть от этого грубее, наоборот, она словно прибавила ему мужественности. Черные ресницы, обрамляющие его глаза, были такие длинные и густые, что я невольно почувствовала зависть. Вот бы мне такие, зачем они мужчине? Но главное, это теплый медовый взгляд, такой же тягучий и сладкий. Я неожиданно вспомнила, что мне напоминал этот цвет. Летом, когда вызревали абрикосы, мама варила из них компоты. Эта золотая жидкость, немного терпкая, но так хорошо утоляющая жажду, была точь-в-точь того же цвета, что и глаза Маркуса. Вот, почему они так меня привлекли и вызывали приятные эмоции. Я их уже видела когда-то давно, плещущимися в стакане на столе дома, озаренном жарким летним солнцем и беззаботностью детства. Но я? Что было такого особенного мне, что мужчина, подобный Маркусу, остановил выбор именно на мне?

И вдруг я поняла, в чем было дело. Я всего лишь позаботилась о нем, не прося ничего взамен. Он же сам мне об этом и говорил. Я подобрала его в лесу, спасла, находила ему ночлег, давала еду, лечила. И ни разу не говорила, что он должен мне что-то за это. А он, привыкший заботиться о себе и своей сестре сам, попросту не получал этого от женщин вокруг себя.

— Ты влюбился меня из-за того, что я о тебе заботилась? — напрямую спросила я. Маркус удивленно хлопнул на меня глазами, а затем со вздохом обнял.

— Я не хочу в этом признаваться...

— В чем? — удивилась я, осторожно обнимая его в ответ. Мне показалось, что если разговор продлится еще немного, то Маркус расскажет мне то, что его глодало длительное время.

— В том, что ты смогла мне дать то, чего мне всегда не хватало. Вокруг меня было столько женщин, но их интересовали лишь моя внешность и мое положение, им было плевать на меня. Но я не мог отказаться от того, что они предлагали взамен на наигранный интерес во мне, я на самом деле слаб и падок на женщин. Но когда я осознал, что вижу в тебе то, что бессознательно всегда искал, то понял, что у меня не хватит сил отпустить тебя...И ты... ты вернулась ко мне. Сейчас, когда у меня ничего нет, и я никто. Ты все равно пришла, я не мог поверить своим глазам, когда увидел тебя в дверях...

Я неловко улыбнулась, прижимаясь к Маркусу. Он такой странный. Зачем же было делать и говорить мне всякие гадости, если можно было сразу же сказать все, как было? Он неожиданно отпустил меня и тихо прокашлялся, отводя глаза.

— Нам бы пора спуститься вниз, переговорить с хозяевами да собираться уходить.

— Да, конечно, — пролепетала я рассеянно. — Может, у них найдется какая-нибудь обувь для меня...

— Наверняка найдется, — улыбнулся Маркус, открывая передо мной дверь и пропуская в коридор.

Мы пошли на голоса, раздававшиеся из глубины дома, и вышли на освещенную солнечным светом кухню. На табуретке сидел тучный седой мужчина, задумчиво читая крайне потрепанную книгу. У плиты, на которой что-то шкварчало и булькало в двух совершенно черных казанках, стояла такая же седая пожилая женщина с короткой стрижкой,

одетая в длинное голубое платье свободного кроя. Она обернулась на наши шаги и, поправив круглые очки, улыбнулась так, что могла бы затмить солнце, заглядывающее на кухню сквозь старые занавески.

— Ох, ты наконец-то проснулась! — она начала суетиться активнее, а мужчина, сидящий на табуретке, шумно кашлянул низким голосом. — Да вы проходите, садитесь, сейчас будем завтракать!

— Доброе утро, — смущенно выдавила я из себя, улыбнувшись ей.

— Доброе, доброе, — махнула она на меня руками, начав доставать с чуть покосившей полки посуду.

Маркус усадил меня на один из табуретов без спинки и сел рядом со мной.

— Меня зовут Лионелла, это мой муж, Генри.

Мужчина кивнул и, облизнув палец, перелистнул страницу книги. Я бросила взгляд на ее обложку, но она была такой затертой, что я не смогла разобрать название.

— Я Никки, — представилась я, — спасибо большое, что впустили нас. Хотя я этого и не помню, — улыбнулась и пожала плечами.

— Нам не накладно было, — ответила Лионелла, ставя передо мной и Маркусом пштарелке с дымящимся жарким. Я проглотила голодную слюну и взглянула на своего спутника. Он благосклонно улыбнулся мне, беря со стола ложку.

— Так неловко, что мы пользуемся вашей добротой, — произнесла я, следуя примеру Маркуса и начав жадно поглощать угощение.

— Все нормально, — успокоила меня Лионелла, садясь напротив за стол и подпирая голову рукой. — Мы давно уже живем вдвоем, да и в селении людей осталось мало, одни старики. Вся молодежь, и наши дети, поуждали в крупные города. А так, хотя бы вы украсили наше одиночество.

— Откуда, говорите, вы явились? — подал, наконец, голос хозяин дома.

— Генри! — попыталась осадить его жена. — Дай люди поедят спокойно!

— Мы шли из Вайона, — ответил за меня Маркус. Я благоразумно промолчала поскольку он наверняка уже рассказывал эту историю частично, и я могла сломать ее, если бы ляпнула что-то невпопад. — Но заплутали по пути и наткнулись на разбойников. — Я едва не вздохнула. Маркус воображением не отличался, и любую передрагу сразу же списывал на разбойников.

— Бедные-бедные! — запричитала Лионелла. — Хорошо, что вам повезло сбежать, и вы отделались лишь обмороком и порванной одеждой!

— Да, повезло, — усмехнулся Маркус в тарелку. Я поджала губы, стараясь не вспоминать, что на самом деле с нами приключилось.

— Странная на тебе одежда, парень, — прокряхтел Генри, закрывая книгу. Он положил ее на стол и сложил руки на животе, начав сверлить Маркуса старческими водянистыми глазами.

— Обычная, — пожал плечами тот. Я нервно уткнулась в свою тарелку, догребая тушеную картошку.

— Включи-ка свет, — обратился к Маркусу Генри, и я мгновенно похолодела, потому что этот идиот с готовностью отодвинул табуретку и поднялся.

— А где выключатель? — спросил он.

В комнате повисла звенящая тишина. Услужливая улыбка медленно сползла с лица Маркуса, когда он осознал, что выдал себя такой глупостью.

— Ой болва-а-ан, — протянула я, положив ложку на стол и уткнувшись в ладони.

— Да это же технер! — пробулькал Генри. — В моем доме! А я говорил тебе не впускать их, Лио!

— Перестань, Генри! — внезапно вскрикнула пожилая женщина, от чего мы с Маркусом вздрогнули.

— Что перестать?! — тот медленно повернулся к ней. — Перестать утверждать, что ты впустила двух чужаков в наш дом?! Где были твои глаза?! С твоей сердобольностью ты и волка в дом впустишь и к себе в постель уложишь!

— Я не технер, — виновато буркнула я, опуская глаза.

— Нет, ну ты посмотри на них! — возмутился Генри. — Она еще и магик, спутавшийся с технером! Деточка, у тебя совсем мозгов нет? Ты посмотри на себя, у тебя еще вся жизнь впереди, и на что ты ее тратишь?!

— Генри!!! — взвизгнула Лионелла, хлопнув ладонями по столу еще до того, как я или Маркус успели открыть рот, чтобы ответить на эту тираду. — Иди в свою комнату и успокойся там!

— Не указывай мне, что делать в моем доме, женщина! — рыкнул в ответ Генри.

— Я буду указывать тебе, что делать в этом доме, потому что он и мой тоже! И это мои гости, если ты так хочешь! Нашел, к чему прицепиться — к его происхождению! А то, что он принес девушку на себе посреди ночи, раненный, и два дня ее выхаживал — об этом ты не подумал?! О том, что они очевидно влюблены друг в друга — ты не подумал?! Забыл, как лазил ко мне на второй этаж ночью, хотя знал, что мой папа бы тебя убил, если бы увидел?! Чувства — вот, что важно, и когда есть они, то нет никаких границ, условностей, происхождения и прочего!

— Ну что ты, что завелась-то, — заворчал Генри, поднимаясь с табуретки и беря книгу. — Пойду в спальне почитаю. Не хочу с технером в одной комнате сидеть, — добавил он напоследок, бросив недовольный взгляд на Маркуса. Тот медленно опустился обратно на стул, вздохнув. Я сама чувствовала себя крайне неловко из-за того, что стала свидетельницей этого скандала.

— Не обращайтесь на него внимания, — сердито буркнула в спину мужу Лионелла. — С каждым годом все хуже, ворчит и ворчит, все не по-нему, куда ни плюнь. Так, я хотела спросить, — она повернулась к нам, — почему ты, Никки, босиком?

— Это... — я отвела взгляд. Мои ботинки остались там, в лагере...

— Эх, вам, наверно, идти надо, а мне даже нечем тебе помочь. Подождите меня здесь.

Она резво подскочила со стула и скрылась в коридоре, оставив меня наедине с Маркусом.

— Ну и где же выключатель? — зашипела я на него обозленно. — Идиот. Я могла бы незаметно включить этот проклятый свет, а в результате на нас вылили ведро помоев из-за тебя!

— Успокойся, — холодно ответил мне Маркус, отчего я сразу же заткнулась. — Ничего смертельно страшного не произошло, старик всего лишь разворчался. Или, может, ты уже готова сломаться из-за того, что люди скажут о том, что мы разного происхождения? — он перевел на меня металлические золотые глаза. Я стушевалась и сжалась на своем табурете.

— Ничего подобного... Ты просто сгупил... Больше так не делай... Мало ли, кто нам попадется в пути, это могут оказаться и не безобидные старики.

— Разберусь, — коротко ответил, отвернувшись от меня.

В дверях показалась Лионелла, неся в охапку вещи.

— Еле отбила у Генри, ужас какой-то, — пробормотала она, раскладывая их на столе. — У меня есть только такие старые резиновые сапоги, дойдете до поселка, найдете нашего сапожника, может, у него завалился какой-нибудь товар, — она протянула мне жуткие черные боты, но я была рада и такому варианту.

— Спасибо большое, — искренне поблагодарила, суя ноги в большие для меня сапоги. — Теперь я хотя бы смогу куда-нибудь дойти.

— Тебе тоже нужно переодеться, — заговорщическим шепотом обратилась она к Маркусу. — Ты вправду выделяешься в этой одежде, к тому же, она порвана.

Лионелла вытащила серую рубашку и такую же неприметную коричневую куртку и отдала их Маркусу.

— Примерь, это одежда Генри, но он давно это уже не носит, оно ему все мало.

— Наверно, Вы правы, — кивнул Маркус.

Он поднялся и скинул с себя черную давно испорченную куртку технеров, и следом за ней снял футболку, начав возиться с одеждой. Лионелла наклонилась ко мне через стол и тихо прошептала, совсем как взволнованная девочка:

— Знала бы я, какие у технеров мужчины, уж я бы долго не сидела в своем селении.

Я захихикала в ответ, поймав на себе осуждающий взгляд Маркуса. Да, мне достался по-настоящему красивый мужчина, пусть и вспыльчивый, и чужак. Зато он принадлежит теперь только мне, я в этом более, чем уверена.

Маркус закончил одеваться, застегнув куртку на все пуговицы и одернув рукава.

— Ну что, теперь я больше похож на магика?

Мы и Лионеллой молча переглянулись и снова захихикали.

— Что? — растерянно спросил Маркус.

— Конечно не похож! — воскликнула я.

— У нас никто не ходит с такой странной прической и рисунками на голове! — подтвердила мои слова старушка.

— Ну, значит, будем считать, что я законодатель новой моды, — фыркнул мужчина. — Нечего нам рассиживаться, нужно идти. Путь, я полагаю, далекий? — он обратился ко мне имея в виду, как далеко идти до имплантера.

— Не знаю, — утомленно вздохнула я, — карту бы увидеть, тогда я сказала бы. Да и что делать с припасами? У нас ничего нет...

— Вообще-то, у меня осталась моя сумка, — ответил Маркус. Я удивленно вскинула на него глаза.

— Ты что, волок и меня, и мешок?

— Да, ответил мужчина, скрещивая руки на груди. — Есть припасы, деньги, осталось только оторвать твою задницу от табуретки — и можно идти.

Я закатила глаза, вставая, и обратилась к Лионелле:

— Не такие уж они и замечательные, эти мужчины-технеры. Их поди еще выдержи, — я взмахнула руками под тихий смех хозяйки дома и неодобрительное фырканье Маркуса.

Глава 21. В новый путь

Безымянное почти заброшенное селение оказалось совсем недалеко от дома стариков, что приютили нас. Покосившиеся домики с прохудившимися крышами показались уже спустя 10 минут ходьбы. Мы шли по проселочной дороге, пытаюсь высмотреть хоть один дом, в котором жили бы люди.

— Неужели здесь вправду кто-то есть? — с сомнением произнесла я.

— Да, гляди, там кто-то сидит, — указал Маркус на скамью возле деревянного дома.

Мы подошли ближе к седому старцу, которому на вид было, наверно, под сотню лет. Я открыла было рот, чтобы обратиться к нему, но Маркус мягко сжал мою ладонь, останавливая меня, и заговорил сам.

— День добрый, старик. Не подскажешь, где найти здесь сапожника?

Житель медленно поднял на нас голову. Под его длинными седыми бровями не было даже видно глаз. Он поправил тулуп темно-серого цвета и задумчиво потер лоб, изрезанный глубокими многолетними морщинами.

— Кого, говоришь, тебе надоть? — раздался из недр его груди едва слышный скрипучий голос.

— Сапожника! — громко повторил маркус. — Обувных дел мастера!

— А-а-а, башмачника. Сейчас будет тебе башмачник.

Старик медленно, покряхтывая и, по-моему, поскрипывая, повернулся в сторону дома, у которого сидел, и неожиданно громко крикнул:

— Сович! У тебя покупатели, радуйся! Сович, раздери тебя хромоногий волк, опять уснул там?!

— Сколько раз повторять тебе, я Оссови! — раздался в ответ голос из дома. — Оссови, запомни уже, старая ты погнутая кочерга!

Дверной проем полностью загородил высокий мужчина в возрасте, одетый в рабочий фартук поверх рубахи. Его лицо словно было высечено из дерева, в котором сохранили все прожилки, создаваемые природой на коре. Он наградил нас с Маркусом тяжелым взглядом.

— Чего вам? — бросил он, с подозрением рассматривая моего спутника, и я решила переманить его внимание на себя.

— Мы путешественники, пришли очень издалека. И в пути у меня прохудилась обувь. Мы зашли к Лионелле и Генри, что живут на окраине вашего селения, и мне одолжили вот эти боты, — я указала на свои ноги, — и посоветовали обратиться к Вам, сказали, Вы отличный мастер и сможете мне помочь.

— Ну, мастером-то я был лет 20 назад, уже и руки не те, и глаза тоже, — вздохнул Оссови, — к тому же, покупателей у меня совсем нет. Но, кажется, у меня кое-что найдется в закромах.

— Тапочки из шкурок мышей? — спросил его старик на лавке, забавно заухав.

— Я бы из тебя тапки сделал, да только твоя шкура как пергамент, тронь — и разлезется сразу! — напал на него в ответ Оссови, возвращаясь в свой дом. — Подождите, — бросил он нам с Маркусом.

Я осторожно поглядывала на старца у дверей, но так и не могла понять даже, куда он смотрит. Он лишь опирался на свою искривленную, как он сам, клюку, словно глядя сквозь

нас с Маркусом.

— Интересно, у него правда найдется какая-то обувь? — обратилась я к своему спутнику, чтобы разбавить тишину. Тот пожал плечами:

— Ну, может тапочки из мышей — это не так уж и плохо. Это такая национальная обувь?

— Дурак! — рывкнула я, толкнув в предплечье. Старик снова глухо заухал, оценив, по-видимому, юмор Маркуса.

Из дома раздался глухой стук, и из него вышел Оссови, держа в руках пару высоких ботинок коричневого цвета на шнуровке.

— Вот, точно как тебя ждали, — произнес он, протягивая мне обувь. Я взяла ее и подошла к скамейке, на ходу рассматривая. Плотная подошва была словно намертво приделана к самому ботинку, хотя как это было сделано, я не видела. Каждое из отверстий, сквозь которые проходил черный шнурок, было зажато в круглое металлическое колечко. Старец вежливо подвинулся, позволяя мне присесть на краешек скамейки, и я примерила обувку. Она идеально села на ногу, словно ее действительно сделали на заказ для меня. Я надела оба ботинка, зашнуровав, и поднялась на ноги, чувствуя, как хорошо они поддерживают мои лодыжки.

— В них будет удобно далеко идти, — задумчиво произнесла я.

— На это и был расчет, — кивнул Оссови.

— Мне нравятся, — подняла я глаза на Маркуса.

— Удобные?

— Еще как! — кивнула я с восторгом.

— Хорошо, — благосклонно улыбнулся он, снимая с плеч мешок. — Сколько? — спросил он у сапожника. Тот рассмеялся.

— Малец, ты тут видишь хоть один магазин?

— Магазин? — растерялся Маркус, оглядываясь. Я последовала его примеру. Вокруг нас были только заброшенные домики и уныло скрючившиеся деревья без листвы. Над одним из жилищ вилась тонкая струйка дыма из трубы. Где-то неподалеку одиноко забрехала собака. Не хватало разве что переكاتи поля для завершения картины заброшенности.

— Куда я твои деньги-то девать буду? — объяснил Оссови. — Мне уже никому не сплавить эту обувку, забирайте, — он великодушно махнул на нас рукой.

Маркус, поджав губы, повернулся ко мне и подозвал одним взглядом. Я легко подпрыгнула к нему, и он наклонился к моему уху:

— В сколько монет ты оценишь эти ботинки? Есть тут магазины или нет, но взять товар, не оплатив, я не могу.

— Дай ему пятьдесят монет, — прошептала я в ответ. Маркус отстранился от меня, чтобы послать демонстративный удивленный взгляд, и снова склонился.

— Я трактирщику отдал сорок за два дня проживания, а за тапки — десять?

— Я сказала дай пятьдесят, значит дай пятьдесят! — зашипела я в ответ. — Это самые удобные ботинки, что я встречала, я в них полмира смогу обойти! А эти деньги ты добыл нечестным путем, так что расстанься с ними на благое дело!

Маркус тихо фыркнул на меня носом, выказывая недовольство, но отсчитал указанную мной сумму и отдал сапожнику. Тот с улыбкой принял монеты, все же довольный тем, что его товар кому-то пригодился.

— А Вы можете вернуть эти боты Лионелле, когда увидите? — спросила я.

— Оставь у скамьи, — произнес старик, даже не взглянув на меня. — Она завтра обещалась зайти, вот и заберет.

— У кого-нибудь в селении есть карта? — спросил Маркус, надевая обратно мешок.

— Откуда, — вновь подал голос старик. Мне почему-то показалось, что он, наверно, был местным старейшиной. — В соседнем есть. Идите к горам, на запад, мимо разрушенного замка. Он должен будет остаться по левую руку от вас. Как пройдете, выйдете к нашим соседям. Думаю, к завтрашнему доберетесь.

— Замок? — заинтриговано переспросила я, глядя в указанную сторону. Вдали и вправду виднелись какие-то полуразрушенные стены на пригорке.

— Да, — усмехнулся старик, — давным-давно здесь стоял замок могущественного магика. Он защищал наши земли от вторжения этих вонючих технеров! — Рассказчик с отвращением плюнул на землю, и я краем глаза увидела, как Маркус чуть скривился. — Давно, очень давно это было...

— Ох, ну не начинай опять эти рассказы, — прервал его Оссови.

— Не хочешь — не слушай! — огрызнулся старик.

— Конечно не хочу, я же эти сказки уже сотню сотен раз слышал!

— Тогда иди в дом и не мешай мне рассказывать предания новым ушам!

— Так и сделаю! — буркнул Оссови, скрываясь в своем доме и демонстративно хлопнув дверью напоследок.

— Итак, на чем я остановился, — прокряхтел старик, усаживаясь на скамье удобнее. Я бросила взгляд на Маркуса: у нас не было слишком много времени, чтобы слушать повести, но тот только пожал плечами. — Очень давно это было. Уже время, дожди и ветра сгрызли стены этого некогда величественного замка и растворили в вечности имя того колдуна, что в нем жил. В нашем селении передавались истории о нем. Главной его целью было защищать нас, магов, от вторженцев. Он ежедневно и еженощно стоял на страже. Говорят, это не единственный замок, что был построен на границе. Но после смерти их владельцев не нашлось столь же сильных магов, что смогли бы заменить их, и теперь наши сторожевые башни — это лишь заброшенные руины. — Старик глубоко и печально вздохнул. — Говорят, эти магики были столь сильны, что жили дольше сотни лет. Но Безымянным, видимо, они все же понадобились, и кто знает, где они теперь...

Старик замолчал, глядя куда-то перед собой невидимыми для нас глазами. Может, он уже был слеп, но его память наверняка показывала ему живые картины прошлого, о которых он мог теперь лишь рассказывать случайным путникам. Мы с Маркусом вежливо подождали продолжения рассказа, который не последовал, и переглянулись. Наш безмолвный разговор прервал тихий храп, изданный стариком.

— Он уснул, — хихикнула я.

— Тогда пошли скорее, пока не проснулся, — шепнул Маркус, беря меня под локоть и уводя дальше по дороге в указанную нам сторону.

Шлось мне невероятно легко. И пусть заплачено за обувь было не моими деньгами, я ни минуты не жалела об этой покупке. Пожалуй, именно эти ботинки я ждала всю жизнь. Когда много путешествуешь, дорога зависит не только от того, куда идешь, но и как ты идешь. К тому же, я шла налегке. Впервые за много месяцев у меня за плечами не было этого мешка, тянущего меня назад, напоминающего, что я не в состоянии выжить без целого вороха вещей, припасов, денег и прочего. И все это теперь волок Маркус. А что, похоже, он был довольно-таки выгодным приобретением. Добывал мне деньги, нес мою поклажу. Еще и

ублажал меня по ночам. Я тихо улыбнулась сама себе, идя чуть впереди него, любуясь видом разрушенного замка, к которому мы приближались.

— А у тебя изменилась походка, — внезапно отметил Маркус.

— Правда? Как? — удивилась я, останавливаясь и оглядываясь. Мужчина игриво улыбнулся.

— Ты стала задом подвिलывать, — засмеялся он. — Что, как познала мужчину, так уверенности в себе прибавилось? — он звонко хлопнул меня ладонью по попе, и я возмущенно взвизгнула, потирая саднящую филейную часть.

— Я не чувствую никакой разницы!

— Зато ее неплохо видно.

— Я хочу в этот замок, — ответила я, идя боком и следя за своим спутником одним глазом, чтобы пресечь попытки позариться на мою попу.

— Зачем? Это всего лишь руины. К тому же, если свернем к нему, потеряем время, и кто знает, где нам придется ночевать.

— Когда тебе еще удастся увидеть разрушенный замок магиков? Я, например, впервые слышу о том, что их было несколько вдоль всей границы.

— Это просто руины, — наставительный тоном ответил Маркус.

— Хочу-у-у! — заканючила я противный голосом, намереваясь вывести его из себя. Стоило ему включить заботливого родителя, как мне сразу же начинало хотеться его разозлить, чтобы сбить эту спесь.

— Мы не пойдем в руины! Там может быть опасно!

— Пошли-пошли-пошли-и-и! — завопила я, вешаясь ему на шею и едва не сбивая с ног.

— Никки, что ты творишь! — сердито воскликнул Маркус, ловя меня за талию.

Я подняла на него лицо, крепко обнимая за шею, и заглянула в глаза.

— Ну пожалуйста, — сделала бровки домиком и чуть надула губки, стараясь выглядеть как можно более милой. Маркус захлопал на меня ресницами и нервно сглотнул. Похоже, я могла им как-то управлять.

— Если... так сильно хочешь... — выдавил он из себя.

— Хочу! — кивнула я, сразу же его отпуская. Я свернула на заброшенную дорогу, ведущую к замку. Судя по единичным плоским камням, попадавшимся на ней, когда-то она была мощеной.

— Ты только взгляни на небо, — я указала пальцем вверх, — тучи очень тяжелые.

— Обычные серые тучи, — ответил Маркус.

— Нет, это дождевые тучи. К тому же, здесь, внизу ветра нет, а там, наверху, облака летят очень быстро. Однозначно через пару часов хлынет ливень. Может, в руинах мы сможем его переждать.

— Или нас придавит обломками, — недовольно буркнул Маркус.

— Ты всегда так негативно смотришь на вещи? — поинтересовалась я.

— Я оцениваю возможную опасность для... — он внезапно осекся, чем заставил меня улыбнуться.

— Для меня? Не волнуйся, я самостоятельная взрослая девочка. Я в состоянии понять, что опасно, а что нет.

— Почему-то я очень в этом сомневаюсь, — закатил глаза Маркус.

Спустя некоторое время я смогла прикоснуться к крепостной стене. Точнее, к ее обломкам. Замок стоял, некогда зажатый со всех сторон горами, и теперь единственная

рукотворная его стена словно осыпалась, как горка песка, чьи песчинки-валуны были больше меня размером.

— Пошли внутрь, — позвала я Маркуса, проходя через останки гигантских ворот. Самих их уже давно не было, остался только расширенный временем проход, будто через него прошел великан. Перед нами предстали величественные руины чего-то, что некогда поражало своими масштабами, но теперь могло бы лишь вызвать слезы давно почившего владельца. К своему удивлению, я ощутила, что магия здесь была сильнее, чем в селении, будто ее что-то притягивало.

— Может, все же пойдем дальше? — предложил Маркус.

— Нет, пошли в замок, — ответила я, уже высмотрев вход.

Мы пересекли внутренний двор, усеянный обломками и остатками растений и кустарника с прошлого года, что еще не успел обзавестись листвой.

— Не переломай себе ноги, — окликнул меня Маркус.

— Да все нормально! — отмахнулась от него.

На удивление, само здание замка было разрушено не так сильно, как крепостная стена. Если бы не выбитые разодранные огромными пальцами времени окна и отсутствие крыши и ворот, можно было бы подумать, что замок до сих пор служит своему владельцу, стоя на страже спокойствия моего народа. Мы вошли в проем, в котором когда-то наверняка была мощные ворота, которые должны были сдерживать непрошенного врага.

— Ого... — я с восхищением открыла рот, рассматривая заброшенный зал. — Ты только посмотри на это!

Пол, усеянный прошлогодней листвой, до сих пор был покрыт какой-то плиткой, которая гулко отбивала стук каблучков моих новых ботинок. Потолок, местами обвалившийся и пропускающий внутрь холодный ветер, был невероятно высоким. Его подпирали несколько резных колонн, уходящих ввысь, словно многовековые окаменевшие деревья. Я побежала в центр зала, любясь размазанными останками фресок на стенах, на которых уже было не разобрать изображений. Я невольно рассмеялась, объятая таким огромным пространством, ощущая мощную магическую волну, которая протекала ровно через это место.

— Ты представь только, Маркус, — крикнула я, и мой голос разнесся эхом сквозь залы, многие годы не тронутые звуками людей. — Вот здесь, в этом зале он давал балы. Этот колдун наверняка был очень популярен, еще бы, один из немногих, защищающих мой народ у самой границы! Дамы готовы были глотки друг другу рвать, чтобы попасть сюда. — Я закружилась по шуршащей листьями плитке, раскинув руки и глядя на разбитый со сколами потолок, купаясь в невообразимо мощном потоке магии, дарующем мне головокружительное чувство свободы. — Сколько здесь было пышных платьев, летящих с тихим шорохом, словно разноцветные крылья птиц. В воздухе плавали магические светильники, озаряющие их призрачным мерцающим светом, делая каждую пару загадочными ночными гостями, что растворятся во тьме, как только бал будет окончен. Ты видишь это так, как вижу я?

Маркус неожиданно появился за моей спиной, кладя руки на талию и останавливая импровизированный танец.

— А потом, он выбирал самую красивую гостью, — заговорил он, крепко прижимая спиной к своей груди и медленно покачиваясь, — и вел в свою спальню, в самую высокую башню, — Маркус указал на руины башни, что виднелись в оконный проем. — И там развлекался с ней до самого утра, пока солнце не заглядывало им в окна, оповещая, что

теперь бал по-настоящему окончен.

Я засмеялась, поворачиваясь к нему.

— Ты как обычно все сводишь к одной-единственной теме. Даже танцы!

Мой спутник мечтательно улыбнулся, словно любясь мной. На лицо внезапно капнула вода, следом еще капля, намного больше, и я зафыркала.

— Дождь все-таки начался! А ведь днем было солнечно!

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Маркус, отпуская меня и оглядываясь, — придется остаться здесь, пока он не прекратится.

— Вон неплохое место для стоянки, — я указала на один угол, над которым был цел потолок, и стены еще плотно смыкались. — Там мы будем в безопасности, и не промокнем.

Наспех собрав с Маркусом хворост, я уложила его в аккуратную кучу. Взмахнув рукой, я направила на него магию, и тот вспыхнул, шумно затрещав мелкими искрами, взвившимися столпом, более высоким, чем я ожидала. Увидев это, я тихо захихикала.

— Ничего себе, что это за кусты, что они так горят? — удивился Маркус, разглядывая одну из веток в руке.

— Это моя магия, здесь такой мощный поток, — ответила я. — Из дома стариков я его не чувствовала, наверно, из-за холмов.

— Если костер будет гореть так мощно, он прогорит слишком быстро, и мы останемся без тепла, — покачал головой мужчина, оглядываясь на стену дождя, льющуюся рядом с нами в сгущающихся сумерках. Хоть день и становился длиннее с наступлением весны, солнце еще пряталось за горизонт слишком быстро.

— Это магический костер, — ответила я, копаясь в мешке Маркуса в поисках подстилки. — Он будет гореть до самого утра, ведь его питает магия.

Я расстелила ткань и приложила к ней ладони. Несколько мгновений равномерного распределения магии — и я получила подстилку с подогревом не хуже технеровской.

— Говорила же, что не замерзнем, — с гордостью ответила я, садясь на нее и чувствуя под собой успокаивающее в такой ливень тепло.

— А ты можешь так же с одеждой? — поинтересовался Маркус, садясь рядом и доставая из мешка сухари и фляги с водой.

— Могу, но ты в ней тогда зажаришься, — утрашающим голосом произнесла я. — Магия будет греть тебя вовнутрь, греть и греть, не развеиваемая воздухом, пока не покроешься хрустящей корочкой.

— Значит, у твоих сил есть все же какие-то ограничения, — отметил Маркус, задумчиво жуя свой паек.

— Ага, ограничения чувством самосохранения, — буркнула я в ответ.

— Надо же, а я совершенно бесполезен в твоем мире, — горько усмехнулся мужчина, прислоняясь спиной к стене.

— Ну почему же. — Я под села к нему и улеглась на подстилку, положив голову ему на колени. — Ты таскаешь этот дурацкий неудобный мешок. А еще сегодня ночью ты будешь моей подушкой. — Я повернулась на бок и закрыла глаза. На коленях Маркуса было так тепло и удобно, хоть я и не привыкла спать на ком-то, а его спокойное дыхание в сопровождении шепота дождя, сразу же начало меня убаюкивать. Мужчина тихо засмеялся и погладил меня по голове.

— Кто бы мог подумать, что меня будет использовать магик как какую-то вещь.

— Не говори глупости, — сонно пробормотала я. — Ты значишь намного больше... Так

что спи. Завтра мы должны дойти до соседнего селения и найти карту.

— Ты права... — ответил Маркус. Он сложил у меня на плечах ладони, привлекая ближе к себе. — Отдыхай, птичка.

Глава 22. По краю Бездны

Яркий луч лег мне на лицо, и я приоткрыла глаз, чтобы отодвинуться от него. Он проходил ровно сквозь оконный проем, лежа на коленях Маркуса, рядом со мной. Почувствовав, что я проснулась и заворочалась, мужчина подо мной тоже зашевелился.

— Ох ты и тяжелая, Никки, — простонал он, пытаюсь потянуться и хоть как-то размять ноги.

— Что ты сказал?! — сразу же возмутилась я, поднимаясь. — Как ты смеешь такое говорить девушке? — я больно ущипнула его за ногу, и он дернулся от меня, мгновенно просыпаясь. Маркус уставился на меня осоловело-удивленными глазами.

— Ты пролежала на мне целую ночь, я даже шелохнуться не мог! — он выгнул спину, подняв руки, и недовольно закричал. — К тому же, если ты не знала, голова — самая тяжелая часть тела, — он напоследок почесал ногу и встрепенулся.

— Ты такой зануда, — отметила я, поднимаясь и начиная разминаться.

— Почему? — тут же спросил Маркус, начав рыться в мешке.

— Ох, это невыносимо! — взмахнула я руками. — Нельзя говорить зануде, что он зануда, иначе замучает!

Я демонстративно отошла от него подальше, в центр зала, чтобы вволю разогреть затекшие мышцы. Выполняя нехитрую зарядку, я рассматривала отстатки старых гобеленов, колышущихся на слабом ветерке, подобные уже скорее паутине, чем настоящей ткани. А ведь когда-то на них был изображен герб владельца замка, или какие-то защитные руны, ограждающие его от непрошенных гостей. Перед тем, как начать приседать, я бросила взгляд на пол, чтобы выбрать место поровнее и без битой плитки под ногами, и удивленно уставилась на изображение, которое проглядывало под мокрыми листьями. Я отодвинула ботинком небольшой ворох и поняла, что прямо на плитке была выдавлена в мельчайших деталях горная гряда.

— Маркус, смотри, на полу что-то нарисовано.

Мой спутник нехотя оторвался от увлекательных попыток поджарить хлеб на костре и повернулся ко мне.

— Я не испытываю сумасшедшего интереса к древним узорам на полу замка, жители которого намеревались истреблять мой народ.

— Да никто вас не истреблял! — отмахнулась я от язвительного замечания. — Мне кажется, что тут карта!

Я старательно разгребала листья ногами, пытаюсь открыть себе более масштабный обзор на схему, нарисованную на полу. Маркус не спеша подошел ко мне, наблюдая за работой.

— Ты не хочешь мне помочь? — поинтересовалась я, уже найдя тонкий обломок, который неплохо сходило мне за полотно от лопаты, и работа пошла быстрее.

— Мы ведь собирались найти карту в соседнем селении, зачем нам эта, даже если это и вправду она, а не просто украшение? — Маркус громко захрустел почерневшим сухарем. Я сердито оттолкнула его от очередной кучи мокрых листьев.

— В том селении может не быть карты! И тогда нам придется возвращаться знаешь, куда? В Вайон! Я не пойду туда... не сейчас... — Я смахнула испарину со лба, глядя на крупный очищенный участок. — Вот, я знаю, что это за горы, — я указала на гряду,

тянущуюся поперек многих плиток, но изображение было слишком крупным. — Проклятье, на эту карту нужно смотреть сверху, я не могу охватить взглядом всю картину. — Я начала оглядываться и заметила полностью разрушенную лестницу, некогда ведущую на второй этаж. — Да, оттуда было бы видно, — вздохнула, указывая на разбитый балкон.

— Возможно, — кивнул Маркус, отряхивая ладони. — Если так сильно хочешь посмотреть именно на эту карту, хотя я считаю, что она уже давным-давно не актуальна, могу посадить тебя себе на плечи. Не второй этаж, но все же выше.

— Давай! — загорелась я идеей.

— Иди встань на тот камень, — с обреченным вздохом указал Маркус на один из валунов. Присев возле него, он позволил мне усесться ему на плечи, и резко встал. Я испуганно пискнула, взмахнув руками, и он недовольно забормотал: — Да держу я тебя, держу. Ты что, на плечах не ездила никогда?

— Нет, — честно ответила, пытаюсь поймать равновесие. Маркус сложил руки у меня на бедрах и направился обратно к карте. — Похоже на езду на коне, — выдохнула я, чувствуя все его шаги и движения тела.

— Ну вот только с конем меня еще не сравнивали! — возмутился Маркус. — А ты знаешь, как они умеют седока сбрасывать? — Мужчина внезапно подпрыгнул на месте, от чего я взлетела в воздух, на мгновение потеряв баланс.

— Не делай так! — пропищала, впиваясь пальцами в его запястья.

— Да что тебе будет? — засмеялся он, демонстративно убирая на мгновение руки, заставляя меня снова заверещать.

— Мне стра-а-ашно!

— От чего, от того, как я вот так подпрыгиваю?

— И-и-и! Да, от этого, не делай так! Я хочу на пол!!!

— А карту уже не хочешь смотреть?

— Прекрати надо мной издеваться и подойди к ней спокойно, тогда я и посмотрю!

— Я всего лишь балуюсь. Но с такими истериками ты бы коней укрощать не смогла, — заявил Маркус, подходя к расчищенному мной месту.

— Тебя я неплохо укротила, — буркнула в ответ, рассматривая искусное изображение, вырезанное в полу на каждой большой квадратной плитке коричневого грязного цвета. — Гляди, вон граница, — указала пальцем, наклонившись вперед на изогнутую линию, более темную и жирную, чем все остальные. — По-моему, она не сильно изменилась за все то время, что здесь была эта карта. И эту горную гряду я знаю, вот же замок! — я повернулась влево, показывая на схематическое изображение оборонного сооружения. — Мы пришли вот оттуда, и там же Вайон и дальше Таврас, — повернулась назад, качнувшись, и почувствовала, как Маркус бережно придерживает меня, чтобы я не упала в разгаре исследования. — Я поняла, куда нам идти. Пройди вперед, — толкнула Маркуса в бок ботинком, подгоняя в нужном мне направлении.

— А ты там не зарываешься? — возмутился он, все же направляясь, куда было указано.

— Нет, все в самый раз. Не отвлекай меня, — пробормотала я, пытаюсь сопоставить изображение с моими воспоминаниями. — В прошлом году я шла вот тем путем, в обход этой гряды, но взгляни, за замком есть ущелье, которое огибает по другую сторону эти горы, и соединяется с дорогой у истока реки, на берегу которой живет имплантер.

— То есть, ты хочешь сказать, что мы должны пройти сквозь замок и через ущелье, о котором ты ничего не знаешь? — уточнил Маркус, поворачиваясь в сторону зала до того, как

я успела до конца рассмотреть карту. — Может, мы пойдем уже хоженным тобой путем, чтобы не рисковать?

— Так не интересно, — ответила я.

— Так безопасно, — отметил Маркус, резко присаживаясь и ставя меня на пол. Разогнувшись, он окинул меня взглядом и произнес: — Ты совершенно не тяжелая. Но вот попка у тебя очень мягкая, — он голодно оскалился и поймал в объятия, сжимая ягодицы ладонями.

— Да ну тебя, — проворчала я, краснея. — Я хочу пойти той дорогой. Она раза в 2 короче, мы уже сегодня будем на месте, если пройдем через ущелье, а отправившись в обход будем чесать еще два дня, и снова придется искать ночлег по пути. Тебе это нужно?

— Мне сейчас нужно кое-что другое, — промурлыкал Маркус, наклоняясь ко мне и медленно целуя в шею.

— Ты что, мы же на улице практически! Как можно!

— Вот как ты, значит, поелозила и бросила? — хмыкнул он, не отпуская меня.

— А если сюда какие-нибудь путники придут? — настороженно спросила, чувствуя, что Маркус начинает увлекать меня обратно к нашей стоянке, где все так же приветливо потрескивал магический костер и покоилась теплая подстилка.

— Ну кто сюда придет, Ники? — проворковал Маркус, понимая, что я сопротивляюсь ему. Он подхватил меня под попу, поднимая и заставляя обхватить ногами за бедра. — Ты любишь ходить нехоженными тропами, а я люблю заниматься сексом там, где другие этого не делают.

— Это не значит, что я согласна на такое! — возмутилась, пока меня бережно опускали на подстилку.

— Я не спрашиваю, согласна ты или нет, — неожиданно для меня прорычал Маркус, немного напугав своим напором. Он дернул молнию куртки и скинул ее с себя, следом принявшись расстегивать штаны. — Я просто возьму тебя, мы оба получим удовольствие, и после этого пойдем тем путем, которым ты хотела.

— Может, мы просто так пойдем им, и не будем вот здесь, вот так... на улице?...

— Меня совершенно не смущает улица, — горячо ответил Маркус, начав стягивать штаны с меня.

Я не сопротивлялась. Приподнявшись, помогла раздеть себя, и одежда полетела в сторону. Я зачарованно смотрела на Маркуса, возвышающегося надо мной, и ждала, что он предпримет дальше.

— Поворачивайся, — бросил он мне.

Я удивленно перевернулась на живот. Холодный воздух касался моих обнаженных ягодиц, но теплая подстилка согревала живот, создавая волнительный контраст. Внезапно Маркус звонко хлопнул меня по попе, от чего я вздрогнула.

— Да не так же, — рыкнул он недовольно.

Его крепкие руки подхватили меня под бедра и дернули вверх, ставя на колени. Я неуклюже уткнулась лицом в мешок, лежащий передо мной, и приподнялась на локтях.

— А так тоже можно? — дрожащим голосом спросила я, боясь даже оглянуться, чтобы не увидеть, что задумал Маркус.

— Конечно, можно, — проворковал он, поглаживая меня по попе и бедрам. — Мне нравится открывающийся отсюда вид.

Я тихо пискнула и попробовала опуститься обратно на подстилку, но получила еще

один шлепок и почувствовала, что Маркус быстро намотал мою косу себе на руку и потянул за нее на себя. Я услышала его горячий шепот у своего уха:

— Что ж, пожалуй, теперь пора мне объездить эту кобылку.

— Это я-то?!.. — Маркус внезапно резко вогнал себя в меня до упора, оборвав на полуслове. — А-ах! — мой дрожащий стон подхватило эхо и унесло с собой в глубины заброшенных залов.

— Да, ты уже покоришься мне, не забывай об этом, — произнес Маркус, ритмично двигаясь во мне, словно горячий поршень. — Ты теперь моя, я никому не позволю к тебе прикоснуться. — Он дернулся бедрами ближе ко мне, вдальбываясь глубже, и я охнула от легкой боли, попытавшись отстраниться, но он притянул меня за косу, останавливая. — А ну, на место, — прорычал он, и я послушно подалась к нему навстречу. Его пальцы свободной руки впились в мою попу, больно сдавливая, словно пытаюсь оставить на мне свой отпечаток. Коса натянулась сильнее, до боли, и я, не понимая, в чем дело, поднялась с локтей, встав на колени. Маркус обхватил меня за талию, прижимая спиной к своей груди, не останавливаясь. — Понятливая, умница, — произнес его голос мне на ухо, и я задрожала от ощущения, как его влажный горячий язык скользит по раковине. Его размеренные движения внутри сводили с ума, но я вновь не чувствовала возможность достичь того, ради чего мы все начали. — Что, хочешь кончить? — усмехнулся Маркус у меня за спиной. Я непроизвольно сжалась вокруг его твердого члена, который так нежно ласкал меня внутри. — Твое тело говорит "да", — добавил мужчина. — А что скажешь ты?

— Да-а-а, — тихо выдохнула я, сжимая пальцами бедра Маркуса, пытаюсь поймать его ритм и двигаться с ним в унисон.

— Что — да? — прошептал он. — Не понимаю тебя. Скажи, чего ты хочешь?

— Ты издеваешься надо мной? — простонала я, начиная злиться от этой непонятной мне игры. Маркус дернул меня за косу, заставляя откинуть голову.

— Я не издеваюсь, я учу тебя говорить со мной, — низким голосом произнес он. Его губы скользнули по моей шее. Я почувствовала зубы у себя на затылке, и как они сомкнулись, сжимая мою кожу.

— А-а-а! — я задрожала от неожиданного удовольствия, что принесла эта боль, доводя меня почти до грани оргазма, которого я теперь так желала. Маркус разжал зубы, оставив на моей шее мокрый след слюны.

— Так чего ты хочешь? — спросил он, к моему неудовольствию замедляя свои движения.

— Я... я хочу... — нервно проглотила застрявшие в горле слова.

— Давай, птичка, скажи это. Ты ведь хочешь кончить, да?

Ладонь Маркуса скользнула по моей груди, приподняла одежду, погладив по животу, чем пробудила дремавшие без прикосновений мурашки, и прикоснулась к клитору. Я подалась ему навстречу, но была остановлена жесткой рукой, что продолжала удерживать меня за косу. Словно одна ладонь готова была подарить мне наслаждение, а вторая была моим жестоким надзирателем, не позволяющим лишнего. Палец Маркуса так лениво описал круг, что я недовольно застонала. Этого было недостаточно, совсем мало для того, чтобы я достигла сладкого пика.

— Ну же, скажи, чего ты хочешь, и я все сделаю для тебя, — произнес Маркус, начиная наращивать темп снова, лишь дразня меня. Тело сводило судорогой от голода, который только он мог удовлетворить.

— Я хочу кончить... — захныкала я, не выдержав этих издевательств.

— Умница, так бы сразу, — ответил Маркус.

Я почувствовала свободу, его рука отпустила мою косу, чтобы пробраться под одежду и сжать грудь. Вторая настойчиво начала гладить меня внизу, синхронно с движениями каменного члена внутри. По спине побежали непривычные мурашки, они словно покалывали меня изнутри, не проявляясь снаружи. Внезапно в голове сверкнула вспышка, и я с громким стоном начала судорожно сжиматься вокруг достоинства Маркуса.

— Вот так, так, — тихо прошептал Маркус, пока меня били блаженные конвульсии. Он двигался во мне до тех пор, пока я не успокоилась, и следом за этим быстро покинул мое тело. Пока я пыталась отдышаться после пережитого, он завожился за моей спиной и тихо застонал. Я почувствовала, как он кончил мне на попу, и по ней потекли капли.

— Ну больше некуда было? — проворчала я недовольно.

— Мне... — Маркус судорожно вздохнул, оборвав самого себя. — Мне нравится кончать на тебя.

Я полезла в сумку и, найдя там ненужную тряпицу, надуту вытерла с себя сперму.

— А мне не нравится каждый раз вытираться! — отметила я.

— Я же не жалею, — хмыкнул Маркус, отбирая у меня тряпку, но я не оглядываясь схватила штаны и со смущением начала наспех одеваться. — Ты очень течешь во время секса, — отметил он, от чего я покраснела еще больше.

— Какая разница!

— Поверь, так лучше, — улыбнулся Маркус, заправляясь. — Вот теперь можно идти в твоё ущелье. — Мужчина на мгновение замер, глядя перед собой, и продолжил. — Постой, я ведь только что в нём побывал! — Он залился звонким смехом, от которого мне срочно захотелось найти камень поувесистее, чтобы запустить им в него.

— Я тебе сейчас той тряпкой морду вытру! — пригрозила я, указывая на выброшенную в угол тряпицу со следами нашей любви, пока Маркус собирал подстилку и упаковывал ее в мешок.

— Таким меня не испугать, я же говорил, что не брезгливый, — ответил он. Поднявшись на ноги, Маркус указал на костер. — Убери из него магию, нужно потушить.

Я подошла поближе и взмахнула рукой, заодно отпуская магию и из подстилки, которую Маркус затолкал в рюкзак раньше времени. Костер вспыхнул ярче и сразу же будто сник, обиженный тем, что его оставили без подпитки, бросив ему одни лишь ветки. Маркус внезапно снова начал расстегивать штаны.

— Ты что, опять?! — ошеломленно возмутилась я. — И пяти минут не прошло!

Мужчина удивленно оглянулся на меня, а затем кивнул в сторону зала.

— Иди вперед. Я потушу, здесь полно листьев и кустарника, мало ли что. Или мне стоит потратить на него питьевую воду?

— Ой-ёй, — ответила я смущенно, наконец, поняв, что он собирался сделать.

Я почти бегом отправилась в зал и дальше, в темный проход, который должен был вывести меня в заднюю часть замка.

— Сильно не торопись, а то вляпаешься еще куда-нибудь! Там может быть опасно! — крикнул мне в спину Маркус.

— О, о, снова включил опекуна, — заворчала себе под нос, замедляя шаг.

— Что-что ты там сказала? — поинтересовался мужчина, появляясь рядом со мной.

— Ничего, — рыкнула я. — Костер потушил?

— Вроде, — пожал плечами Маркус.

Проходы замка оказались не заваленными, и мы без проблем прошли сквозь него, выйдя из ворот, похожих на те, что были в его начале. Перед нами раскинулся практически лес. Проходя мимо стволов, которые могли бы обхватить только несколько людей сразу, я с восторгом отметила:

— Похоже, у него был когда-то здесь сад.

— Возможно, — кивнул Маркус. — Жаль, что от него ничего толком не осталось. Наверно, в те времена он был потрясающим.

— Здесь еще такая сильная магия, — вздохнула я, ощущая, что мы начали от нее постепенно отдаляться. — Вдруг это не поток, а спрятанный где-то в руинах артефакт? — возбужденно предположила я. — Что если пойти обратно и хорошенько там все исследовать? Вдруг тот магик был самым сильным из всех только потому, что у него был какой-то особый предмет, дававший эту силу, и никто другой не смог его превзойти именно по этой причине? Если бы я нашла...

— Мы не пойдем обратно в руины, и уж точно не будем устраивать раскопки в поисках подтверждений твоего предположения, — вздохнул Маркус.

— Да-да, конечно, — закивала я пристыженно. — Это я просто, мысли вслух. Там действительно странное место...

— Даже немного жаль, что я не ощущаю того, что чувствуешь ты, — усмехнулся мужчина.

— Зато у тебя технологии, — мечтательно протянула я. — Вот этот странный механический транспорт, который ездит сам, всякие штучки интересные.

Мы прошли мимо последнего необъятного дерева и сквозь задние ворота замка.

— Наверно, это был запасной путь отхода, — предположил Маркус.

Перед нами лежало узкое ущелье, зажатое двумя горами, чьи черные вершины еще без единой травинки подпирали небеса.

— Ты уверена, что мы пойдем именно этим путем, а не в обход? — спросил мой спутник.

— Да, все будет хорошо, я уверена, — ответила я, отправляясь вперед. — Не бойся, просто следуй за мной, — подбодрила я Маркуса улыбкой.

Проход был свободен, и мы всего за несколько часов прошли его, даже не заметив. Я рассматривала унылый серый пейзаж, оголенный зимой и еще не успевший одеться в весенние одеяния. Наверно, летом здесь было очень красиво, и все эти безликие валуны и склоны покрывались зеленой травой, олицетворяющей жизнь, пробивающуюся даже в таком заброшенном и далеком от людей месте.

Маркус переносил переход довольно терпеливо, не жалуясь на длительную ходьбу и усталость. Мне же было, наконец, удобно идти без лишнего груза.

Спустя некоторое время ущелье расширилось, открывая вид на небольшую долину, на которой начали попадаться редкие жалкие пучки травы. Выйдя на ее середину, я наконец-то ее узнала.

— Я здесь проходила в прошлом году! — радостно провозгласила, оборачиваясь. — Вон с той стороны я шла, я же сказала, что мы выйдем туда, куда нужно!

— Будем считать, что тебе повезло. Чем эта долина отличается от любой другой? — поинтересовался Маркус.

— Вот этим чудесным обрывом, — благоговейно произнесла я, пересекая пустое поле у

подножия горы. Дойдя до его каменного края, я осторожно села и свесила ноги, глядя вниз. Маркус подошел ко мне, с любопытством выглядывая за край. Он сразу же со вскриком отшатнулся и упал на землю, в панике пытаясь отползти подальше. Я не выдержала и засмеялась, глядя на его реакцию.

— Ч-что... что это?! Как это?! — заикаясь вскрикнул он, садясь на земле в стороне от меня, все еще пялясь вдаль перед собой.

— Это, Маркус, край мира. Знакомься — Бездна, — я сделала широкий взмах рукой, обводя ею укрытую дымкой нежно-голубую пустоту перед собой и под своими ногами.

— Не может быть, не может, я думал, это выдумка, которой бахвалятся магики. Бездна? Вправду? — дрожащим голосом произнес мужчина, совсем по-детски обхватывая себя за колени. — У мира есть край? Как же? Поэтому корабли не отплывают за территориальные воды? Я думал... думал... писали, что просто там опасно и ничего нет...

— Именно, ничего нет, — ответила я, поворачиваясь к Бездне. Совсем неподалеку лениво плыло пушистое облако. — Хочешь посмотреть, как камешек улетает в никуда? — спросила я своего спутника, находя подходящий обломок. Я отпустила его, поддев на лету носком ботинка и послав подальше в пустоту.

— Как ты там сидишь вообще? — прошептал Маркус, словно боялся спугнуть меня.

— А что не так? — я оперлась на руки за спиной и закачала ногой, любуясь необъятной далью. — Так можно почувствовать себя ближе к создателям, к Безымянным. Представляешь, они где-то вон там, невидимые для нас, — я указала пальцем на клубящийся пар. — А вдруг до них можно докричаться? — Подскочила на ноги, и сложив ладони рупором, крикнула в бездну: — Эй, Безымянные!

Внезапно меня обхватили руки и дернули на себя, заставив отойти от края, заодно закрыв рот. Каменная крошка с шорохом откололась от края обрыва и полетела вниз.

— Ты с ума сошла, — едва слышно произнес Маркус. Я неожиданно почувствовала спиной даже сквозь одежду, как лихорадочно колотилось в груди его сердце. — Ты решила туда упасть? В Бездну? Или, что еще хуже, докричаться до... до них?.. — По Маркусу прокатилась ощутимая волна дрожи. Я замотала головой, давая понять, что хочу освободиться, и он убрал ладонь с моего лица.

— Испугался, что ли? — спросила, повернувшись к нему. — Это всего лишь Бездна, она не опасна.

— Всего лишь? — встрепенулся мужчина, приходя в себя. — Это край мира! Край! Мира! Я... я не могу осознать этого... — выдохнул он. — Что же тогда есть наш мир?.. Ты уверена, что это не просто обрыв, а мы не на вершине горы?

— Конечно, — пожала я плечами. — С нашей стороны, магики, Бездна отгорожена от людей непроходимыми грядками гор, которые тянутся далеко-далеко на запад. А с вашей, похоже, отделена водой

э океаном. Думаю, это единственное скрытое место, где можно ее увидеть воочию. Интересно, знал ли о ней тот магик, что жил в замке? Что если он видел Безымянных, и они ему дали ту силу, которой он славился?

— У тебя слишком много теорий, доказательства которых мы никогда не найдем, — несколько раздраженно бросил мне Маркус, отпуская. — Может, пойдём дальше? Мне неуютно находиться здесь.

— Не понимаю, что такого ужасного может быть в крае мира.

Я отошла от Бездны и пошла на север, ожидая вскоре увидеть начало горной реки,

которая должна была привести нас к дому имплантера.

— А тебя не пугает то, что все эти сказки про Безыменных могут быть правдой? — поинтересовался Маркус. — Что некие существа создали нас? Каждого? И все эти земли.

— И многие другие, — кивнула я. — А что им еще было делать до этого? Легенды гласят, что неисчислимое количество времени назад не было совершенно ничего, и в этом ничто бродили Безымянные. Без формы, без речи, зрения и общения, они тосковали даже в обществе друг друга, ведь у них ничего не было. И тогда они решили создать миры и заселить их различными существами, чтобы наблюдать за тем, что будет происходить там. А когда мы умираем, они перетасовывают души, переселяя их в другие миры, чтобы дать им новую жизнь в новых условиях, и наблюдать дальше.

— Это все теперь стало намного более жутко, чем я считал, — Маркус повел плечом. — Зато я понял, почему вы, магики, верите в эти рассказы буквально, а у нас это считают не более чем древними небылицами.

Я громко фыркнула.

— Да, только кое-кто чуть штаны не обмочил, увидев эту небылицу своими глазами.

— Я не люблю большую высоту, — огрызнулся Маркус. — К тому же, я умею различать, что безопасно, а что — безрассудно, как сидение на границе мира, к примеру! Что, если бы край осыпался и ты упала?!

— Отправилась бы в гости к Безымянным, — прохихикала я.

— Ты невыносима! — рыкнул на меня мужчина. — Я искренне удивлен, что тебя не прибил никто за тот год, что ты путешествуешь. Да что там, за год, за все предыдущее время! Или ты не самоуничтожилась по какой-то совершенно идиотской причине, вроде подсовывания головы под циркулярную пилу чисто из любопытства!

— Нет, ну это я знаю, что пила опасная, — буркнула в ответ.

Справа от нас донесся шум бурного потока, прерывая занудные размышления Маркуса о самосохранении. Откуда-то из недр горы текла беспокойная река, скрываясь дальше в долине, подсказывая мне нужное направление.

— Теперь смотри внимательно, — предупредила я своего спутника. — Как только поймешь, что мы ходим кругами, сразу дай мне знать. А то я в прошлом году три дня ходила, пока это осознала. Я не очень внимательная...

— Как мы можем идти кругами, если пойдем вдоль реки? — удивился Маркус.

— Жилище имплантера скрыто под магическим колпаком, который будет нас разворачивать и не позволит так просто обнаружить местность.

— Я ничего не понял, но буду внимателен, — коротко кивнул Маркус.

Спустя буквально час ходьбы он остановился и указал мне на валун у реки.

— Вот, его я вижу уже второй раз.

— Всего лишь второй? — недоверчиво произнесла я, глядя на ничем не приметный камень, обточенный водой до почти идеально круглой формы. — Я-то только по одному поваленному дереву смогла понять, что сажусь на него уже в третий раз...

— Ты просто не умеешь замечать мелочи. Итак, мы прошли круг, хотя я этого совершенно не почувствовал, и мы продолжали идти вдоль берега. Это и есть какая-то ваша магия?

— Конечно, — улыбнулась я.

— И что делать дальше? Как нам ее обойти?

— Очень просто! Делай, как я, — ответила, поворачиваясь и начав идти спиной

вперед. — Так мы быстро ее обманем и доберемся, куда нам нужно.

— Спиной вперед?! Так же можно убиться, ты видела эти камни у берега? — возмутился Маркус.

— Иначе никак, — пожала плечами. — Будешь стоять там, или мы пойдем все же?

Маркус скривился и нехотя повернулся ко мне. Я шла уверенно, зная, что магия поддержит меня. Это была обратная сторона защиты, скрывающей дом имплантера. Она не давала подойти к нему, если ты шел напрямую, но выполнив требуемые условия, она не причинила бы тебе вреда. А вот на Маркуса она, похоже, не действовала. Он время от времени спотыкался, терял равновесие, оступался и, кажется, тихо матерился себе под нос.

— Ты уверена, что это единственный способ до него дойти? — прорычал он, в очередной раз съехав со скользкого камня и едва не упав.

— Не повезло тебе, — подначила я. — Ты технер, магия может тебя остановить, но не может помочь. Я, например, никаких трудностей не испытываю с тем, чтобы идти спиной вперед. У меня нет необходимости даже смотреть себе под ноги, ведь я могу положиться на магию. А ты — нет. Я магик, а ты несчастный технер. — Я не выдержала и издевательски захихикала, когда Маркус вновь взмахнул руками, и едва не сел на землю.

— Проклятье... — проворчал он.

— О, можешь останавливаться, — окликнула его. — Я чувствую, что барьер закончился.

Я повернулась в сторону, в которую шла, и окинула взглядом знакомый двухэтажный дом с односторонней покато́й крышей, полностью покрытой, как мне говорил имплантер, солнечными панелями, которые помогали ему освещать жилище. В конце концов, имплантер был технером. Рядом, на очищенном от леса участке, стояла большая ветряная мельница, служащая для той же цели. Ее широкие лопасти медленно вращались под ласковыми толчками весеннего ветра. Рядом с домом крутилось еще одно колесо, движимое водяным бурным потоком.

— Похоже, он использует все возможности природы для добычи энергии, — хмыкнул Маркус, подходя ко мне.

— Да. Мы на месте, — улыбнулась я.

Глава 23. Приветствую

Едва мы успели подойти к дому, как тяжелая металлическая дверь распахнулась, и на пороге появился владелец. Он выглядел точь-в-точь, каким я его помнила, в неизменном черном плаще в пол, чем-то напоминавшем мне медицинский халат технеров, только не того цвета. На переносице были все те же жутковатые черные очки без дужек, неизвестно, за что держащиеся на его едва ли не отполированной голове. Кожа, казалось, просвечивала, настолько бледным был этот худой мужчина. Я нервно сглотнула, стушевавшись перед ним, но Маркус перехватил инициативу вопросом, который меня крайне удивил:

— Я Вас знаю? — спросил мой спутник, выходя вперед. — Мне кажется, я Вас где-то видел.

Я судорожно схватила его за рукав, останавливая его, и прошипела:

— Что ты делаешь?! Вообще-то, нужно было сначала поздороваться! — Я обратилась к имплантеру с неловкой улыбкой. — Добрый день. Извините за беспокойство. Я к вам приходила год назад за чипом, помните?

— Нет, — коротко оборвал меня высокий мужчина, и я удивленно захлопала на него глазами.

— Но я точно где-то Вас видел, — задумчиво протянул Маркус.

— Да подожди ты! — рыкнула на него, сбитая с толку.

— Вы не были связаны с исследованием и созданием прототипа чипов четвертого поколения? — продолжил тот, словно не замечая меня. Имплантер повернулся к нему, как мне показалось, с любопытством.

— Возможно.

Маркус громко засмеялся.

— Нет, это НЕ возможно! Ведь чипы четвертого поколения разрабатывались полтора века назад, сейчас имплантируют уже шестое поколение! А тот ученый, что их разрабатывал, бесследно исчез, украв все свои наработки, что застопорило работу на несколько лет. Как же его звали...

Имплантер широко шаркнул ногой, взмахнув полой плаща и отвесил нам демонстративный низкий поклон.

— Позвольте представиться. Фредерик Рехерсон, доктор технических наук, заведующий отделом микроэлектроники, электронных приборов и устройств НИИ "Техночип", ведущий разработчик чипов четвертого поколения, беглый технер, скрывающийся в лесах магигов в течение последних ста тридцати двух лет, если быть точным, молодой человек, а не полутора веков.

Я открыла рот, выслушав все эти регалии, и не поняв ни одну из них, кроме того факта, что этот человек пережил всех тех, кто, возможно, его преследовал.

— Ничего... себе... — проблеяла я удивленно.

— Так и знал! — воскликнул Маркус, хлопнув себя по бедрам. — У нас в базе до сих пор это дело висит нераскрытым, еще и государственного уровня. Тебя же разыскивали как изменника, за скользкие делишки и исследования, которые тебе не следовало бы проводить!

— Во-первых, — осадил его имплантер, — вынужден попросить тебя обращаться ко мне с почтением. Во-вторых, хотел бы уточнить, что вы делаете на моей территории, и как

вы сюда попали?

— Это я привела нас сюда, — пробормотала я извиняющимся тоном, потупившись на носки своих ботинок. — У нас случилась неприятность, он потерял чип, и я... не придумала другого выхода, кроме как прийти сюда...

— Зайдите внутрь, — кивнул Фредерик.

Маркус охотно последовал за ним, но я не была так уверена в том, что мы делаем. Почему имплантер не вспомнил меня? Прошел всего год, а у него вряд ли было очень много посетителей.

Холл дома, как и год назад, был довольно пустым, лишь провода одиноко тянулись аккуратными полосами под стенами, да посередине стоял мягкий уголок на два кресла и длинный диван возле деревянного столика. Фредерик указал на диван, и Маркус скинул с плеч мешок, усаживаясь. Мне пришлось последовать его примеру, примостившись рядом. Имплантер сел напротив нас и соединил пальцы перед собой, поставив локти на подлокотники темно-бордового кресла.

— Итак, я вас слушаю, — произнес он холодно. У меня побежали мурашки вдоль позвоночника от одного его вида. Маркус решил вновь взять все в свои руки, и заговорил:

— Как Вы наверняка уже поняли, я технер. По стечению обстоятельств, я оказался на стороне магигов, и потерял свой чип. По этой причине я не имею возможности вернуться домой, поскольку теперь официально являюсь преступником. Я слышан, что Вы можете сделать новый чип. Можете ли Вы что-то предложить мне в сложившейся ситуации? Каковы Ваши условия работы?

Фредерик несколько минут посидел молча, видимо, обдумывая услышанное.

— Вы оба пришли очень вовремя, — наконец, заговорил он. — То, что ты сейчас без отличительных знаков обоих народов, мне было бы на руку. Мне необходимо доставить определенные наработки и материалы своему преемнику, который живет в глубине страны магигов, но у меня нет доверенного лица, на которое я мог бы положиться в подобном деле, ровно как и я сам не могу бросить свое жилище и уйти в такое длительное путешествие. Ты, — он указал одним пальцем на Маркуса, не расцепляя остальные, — отнесешь то, что я скажу, туда, куда я скажу. Справишься — получишь новый чип, и вернешься домой как ни в чем не бывало. Я могу запрограммировать его на любую требуемую информацию, так что ты даже не заметишь подмены, как и не заметит ее ни одна система технеров.

— Это что, доставка контрабанды? — усмехнулся Маркус.

— В некотором роде, — кивнул Фредерик. — Никто по головке тебя не погладит, если обнаружит то, что ты понесешь.

— Может, есть возможность расплатиться деньгами? — предложил мой спутник, начиная нервничать. — Никки сказала, что в прошлый раз Вы просто взяли с нее определенную сумму, и выполнили работу. Я найду деньги, сколько назовете.

Фредерик покачал головой.

— Сейчас я не нуждаюсь в деньгах. Я нуждаюсь только в курьере. А ты нуждаешься в моих услугах имплантера. Ты можешь не бояться, никто не отследит груз и не раскроет его, если ты будешь придерживаться минимального уровня скрытности. Попросту — не привлекать к себе внимание. И еще одно условие. Ты, — он внезапно указал на меня, — останешься здесь как гарантия того, что он вернется.

— Я не могу остаться здесь или где-либо еще надолго, — честно ответила я. — За мной следует Кредиториум из-за чипа, и если я пробуду где-то слишком длительное время, они

меня настигнут, и проблемы будут у всех.

— Какого чипа? — перевел на меня очки Фредерик.

— Который Вы установили мне год назад! Весной! — не выдержала я. У него от старости что ли отшибло память?

— У тебя нет никакого чипа. — ответил имплантер.

— Как нет? — усмехнулся Маркус. — Этого не может быть, я сам видел, как он работал.

— Я не ощущаю электронные волны ни от одного из вас. Вы оба без чипов.

— Как человек может ощущать волны? — изумился Маркус.

— Да Вы же сами мне его установили! — распсиховалась я. — Кучу денег Вам принесла за него, Вы давали пожизненную гарантию!

— Не кричи, — тихо ответил Фредерик. Что-то было в его тоне такое, что от обычного обращения ты сразу сникал, и пристыженно замолкал. — Подойди, — коротко произнес он, словно почти приказал. Я на негнущихся ногах приблизилась к его креслу. — Сними куртку, — последовало еще одно указание Я кинула взгляд на Маркуса, отмечая, что тот заметно напрягся, но все же сняла верхнюю одежду. Фредерик взял меня за руку и потянул на себя, заставив сесть на подлокотник кресла, после чего стянул рубашку, едва ли не до груди, оголяя предплечье. Краем глаза я увидела, как Маркус взвился на ноги, возмущенный этим действием. — Сиди уже, — холодно обратился к нему имплантер. — Мне просто нужно проверить, вправду ли у нее есть чип.

Фредерик больно сдавил мне руку своими костлявыми пальцами, и я сцепила зубы, чтобы не выдать свои ощущения. Он долго что-то мял на мне так, что я сама уже почувствовала, где внутри находился этот проклятый чип.

— Похоже, я совершил ошибку, — вынес Фредерик свой вердикт. Как только он отпустил меня, я быстро сбежала от него подальше на диван к Маркусу, который меня незаметно приобнял за талию, словно утешая. — Чип у тебя действительно есть, — продолжил имплантер. — Обычно я вношу в них данные людей, которые пропали без вести и чьи чипы не отслеживались пять и более лет. Их информация продолжает храниться в базе технеров до тех пор, пока чип и его носитель не будут обнаружены. Похоже, тело владельца все же нашли, после чего удалили данные чипа из базы и теперь твой, не имея к нему доступа, перестал функционировать...

— У меня были данные мертвого человека? — похолодела я. Маркус же, к моему удивлению, рассмеялся.

— Вы все так же не отличаетесь дальновидностью, Рехерсон. Не по этой ли причине Вас вычислили многие годы назад?

— Старую собаку новым трюкам, как говорится... — ответил имплантер, пожав плечами.

— А что, если бы мой чип выключился в городе технеров? — поинтересовалась я. — У меня были бы такие проблемы, что Кредиториум мне сказкой бы показался!

— Они выслеживали тебя через чип? — спросил Фредерик.

— Скорее всего, — ответил за меня Маркус. — Она пришла к ним уже после имплантирования. Иного способа отследить ее у них не было, это ж магик!

— Я заплатила Вам, а Вы не выполнили свою работу качественно! — обвинительным тоном произнесла я, надеясь надавить на имплантера, чтобы он передумал втягивать Маркуса в свои дела.

— Ты права, — кивнул мужчина. — Тогда я меняю условия. Ты остаешься. Но по

возвращении твоего друга я создам для тебя твой личный чип и внесу данные в официальную базу. Больше работы для меня, но это снимет с тебя ограничение на посещение лишь внешнего округа страны, и ты станешь полноценным технером, сможешь открывать счет в банке, устраиваться на официальную работу, покупать недвижимость и прочее. К тому же, тебя больше не сможет отслеживать Кредиториум.

Я с надеждой посмотрела на Маркуса. Он скосил один глаз, совершенно недовольный тем, что ему предлагали. Я тихо вздохнула. Все же, заставлять его идти неизвестно, куда, в чужой для него мир, было бы бесчеловечно.

— Мы можем вправду вернуться в Вайон, — тихо произнесла я. — Это тоже неплохой вариант, если ты не хочешь...

— Я не могу, — отрезал Маркус. Сердце екнуло от этого отказа. В конце концов, это был мой дом, и я была готова принять его... — Куда нужно идти? — обратился он к имплантеру. — Сколько примерно времени займет доставка?

— Думаю, за полгода обернешься, — холодно ответил тот.

— За сколько?! — воскликнула я, ошарашенная сроками. — Полгода?! Вы его в другой конец страны хотите послать?! Я не буду сидеть тут полгода, и ждать неизвестно, чего!

— Хорошо, — оборвал меня Маркус, словно мое мнение в расчет не бралось вовсе. Я открыла рот, глядя на него.

— Полгода? Ты серьезно бросишь меня здесь на такой длительный срок?!

— У меня нет выбора, — тихо ответил он, не глядя на меня. — Я должен вернуться домой, чего бы это не стоило.

— Отлично, — я поднялась с дивана. — Иди, я не стану тебя ждать. Выйдешь за порог — я просто уйду домой. Ты придешь сюда, весь такой довольный, а меня — хлоп! — и нет! — я скрестила руки на груди и отвернулась от Маркуса, злая, как никогда в своей жизни. Внезапно я почувствовала, как меня крепко берут под локоть и тащат на улицу.

— Извините, мы на минутку, — железным тоном произнес Маркус, обращаясь к Фредерику.

— Конечно, — благосклонно кивнул тот, когда меня протащили мимо. Дверь закрылась за моей спиной, и Маркус, заведя меня за дом, наконец, отпустил уже саднящий локоть.

— Какого хрена ты сюда меня приволок? — возмутилась я, но он, осторожно взяв меня за предплечья, наклонился к моему лицу и спокойно заглянул в глаза.

— Никки, медленно вдохни, — я машинально это выполнила, — теперь выдохни, — выпустила воздух, чувствуя, что начинаю успокаиваться. — Все? Теперь слушаешь меня? — Я закивала, надеясь, что Маркус сейчас изменит свое решение, и мы придумаем что-нибудь еще. — Никки, подумай головой, а не чувствами. У меня нет другого варианта. — Его слова заставили меня поникнуть. — Пожалуйста, пойми меня. У тебя есть иные возможности, как ты и сказала, ты можешь сейчас развернуться и пойти домой. А я не могу! Я не могу вернуться к своей сестре, в свой город. И я, как бы ты этого ни хотела, не могу пойти в Вайон. Однажды жители твоего города поймут, что я не такой, как они, я рано или поздно совершу какую-нибудь оплошность, вроде той, с выключателем. Меня просто линчуют у тебя на глазах. Ты хочешь этого?

— Нет... — тихо ответила я, понимая то, о чем он говорил.

— Я люблю тебя, Никки, потому вернусь за тобой, я не оставлю тебя у него навсегда. Я ведь хотел показать тебе свой дом. Ты не думала заглянуть ко мне в гости? — Маркус обворожительно улыбнулся, и я, как обычно, расплылась в улыбке в ответ.

— Мы могли бы еще попробовать найти Мирабэлль, — осторожно предложила я.

— И что дальше? — пожал плечами мужчина. — Мы все равно вернулись бы сюда. Даже с чипом в кармане я не смог бы прийти к себе. Это выглядело бы так, словно я захотел покинуть сторону технеров, но потом передумал и решил вернуться. Так что все свелось бы к этому при любом раскладе.

— Неужели ты настолько зависишь от этого проклятого чипа? — воскликнула я в отчаянии. Маркус терпеливо вздохнул и поджал губы.

— У вас есть люди, которые не могут управлять магией? Или у которых нет татуировки по какой-либо причине?

— Есть, мы их называем Пропашими.

— И что ты сделаешь, когда встретишь Пропашего?

— Перейду на другую сторону дороги, конечно же!

— Вот! — Маркус едва заметно меня встряхнул, словно нашел то, что искал. — Представь, что без чипа я такой же Пропаший для своих. В конце концов, это чип являлся даже ключом от моей квартиры! Это как... как мешок с деньгами. Как твоя руна, разрушающая и создающая барьер вокруг твоего дома. Как твоя магия, в каком-то роде. Ты ведь сама знаешь, что дал тебе чип, когда ты его получила. Теперь ты осознаешь, почему мне он так необходим? Пожалуйста, попробуй это понять.

— Понимаю... — я уныло скисла.

— Выше нос, птичка, — ободряюще обнял меня Маркус. — Полгода пролетят как один день, вот увидишь. — Я обняла его в ответ, прижимаясь крепче к его груди, пытаюсь запомнить запах и тепло его тела.

— Это будет очень долгий день, — тихо произнесла ему в грудь. — Я буду ужасно волноваться... Вдруг что... случится... — я в отчаянии сжала его предплечья. Маркус тихо засмеялся.

— Я здоровый тридцатилетний мужик, что со мной случится-то? Я в состоянии за себя постоять, поверь.

— Сколько-сколько-летний? — дрожащим голосом переспросила я. — Я что, на 10 лет младше тебя?!

— Получается, да, — пожал плечами Маркус. — Я даже не задумывался над этим.

— И когда бы ты задумался? Когда вернулся через полгода?

— Нет, потому что через полгода мне будет уже тридцать один...

— Ужас какой-то, — пробормотала я недовольно, отодвигаясь.

— И что, теперь не станешь меня ждать? Уйдешь домой и будешь ждать возвращения родителей?

— Нет, я... буду, — уверенно махнула головой.

— Спасибо, — тихо произнес Маркус и привлек к себе, целуя в макушку. — Идем к этому пергаментному старику, узнаем, что конкретно ему нужно, и когда мне уходить.

Едва мы вернулись в дом, как Фредерик сразу же поднялся со своего кресла и обратился к Маркусу:

— Следуй за мной.

Мы удивленно переглянулись. Имплантеру словно и не требовалось узнавать, к какому выводу мы пришли, он будто знал, что Маркус согласится и выполнит все, что тот потребует. Мужчины скрылись в глубинах дома, и я растерянно оглянулась. Похоже, в следующем разговоре не требовалось мое участие. Постояв немного без дела, я все же осторожно решила

прокрасться в короткий коридор с тремя дверьми. Из-за одной из них раздавались голоса. Подслушивать было совершенно неприлично, но я не удержалась и приложила ухо к двери.

— ...останется здесь на целых полгода? — спросил Маркус сквозь какой-то шорох. Неужели они обсуждали мою дальнейшую судьбу?

— Да, — безразлично ответил имплантер.

— Ты гарантируешь ее безопасность?

Я тихо хмыкнула. Маркус иногда забывается, общаясь с другими.

— Да.

— Что если я не успею вернуться в срок?

— Я ее убью.

Сердце в груди тяжело ухнуло от страха. Это было ожидаемо. Не доставил товар — потерял залог. Но что мне было делать, если залогом была я? Если я сбегу, то подставлю Маркуса. Но если он не успеет...

За дверью раздались шаги, и я на носочках метнулась обратно в холл, плюхнувшись на диван и попытавшись утихомирить kloкочущий в груди ужас, чтобы не выдать себя. Мимо прошел Маркус, за его плечами была новая сумка, со множеством карманов, которая была, похоже, чем-то доверху набита. Он бросил на меня тяжелый сосредоточенный взгляд, и я невольно подскочила на ноги.

— Ты уходишь прямо сейчас? — обреченно спросила, и получила в ответ кивок.

Мужчина отправился на улицу, преследуемый имплантером, словно мрачным черным демоном, собирающимся совершить какое-то зло. Я невольно пошла за ними.

— Этот путеводитель укажет тебе, куда идти, — произнес Фредерик, потягивая Маркусу шар, но мужчина не успел его взять, поскольку стальное маленькое устройство взмыло с его ладони и, мигнув белой лампочкой, устремилось в сторону леса, на запад, и пролетев несколько метров остановилось, словно ожидая, пока за ним проследуют.

— Хорошо, — кивнул Маркус. Затем он повернулся ко мне и сгреб в отчего-то совершенно неуклюжие объятия. — Я обязательно вернусь за тобой, только подожди меня, птичка, — произнес он, сдавливая мне ребра так, что мне показалось, что они хрустнули. Неожиданно у моего уха раздался едва слышный шепот: — Если меня не будет ровно через полгода, беги.

Маркус отпустил меня, наконец позволив вдохнуть. На глаза навернулись слезы, и все прощальные слова, которые мне хотелось бы сказать, чтобы ободрить его, застряли в горле раскаленными камнями. Мужчина улыбнулся мне и отправился за маячившим неподалеку шаром в лес. Я судорожно вдохнула, пытаюсь затолкать эмоции подальше и не показать их при Фредерике. Рыдать на людях я более чем не любила. Внезапно имплантер, стоявший рядом все это время, резко повернулся ко мне, и я тоненько икнула от неожиданности, пожившись под его взглядом, скрытым под очками. Он склонил голову к плечу и произнес:

— О, теперь-то я тебя вспомнил. Ты та девочка, которая при малейшем испуге попискивает, как резиновая игрушка.

— Вы меня убьете? — пролепетала я, уже рисуя в голове картины расправы надо мной этим тщедушным человеком.

— Я похож на убийцу? — ледяным тоном спросил Фредерик. Я выучила на него глаза, не зная, стоит ли говорить свое искреннее мнение после того, как от страха выдала ему, что подслушивала разговор с Маркусом. Не дождавшись от меня ответа, мужчина продолжил, направляясь обратно в дом: — Идем покажу, чем будешь заниматься эти полгода.

— Заниматься? — переспросила я.

— Не думаешь же ты, что будешь шесть месяцев сидеть на диване и смотреть в стену? У меня найдется, чем тебя занять.

Пройдя по коридору и через две двери, ведущие в ещё больше проходов, мы дошли до помещения, пахнувшего старыми книгами и напомнившего мне библиотеку. Имплантер начал по очереди доставать различные талмуды и укладывать их на письменный стол.

— Эту книгу ты должна будешь перевести, — произнес он, указывая на один из томов в тисненой обложке глубокого коричневого цвета и каким-то узором на корешке. — Постарайся ее не испортить, она очень старая и написана на древнем языке. Это, — он указал на другие две книги, которые выглядели хоть немного новее, — твои словари. Вот сюда будешь записывать текст, — имплантер протянул мне обычный толстый блокнот с прочной черной обложкой. — Я буду проверять твою работу каждый вечер, — напоследок добавил мужчина.

— Так Вы знаете этот язык? — осторожно спросила я, подходя к столу и двумя пальцами открывая книгу, с которой мне предполагалось работать. На ее чайно-желтых страницах были написаны непонятные символы.

— Да, — как обычно коротко ответил Фредерик.

— Тогда зачем мне мучиться с неизвестным языком, если Вы можете... — я оглянулась на него и осеклась. Судя по выражению лица Фредерика, мне не стоило пререкаться с ним.

— Начнешь работу завтра. Пока обустраивайся. Жить будешь в соседней комнате, — поставил мужчина точку в нашем диалоге и вышел из комнаты.

Я тоскливо обвела взглядом свою келью, в которой, похоже, я должна буду проводить все свое время, свободное ото сна. Не имея ни малейшего понятия, как следует выполнять порученную мне работу.

Над столом в каменной стене дома было прорублено квадратное окно, выходящее на южную сторону, так что в дневное время суток мне будет хватать и естественного освещения. Я открыла две книги, которые должны были бы служить мне словарями, и со вздохом пробежала глазами по многочисленным строчкам, написанным на устаревшей форме моего языка, и бесконечной череде закорючек на совершенно незнакомом.

Внезапно дверь за моей спиной вновь отворилась, и я невольно вздрогнула. От вида Фредерика у меня постоянно стыла кровь в жилах, словно он одновременно был призраком и мрачным демоном. У него в руках было устройство цилиндрической формы, которое он поставил на стол рядом с книгами.

— А что это такое? — робко спросила я.

Фредерик показал мне стальной шар, точно такой же, как тот, который увел Маркуса в длительное путешествие.

— Если шар отключится, где бы он ни находился, на этом датчике загорится красная лампочка.

Он щелкнул чем-то на шарике, и на цилиндре и вправду вспыхнуло яркое красное пятно.

— Этот свет даст тебе знать, что твой друг не вернется, — добавил Фредерик, заставив мое сердце пропустить удар. Он дал мне возможность видеть, все ли в порядке с Маркусом. И первой узнать, если я больше никогда его не увижу.

— С-спасибо... — заикаясь, выдавила я из себя в спину уходящему из комнаты имплантеру.

Глава 24. Провалы

Лето выдалось невообразимо жарким. Стены дома имплантера, который теперь стал и моим домом, были относительно толстыми, и могли сохранять прохладу хотя бы до середины дня, да и ветерок, который постоянно веял от реки, почти позволял мне жить по-человечески в этом месте. Если не считать того, что мой день был расписан практически по минутам, и график был составлен, конечно же, хозяином дома.

Мне было неизвестно, почему, но Фредерик в еде не нуждался, в отличие от меня, потому за пару недель я срочно восстановила свои почти забытые за время путешествия навыки в ловле рыбы и расставлении ловушек и силков на несчастных зверушек, которые и помыслить не могли, что в столь отдаленном от людских селений месте кто-то мог вздумать на них охотиться.

После того, как я разбиралась с вопросом провизии, я обязана была садиться за работу над книгой. И эта работа продолжалась до самого заката. Я пыталась строчку за строчкой разобрать древний текст, в котором шло про способы использования магических потоков, о которых я никогда не слышала, либо слышала краем уха, и подобные рассказы были больше похожи на сказки. Когда я совсем уставала, я с замирающим сердцем пялилась на серый цилиндр, который мог в любое мгновение вспыхнуть красным огоньком.

Едва солнце садилось за горизонт, ко мне в келью приходил Фредерик и проверял выполненную работу. Если все было хорошо, он так же молча уходил, если же я допускала где-то ошибки, то все, что я сделала за день на черновике, рвалось, и я должна была на следующий день писать все заново, пока не пойму, где допустила ошибку. В первые недели мне не удавалось особо продвинуться, но уже через два месяца ежедневной практики мне начало казаться, что я знаю этот древний язык как свой второй родной, хоть Фредерик и не считал необходимым что-либо мне объяснять. После этой работы у меня было пара свободных часов, которые я могла тратить на свое усмотрение, пока хозяин дома не выключал всюду наружный свет и здание не погружалось в непроглядную тьму, с трудом развеиваемую лишь звездами и луной.

Очередным погожим летним днем я возвращалась из леса с полной корзиной земляники и грибов. Благодаря дождливой весне, урожай был хороший, и, по крайней мере, я могла прокормить себя этими дарами леса. Зная я, в какие условия попаду, может постаралась бы получше, уговаривая Маркуса отказаться от услуг имплантера. Я тоскливо вздохнула, вспомнив о своем возлюбленном. Мы столько дней назад расстались, что мне казалось, будто это было в прошлой жизни, но каждый раз, когда я мысленно возвращалась к тем немногим мгновениям, проведенным вместе, сердце начинало горько сжиматься. Но, все же, я была в состоянии позаботиться о себе. В конце концов, как бы ни закончилось путешествие Маркуса, рано или поздно наши с ним отношения тоже должны были бы подойти к концу. И судя по тому, что я не умерла от тоски по нему, я смогу, когда придет время, оборвать эту разъедающую мое сердце нездоровую, опасную связь.

Подойдя к дому, я заметила, что на его пороге, на самом солнцепеке, сидел Фредерик, глядя куда-то перед собой. Он не снимал свой черный длинный плащ даже в такое пекло. Я и представить себе не могла, насколько жарко ему было в этой одежде, и зачем он так поступал.

Пересекаться с хозяином дома не хотелось, но мне нужно было попасть внутрь, потому я мысленно представила, что я невидимая, и на цыпочках попробовала пробраться мимо мужчины. Но едва я поравнялась с ним, как он вскинул на меня голову и остановил вопросом:

— Что в корзине?

Я нервно сглотнула.

— Грибы. Земляника, — зачем-то вытащила одну веточку, украшенную пятью яркими ароматными ягодками и протянула Фредерику. Тот взглянул на нее, затем снова уставился перед собой, не забрав импровизированное подношение.

— Опиши, что ты сейчас ощущаешь, — произнес он глухим голосом.

— Что? — я растерялась. — В... каком смысле?

— Чувства, физические ощущения.

— О, наверно... Сейчас очень жарко, — начала я дрожащим голосом. Для чего ему это было нужно знать? — На солнце кажется, будто меня со всех сторон облепило раскаленное одеяло. Ближе к реке становится полегче, здесь у дома дует ветерок. В лесу душно и парко, от земли тянет испаряющейся после дождя влагой, кажется, что дышишь горячим паром. Корзина аппетитно и сладко пахнет земляникой. Думаю, это все, что я сейчас ощущаю. — Я помолчала мгновение, но Фредерик ничего не говорил, потому я не выдержала и спросила: — А почему Вы интересовались?

— Я уже многие годы не могу всего этого ощущать, — он тихо вздохнул, а я непонимающе сдвинула брови. Может, он чем-то болел? — У долголетия есть обратная сторона. Если части тела можно заменять, то с мозгом так не получится. Он изнашивается, теряет большие блоки информации. Я с трудом запоминаю новые события, и могу вспомнить их только по каким-то ярким особенностям. Потому я не помнил, как ты приходила ко мне. Чтобы разгрузить мозг, я отключил почти все внешние ощущения: чувство запаха, вкуса, температуры, боли, голода. Я много, что изменил в своем теле, чтобы продолжать жить.

Фредерик медленно повернулся ко мне. Он поднес ладони к очкам, и я увидела, как он поворачивает их вокруг оси, снимает... Под ними оказалось множество удлиненных стеклянных колбочек, точно таких же, как я видела у двух посланников Кредиториума, которых сломал Маркус.

— Вы робот! — я невольно отшатнулась от него, едва не выронив корзину. — Но этого не может быть... Зачем Вам тогда делать чипы, помогать другим, жить в доме? Вы ведете себя совсем не как робот.

— Потому что я все еще какой-то частью, пусть и незначительной, человек, — тихо ответил Фредерик, ставя стекла на место в гнезда, вдавленные в его глазницы. — Теперь расскажи мне, что ты вынесла из той книги, над которой работаешь?

Я нервно переступила с ноги на ногу. Мне не хотелось дальше продолжать разговор. Этот человек, или не человек, был странным. Фредерик пугал меня. Он обещал Маркусу убить меня, если тот не справится с задачей, и я была привязана к этому месту своими чувствами. Может, стоило все же сбежать? Прямо сейчас? Я больше не могла тут находиться, видеть каждый день этого монстра, видеть стальной цилиндр, мучающий меня неопределенностью.

— Неужели совсем ничего оттуда не запомнила и не разобрала? — с ноткой разочарования прервал мои размышления Фредерик.

— О, нет, конечно, это какие-то утраченные знания магов? — выпалила я, словно пытаюсь оправдаться перед учителем за невыученный урок.

— Ты верно все поняла, — кивнул мужчина. Его губ коснулась легкая улыбка, на мгновение вернув ему в моих глазах человеческий облик. — Но все намного сложнее, чем ты могла бы себе представить. Садись, я расскажу, что успел узнать, — он похлопал ладонью рядом с собой по ступеньке. Я осторожно села на максимально отдаленном от него расстоянии, прижав к животу корзину. — Я тебя не укушу, — тихо ухмыльнулся он, и я глупо кивнула ему, не сдвинувшись с места, чем вызвала легкий вздох. — Что ж... С чего бы начать... — он задумчиво поднял голову, глядя на небо, и я невольно последовала его примеру, словно на единственном тщедушном облачке, с трудом ползущем над нами, могло быть что-то написано. — Сколько войн было между магами и технерами? — наконец спросил Фредерик.

— Три! — выпалила я.

— Нет, неправильно, — покачал головой имплантер. — С этого все и началось. С неправильного мнения, вложенного в наши головы, и которое я нечаянно пошатнул, обнаружив одну книгу. Очень старую книгу, просто чудом сохранившуюся. И знаешь, о чем она была?

— О чем? — чуть дыша спросила я.

— О Первой войне. О настоящей первой войне, а не той, которую так называют в наших анналах истории.

— И чем она такая особенная? — несколько разочарованно пожала плечами. — Войной больше, войной меньше. Это в любом случае отвратительное явление.

— Она особенная тем, что после нее и появились мы. Технеры. И магики.

— Что Вы имеете в виду? — удивленно вскинула брови. — Разве мир не всегда был таким, какой он есть сейчас, разделенным на два лагеря?

— Нет, отнюдь. Когда-то, в незапамятные и уже потерянные времена, не было этих двух лагерей. И, насколько я смог узнать из древних записей, все люди были едины с магией, могли пользоваться ею без каких-либо татуировок и прочих ухищрений. Это словно был воздух, которым мы дышим, естественное и простое явление, никого не удивляющее. Но потом что-то произошло. И магия покинула людей, всех, сосредоточившись на территории магов. И люди тоже разделились. Но технеры, все еще подсознательно стремящиеся к такому же единству, как и магики, имеющие хоть какой-то доступ к магии, создали чипы, которые все до единого подключены к общей сети, одновременно объединяющей их и держащей под строгим контролем. Между прочим, у ваших татуировок есть нечто общее с этими чипами, — Фредерик повернулся ко мне, остановив взгляд на узоре на моем предплечье, выглядывающем из-под закатанного рукава рубахи. — Мне никак не удастся достать образец краски, но мне кажется, что она состоит из микроскопических активных веществ, действующих по принципу нано-роботов, которые улавливают магические потоки и транслируют их в тело носителя татуировки.

— Что?.. — я недоуменно захлопала глазами, не понимая, что мне рассказывал имплантер. Тот шумно вздохнул.

— Татуировка — это краска.

— Ну, — кивнула я.

— Любая краска состоит из красящего пигмента.

— Так.

— Представь, что в этом пигменте есть множество крошечных чипов, как у технеров, только они не активируют технические устройства и электронику, а позволяют тебе ощущать и управлять магическими потоками.

— О-о-о, — понимающе протянула. — Значит, когда-то давно все мы имели намного больше, чем сейчас... Но почему-то об этом забыли, потеряли свое прошлое.

— Именно, — кивнул Фредерик, улыбаясь уголком рта. — Я пытался изучить этот вопрос. Мне стало интересно, как это произошло, что к этому привело. И можно ли повернуть все вспять.

— Ого, сложный вопрос, — покачала головой. — Нужно ли это было бы всем людям? Тогда у технеров было бы преимущество над нами...

— Не было бы никакого преимущества! — воскликнул мужчина, отчего я вздрогнула. — Ты как они! Которые начали гонения за мной! Ты не понимаешь! — он внезапно начал махать руками, совсем как сбрендивший старик, и я невольно прижала корзину к себе крепче, не зная, чего от него ожидать. — Какое может быть преимущество одного народа над другим, если бы не было двух народов! Вот, ты — то, чего я хочу!

— Что?

— То, чего я хочу добиться! Равенство! Но если тебе и другим магикам вживить чип легко, то с этими дурацкими татуировками невозможно совладать! Уверен, ты слышала про этих ваших Пропавших, это то, о чем я говорю!

Я осторожно приподнялась со ступенек и начала красться в сторону дома. Впервые за несколько месяцев я увидела, чтобы Фредерик так расхотелся, обычно он был молчаливым. Похоже, его перемкнуло на какой-то старой не то проблеме, не то обиде, и я стала невольным слушателем этой истерии, чего мне совершенно не хотелось. Фредерик внезапно заметил мои поползновения от него подальше и схватил за запястье с неожиданной для него прытью.

— Нет, ты дослушай про Пропавших! Бедные люди! Бедные!!!

— Вы меня пугаете! — пискнула я, сжимаясь от страха.

— Ты знаешь, в чем на самом деле их проблема? — продолжил мужчина, похоже, уже не слыша и не видя ничего вокруг себя. — Они обычные аллергики! Их тела не могут воспринять те вещества, которые содержатся в вашей краске! Они их отторгают! Потому они не могут пользоваться магией, для них нет никакого шанса! А все почему? Потому что магия изначально была внутри всех нас, а не снаружи! Не было потоков, не было! Каждый человек был сосудом! А затем... затем как-то их все разом разбили! Одним мощным ударом, и энергия высвободилась! Все, что достается даже вам, магикам — это жалкие крупички той былой мощи великого единого народа! Ты видишь книгу, которую я тебе дал, что в ней описано! Это такая крошечная песчинка посреди пустыни, что ты себе даже представить не можешь!

Фредерик ослабил хватку, и я вырвала запястье из его руки, испуганно метнувшись в дом. Пробежала по коридорам и закрылась от него в библиотеке, задыхаясь от внезапно нахлынувшего ужаса. Однозначно, соглашаться на условия имплантера было плохой затеей. Он же совсем свихнулся, живя в этом лесу в одиночестве, еще и столько лет. Если в его положении это можно было назвать жизнью вообще.

Я осторожно поставила корзину на пол. Сцепила перед собой дрожащие ладони, пытаюсь унять нервный испуг. Походила немного по комнате, напряженно ожидая, не начнут ли ко мне ломиться. Но никто за мной не пошел, и я немного успокоилась. Время шло, а мне

было пора идти по делам, потому я на всякий случай приложила ухо к двери и прислушалась. Похоже, в коридоре никого не было. Значит, Фредерик действительно просто увлекся рассказом, и вправду не хотел меня пугать, хоть его поведение и было далеко от привычно-флегматичного. Осторожно приоткрыв дверь, я выглянула в коридор. Никого не заметив, я вышла наружу.

— Привет, — раздался с другой стороны коридора голос имплантера, и я подпрыгнула на месте от испуга. — Как продвигается работа?

— Работа?.. — дрожащим голосом переспросила я.

— Работа. Над переводом книги, — настойчиво повторил Фредерик. Я непонимающе приподняла брови. — Мне пора, — внезапно произнес мужчина и, совершенно спокойно прошел мимо меня по направлению к своему рабочему кабинету.

Я еще несколько мгновений постояла, удивленно глядя ему вслед. Похоже, провалы в памяти у него случались чаще и хуже, чем он считал, просто никто не мог ему об этом сообщить, а он и не замечал. Мне даже стало жаль его. Но мне вправду было пора возвращаться к своему расписанию дня и книге, уж что-что, а проверять мои результаты Фредерик никогда не забывал.

Глава 25. Возмездие

Моя работа над древним талмудом была до невозможности однообразной. Книга была неинтересной, я многого в ней не понимала, ни описываемых в ней явлений, ни требуемых для создания этих явлений предметов и эффектов — ровным счетом ничего. В основном я понимала только глаголы вроде "сделать" и "положить", да бесконечное количество предлогов. Это словно была поваренная книга с чудными для меня ингредиентами. Но деваться было некуда. Я со вздохом отодвинула от себя ворох черновиков и уставилась на цилиндр, стоящий перед моими глазами на подоконнике.

— Где же тебя носит? — спросила я устройство, подпирая ладонью подбородок. — Я тут как в клетке, пока ты неизвестно, чем занимаешься.

Я достала из ящика тщательно спрятанный листок, изрисованный кружочками. Каждым из них я отмечала бесцельно проведенный в заточении день. На листке уже был изображен квадрат 10 на 10 и рядом был начат новый со стороны в пять кружков. Я тоскливо вздохнула и поставила шестой кружок в верхнем углу, отмечая начало новой полосы. Когда их станет восемь, мне придется постараться отсюда убраться...

Тщательно зарисовав новый кружочек, я поднялась и потянулась, разминая затекшую спину. Я так давно не сидела подолгу на одном месте. Захотелось пойти прогуляться, искупаться в тихой затоке реки неподалеку, чтобы смыть с себя эту ужасную жару и духоту, пробирающуюся даже сквозь толстые стены дома имплантера. Я заглянула в свою комнату за полотенцем и направилась к выходу. Проходя мимо одной из дверей, я внезапно услышала голоса. Сначала я не придала им значения, решив, что Фредерик снова занимался какими-то своими исследованиями и слушал очередную запись, но подойдя ближе я разобрала, что голос был женский. Не удержавшись, я остановилась послушать, не веря тому, что у Фредерика могли быть гости.

— Мне становится все тяжелее добираться сюда, — устало произнес женский голос, подтверждая мои догадки, что это действительно была гостья. Меня начало разбирать любопытство, кто бы это мог оказаться.

— В чем конкретно заключается проблема? — как всегда рассудительно и спокойно поинтересовался Фредерик, словно собирал анамнез пациента.

— Порталы, которые я открываю, переносят меня на все меньшие расстояния, и после них мне приходится отдыхать по нескольку дней, иногда недель, — со вздохом произнесла женщина. — Кажется, мне уже легче ходить пешком, чем использовать магию. Я ее чувствую, но словно не могу управлять ею в полную силу.

Ничего себе, Фредерика посетил какой-то магик, при этом не впервые! Я заинтригованно переступила с ноги на ногу, пытаясь придумать предлог, чтобы зайти в комнату и узнать, кто же была эта гостья.

— Время влияет на твою татуировку и вещества, внедренные через нее, — констатировал имплантер.

— Да, и помимо этого возраст снова начал надо мной довлеть! — внезапно женщина сорвалась на крик, словно факт того, что все люди меняются с возрастом, повергал ее в крайнюю степень отчаяния.

— Он довлеет над всеми, и надо мной тоже, — подтвердил мои мысли Фредерик.

— Ты обещал мне, что твой новый метод будет лучше того, что ты использовал на себе! — настаивала гостья. — Я не хочу быть такой, как ты, не человеком, не машиной, а Безымянные лишь знают, кем! Тебе никогда меня не понять! Только женщина осознает, как ужасно каждый день видеть эти кошмарные изменения, мелкие морщины, ухудшающееся состояние кожи, чувствовать потерю сил! Мне нужна твоя помощь сейчас, а не через два года, как мы договаривались, отец!

От услышанного последнего слова у меня отвисла челюсть. У Фредерика была дочь?! Откуда? Как такое было возможно? Еще и дочь-магик! Как ему удалось пристроить ее в какое-то селение в нужный момент и дать ей возможность провести обряд? Кроме того, он, похоже, и ей помогал прожить намного дольше, чем обычные люди. Теперь мне крайне необходимо было узнать, что же это за такой удивительный магик пришел к нему.

— Я не был готов к твоему визиту, — произнес Фредерик.

— Но ты ведь поможешь мне? Сейчас? — заискивающим тоном произнесла женщина.

— Мне нужно немного времени на подготовку.

— Спасибо! Я знала, что всегда могу на тебя положиться.

Я закатила глаза, потеряв интерес к самому обычному диалогу отца и дочери-манипулятора. Уже собралась уйти по своим делам, решив не вмешиваться в личную жизнь Фредерика, как услышала восторженный голос гостьи:

— Зато взгляни, что я тебе принесла!

— Откуда он у тебя? — имплантер несколько изумился, и я вновь заинтересовалась темой их беседы. Что там она принесла?

— Не поверишь! — женщина заливисто засмеялась, и мне на мгновение показалось, что я уже где-то слышала ее голос. Только из-за этого смеха, вроде веселого, но несколько наиграного и неестественного. — Встретила одного такого бестолкового технера по пути к тебе, что грех было пройти стороной!

После услышанного я не могла больше оставаться в стороне. Это была Мирабэлль, у меня не осталось сомнений, она явилась сюда, чтобы отдать Фредерику чип Маркуса. Даже если это была не она, меня уже было не остановить, пусть лучше я выставлю себя невоспитанной дурой, вломившись к гостье, чем упущу шанс убедиться, что это она. Я рванула на себя дверь, ввалившись в комнату, и сразу же увидела белоснежную копну, обрамляющую крайне удивленное изящное лицо Мирабэлль.

— Ты! — воскликнула я, бросая на пол полотенце и ища глазами хоть что-нибудь, чем можно было бы огреть эту дрянь за то, что она посмела совершить с Маркусом.

— Николь? — удивленно спросила женщина. — Как ты здесь очутилась?

— Ты украла чип Маркуса! — продолжила я. — И бросила истекать кровью посреди леса!

— Это правда? — вступил в разговор Фредерик.

— Что ты, папа, конечно нет! — невозмутимо ответила Мирабэлль. — Я же только что рассказала тебе, как случайно купила его в соседней деревне, где мне его отдали за бесценку как непонятную игрушку. Неужели ты уже забыл мой рассказ? Так быстро?

Я задыхнулась от возмущения. Мирабэлль знала, что ее отец страдал провалами в памяти, и попыталась сыграть на этом.

— Она лжет! — в отчаянии взмахнула руками, не зная, чем подтвердить свои слова. — Это чип Маркуса, она вырезала его вот тем ножом, который у нее на поясе! Это было за несколько дней до того, как мы пришли сюда!

— Папа, ну кому ты поверишь, — улыбнулась Мирабэлль отцу. — Родной дочери или не пойми, кому? Николь всегда отличалась диким нравом. Мы живем в одном городе, я ее хорошо знаю. А как она любит выдумывать истории!

Я опустила руки, с ненавистью глядя на Мирабэлль. Она лишь победно ухмылялась мне, зная, что ее слово будет весомее моего.

— Мира, ты правда не делала того, о чем говорит Николь? — спросил Фредерик, протягивая руку к чипу. Женщина внезапно запаниковала и потянулась за ним в ответ, намереваясь забрать, но Фредерик оказался проворнее, и Мирабэлль едва заметно скривилась, сдвинув брови к переносице.

— Конечно правда, отец! — продолжила она гнуть свое, хоть в ее голосе и поубавилось нахальства.

Фредерик сжал в руке чип и замер. Я удивленно смотрела на это, не понимая, что происходило.

— Кто тебя за язык тянул! — набросилась на меня внезапно Мирабэлль, словно фурия. Она сделала шаг ко мне, и я невольно отступила. Эта женщина была сильнее меня, она многое умела. Я неожиданно начала понимать, откуда у нее были все эти умения, ведь она была дочерью Фредерика, владевшего книгами с потерянными знаниями.

— Фамилия твоего друга Гордар? — прервал ее имплантер.

— Да, — тихо ответила я. — Откуда Вы знаете?

— Считал данные этого чипа, — ответил мужчина, кладя крошечное, размером меньше сантиметра, устройство обратно на стол. — Это однозначно принадлежит ему.

— Я просто нашла его! — затараторила Мирабэлль, путаясь в собственных словах. — Выкупила у одного технера, я же говорила!

— Замолчи, — спокойный тоном осадил ее Фредерик, и я сама невольно поежилась.

— Папа, но это всего лишь...

Имплантер вскинул ладонь, останавливая оправдания, и поднялся. Подойдя ко мне, он мягко взял меня под локоть и вывел из комнаты, оставляя свою дочь в одиночестве. Мы в молчании дошли до моей комнатухи, и он закрыл за собой дверь.

— Я приношу извинения за свою дочь, — глухим голосом произнес Фредерик. — Она оказалась причиной ваших злоключений. Я не мог знать этого. Когда Маркус вернется, я верну ему потерю, не восстанавливая данные. Так даже проще и лучше. Если бы я знал, то не отсылал его. Есть ли что-то, что я мог бы сделать, чтобы загладить вину своей дочери?

— Ничего не нужно, — я растерянно замахала руками.

— Она будет наказана за свой поступок, — кивнул мне Фредерик, и покинул комнату. Через несколько мгновений из недр дома донесся душераздирающий вопль:

— Отец, не-е-ет! Не поступай так со мной!

Я испуганно забилась в дальний угол комнаты, рисуя в голове кровавые ужасы, но где-то в глубине души ликуя по поводу того, что Мирабэлль воздалось за ее деяния. Еще через несколько минут я увидела в окно удаляющуюся фигуру женщины. Она шла размашистым шагом, и в каждом ее движении была ярость. Похоже, ближайшие несколько лет мне лучше было не возвращаться в Вайон. Но она приходила с определенной целью. Похоже, ее наказание было в том, что Фредерик отказал ей в оказании столь желанной услуги по остановке возраста. Так ей и надо. Я ехидно захихикала, глядя, как она скрывается в лесу.

Постояв еще немного и убедившись, что Мирабэлль действительно больше не вернется, я вышла в коридор и, подобрав по пути с пола полотенце, отправилась охладиться в реке,

довольная собой и восстановленной справедливостью.

Глава 26. Возвращение

Тягучий летний день проплывал мимо меня, словно раскаленное масло по сковороде. Изнывая от жары, я лежала на столе и в сотый раз, который день гипнотизировала свой металлический цилиндр. Не было никаких сил работать, и я обреченно ждала закат в надежде, что немного спадет температура и я хотя бы смогу двигаться. Положила голову на руки и прикрыла глаза. Уже которую ночь я не могла уснуть из-за какого-то непонятного чувства волнения, словно предчувствия чего-то, что я не могла понять. И каждый раз решая, что я могу предчувствовать что-то плохое, я начинала нервничать еще больше, отчего, замкнув себя саму в бесконечный круг волнения, совершенно не могла спать. Я почувствовала, что ненадолго уплываю в сон, но беспокойство будто толкнуло меня в бок, и я открыла глаза. На цилиндре горела лампочка. Сердце остановилось, и я задохнулась, голова словно моментально забилась ватой, и мне показалось, что я сейчас отключусь. Но через мгновение пришло осознание: лампочка была зеленого цвета!

— Зеленый... — выдохнула я, убеждая себя, что это не красный цвет, не показатель того, что путеводитель отключился, сломался, пропал навечно. Но что значил зеленый цвет?

Я схватила цилиндр и выбежала в коридор, оглядываясь и пытаясь решить, куда направиться в первую очередь в поисках имплантера.

— Фредерик! — крикнула я и быстрым шагом пошла на кухню, где его не оказалось. — Фредерик! Фредерик! — повторяла я как заведенная, обегая все комнаты, но нигде не могла найти человека, который объяснил бы мне, что значил этот сигнал.

Я выскочила на улицу, прижимая к груди бесполезный, непонятный цилиндр. Почему Фредерик не сказал мне заранее о том, какие еще функции он может выполнять? Окинула взглядом небольшую поляну перед домом, надеясь обнаружить имплантера, но заметила у деревьев серебристый отблеск. Мгновение — и ко мне подлетел металлический шар, такой же, как тот, что увел от меня Маркуса. Я протянула к нему дрожащую ладонь, и тот лег в нее и отключился. Цилиндр, прижатый к груди, издал короткую вибрацию, следом за этим потушив лампочку.

— Где же твой владелец? — спросила я, поднимая глаза.

Из-за пригорка к дому направлялся мужчина. Я невольно сделала шаг навстречу, присматриваясь к пришельцу. У него были темные волосы, свободно прикрывающие уши. Разве Маркус не был наполовину выбрит? К тому же, у мужчины была короткая борода, он такого бы не допустил с его дотошностью. Как странно, это он или нет? Одежда светлого цвета выглядела совершенно обычно, как у любого другого магика.

И только когда мужчина подошел ближе, я узнала его. Вещи, которые были моими идолами долгие полгода, мгновенно превратились в бесполезный мусор. Они выскользнули из моих рук на землю.

— Маркус! — на глаза навернулись слезы, и я побежала ему навстречу, не в силах и дальше стоять дожидаться его у порога. Он так изменился, совершенно неожиданно для меня, непривычная прическа, и на левом ухе блестели три золотые серьги с какими-то символами, обхватывающие кольцами раковину сверху, но глаза, это были все те же медовые глаза, которые я ждала так долго. Я подбежала к нему, потянулась руками, чувствуя невероятное облегчение, вымываемое из меня льющим потоком слез...

— Маркус... — прорыдала я, не веря своему счастью. — Я дождалась, дождалась!..

Он скользнул по мне взглядом. Холодное золото, коснулось меня, вызвав волну мурашек, чувство беспричинного страха. И, не останавливаясь, прошел мимо. Словно я была пустым местом, ничего не значащим, неприметным и ненужным. Не веря своим глазам я повернулась и крикнула ему вслед:

— Маркус, постой!

Словно собачка, всегда верная своему владельцу, сколько бы тот ее ни прогонял, побежала за ним следом, чувствуя, как в груди разрастается болезненный комок, будто репейник, раздирающий легкие и грудь своими острыми шипами-крючьями. Неужели я обманулась в своих ожиданиях? И за полгода... полгода... Он просто позабыл все, что между нами произошло, все было неправдой...

У порога нас уже поджидал внезапно откуда-то появившийся Фредерик, держащий в руках оброненные мной предметы.

— Ты вернулся, — благосклонно отметил имплантер, на что Маркус легко кивнул ему и, сняв с плеч рюкзак квадратной формы, передал хозяину дома.

— Это от вашего ученика, — произнес он. От его металлического голоса на глаза навернулись слезы бессилия. Все было зря, столько времени, столько нервов, столько чувств, все впустую...

— Благодарю, — Фредерик забрал сумку и сделал приглашающий жест в сторону дома. — Проходи, пора и мне выполнить свою часть уговора.

На негнущихся ногах я зашла за мужчинами. Они отправились дальше в дом, в ту комнату, в которой Фредерик когда-то имплантировал чип мне, и я, совершенно не подумав, пошла следом. Дойдя до нужной двери, Фредерик мягко остановил меня.

— Тобой я займусь следом, подожди в холле.

Я кивнула, глядя на то, как передо мной закрылась дверь. Большая, широкая, металлически-серая. Такая же безликая и пустая, как взгляд Маркуса на меня, когда я подошла к нему. Полгода... Пустые слова...

За дверью я разобрала тихий диалог двух мужчин.

— Анестезия?

— Не нужно.

— Уверен?

— Я похож на человека, который упадет в обморок от вида иглы и крови?

— Ты первый, кто отказывается. Дело не совсем в боли. Но что ж, если ты готов к подобному, как скажешь.

К подобному? Что имел в виду Фредерик? Я мгновенно включилась, попытавшись на время отстраниться от предательства Маркуса. Я ведь так и не видела, как происходит операция по внедрению чипа. Уж я-то, трусиха, не отказалась от анестезии и проспала всю процедуру.

Я осторожно встала на колени и прильнула к замочной скважине, стараясь не шуметь. Маркус сидел на том самом кресле, на котором когда-то и я, скованный по рукам и ногам. Фредерик не спеша расстегивал свой плащ. Не помню, чтобы он раздевался перед работой со мной.

— Информация в чипе та, что мне нужна? — напряженно спросил Маркус, наблюдая за ним.

— Конечно. Мне даже не пришлось ничего делать. По стечению обстоятельств, твоя

подруга поспособствовала возвращению твоего похищенного чипа.

— Она мне не подруга, — холодно парировал Маркус, вгоняя мне в сердце еще одну раскаленную иглу боли от предательства.

— Как скажешь, — пожал плечами имплантер, скидывая с себя плащ.

Я открыла рот от удивления, глядя на Фредерика. Казалось, что его грудную клетку под плащом крепко обхватывали его же ребра, расположенные поверх кожи. Светлые, почти белые, уложенные спиралями ребра. Я невольно закрыла рот рукой, чтобы не издать ни звука. Следом за плащом на стол отправились и стекла очков, скрывающие его истинные глаза. Маркус в кресле заметно напрягся.

— Что ж, приступим к работе, — меланхолично постановил Фредерик.

Внезапно его ребра начали разворачиваться. Медленно, аккуратно, в разные стороны, пока не превратились в четыре длинные руки с аккуратными держателями, словно растущие из его позвоночника, вокруг которого больше ничего не было. Казалось, что еще немного, и он переломится от веса всей этой конструкции, держащейся на одном лишь хребте. Но где было все остальное?.. Имплантер выглядел как огромный белый паук, прогуливающийся по своим владениям и собирающий длинными лапами нужные инструменты, на ходу складывая их на поднос.

— Что ты такое?.. — голос Маркуса дрогнул, выдав его страх. Фредерик на мгновение замер, продолжая в то же время работать длинными лапами-хватателями.

— Не могу вспомнить, представлялся ли я тебе или нет? Что ж, особой разницы нет. — Он подошел к Маркусу и склонился над его правым плечом. Длинная шарнирная паучья лапа услужливо подала в руку Фредерика скальпель. — Постарайся не дергаться, раз уж отказался от обезболивающего.

Я неслышно отползла от двери и, вскочив на ноги, убежала в холл. Бухнулась на диван и собралась в комок, поджав под себя ноги и обхватив их руками. Неужели и со мной Фредерик работал вот так? Кто еще видел его без плаща? Похоже, он зашел слишком далеко в своем стремлении прожить как можно дольше. Мне даже было страшно представить, что он сделал со своей дочерью и что она скрывала под своими длинными платьями в пол.

Время шло, а перед глазами все стоял этот гигантский костяной паук. Да уж, и вправду, теперь понятно, почему ему не нужно было ни есть, ни пить, и как Фредерик растерял все свои ощущения.

Размышления над увиденным словно перенесли меня во времени. Мне показалось, что прошла пара мгновений, давящих на меня угнетением от предательства Маркуса и ужасом от осознания, с чем я жила рядом в течение почти полугода. Моего плеча кто-то коснулся, и я тихо пискнула, подпрыгнув на месте. Передо мной стоял Фредерик, одетый в привычный плащ и с очками на глазах.

— Я закончил, теперь твоя очередь.

Я нервно сглотнула, глядя на какое-то большое плоское устройство с табло и кнопками у него в руках.

— Дай мне предплечье, куда имплантирован чип, — произнес мужчина, садясь рядом со мной. Я дрожащей рукой содрала с плеча рубашку, подставляя ему правую руку и надеясь, что меня не ожидало ничего, подобного тому, через что прошел Маркус. Фредерик не спеша надел устройство на предплечье и начал набирать что-то на посветлевшем экране.

— Я всего лишь введу в чип новые данные и активирую его, пара минут работы, — объяснил Фредерик. — Я подготовил все заранее.

Я механически кивнула, даже не глядя на то, чем занимался имплантер. За моей спиной чем-то тихо шуршал Маркус. Наверно, собирался в дорогу обратно, домой. Ему так далеко было идти, не то, что мне.

— Готово, — развеял мои мысли Фредерик, снимая с предплечья свое устройство. — Тебя зовут Марси Клеменс, и родом ты с севера страны технеров, из Сиофарра.

— Хорошо... — кивнула я, пытаясь запомнить свою новую легенду.

— У тебя не будет проблем ни с Кредиториумом, ни с какой-либо государственной организацией. Твоя история абсолютно чиста и идеальна, не к чему придаться. Я дам тебе распечатку, чтобы ты могла ее прочитать.

— Спасибо, — я поднялась с дивана.

— Полагаю, это все, что я мог для вас сделать, — развел руками Фредерик, намекая, что нам было пора уходить.

— Конечно, спасибо, что приютили меня, — так же безлико ответила я.

Кое-как собрала припасы, почти не помня себя. Столько времени впустую, я так бездарно его потратила, ничего не приобретя. Взвалила тяжелую сумку на плечи. Хоть какое-то физическое ощущение немного отрезвило меня, напомнив, что нужно будет придумать, куда же мне идти. Океан был теперь так же далек от меня, как и год назад. Точнее, уже полтора года...

Вышла в холл. С удивлением заметила краем глаза Маркуса, стоящего в углу. Он тихо о чем-то говорил и имплантером. Отведя взгляд, вышла на улицу и зашагала вновь на юг. Теперь я знала, как срезать путь и сохранить хотя бы два дня пути. А дальше, наверно, я зайду на территорию технеров и буду двигаться только по ней. Мне не было смысла вилять и пытаться от кого-то скрываться. Я только не хотела идти тем же путем, что пойдет Маркус.

Прошла сквозь магический барьер, защищающий дом Фредерика. Наконец-то больше не будет этого невидимого купола, без конца висящего над моей головой, напоминающего, что я сама сделала себя пленницей, добровольно. А ведь раньше я никогда не позволила бы такого.

— Никки! — раздался за моей спиной голос, заставивший меня вздрогнуть. Конечно, ему было по пути со мной. Но я этого не хотела, я не пойду с ним. Я ускорила шаг в тщетной попытке оторваться хоть немного. — Николь, постой же! — окликнул меня Маркус снова. Я не выдержала и встала. Меня трусило от ярости, обиды и разочарования. Я резко развернулась, уставившись на мужчину, остановившегося в паре шагов от меня.

— Чего тебе?! — рявкнула с такой ненавистью, что Маркус невольно отступил еще на шаг. — Что тебе нужно? Что ты хочешь от меня теперь? Ты получил все, что хотел, оставь меня в покое! Не ходи за мной больше! Не хочу тебя видеть, предатель! — из глаз полились слезы, как бы я ни хотела их скрыть, они не слушались меня, пытались прервать тот поток, что я хотела сказать словами. — Ты меня использовал! Ненавижу тебя! — выкрикнула напоследок, окончательно задохнувшись под собственными рыданиями.

Маркус внезапно ласково мне улыбнулся. Холод и жестокость исчезли с его лица, и он, к моему недоумению, раскрыл руки. Я выпучила глаза не веря тому, что я видела. Это была какая-то уловка? Я отпрянула на шаг. Ему не удастся меня вновь обмануть, я не куплюсь на это.

— Ну же, птичка, — с улыбкой и нежностью в голосе произнес Маркус. — Иди ко мне. Я так соскучился.

И я не выдержала. Мне очень нужны были эти слова, я так хотела их услышать. Столь

простое признание стоило для меня сейчас больше всех денег в целом мире. Я бросилась на грудь Маркуса с рыданиями и вцепилась в рубашку, чувствуя его родное тепло и запах, которые я почти забыла. Его руки прижали меня к себе крепче, утешающе поглаживая по спине, даря невообразимую радость и разгоняя многодневную тоску.

— Ну что ты, что ты, глупенькая, — тихо произнес он, успокаивающе глядя меня по голове. — Неужели ты думала, что я вправду мог с тобой так поступить? Маленькая глупенькая птичка...

— Ты так на меня смотрел... — проикала я, не зная, как описать всю ту боль, что я из-за него почувствовала.

— Мне пришлось, — прошептал Маркус. — Я не хотел, чтобы этот монстр еще раз попытался воспользоваться моей привязанностью к тебе. Прости, что сделал тебе так больно. Я сам собирался с духом целый день, пытался настроить себя на нужную волну. Боялся, что он снова начнет шантажировать меня тобой...

Маркус приподнял мое лицо и начал покрывать его поцелуями, высушивая льющиеся слезы.

— Я испугалась, — судорожно вздохнула и шмыгнула носом, пытаясь увернуться от его губ, но он так крепко прижимал меня к себе, что у меня не было ни шанса. Я с удивлением поняла, что его руки опускаются все ниже, и уже начинают возиться с моей завязкой на штанах. — Что ты делаешь? — попыталась остановить его ладони, но Маркус, не обращая на меня внимания, дернул за веревочку, в конце концов, отрывая ее.

— А на что похоже? — низким голосом выдохнул он, начав тянуть за пояс вниз.

— Маркус, прекрати, ты что, мы же в лесу!

— Прошу, Никки, не останавливай меня, пожалуйста, — горячо прошептал он, уже стягивая с меня штаны.

— Что? Почему? — удивилась я, все же следуя его призыву. Его горячие ладони, даже жарче летнего солнца, касающегося моей кожи, разожгли во мне желание, которое я давно не позволяла себе выпустить наружу.

— Я полгода не прикасался к женщине, — утробно прорычал Маркус с таким голодом в голосе, что мое тело мгновенно отозвалось ему таким же перехватывающим дух желанием. — И все из-за тебя, Никки.

Он подхватил меня на руки, и мне пришлось обвить его бедра ногами. Маркус прислонился спиной к дереву, и я почувствовала, как его достоинство жестко входит в меня, одним резким движением, заставляя задохнуться и задрожать.

— Ты, из-за тебя, я не мог смотреть на других женщин, — произнес Маркус едва слышно, приподнимая меня и с силой опуская обратно на свой раскаленный член. — Никогда бы не подумал, что одна женщина сможет настолько забить мне голову!

Я прижалась к его груди, обняв за шею и пытаясь поймать его ритм.

— Каждое утро я просыпался с мыслями о тебе и засыпал, вспоминая тебя, — продолжил Маркус. Он откинул голову на ствол дерева и закрыл глаза. Приподнявшись, я впиалась губами в его губы, вкладывая в свой поцелуй всю ту тоску, что ощущала, пока мы были не вместе. Он застонал мне в ответ, обхватывая одной рукой за талию, и я почувствовала внутри себя пульсацию, словно готовую разорвать меня на части, вбивающуюся все глубже и глубже. Маркус сжал меня в объятиях и судорожно задрожал, сдавив с такой силой, что мне показалось, у меня захрустели ребра. Через несколько мгновений я ощутила, что Маркус меня отпускает, и встала на землю, позволив ему выйти из

меня. Немного смущенно и расстроено натянула на место штаны, не очень довольная тем, что Маркус удовлетворил лишь свой голод, забыв обо мне. Кинув на него взгляд, я заметила, что он снял с себя какой-то белесый мешочек, после чего выбросил его подальше в лес и тоже начал одеваться.

— А что это было? — любопытствовала напоследок, вытирая глаза с не успевшими высохнуть на них слезами. Все произошло так быстро, что я и осознать это особо не успела.

— Мне повезло купить несколько презервативов у магиков, подумать только, для вас это редкая и дорогая контрабанда, а у нас они на каждом углу продаются, — усмехнулся Маркус, завязывая на штанах шнурок, на который я посмотрела с завистью и начала заправлять в штаны рубаху, надеясь, что так они не будут слишком свободно спадать. Я обхватила себя руками, с трудом вспоминая, для чего могла служить эта вещь. Маркус, одернув одежду, внезапно замер, глядя на меня.

— погоди, ты подумала, что я кончил в тебя? — он хлопнул глазами, и я, нахмурившись, отвела взгляд. Маркус подошел ко мне и привлек к своей груди. — Птичка, я не стал бы делать такое без твоего ведома, — он поцеловал меня в макушку, поглаживая по спине. — Забыл, что ты про них не знаешь, и не предупредил.

— Я даже не заметила, когда ты его надел, — пробурчала ему в грудь недовольным тоном.

— У меня большая практика, — усмехнулся мужчина. — Извини, что в этот раз оставил тебя голодной, обещаю, как доберемся домой, я исправлю свой промах, — он отошел от меня и, подмигнув, подобрал с земли сумку. — Тебе помочь с твоим мешком? — спросил он, указывая на мой рюкзак, который полгода назад принадлежал ему.

— Я справлюсь, — суетливо подхватила свою ношу и водрузила ее на плечи. — А домой — это куда? — уточнила я, следуя за мужчиной в лес вдоль шумного горного потока, от которого веяло приятной прохладой.

— В Таврас, — усмехнулся Маркус, глянув на меня из-за плеча. — Я ведь приглашал тебя в гости, помнишь?

Я неожиданно для себя напряглась и уставилась на носки ботинок.

— Это так обязательно? — переспросила я.

— Ох, Никки, не говори мне, что ты до сих пор считаешь, будто я веду тебя туда только, чтобы посадить в тюрьму, — засмеялся Маркус. Его звонкий смех навевал столько хороших воспоминаний, что я невольно опять улыбнулась ему. — Я столько повидал, что меня самого впору за решетку бросить за мои свершения за последние полгода. Одна ты чего стоишь, — он подождал, пока я поравняюсь с ним и, неожиданно для меня, обхватил за талию, привлекая к себе и крепко целуя.

— Но туда идти очень и очень долго, — с трудом перевела дух от его головокружительного поцелуя.

— Идти — да, но у меня припасен козырь, с помощью которого мы попадем туда намного быстрее, — пообещал Маркус. — Кстати, как тебя теперь зовут? — поинтересовался он.

— Марси, — мгновенно выпалила я, почему-то с легкостью вспомнив свое новое имя.

— У Фредерика ужасный вкус, — засмеялся мужчина в ответ.

— Пожалуй, да, если еще вспомнить имя Мирабэлль...

— При чем тут она? — резко спросил Маркус.

— О, она его дочь.

— Что?!

— Да, я сама удивилась, — захихикала, глядя на недоумение Маркуса. — Она пришла проведать отца, и я ее тут же заложила. Оттуда-то и взялся твой чип, она его принесла.

— Вот как, — кивнул мужчина. — Спасибо, что выступила против нее.

— Я испугалась уже потом, — небрежно махнула рукой. — Надеюсь, она не прихлопнет меня, когда наши пути вновь пересекутся, Фредерик как-то наказал ее, и она была очень этим недовольна.

Мы дошли до поляны, граничащей с краем Бездны. В это время года она была покрыта густой зеленой травой и яркими дикими цветами, над которой кружились разноцветные бабочки и насекомые. К моему удивлению, Маркус свернул с нашего пути и пошел к краю. Дойдя до него, он скинул с плеч мешок и сел, свесив ноги вниз. Я изумленно подошла к нему и, последовав его примеру, села рядом. Слепящее солнце висело прямо перед нами, собираясь скатиться в Бездну на ночь. Где-то неподалеку мелодично пела птичка, чьему голосу вторил серьезный бас пчел и шершней.

Глядя перед собой, Маркус осторожно взял меня за ладонь и переплел наши пальцы. Я тихо затрепетала про себя от восторга из-за этого жеста, но боялась нарушать тишину и течение мыслей мужчины. Он медленно откинулся назад и лег в высокую траву, которая почти скрыла его из вида. Я улыбнулась, глядя, как он смотрит в бесконечное голубое небо, и легла ему на грудь, прижавшись к ней ухом. Сердце отбивало уверенный ритм, баюкающий меня своим спокойствием. Вскинула глаза на Маркуса, любясь его непривычным для меня видом. Потянулась к нему и медленно пропустила через пальцы его пряди, удивляясь тому, какие они, оказывается, были мягкие.

— А где же твои косы? И татуировки?

— Странный у магигов мир, — ответил Маркус. — Я думал, что технологии решили вопрос раз и навсегда, но стоило мне побывать на вашей стороне дольше недели, как я с удивлением обнаружил, что у меня вновь начали расти волосы. Их не было пять лет! И результат мне гарантировали пожизненный!

— Это все магия, — захихикала я. — Даже на тебя она воздействовала по-своему.

— Наверно... Когда я увидел, во что превращаюсь, мне пришлось зайти в ближайшую парикмахерскую и полностью сменить стиль. Зато я лучше сливался с толпой, — обреченно вздохнул мужчина, видимо, скучая по своему старому уникальному образу.

— А что это за серьги? — продолжила я допрос, проводя пальцем по уху Маркуса и касаясь золотого металла с тонкими мелкими надписями.

— Я ведь не могу пользоваться магией, — отметил мужчина. — Это слабое подобие ваших татуировок. Магикам они усиливают умения, а мне просто дали возможность выполнять какие-то минимальные действия. Хотя эти ваши потоки я так и не почувствовал.

— Не дано, значит, — ответила я, начав задумчиво выписывать у него на груди круги пальцем.

— Ты оказалась права.

— В чем именно? — я подняла голову, глядя, как янтарные глаза Маркуса смотрят на меня в ответ.

— Бездна не так уж и страшна, даже вблизи. Странно, что я этого раньше не понимал.

— Тебе просто нужно было проникнуться нашей жизнью и, как ты это говорил, идеологией?

Маркус тихо засмеялся.

— Возможно, возможно. Но нам пора идти. Солнце садится, надо успеть добраться до замка засветло.

Я нехотя слезла с Маркуса. Собрав пожитки, мы быстрым шагом отправились в ущелье, заросшее позеленевшим кустарником. Нам повезло достичь замка без приключений, когда закатное солнце еще освещало его руины. Войдя в ворота, Маркус остановился и скривился, приложив ладонь ко лбу.

— Я как-то странно себя чувствую...

— Что значит — странно? — я восторженно вздохнула, вновь ощущая мощные потоки магии, струящиеся через останки строений. — Здесь восхитительно!

— Нет, здесь... что-то не так... Что-то тяжелое довлеет надо мной, давит, как могильная плита... — Маркус сделал несколько шагов, но вновь остановился. Его гримаса боли на лице меня обеспокоила. В голове мелькнула нехорошая догадка, и я подошла к Маркусу, отнимая его ладонь от лица.

— Дай я сниму тебе серьги.

— Зачем? Они нужны, — отшатнулся от меня мужчина. Его поведение было похоже на то, как ведут себя Пропашие при попытке взаимодействовать с магическими потоками. Похоже, серьги в замке начали работать слишком активно, и Маркусу от этого становилось плохо.

— Они тебе не нужны! — настаивала я, почти вешаясь на мужчину. — Здесь тебе будет только хуже с ними, дай их снять!

Маркус остановился, и я успела отщелкнуть все три застёжки с обратной стороны раковины и бережно вытащить тонкие гвоздики. Аккуратно сложила их в ладонь и с волнением заглянула Маркусу в лицо.

— Ну как? Полегче? Сейчас должно отпустить, надо немного подождать, пока магия полностью не покинет твое тело. Здесь ее просто слишком много...

Мужчина качнулся и открыл глаза. Он выглядел немного растерянным, но уже не таким измученным, как несколько мгновений назад.

— Что случилось? Мне показалось, что у меня резко началась очень тяжелая болезнь с лихорадкой.

Я неловко улыбнулась, возвращая ему серьги.

— Полагаю, родись ты в моем мире, был бы Пропашим...

— Ого... Значит, они так себя ощущают? — неуверенно произнес Маркус. — А что ж ты тогда не сбежала от меня на другую сторону замка, если я потенциальный Пропаший? — в его глазах блеснул лукавый огонек.

— Потому что это ты, — пожала плечами, отправляясь вглубь замка. — Так что будем делать дальше? Почему ты хотел именно сюда?

— Из-за магии, о которой ты мне рассказывала, конечно же, — ответил Маркус, идя за мной. В зале, где мы останавливались когда-то на ночлег, он снял с плеч сумку и начал в ней рыться. Из ее недр он извлек книгу, в которой я полгода делала перевод древнего текста.

— Откуда она у тебя? — изумилась я.

— Фредерик хотел отдать тебе, но ты так быстро сбежала, что забрать ее пришлось мне, — Маркус протянул мне томик.

— Но для чего она нам?

Мужчина достал следом небольшой мешочек и развязал его, показывая мне темно-зеленый порошок.

— Найди главу о том, как создавать порталы, и открой нам один до Тавраса. Для этого нужно лишь руководство, хороший магический поток и эта пыль. У тебя все получится, я уверен.

Я нервно рассмеялась в ответ на предложение Маркуса.

— Помнится, я вправду что-то переводила про порталы, соединяющие два территориальных участка, но это же какой уровень умений нужен для того, чтобы их создать! — открыла книгу и начала листать ее в надежде быстро найти нужный раздел. — Не понимаю, зачем Фредерик отдал ее мне, я думала, она ему нужна.

— Наверно, он решил передать эти знания дальше через тебя, — пожал плечами мой собеседник.

— Да, кто знает, что в его голове творится. Может там уже давно живут пауки и нашептывают ему всякие бредовые идеи, а он и не замечает, — пробормотала в ответ, находя нужную мне страницу. Тяжело вздохнула, читая требования для создания призыва. — Мне нужен порошок путешествий. Он состоит из каких-то неизвестных мне трав, минералов и магических компонентов, это он у тебя в мешочке?

— Да, именно.

— Я даже не буду спрашивать, как и где ты его достал, если у нас никто не пользуется порталами, — закатила глаза, осторожно забирая порошок.

Расчистив на битой плитке небольшое пространство, я насыпала смесь на пол, создав из нее вытянутый эллипс. Оставшийся порошок я набрала в руку.

— Так, теперь мне нужно представить место назначения, — провозгласила я. Постояв с минуту, я поняла, что не смогу выполнить это требование. — Я не знаю, как выглядит Таврас, — грустно произнесла, опустив сжатую в кулак ладонь. — Я там видела только тюремную камеру и твой кабинет. Но не думаю, что если я открою портал в одно из этих мест, то впоследствии смогу его покинуть... Да и они слишком далеко от магических потоков, моему portalу не от чего будет питаться.

— Ты совсем ничего не видела? — спросил Маркус, подходя ко мне. Его ладони легли на мои предплечья в утешающем жесте. Я покачала головой, уткнувшись лбом ему в грудь и чувствуя себя совершенно бесполезной. — А место, где мы встретились помнишь? Или дорогу до Тавраса?

Я немного встрепенулась. Перед глазами встал поворот, ведущий к городским стенам и большое дерево, к которому привалился раненный Маркус.

— Да, я знаю, куда я могла бы открыть портал. — Подойдя к насыпанному на полу овалу я нервно вздохнула и повернулась обратно к мужчине. — Подбери, пожалуйста, наши вещи. Книга утверждала, что порталы обычно очень быстро закрываются, нужно будет пройти сразу же, как я открою.

Маркус коротко кивнул и выполнил мою просьбу.

— Я пойду первый, — произнес он.

— С чего бы? А если я куда-то не туда открою портал? Мне нужно проверить, куда он будет вести.

— Тогда, если что-то пойдет не так, я останусь тут один и не буду даже знать, что с тобой произошло, а ты всегда сможешь открыть его повторно, настроившись на нужную тебе волну.

— Ладно, — нервно еще раз вздохнула, обращаясь к магии, окутывавшей руины замка. — Сейчас, сейчас я все сделаю.

Закрыв глаза, я направила магические потоки, мгновенно отозвавшиеся мне, в ладонь с зажатым в ней порошком. Мысленно представила себе во всех деталях требуемое мне место и, твердя про себя название нужного города, взмахнула рукой, рассыпая порошок полукругом перед собой. Сквозь сомкнутые веки увидела зеленый отблеск, неожиданно вспыхнувший, словно последний луч уходящего солнца, и распахнула глаза, чтобы увидеть, как Маркус смело шагнул в зеленое зеркало с поверхностью, подернутой рябью, ни секунды не сомневаясь в том, что я все сделала верно. Страх на мгновение ударил в голову, схватившись ледяной лапой за горло, но времени на размышления не было, и я шагнула за мужчиной следом.

Портал показался мне мягким, словно пушистое одеяло. Он оплел меня теплыми объятиями, пахнувшими свежей травой и весенним ветерком, и осторожно поставил на дорогу за многие и многие километры от замка, сразу же закрывшись за моей спиной. Я не успела толком рассмотреть погружающийся в вечернюю тьму лес, как по ушам ударили измученные звуки, словно кого-то нещадно рвало. Я подбежала к Маркусу, стоящему на коленях у обочины дороги рядом с нашими сумками.

— Что случилось? Что с тобой? — дрожащим от волнения голосом спросила его, но он осторожно отстранил меня от себя, видимо, не желая, чтобы я видела его в момент слабости.

— Погоди... — пробормотал он, истошно закашлявшись.

Я бросилась к своему мешку и начала рыться в нем в поисках фляги с водой. Надо было мне идти первой и проверить, все ли правильно сделала. Почему же Маркусу стало настолько плохо? Может, без татуировки нельзя было пользоваться порталом? Или я должна была надеть на него обратно серьги? Я совсем не подумала о том, как переход мог повлиять на него физически.

Наконец, выдернув откуда-то с самого дна сумки флягу, я вернулась к Маркусу, уже сидящему на земле. Он был настолько бледным, что я разглядела это даже в сумеречном полумраке. Дрожащими руками я свинтила крышку с горла и отдала мужчине воду. Он жадно припал к ней губами, осушив сразу же почти полностью, и размашисто вытер рот рукавом.

— Проклятье, второй раз я в портал ни за что не полезу... — произнес он, возвращая мне флягу.

— Что случилось? Я где-то ошиблась? — нервно поинтересовалась.

— Как ты можешь чувствовать себя нормально после этого? — воскликнул Маркус. — Меня словно наизнанку вывернули! А какая вонь там стояла, будто я прошел через мясную лавку, в которой мясо гнило не менее пары месяцев!

— Но... там вроде... травкой пахло... — проблеяла я, ошеломленная тем, насколько противоположные впечатления у нас сложились о портале.

— Какой еще травкой? — скривился мужчина, с трудом поднимаясь.

— ...свежескошенной...

— Надеюсь, мне больше никогда не придется так надолго оставаться на стороне мажиков, — зарекся Маркус, подбирая с земли обе наши сумки. Оглянувшись, он криво усмехнулся. — Нет, но перенесла ты нас неплохо, очень близко к Таврасу. Идем, — он пошел по дороге, и я засемила следом.

— А как я попаду в город? — осторожно спросила, боясь поднять на мужчину глаза. Вдруг все же это была ловушка, и мне не поздоровится, едва я дойду до городских ворот?

— Уже вечер, проскочим в пересмену стражи. Не волнуйся, никто тебя не заметит, я об

этом позабочусь, — он повернулся ко мне и ободряюще улыбнулся.

Когда над верхушками деревьев замаячила городская стена, Маркус остановился и вновь снял с плеч сумку, начав в ней рыться. Я послушно стояла рядом, прислушиваясь к робкой песне сверчка в кустах. Ночь уже опустилась на лес, и одинокая луна прищуренным глазом подглядывала за нами с небес.

— У меня кое-что для тебя есть, — наконец произнес Маркус, достав из сумки какой-то сверток. Дернув за веревочку, он развернул его во что-то очень длинное. — Иди сюда, — подманил меня мужчина. Мне на плечи и голову легла воздушная, почти не осязаемая ткань, скрыв мою фигуру и опустившись до самой земли.

— Это... плащ? — удивленно спросила я.

— Да, приподними голову, — ответил Маркус. Я почувствовала, как его пальцы мгновение повозились у меня под подбородком, напоследок одернув капюшон, и когда он убрал руки, я провела ладонью, нащупав две крупные резные пуговицы, соединенные петлей.

— Это мне? — осторожно спросила, не веря, что Маркус сделал мне такой подарок.

— Да, птичка, — я услышала улыбку в голосе мужчины. — Тебе нравится?

— Очень, — смущенно пробормотала, кутаясь в мягкую прохладную ткань. От плаща совсем немного веяло магией, и я была уверена, что эта материя будет согревать меня в холодное время года так же, как сейчас она меня остужала.

— Тогда пойдём? Нужно успеть, пока не сменилась стража. Не хочу, чтобы они зацепились за меня и начали разборки. Я позже улажу все свои дела, не сегодня, — произнес Маркус, увлекая меня дальше за собой по дороге.

Глава 27. В гостях как дома

Мы подходили все ближе к воротам Тавраса, и сердце в моей груди колотилось все быстрее. Полгода назад Маркус меня предал, без замешательства отдав страже. Если он поступит сейчас так же... Но у ворот никого не оказалось. Маркус воровато оглянулся и завел меня в город, заставив пробежать за собой дальше по улице.

— Вот и все, — тихо произнес он, когда мы свернули на очередную хорошо освещенную улицу.

Я осторожно приподняла край капюшона и оглянулась. На пустынной дороге было светло, как днем. У пятиэтажных домов с темными окнами двумя ровными рядами, словно солдаты на параде, выстроились фонари, соединенные сплетением проводов.

— А где все жители? — поинтересовалась я, идя за Маркусом.

— Комендантский час, — коротко ответил он. — Перед ним сменяется стража у ворот, и патрули выходят на улицы. Так что нам нужно поскорее добраться ко мне, и тогда уже болтать.

Я понимающе кивнула и склонила голову, на всякий случай пряча лицо в черном плаще. Хотя кого я обманывала: кто вспомнит о сиреневовласой девушке, которая провела один день в тюрьме полгода назад?

Маркус стремительно вел меня по дворам и закоулкам, крепко держа за ладонь. Я чувствовала себя так спокойно, когда он был рядом. Но о каком спокойствии я могла говорить для него? Теперь, когда я в городе, я была для него ежесекундной угрозой. Конечно, у технеров были популярны татуировки, так что моя не вызвала бы подозрений, но что если старый имплантер снова ошибся и я опять останусь без чипа? Мало того, что тогда будут проблемы у меня, я сломаю жизнь Маркусу. Я горько вздохнула, понимая, что пробуду с ним еще совсем недолго, но решила для себя, что возьму от этих нескольких дней все, что могла, чтобы потом без сожаления уйти и позволить Маркусу жить его жизнью, не скованной постоянным страхом быть раскрытыми.

— Мы пришли, — наконец, произнес мой спутник, подходя к одной из пятиэтажек. На вид она была совершенно такой же, как и все остальные, формирующие большой круглый двор, заставленный механическим транспортом. Поднявшись на четвертый этаж, Маркус подвел меня к обычной металлической серой двери. — Что ж, проверим, не обманул ли меня Фредерик, — произнес мужчина и поднес запястье к небольшому экрану у дверной ручки. Тот мгновенно вспыхнул приветливым зеленым светом, и дверь тихо щелкнула, приотворяясь. Маркус радостно хмыкнул и открыл ее, впуская меня в темную тишину. — Безмянные, ну и запах! — раздался за моей спиной сдавленный голос мужчины. — Долго же меня здесь не было! — его шаги прошли мимо меня и устремились куда-то вглубь квартиры.

— Да тут всего-то немного пылью пахнет, — прокомментировала я, надеясь немного успокоить владельца заброшенного жилья.

— Нет, здесь совершенно нечем дышать! — возмутился Маркус.

Внезапно под потолком вспыхнул яркий свет, и я недовольно прикрыла ладонью глаза, чтобы они хоть немного привыкли после мрака. Хозяин квартиры вовсю ходил по своим владениям с каким-то пультом в руках.

Я осторожно поставила свою сумку в прихожей у полки, под которой ютились две пары мужских запыхавшихся ботинок и сняла с себя плащ, повесив его на вешалку. Напоследок рассмотрела две красивые декоративные пуговицы золотого цвета. Они контрастно выделялись на черной ткани, и я провела по ним пальцем, любуясь узорами.

— Проходи, я почти прибрался, — раздался из квартиры голос Маркуса, и я прошла по коридору вперед.

— Ого, да у тебя огромное жилище! — восхищенно выдохнула я.

Передо мной предстала двухэтажная квартира. В зале, заканчивающемся огромным многостворчатым окном во все два этажа, в котором в шахматном порядке уже были открыты стекла, стоял большой диван. Сбоку справа у стены поднималась лестница, под которой скромно ютилась одна дверь. В стене напротив была еще одна. На втором этаже у проходов в форме буквы "П" было еще по две двери.

— Это... от родителей досталась, — ответил Маркус. Он подобрал со стола у дивана какое-то очередное плоское устройство и воткнул провод от него куда-то в пол рядом, оставшись стоять, чтобы видеть меня. Я неловко потерла предплечье и прошла вглубь квартиры, оглядываясь по сторонам. На полу лежало деревянное покрытие. На стене слева красовалась огромная горизонтальная абстрактная картина яркой расцветки.

— Ты жил здесь с сестрой? — осторожно спросила я, присев на подлокотник дивана.

— Да, — коротко ответил Маркус. По его каменному выражению на лице я не смогла разобрать, не обидела ли я его расспросами, но мне хотелось узнать его получше. — Ты голодная? — спросил он, не дав мне продолжить допрос.

— Нет, я только очень устала, — честно ответила и неожиданно для себя зевнула.

— Тогда закажу доставку на завтра, — подвел для себя итоги Маркус, кладя свое устройство на стол. Он подошел ко мне и сел на диван рядом, по-хозяйски обхватив за талию. — Ну что ж, мы можем сейчас сэкономить время и пойти мыться в разные ванны, а можем сэкономить воду и отправиться в одну, — он подпер голову рукой, скрывая улыбку.

— Мы в обоих случаях потратим много времени, — захихикала я.

— Тогда я выберу тот вариант, который будет приятнее, — ответил мужчина, поднимаясь. Он подхватил меня на руки, заставив залиться счастливым смехом, и прокружился по широкому холлу. — Вот та дверь под лестницей, — от развернул меня в нужном направлении, — ведет в главную ванную комнату. Напротив, — он снова развернулся, — кухня. На втором этаже над лестницей моя комната и моя ванная. А напротив... — Маркус на мгновение осекся и перестал кружиться, послав тяжелый взгляд на две закрытые двери, соседствующие напротив его спальни.

— Твоих родных? — закончила я за него.

— Да...

Я прижалась к нему крепче, щекой к щеке, и погладила по голове, пропуская пряди сквозь пальцы, надеясь отвлечь от воспоминаний. Эта квартира приносила ему слишком много плохих мыслей, и он даже не понимал этого, продолжая жить здесь, и каждый день, открывая дверь, погружаясь в собственные страдания.

— Ты сбреешь эту бороду? — задала я глупый вопрос, чтобы отвлечь его и потерла ладонью лохматую щетину.

— Зачем? — Маркус с любопытством повернулся ко мне.

— У тебя в ней седые волосы, — недовольно пробурчала я. — Сразу видно, что ты меня старше. А она и так визуально прибавляет тебе возраст. В конце концов, она мне не

нравится!

— Так бы сразу и сказала, а не вещала мне про седину и прочую выдуманную ерунду, — произнес мужчина, направляясь в ванную комнату под лестницей.

— Это не выдумка! — возмутилась я. — Ты что, не видел, что у тебя и на висках седина появилась? — я прикоснулась к небольшой пряди у его уха, в которой затерялись первые белые волоски.

— Нет у меня никакой седины, — заворчал Маркус, открывая дверь и ставя меня на пол.

— А вот и есть, — настаивала я, понимая, что наступаю на его обожаемую мозоль самолюбования. Я вскользь осмотрела большую комнату, сплошь выложенную кремовой плиткой со светлыми разводами, напоминающими мрамор.

— Вы только посмотрите, какая она внимательная! — произнес Маркус с наигранным возмущением, начав расстегивать рубашу. — Может, мне завязать тебе глаза? — Он дернул полы одежды, обнажая грудь, и притянул меня к себе. Я жадно скользнула по его торсу взглядом.

— Не надо, как я тогда буду тобой любоваться? — я проехала глазами ниже и с удивлением остановилась на черной дорожке, ведущей ниже за пояс штанов. — А это еще что такое? — я провела ладонью по мягким кудрям.

— Ничего, — невозмутимо ответил мужчина, ловя меня за запястье.

— Нет, их раньше не было, я точно помню! — Второй рукой я успела потянуть за завязку на штанах Маркуса и наспех дернула ткань вниз, обнажая низ его живота. — Дика-а-арь! — завопила я со смехом, увидев, что Маркус зарос по всему телу, не только на голове. Мужчина с недовольным видом поймал и вторую мою ладонь и поднял их, заведя себе за затылок, из-за чего мне пришлось встать на носочки, после чего крепко сжал мои запястья одной рукой.

— Давай-ка теперь я проверю, не связался ли сам с дикаркой, которая полгода прожила в глухом лесу? — прорычал он, нахально запуская ладонь мне в штаны, которые и без того свободно на мне болтались. Я тихо пискнула, пытаюсь сжать ноги больше для видимости, чем действительно сопротивляясь Маркусу. — Да, так и есть, я, похоже, поймал маленького нахального магика, — продолжил Маркус, проводя ладонью по низу моего живота. — И как такое могло произойти, ума не приложу.

— Отпусти меня — захихикала я, барахтаясь в его руках, не имея возможности хоть немного отстраниться от его груди.

— Только если пообещаешь сейчас раздеться и, в конце концов, влезть в душ, — ответил мужчина.

— Хорошо, хорошо, сейчас все сделаю!

Он отпустил меня с похотливой усмешкой и сам продолжил раздеваться.

— Кинь вещи в стиралку, — он указал на большой белоснежный короб с дверцей в углу комнаты возле широкой прямоугольной раковины, лежащей на тумбе из темного дерева.

Я выполнила требование Маркуса и подошла к нему, пряча глаза в пол.

— Ты до сих пор стесняешься меня? — хмыкнул он. — Сколькое мы прошли вместе? — он поднял мой подбородок одним пальцем, и я взглянула в его светлые лучистые глаза. — И после этого ты просто не можешь посмотреть на меня без одежды?

— Я к такому не привыкла, — огрызнулась я. — Думаешь, передо мной всю жизнь голые мужики шастали?

— Рычишь, как всегда, — засмеялся Маркус в ответ. — А щечки-то краснеют, выдают

тебя.

Он открыл раздвижную темно-серую матовую дверь душевой кабины и сделал приглашающий жест. Едва я переступила через низкий поддон, как ощутила звонкий шлепок по попе.

— Эй! — возмущенно воскликнула, потирая ушибленную филейную часть.

— Что случилось? — невинно переспросил Маркус, присоединяясь ко мне. Его душевая кабина была довольно-таки большой, прямоугольной формы, и нам вдвоем места было более, чем достаточно. Да в ней можно было поместиться даже четверым сразу!

— Не надо меня так неожиданно хлопать, — буркнула, рассматривая широкую спину Маркуса, отвернувшегося от меня к какой-то панели на стене. Через мгновение с потолка кабины ровным дождем полилась горячая вода. — Как здорово, — блаженно улыбнулась, подставляя ей лицо.

— М-м-м, какая улыбка, — потянул Маркус, прижимая меня к своей груди. — Я бы попробовал ее на вкус.

Наклонившись, он прижался ко мне губами в поцелуе, обезоруживающим и обездвиживающим лучше любых пуг. Голова закружилась, словно легкая пушинка, подхваченная игривым ветерком. По телу разлилось приятное тепло, пробуждающее мое желание. Маркус на мгновение остановился и потянулся к небольшой полке, где стояли разноцветные бутылки и банки.

— Помнишь, я говорил тебе, что заниматься сексом в душе очень удобно?

— Может быть, — я игриво улыбнулась, рассматривая маленький темно-синий квадрат в руках мужчины. — Это и есть та вещица? — поинтересовалась я.

— Да, — Маркус улыбнулся уголком рта. Закусив край пакетика, он легко разорвал его зубами, чем вызвал у меня подсознательный восторг и волнение. Достав оттуда прозрачный кружок, он легко раскатал его вдоль напряженного члена, от одного вида которого во рту пересохло и задрожали коленки от предвкушения. Маркус сделал шаг ко мне и подхватил мою левую ногу, ставя ее на бортик кабины.

— Держись за поручень, — тихо произнес он, кладя мою руку на длинную металлическую штангу, тянущуюся по стене вдоль всей кабины. Он привлек меня к себе ближе и, немного присев, легко вошел, заполнив терзающую меня пустоту, дразня глодающее желание. Я тихо застонала, задрожав от восторга и сладкой судороги, что свела низ моего живота. — Соскучилась, птичка? — хрипло прошептал на ухо Маркус, сжимая одной рукой мою талию, и тоже берясь за поручень.

— Да-а-а, — восторженно выдохнула, двигаясь ему навстречу, мгновенно улавливая его ритм.

— Признайся, ты баловалась с собой, пока меня не было? Думала обо мне, вспоминала, как я тебя трахал? — тягучий толчок внутри мгновенно освежил мою память.

— Не скажу, — сдавленно ответила, обнимая Маркуса, прижимаясь грудью к его горячей груди. По коже стекали капли воды, щекоча и пробуждая мою чувственность. Внезапно Маркус ощутимо хлопнул меня по заднице, тут же прижав ладонью к бедрам и толкнувшись так глубоко, что у меня перехватило дыхание.

— Я задаю вопросы, ты отвечаешь, — прорычал он мне на ухо, неожиданно укусив за мочку, не сильно, но достаточно чувствительно, чтобы по телу пробежали мурашки. — Ты вспоминала обо мне по ночам?

— Да, вспоминала, я каждую минуту думала о тебе, — горячо прошептала я, бросая

поручень и сжимая пальцами широкие предплечья Маркуса. Он обхватил меня в ответ, приподнимая на носочки, насаживая на свой член, словно маленькую игрушку, принадлежащую только ему, которой мог распоряжаться только он.

— Как я хотел это услышать, — произнес Маркус. — Я тоже скучал по тебе, малышка, — он глухо зарычал, и я отозвалась стоном ему в унисон.

В этой позе я ощущала все не так, как обычно. Я прижималась лоном к члену Маркуса, и в какой-то момент поняла, что мне не нужна его помощь для достижения пика. Неожиданно волна накрыла меня сама, и я с громким судорожным стоном задрожала, сжимаясь вокруг него, оперевшись лбом ему в грудь. Я почувствовала, как он бережно держит меня, уже практически навесу, и только когда я успокоилась, то ощутила внутри знакомую пульсацию, и как он вбивается в меня даже глубже, чем обычно, после чего Маркус взорвался сам, крепко стиснув в объятиях. Он выскользнул из меня, и я истощенно привалилась к мокрой стене, придерживаясь за поручень. Маркус на минуту вышел из кабины, оставив меня одну, и вернулся, когда я почти пришла в себя. Он вновь обнял меня, отрывая от стены и, наклонившись, долго и сладко поцеловал в губы.

— Молодец, ты справилась в этот раз сама, — улыбнулся он, отпуская меня. Я смущенно угукнула. Мужчина протянул руку мне за спину и взял с полки желтую бутылку. — Можешь мыться вот этим, — произнес он, давая мне ее в руки.

— Я бы еще... хотела помыть голову, — неловко произнесла я, намекая, что предпочла бы сделать это в одиночестве. Маркус громко рассмеялся на это.

— Обычно женщины смущаются при мне раздеваться, а ты — распускать волосы. Никак к этому не привыкну.

— И что, много женщин ты раздевал здесь перед таким душем? — зарычала я, внезапно ощутив в груди жгучую ревность.

— Ни одну, — посерьезнев, ответил Маркус. — Я никогда не приводил женщин в этот дом. — Я удивленно хлопнула на него глазами, и он неожиданно вновь открыл дверь, покидая кабину. — Пойду тогда приведу себя в порядок в ванной наверху. — Он на секунду вернулся, дав мне приземистую баночку. — Это превратит тебя из дикаря в цивилизованного человека, — Маркус напоследок дернул меня за пушок внизу живота, заставив возмущенно взвизгнуть, и ушел из комнаты.

Я показала ему вслед язык, хоть он этого и не увидел, и принялась смывать с себя дорожную пыль. Полгода мне приходилось мыться в горной реке, я дважды простужалась из-за этого. И тут, наконец, была горячая вода, сколько мне хотелось, и душистый гель, едва пахнувший чем-то пряным. Я осторожно расплела косу и убрала ленту, которая ее сдерживала, на пол комнаты, чтобы окончательно не намочить. С удовольствием дважды укутала себя с ног до головы пеной, наслаждаясь каждым мгновением очищения. Закончив мыться и, все же, убрав с тела волосы, как любил Маркус, я напоследок обнюхала и перечитала все баночки и бутылки, что стояли у него на полке. Многие, как мне показалось, выполняли одни и те же функции по уходу за волосами и кожей, но все же их и вправду оказалось больше, чем у меня. Я громко фыркнула на эту артиллерию и, наобум потыкав в табло на стене, выключила воду.

Выйдя из душевой кабины, я сразу увидела белоснежное полотенце, услужливо ожидающее меня на тумбе. Также я обнаружила и странную широкую расческу со множеством щетинок и толстой ручкой. Вытеревшись и подсушив волосы полотенцем, я начала их расчесывать, как предмет в моей руке тихо пикнул, и я обратила внимание, что с

обратной стороны у него тоже было табло, предлагающее мне заодно высушить и волосы. Я согласно нажала на картинку, и через несколько минут тщательного расчесывания и вправду получила абсолютно сухую сиреневую копну, что не могло меня не порадовать.

Я тряхнула волосами с крупными волнами, глядя на себя в небольшое зеркало, которое показывало меня лишь по грудь, и задумалась. А что я, вправду, прячу от Маркуса? Он показал мне свою привязанность, доказал, что ему действительно можно доверять. А я, в его глазах, поступала совершенно глупо, пряча всего лишь волосы.

Я подняла с пола свою ленту и аккуратно намотала ее на запястье, подобно браслету, завязав бантом. Поправила волосы, отмечая, что они успели дорасти уже до самых бедер. Немного подумав, я перекинула две симметричные пряди вперед, и они скрыли мою грудь, как и меня саму, вероятно, но ростового зеркала у меня не было, чтобы это увидеть. Взясась за дверную ручку, напоследок пару раз глубоко вдохнув, успокаивая себя, и вышла в гостиную.

Маркус сразу же поднялся с дивана, услышав дверной щелчок. За то время, что я возилась в душе, он успел побриться, вернув себе молодежавый привлекательный вид. Влажные волосы были зачесаны назад, что делало его одновременно немного строгим и более, чем уверенным в себе красивым мужчиной. На нем были только серые штаны свободного кроя, по-видимому, домашние. Я закрыла дверь и смущенно сцепила перед собой руки, уставившись в пол.

Маркус не спеша подошел ко мне, но я словно оцепенела, и не могла заставить себя даже взглянуть на него. Его ладонь коснулась моей макушки, отчего я невольно вздрогнула. Он мягко скользнул ею ниже по моим волосам. Я переступила с ноги на ногу, боясь услышать вердикт Маркуса. Он взял меня за ладони.

— Не видел ничего красивее, — тихо произнес он. Я вскинула на него глаза, не веря услышанному. — Ты самая прекрасная девушка на этой и той стороне, — с улыбкой добавил Маркус, и осторожно поцеловал меня, словно скрепляя свои слова печатью, подтверждающей, что они правда.

— Спасибо, — смущенно пролепетала, не привыкшая к подобным комплиментам.

— Никки, за правду не благодарят. — Его ладонь погладила меня по спине. От непривычного ощущения, что кто-то касается моих распущенных волос, по коже пробежали приятные мурашки. — Ох, Безымянные, я только что занимался с тобой сексом, но снова хочу тебя, — внезапные развратные нотки в голосе Маркуса заставили меня покраснеть. — Ты невероятно соблазнительная.

— И невероятно уставшая, — буркнула себе под нос, надеясь, что меня не ожидало повторное родео. Маркус хмыкнул мне в ответ.

— Конечно, день был насыщенным, мы много ходили, тебе пришлось открывать портал. А теперь час поздний, маленьким девочкам пора спать, — он залился смехом, глядя, как я собираюсь на него ругаться, и подхватил меня на руки до того, как я успела что-либо сказать.

— Я могу сама дойти! — взвизгнула, обхватывая его за шею. Тяжелые волосы перекинулись через его руку, и я неуклюже попыталась хоть как-то их прижать к себе, чтобы не обмести все перила лестницы.

— Нет, я хочу отнести тебя в свою спальню, — проворковал мужчина, даря мне очередной долгий головокружительный поцелуй.

Маркус боком прошел в дверь, и я почувствовала, как меня бережно укладывают на

мягкую кровать. Я сразу же юркнула под одеяло, прячась от мужчины, и глупо захихикала. В комнате веяло непривычной для лета прохладой.

— А почему здесь холодно? — поинтересовалась я, открыто наблюдая за тем, как Маркус снимает с себя штаны. Волос внизу живота у него уже не оказалось.

— Кондиционирование, — ответил мужчина так, словно я поняла бы, что он имел в виду. — Охлаждение воздуха. — Он подошел к кровати, и я залезла под одеяло с головой, словно оно могло меня вправду спрятать. — Мне нравится, как ты смотришься на моей кровати, — ухмыльнулся Маркус, — но оставим развлечения уже на завтра.

— погоди, я переплету волосы, — я села на кровати и начала наспех делать косу. — С распущенными ночью очень неудобно.

— Они вправду умопомрачительно прекрасны, — Маркус сел на край кровати рядом, наблюдая, как я справляюсь с прической. Я развязала ленту на запястье и закрутила вокруг кончика косы. — Я куплю тебе самые красивые ленты, чтобы ты могла вплетать их в свои косы, — прошептал Маркус, проводя ладонью по моим заплетенным волосам. — А еще платья, выше колена и обязательно с глубоким вырезом, тебе пойдет, — уже громко произнес он, начиная укладываться рядом со мной. — Негоже такой красавице шастать в брюках и рубашках, подобно мужчине.

— Я сама решу, что мне носить!

— Выключить, — внезапно произнес Маркус, и комната погрузилась в темноту. — Разве тебе не хочется нравиться мне еще больше? — я почувствовала руки, которые сгребали меня в охапку, подминая под горячее тело.

— Я разберусь, каким именно способом мне тебе понравиться! — возмутилась напоследок, уютно сворачиваясь клубочком у Маркуса под боком.

— Как скажешь, — усмехнулся он. Я услышала, как он тихо потянул воздух носом, и улыбнулась.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, — проворковал мужской голос мне на ухо.

Глава 28. Принятое решение

Я с трудом проснулась, чувствуя себя слишком разбитой. По-видимому, я спала так долго, что теперь еще полдня пришлось бы приходить в себя. Маркус крепко прижимал меня к себе, тихо посапывая у за спиной, и я с трудом выбралась из-под его руки. Он недовольно поморщился и ухватился за подушку, на которой я спала, прижимая ее к себе вместо меня. Я улыбнулась, глядя на эту милую картину, и невольно поежилась от холода. Видимо, кондиционирование работало слишком активно, и после теплой постели я сразу же замерзла.

Я подошла к высокому шкафу-купе матового серого цвета и тихонько толкнула в сторону дверцу, надеясь найти себе какую-нибудь временную одежду, но к своему разочарованию обнаружила там только строгую официальную одежду. Наверно, ее Маркус надевал на работу. Неслышно обошла комнату и нашла его домашнюю одежду, аккуратно висящей на спинке стула. Под штанами, в которых я видела его вчера, лежала темно-зеленая футболка. Я не раздумывая надела ее, отмечая, что длины вполне хватало, чтобы я разгуливала в ней как в платье. По крайней мере, в пределах дома.

Бросив взгляд на Маркуса, обнимающего во сне подушку-обманку, я осторожно прошмыгнула в коридор и спустилась в зал. В квартире было даже слишком пусто. Звенящая тишина давила на уши, и я подошла к огромному окну, которое было плотно закрыто. Перед домом, как оказалось, росло огромное раскидистое дерево, полностью перекрывшее мне обзор на двор. Но, по крайней мере, я поняла, что время приближалось к вечеру. Мы опять проспали с Маркусом целый день, вымотавшиеся после тяжелого и нервного дня.

Мне очень захотелось пить, и я отправилась на кухню, надеясь попить водички и скоротать время, пока Маркус не проснется и не закажет обещанную мне еду. Кухня была, конечно, не такая большая, как у меня дома, но для квартиры достаточно просторная. Все шкафчики были выстроены вдоль одной стены, оставив свободное место для большого прямоугольного обеденного стола у противоположной. Я зачем-то представила, как Маркус каждый вечер после работы сидел здесь в полном одиночестве, за таким огромным столом, в этой оглушающей тишине, и почему-то мне стало не по себе. Чтобы отвлечься от этих мыслей, я все же начала шерстить по верхним шкафам в поисках чашки. С третьей попытки мне удалось обнаружить что-то совершенно невзрачное и черное, что все-таки являлось кружкой, и я набрала в нее воды прямо из-под крана, наконец с удовольствием напившись.

— А ты неплохо смотришься на моей кухне, — раздался голос за спиной, и я вздрогнула, едва не облившись.

— Не надейся, что я буду что-то на ней делать, — ехидно улыбнулась Маркусу, ставя чашку на столешницу и облачиваясь о нее. Я немного согнула одну ногу, ставя ее на носок, чем заставила футболку соблазнительно приподняться, почти обнажая то, что мужчина, судя по его взгляду, сейчас желал. Он подошел ко мне и, подхватив под попу, легко посадил на столешницу, встав между моих ног и прижимаясь к лону низом живота. Даже сквозь домашние штаны я почувствовала, как он меня хотел.

— А ты можешь ничего и не делать, — горячо ответил Маркус. — Я и сам неплохо здесь со всем справляюсь. — Его ладонь скользнула по моему бедру, поднимая футболку выше и ложась мне на талию. — Я люблю жарить, подливать масло в огонь, доводить до

кипения, — многообещающим тоном произнес он, прижимаясь губами к моим губам так, что я мгновенно потеряла самообладание и подалась ему навстречу, обвивая ногами за талию. Маркус тихо усмехнулся, отвечая на мой порыв.

— Я буду медленно пробовать тебя, по капле, как дорогое вино, наслаждаясь твоим вкусом, пока не утолю свою жажду полностью, — пообещал он, распалая мою фантазию.

Внезапно из коридора донесся звонкий перелив. Маркус оторвался от меня и разочарованно зарычал:

— Похоже, это доставка. Придется немного подождать.

— Хорошо, — прохихикала я вслед удаляющемуся мужчине.

Я посидела на столешнице, но довольно быстро замерзла, и слезла с нее. Подошла к окну, надеясь хоть здесь увидеть улицу, но полотно ветвей плотно скрывало ее от меня, и я со вздохом обернулась к кухне. В этот момент вернулся Маркус и взвалил на стол два объемных пакета.

— Готово, еда запасена, — со счастливым видом провозгласил он.

— Я все равно не буду ее готовить, — усмехнулась я.

— Тут все уже готовое, — с наигранной ноткой обиды ответил мужчина и рассмеялся. Он раскрыл объятия, и я подошла к нему, прижимаясь щекой к горячей груди. — Хочешь сначала поесть, или?.. — спросил он, поглаживая меня по спине.

— Даже не знаю, — кокетливо ответила, незаметно потираясь о него грудью.

— Тебе идет моя футболка, — низким голосом произнес Маркус, и я увидела, как темнеет его взгляд. — Так и хочется ее с тебя снять.

— А на самом-то не слишком много одежды? — я осторожно уперлась ногой ему в напряженный пах и мягко надавила, заставив Маркуса тихо зашипеть сквозь сжатые зубы.

— Смотрю, ты быстро учишься, — сдавленно произнес он.

В дверь вновь позвонили, и мужчина утомленно застонал, закатив глаза.

— Знаешь, у вас, магигов, жизнь была поспокойнее, — прокомментировал он, вновь с сожалением отпуская меня.

— А я тебе говорила, что магики лучше жалких технеров! — крикнула ему в спину, чем заработала гневный взгляд через плечо.

В его отсутствие я решила немного разобрать пакеты. Открыв тот, что был ближе ко мне, я сразу же обнаружила пластиковую коробочку с каким-то овощным салатом и решила, что этого мне будет вполне достаточно, чтобы ненадолго утолить голод. В одном из ящиков обнаружили столовые приборы, и я с удовольствием начала уплетать угощение.

Маркус не возвращался слишком долго и я, жуя салат, подошла к распахнутой кухонной двери.

— Неужели я не могу хоть на минуту зайти? Тебя полгода не было, я места себе не находил! — донесся до меня незнакомый мужской голос. Похоже, кто-то решил проведать Маркуса, и зашел весьма не вовремя.

— Давай не сейчас, я очень занят, Алекс.

В голове что-то словно щелкнуло. Алекс? Тот самый, о котором Маркус рассказывал мне когда-то ночью? Я смутно вспомнила его непристойные рассказы, и любопытство понесло меня поближе к двери. Сжимая в руках коробочку с едой, снедаемая любопытством, я осторожно выглянула из-за угла, надеясь увидеть того самого Алекса. И мне удалось его разглядеть. В коридоре, возле Маркуса, стоял невысокий парень, на полголовы ниже его, совершенно непримечательной внешности, с круглым лицом и коротким светлым ежиком

на голове. Едва я высунулась, как он тут же повернулся в мою сторону, словно ожидал, откуда я выгляну, и задорно усмехнулся.

— О-хо-хо, вижу я, кем ты занят. Уж не за этой ли красоткой ты охотился полгода? Это твоя футболка на ней? — Алекс засмеялся, и я мгновенно спряталась обратно на кухню, сгорая от стыда. — Эй, детка, куда же ты? Выходи, познакомимся!

— Алекс, нет! — осадил его Маркус.

— Что? Я всего лишь пытаюсь быть вежливым. Неужели не позволишь мне с ней познакомиться? Этот заказ — для нее? — гость снова засмеялся.

— Я все сказал, — жестко ответил ему Маркус. — Даже не думай.

— Как на тебя непохоже... Что ж, зайду попозже. Думаю, денька через два? Или три? Когда у тебя завод кончится? — Алекс захихикал, и Маркус пробормотал в его адрес что-то нелестное.

Входная дверь хлопнула, провозглашая, что посетитель ушел. Я метнулась подальше от входа на кухню, надеясь, что Маркус на меня не был зол за мою выходку, но стоило ему появиться в проеме, как я сжалась, видя, что я очень обманулась в своих ожиданиях.

— Кто тебя просил высовываться? — зло спросил меня мужчина, кладя на стол черный непрозрачный пакет небольшого размера.

— Тебя просто долго не было, — судорожно попыталась оправдаться, поглядывая на пакет. Интересно, что в нем? — Это был тот самый Алекс? — любопытствовала я.

— Да, — настороженно ответил Маркус.

— А почему он пришел? Не может быть, что он решил проведать тебя спустя полгода именно в тот момент, когда ты вернулся. Удивительное получилось бы совпадение.

Мужчина ласково мне улыбнулся и подошел, заключая в объятия. Он тихо закачался из стороны в сторону.

— Чего ты? — удивленно обняла его в ответ. Казалось, ему очень не хватает тактильного взаимодействия, он так и лип ко мне.

— Мне нравится, что ты неплохо соображаешь, — честно ответил Маркус. — Я заказал кое-то особенное для тебя. В сети магазинов, которой совладеет Алекс. Я бы и не подумал, что он заметит мой заказ и явится сам его доставлять.

— А что это? — заинтригованно спросила я.

— О, тебе точно должно понравиться, — не отпуская, Маркус увлек меня к столу, и достал из пакета какую-то плоскую полупрозрачную коробочку, вручив мне ее в руки.

— Что за... — пробормотала я, глядя на обложку, на которой красовалась пышногрудая блондинка, чье лицо изображало чистейший экстаз.

— Это секс-игрушка по твоим предпочтениям, — усмехнулся Маркус, разворачивая предмет другой стороной и показывая мне нечто телесного цвета, формой напоминающее бабочку.

— И тебе ее принес Алекс? — с ужасом переспросила я, чувствуя, что краснею, на что Маркус звонко засмеялся.

— Он уже длительное время мой партнер, его не удивить подобными вещами.

— Был партнер, — окрысилась я, начиная из любопытства раздирать упаковку.

— Конечно, птичка, был, — ласково произнес мужчина, поглаживая меня по голове. — Но хоть общаться-то с ним мне разрешишь? — он лукаво улыбнулся.

— Разрешу, если он не будет предлагать тебе... с другими... — буркнула я, наконец доставая непонятный мне предмет. — А как эта штука работает? — Два широких крыла,

чуть прилипающих к пальцам, но не оставляющих скользкого следа, были соединены по центру вытянутой металлической деталью.

— Сейчас покажу, — горячо произнес Маркус, доставая из упаковки еще один небольшой предмет, похожий на пульт, и забирая у меня игрушку.

Мужчина поднял меня на руки и усадил на обеденный стол, подвинув в сторону пакеты с едой.

— Здесь будет удобнее, — произнес он и потянул в стороны мои колени. Я смущенно улыбнулась, отводя взгляд. — Для того, чтобы надеть эту бабочку, твоя кожа должна быть влажной, — я удивленно вскинула глаза и увидела, как Маркус облизнулся, похоже, собираясь опуститься на колени.

— Ой, не надо, — пискнула я, вспомнив, что он умеет, и резко сдвинула ноги, зажав между ними свои ладони.

— Это еще что, ты вздумала мне сопротивляться? — рыкнул Маркус, легко справляясь со мной и поднимая футболку, обнажая низ моего живота. — Мне не нравится, когда ты так делаешь, — он внезапно хлопнул меня ладонью прямо по промежности, но вместо боли я вдруг ощутила, как резко прилила кровь к низу живота, и задохнулась от нахлынувшего возбуждения. — Не может быть, тебе это нравится? — хохотнул Маркус, становясь передо мной удобнее.

— Нет, мне не нравится, не надо... — пролепетала я, но меня оборвал на полуслове еще один шлепок, выбивший из меня воздух и желание говорить.

— Ах ты маленькая развратная шлюшка, — прищурившись, произнес Маркус, вновь аккуратно хлопая меня одними пальцами. Вслед за этим его ладонь проскользнула вдоль всего моего пульсирующего лона, и я почувствовала, как он распределяет влагу, выдающую мои настоящие ощущения. — Теперь, думаю, можно показать тебе, как работает игрушка.

Я почувствовала, как он прижал ко мне прохладную поверхность бабочки. Ее крылья плотно прильнули к лону, а центральная часть легла точно на клитор.

— И что дальше? — смущенно пробормотала я, осторожно сдвигая ноги. Материал совершенно не чувствовался на коже и не мешал мне двигаться.

— Теперь мне всего лишь нужно вот это, — с усмешкой ответил Маркус, показывая мне тот маленький пульт белого цвета, который тоже был в упаковке. Мужчина нажал на одну из кнопочек, и я тихо взвизгнула, почувствовав вибрацию между ног.

— Что это такое? — испуганно замерла, прислушиваясь к странному, но очень приятному ощущению.

— Я решил, что нет смысла отучать тебя от того, что ты любишь, и стоит наоборот это поощрить, — ответил Маркус, доставая из черного пакета коробку, в которой оказались презервативы. — Это вибро-игрушка с пультом дистанционного управления. Теперь твое удовольствие в моих руках в буквальном смысле, — он обворожительно улыбнулся и снова нажал что-то на пульте, то чего вибрация усилилась. Тело ответило ей горячей волной, и я почувствовала, что игрушка действовала на меня даже сильнее, чем я ожидала. — Надень это на меня, — Маркус протянул мне прозрачный кружок. Я нервно сглотнула, пытаюсь не отвлекаться на тихо гудящую вибрацию, и осторожно выполнила его требование. Маркус встал передо мной, и не спеша вошел, заставляя прочувствовать каждый сантиметр его раскаленной плоти, растягивающей меня. В комбинации с вибрацией, возбуждение хлынуло через край, и я невольно застонала, прижимаясь к Маркусу всем телом.

— Какой режим тебе больше нравится? — хрипло спросил он, и я ощутила, как

меняется ритм вибрации внизу живота. Каждый был лучше предыдущего, и от восторга я не могла выдать из себя ни звука, безмолвно задыхаясь в объятиях мужчины. — Пожалуй, оставлю этот, — выбрал за меня Маркус, остановившись на режиме, в котором непродолжительная вибрация сменялась таким же коротким перерывом. — Мне нравится этот ритм, — добавил мужчина, начав двигаться во мне.

— А-ах, — жадно простонала, обхватывая его ногами за талию.

— Да, птичка, пой громче, — прорычал он, двигаясь в ритме с игрушкой. Вибрация, внутрь-наружу, перерыв, внутрь-наружу. Я почувствовала, как с каждой вибрацией я все ближе и ближе подбираюсь к вершине, и поняла, что пик будет совершенно не таким, как раньше.

— Маркус... Маркус... — задыхаясь повторяла его имя, цепляясь за плечи, словно утопающий за соломинку. — Я... я сейчас...

— Давай, малышка, — подхватил он меня, сжимая в объятиях крепче, давая почувствовать, что он всегда рядом со мной.

Я вскрикнула от настоящего взрыва, сотрясшего меня всю, с головы и до кончиков внезапно онемевших пальцев. Забилась в руках своего возлюбленного, не в силах контролировать себя, и не видя ничего вокруг из-за разноцветных кругов, плывущих перед моими глазами. Краем уха я слышала сдавленный рык Маркуса, и ощутила его пульсацию внутри меня. Через мгновение игрушка выключилась, и Маркус крепко поцеловал меня. Я застонала, пытаюсь восстановить дыхание, и когда он оторвался от меня, произнесла дрожащим от восторга голосом:

— Еще-е-е...

Мужчина тихо засмеялся, отстраняясь, и я разочарованно заныла.

— Вижу, тебе понравилось. Дай мне немного времени отдохнуть, и мы обязательно повторим.

Он отошел от меня, выбрасывая мусор, и я потерла занемевшие дрожащие ладони. Захотела снять с себя игрушку, которая, как мне показалось, уже была не нужна, но Маркус, заметив мое намерение, остановил меня:

— Оставь пока. Она ведь тебе не мешает?

— Вроде нет, — тихо ответила я, осторожно спускаясь со стола и переползая на стул.

— На то она и рассчитана, — усмехнулся мужчина. — Ее можно легко спрятать под одеждой, она почти беззвучна. Я мог бы играть с тобой, когда мы пойдем на прогулку, и никто из прохожих не догадается, почему ты вздрагиваешь и краснеешь, — он голодно оскалился, и я смущенно отвела взгляд. — Будешь есть? — спросил он, как ни в чем не бывало начав распаковывать пакеты. — Салат, я погляжу, ты уже успела прикончить?

— Что первое попало на зуб, — недовольно проворчала, наблюдая за хозяином дома.

— Не волнуйся, это в любом случае нам. А если не хватит, закажу еще.

Маркус выбрал себе одну из коробочек и сел напротив меня. Он с такой жадностью начал поглощать еду, что я, не выдержав, присоединилась к нему.

Мы некоторое время ели молча, каждый занятый своими мыслями. Я поглядывала на Маркуса, размышляя над тем, сколько еще я смогла бы пробыть рядом с ним. Нам было хорошо вместе, бесспорно. Но я чувствовала ответственность за свое присутствие в его жизни. В то же время, я не могла просто так развернуться и уйти, оставив его одного. Тогда он снова оказался бы заперт в этой огромной квартире в абсолютном одиночестве, терзаемый своими призраками, к которым присоединилась бы и я...

— О чем ты задумалась? — спросил меня Маркус. — На тебе нет лица. Что-то не так?

— Я просто думала... не одиноко ли тебе в этой квартире?

— Почему мне должно быть одиноко? — напрягся мужчина.

— Здесь плохие воспоминания, — пожалала плечами, не зная, как правильнее донести свою мысль. — Они на тебя влияют. Мне достаточно было всего одного момента, чтобы увидеть это. Тебе здесь плохо.

— Мне здесь нормально, — холодным тоном ответил Маркус, подтверждая мои догадки. Похоже, он предпочитал жить среди этих самых призраков, терзаемый возможным чувством вины, если попытается от них освободиться.

— А когда ты своей сестре сообщишь, что вернулся? Тебя ведь не было целых полгода. Она, наверно, уже извелась от волнения.

Маркус медленно поднял на меня глаза, даже перестав жевать. В его золотом взгляде мелькнуло что-то нехорошее, и я поспешила вернуться к своей еде.

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? — он звучал абсолютно бесстрастно.

— Это ведь твоя сестра, родной человек, — пожалала плечами, ковыряясь вилкой в пластиковой коробочке. — Наверняка ты тоже по ней скучаешь. Не хочешь к ней зайти? Я могла бы пойти с тобой. Если ее муж так против общения с тобой, то, может, я могла бы попытаться подружиться с ней? — заискивающе предложила, надеясь, что длительная разлука вновь сблизит брата и сестру, и мне будет, на кого оставить Маркуса.

— Посмотрим, — напряженно ответил мужчина, возвращаясь к еде.

Я притихла, наблюдая за ним краем глаза. Есть больше не хотелось, и я осторожно отодвинула от себя коробочку. Мне было совершенно непонятно, как один человек мог настолько повлиять на другого, что тот перестал общаться с единственным членом семьи. Может, с моей поддержкой у них получилось бы вновь сойтись и восстановить утерянные узы.

Маркус сидел темнее тучи. Я была более чем уверена, что вся эта ситуация с его семьей и его квартирой на него давила, хоть он и не хотел этого замечать. Но мне-то со стороны было видно. Мне захотелось его немного развеселить, хотя бы сейчас, пока мы вдвоем. Пока я есть рядом.

— Ты говорил, что хотел бы видеть на мне платья? — обратила на себя внимание Маркуса. Когда он поднял голову, я взялась за ворот футболки. — Как думаешь, какой вырез мне бы подошел? Такой? — я немного оттянула ткань вниз, обнажая лишь ключицы. — Или вот такой? — растянула ее сильнее и незаметно сжала руки, выставляя перед Маркусом впадинку между моих грудей.

Мужчина медленно отложил от себя вилку и не спеша скользнул большим пальцем по своей нижней губе.

— Что ж, — рассудительным тоном произнес он, поднимаясь со своего места. — Визуально я, конечно же, предпочел бы второй вариант. — Маркус подошел ко мне, и я вскинула на него голову, улыбаясь своей выходке. — Только, боюсь, что кроме меня он понравился бы и прочему мужскому населению. А ты, если помнишь, только моя.

Маркус неожиданно подхватил меня на руки, и понес прочь из кухни. Я залилась счастливым смехом, обхватив его за шею.

— Куда ты опять меня тащишь? — поинтересовалась я уже в зале.

— У меня в квартире очень много поверхностей, и так мало из них мы успели использовать! — провозгласил он, поднимаясь по лестнице. — Но главная из них, которая

до сих пор обделена нашим вниманием — это, конечно же, моя кровать.

— Ты уже отдохнул? — любопытствовала я, пока меня заносили в комнату. Маркус с размаху бросил меня на кровать, и я подпрыгнула на ней, как на батуте.

— Еще бы! — заверил мужчина, стягивая с себя штаны. Следом за ними он снял с меня футболку и отбросил ее в сторону.

— Что будем делать? — любопытствовала я, перекатываясь на живот и начав кокетливо покачивать ногами.

— Чего бы ты хотела? — спросил у меня Маркус. В его глазах зажглось мечтательное пламя, мгновенно передавшееся мне, когда он скользнул взглядом по изгибам моего тела. — Ты невероятно красива, — тихо произнес он, и его ладонь повторила движение его глаз, вызвав у меня мурашки.

— Может, я сделаю то, что захочешь ты? — предложила я, поворачиваясь за его ладонью, чтобы ухватить еще немного ласки.

— Есть кое-что чего я бы хотел, — низким голосом ответил Маркус, садясь на краю кровати. — Хочу увидеть тебя перед собой на коленях.

Я с готовностью соскользнула с прохладных белых простыней и опустилась перед ним на мягкий круглый ковер серого цвета, на котором стояла кровать. Мужчина прошелся по мне властным взглядом, от которого по телу пробежала взволнованная дрожь.

— Хорошая малышка. Послушная, — произнес он, кладя ладонь мне на макушку, и я приподнялась на коленях, потираясь об нее, словно влюбленная кошка. — Теперь я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделала.

— Что? — с готовностью промурлыкала, согласная на что угодно.

— Помнишь, я говорил тебе, что удовольствие можно доставлять губами? И показывал, как это делается? — произнес он, скользя большим пальцем по моим губам. Я возбужденно выдохнула, глядя ему в глаза снизу-вверх. — Ты прекрасно смотришься, — он криво улыбнулся, и я невольно отвела взгляд.

— Как мне это сделать? — спросила, стараясь не глядеть на его напряженное достоинство, ожидающее моей ласки.

— А как это делал я? — усмехнулся Маркус. — Для начала, приблизься ко мне и прикоснись к нему.

Я послушно пересела к Маркусу, оказавшись между его раздвинутых ног. Нервно сглотнув, крепко обхватила ладонью его член, помня, как он просил это делать, и несколько раз провела ею вверх-вниз.

— Нет, погоди, — выдохнул Маркус, ловя мою ладонь. — Так ты меня просто доведешь руками, это не то, чего я хочу.

Я кивнула, собираясь с духом. Если он может так, то и я смогу. Тем более мне было интересно, как это делается. Я осторожно приблизилась и провела языком вдоль всего ствола, надеясь, что все делаю правильно. Маркус удовлетворенно замычал, поглаживая меня по голове.

— Хорошо, теперь обхвати его губами, — произнес он, прикрывая глаза и откидывая голову.

Я облизнулась и выполнила его просьбу. Почувствовала на языке солоноватый привкус, непривычный, но не отталкивающий. Медленно вобрала его в рот поглубже, помогая себе рукой, и выпустила, вскинув голову.

— Правильно? — спросила, чувствуя, как внезапно ладонь Маркуса на мгновение сжала

волосы у меня на затылке, сразу же их отпустив.

— Ты не должна останавливаться — прорычал он, мягко давя на затылок в требуемую ему сторону.

— Хорошо, — кивнула я и послушно вернулась к своему занятию.

Оно не вызвало у меня особого восторга. Из-за крупного размера Маркуса, челюсть быстро начала уставать, к тому же, он инстинктивно давил мне на затылок, видимо, пытаясь заставить меня взять его глубже, что мне не удавалось.

— Держи темп, — рыкнул Маркус, в конце-концов сгребая-таки мои волосы в кулак. — Мужчине главное — ритм, а ты постоянно сбиваешься!

Я расстроено попыталась отстраниться, желая закончить свою неумелую попытку доставить Маркусу удовольствие, но он остановил меня.

— Давай я тебе помогу, — произнес он, и я почувствовала внезапно включившуюся вибрацию внизу живота. От неожиданности я застонала, и Маркус тихо зашипел мне в ответ:

— Вот так, это мне нравится.

Вибрация перешла в ритмичный режим, и мужчина продолжил:

— Теперь следуй этому ритму. — Он пару раз за волосы заставил меня насадиться губами на его член и отстраниться, чтобы я поняла, как мне лучше двигаться. — Продолжай так же, — едва слышно прошептал он.

Вибрации игрушки заглушили мои мысли, я ощущала только их и горячую плоть Маркуса во рту. Я тихо постанывала, от накатывающих сладких волн, и, в конце концов, сдалась под их напором, сотрясаясь от спазмов оргазма. Я почувствовала, как в рот брызнула горячая солоноватая жидкость, и проглотила ее, но в последнее мгновение закашлялась, и отстранилась от Маркуса, сев на пол, все еще разбиваемая сладкими судорогами. Мужчина мгновенно оказался рядом со мной.

— Все в порядке? — заботливо спросил он. В его руках была коробка с салфетками, и он аккуратно вытер мне лицо, после чего снял с меня игрушку и бережно вытер лоно. Я перевела дыхание и тихо хихикнула.

— А у меня получилось!

Маркус виновато улыбнулся и ответил:

— На самом деле, я просто отреагировал на то, что ты кончила. Получалось у тебя не очень. Но при должной тренировке ты обязательно научишься, — он притянул меня к себе и поцеловал в лоб.

— Бессовестный, зачем ты мне это сказал? — я обиженно его оттолкнула от себя и надулась, на что мужчина тихо ухмыльнулся:

— Если я буду тебе врать, ты ничему не научишься.

Он подхватил меня на руки с пола и аккуратно уложил на кровать. Я устало потянулась, пока Маркус укладывался рядом со мной. Он внезапно прильнул ко мне и положил голову мне на плечо.

— Разве мы не должны лежать наоборот? — удивилась я, осторожно запуская пальцы в его шевелюру.

— Какая разница? — блаженно улыбнулся мужчина, кладя ладонь мне на грудь. Он задумчиво поглаживал ее, мягко сжимая, и, в конце концов, произнес: — Мячик-антистресс...

— Что? Где? — не поняла я.

— Вот это. Мячик-антистресс, — он надавил мне на грудь одним пальцем, за что тут же

получил шлепок по ладони.

— Ты меня обижаешь! — провозгласила я, скрещивая руки и прикрывая грудь.

— Я над тобой шучу, — промурлыкал Маркус, сгребая в крепкие объятия. — Мне с тобой хорошо, — признался он, и его слова отозвались в моей душе секундным болезненным чувством. — И мне нравится, что в тебе есть нотка разврата, — ухмыльнулся он. — Но тебе еще столькое предстоит узнать. Столько поз попробовать.

— Зачем тебе нужно много поз? — поинтересовалась я.

— Мне они не нужны, — рассмеялся Маркус. — Я же говорил, мне достаточно ритма. Максимум — глубина проникновения. С девушкой такое не сработает, вам нужно много больше. — Его ладонь проскользила по моему животу, остановившись внизу, и я невольно раздвинула ноги, пропуская к цели. — Ты уже меньше стесняешься меня, — похвалил Маркус, проводя пальцами по еще влажному лону. — К каждой женщине нужен свой подход, — продолжил он, скользнув одним внутрь меня. — Тебе, например, нравится давление на переднюю стенку, и лучше всего ты ощущаешь это в позе, где я вплотную прижимаюсь к тебе, как в душе, — Маркус надавил пальцем внутри меня, заставив на мгновение задохнуться от вновь пробуждающегося желания. Я положила ладонь на его руку, останавливая.

— Я устала, дай мне передохнуть.

— Два раза — и устала? — рассмеялся мужчина, убирая руку. — Бедняжка, тяжело тебе со мной будет. Я люблю раза 3–4 за день. От двух я останусь голодным, — Маркус внезапно поднес ладонь к губам и у меня на глазах провел языком по влажному пальцу.

— Ты озабоченный извращенец! — заверещала я, смущенная подобной сценой. Маркус со смехом поймал меня в кольцо своих рук и сел на кровати, прислонившись к ее спинке и усаживая меня перед собой.

— Просто посиди со мной вот так немного, — прошептал он мне на ухо, прильнув щекой к моим волосам.

Я послушно сложила руки перед собой, позволяя делать со мной, что он захочет, но Маркус, казалось, просто наслаждался тем, что я была рядом с ним. Я прикрыла глаза, прислушиваясь к его мерному дыханию, и к ощущению горячего тела, прижимающегося к моей спине.

— Ты точно хочешь со мной к Энн? — внезапно подал голос Маркус, и я встрепенулась от полудремы, в которую начала проваливаться от усталости.

— Да, я не против, — кивнула своим словам.

— Еще не так поздно. Можем съездить, она живет не очень далеко отсюда.

— Хорошо, — я повернулась к Маркусу и, обхватив его рукой за шею, притянула к себе для поцелуя.

Глава 29. Баланс

— Я и представить себе не могла, что у тебя есть свой собственный механический транспорт, — с восхищением выдохнула я, проводя пальцем по приборной панели. В салоне пахло дорогой кожей, которой были обтянуты сидения. Маркус улыбнулся мне, не отрываясь от дороги.

— Это машина, или автомобиль. Не называй его на людях "механическим транспортом", ладно? — он на мгновение взглянул на меня, и я вздрогнула. очередное напоминание, что я не из его мира.

— Разве он не ужасно дорогой? — полюбопытствовала, глядя в окно на ночные улицы города.

— А я похож на человека, у которого недостаток финансов? — с заносчивой ухмылкой ответил мужчина.

— О, так ты еще и богач? — я издевательски захохотала, чтобы побесить Маркуса.

— Конечно, я же капитан стражи. Был, точнее. Но, думаю, я смогу восстановиться в должности. Через пару деньков заявлюсь на работу и посмотрю, что можно сделать с этим вопросом. Нет — попробую поискать себя в чем-нибудь другом, — он беспечно пожал плечами, и я увидела, что он остановился у какого-то дома. — Приехали, можешь выходить, — нервно улыбнулся он мне.

Я выскочила из машины, и подошла к Маркусу. Положила ладонь ему на плечо и решила взять под руку, чтобы показать, что я рядом с ним.

— Ты волнуешься? — спросила у него, хотя и так видела, что он немного побледнел по пути к двери подъезда.

— Все будет хорошо, — неуверенно произнес он и нахмурился.

— Конечно будет, — ободряюще сжала его руку, очень на это надеясь.

Нужная квартира оказалась на втором этаже. Я отошла в сторону, в тень, и поправила капюшон плаща, чтобы наверняка скрыть свою сиреневую копну. Не хотелось лишней раз будоражить сестру Маркуса.

Он тяжело вздохнул и нажал на кнопку возле двери. Переступил с ноги на ногу и взволнованно поджал губы.

— Кто? — раздался тихий женский голос из-за двери.

— Это я, Энни, — с улыбкой ответил мужчина.

Щелкнули два замка, и дверь приоткрылась. Я осторожно выглянула из своего укрытия, стараясь не привлекать внимания. Я ожидала увидеть высокую красивую женщину под стать Маркусу. Но увидела кого-то совершенно несчастного, даже измученного, в сером платье и с темными волосами, собранными на затылке в пучок.

— Зачем ты пришел? — был первый вопрос девушки, который ошарашил одновременно и меня, и Маркуса.

— Что значит: зачем? — изумился он. — Меня не было полгода!

— Разве? — неуверенно переспросила Энн. Она нервно потянула длинные рукава платья до самой середины ладоней, чем привлекла мое внимание. Кто же носит такую одежду в подобную жару?

— Ты даже не заметила?! — воскликнул Маркус, меняясь в лице. — Энни, полгода! Ты

за полгода даже ни разу не позвонила мне?!

— Энн, кто там? — раздался мужской голос из квартиры. Он показался мне почему-то неприятным, и я невольно вздрогнула.

— Никто, никто! — взбудораженно крикнула девушка в квартиру, затем повернулась к брату. — Уходи, Марк, муж с работы пришел, ему нужно отдыхать.

— Энни! — воскликнул мужчина, но она уже мягко отстранила его от двери, заставляя отступить. В это мгновение обнажилось ее запястье под длинным рукавом платья. Я увидела синяки, идущие вдоль ее руки. Я ошарашенно открыла рот, но Маркус, казалось, не заметил этого, с болью глядя на то, как сестра закрывала дверь перед его носом.

— Извини, — тихо произнесла девушка, захлопывая дверь.

В коридоре повисла тяжелая тишина. Маркус стоял перед закрытой дверью, склонив голову, и я, не выдержав, сделала к нему шаг.

— Маркус... — я протянула к нему руку, но он увернулся от моего жеста, быстрым шагом пройдя мимо. — Подожди! — окликнула его, побежав следом. — Да куда ты несешься! — возмутилась я, нагоняя уже на улице.

— Я знал, что так и будет! — Маркус резко обернулся ко мне, и я отпрянула, не ожидая такой злобы, отразившейся на его лице. — Я знал! Так происходит каждый раз! — Его затрясло и он сжал кулаки. — Надеюсь, ты удовлетворена увиденным!

— А ты не заметил? — продолжила я наступление. — Ты не увидел, почему она такая забитая?!

— Что? — Маркус непонимающе нахмурился.

— Синяки, синяки на запястьях, — я дернула вверх рукав, показывая на себе места, на которых разглядела их на Энн. — Вот здесь, все запястье было синее, и не только синее, были желтые старые пятна. Она натягивала рукава, чтобы ты не увидел. Она не смотрела тебе в глаза, потому что ее запугали. Ее муж... — я перевела дыхание и закончила фразу: — ...избивает ее. Я видела такое, у нас в Вайоне была соседка, терпела побои от мужа, она вела себя точно так же.

Маркус мгновенно вскинулся и посмотрел поверх моей головы на дом.

— Вот же тварь! — прорычал он сквозь зубы, направляясь обратно.

— погоди, что ты собрался делать? — я снова бросилась за ним, испугавшись того, что могла пробудить в его душе.

— То, чего он давно заслуживал! — бросил мне Маркус.

Подойдя к двери он начал колотить в нее кулаками и ботинком.

— Энн! Открывай! Открой эту проклятую дверь, Энн!!!

Я испуганно вжалась в стену в темном углу, наблюдая за этой картиной. Останавливать Маркуса не имело смысла, он уже сорвался, и если я сунусь, то тоже попаду под горячую руку. Мне оставалось только безучастно смотреть.

Дверь распахнулась вновь, но в ней уже показался мужчина. Он был высоким и худощавым, черты лица были острыми и неприятными на мой взгляд. Он прищурил маленькие глазки на Маркуса.

— Чего приперся? Она же сказала тебе проваливать, — гнусаво произнес он, и я увидела, как Маркус взорвался.

— Я сейчас покажу тебе на пальцах, чего! — взревел он, вталкивая мужчину обратно в квартиру.

Дверь за ними тихо притворилась, но я слышала грохот и крики, раздававшиеся оттуда.

К моему удивлению, Энн не издавала ни звука, ровно как я не услышала детского голоса. Маркус матерился, громя что-то в квартире, по-видимому, ломая мебель ее владельцем. Борьба стихла на некоторое время, и дверь резко вновь распахнулась. Маркус пулей вылетел оттуда, таща объемную сумку в одной руке и Энн, ведущую за собой маленького мальчика с суровым выражением на лице, в другой. Бросив на меня полубезумный взгляд, он коротко произнес:

— Идем.

Не пререкаясь, я метнулась за ними следом, заметив, что у Маркуса были в кровь разбиты руки. Выйдя на улицу, я тихо села на переднее пассажирское сидение, пока Маркус запихивал в багажник сумку и усаживал сестру с племянником сзади. Плюхнувшись рядом со мной, он завел мотор и отъехал от дома. Помолчав минуту, постукивая окровавленным пальцем по рулю, он, в конце концов, не выдержал, и рывкнул:

— Почему ты мне не сказала?!

Я подпрыгнула на своем месте и сжалась в комок, будто я была в чем-то виновата. В зеркало, которое висело посередине, я увидела, что Энн поступила точно так же.

— Я же твой брат! — продолжил Маркус. — Ты всегда мне доверяла! Какого хрена, Энн! Сколько это продолжалось?! Год?!

— Два... — тихо подала голос девушка с заднего сидения.

— Твою ж, Энни! — выругался Маркус, оскалившись на дорогу. — И меня не было полгода в городе! — Он медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы, видимо, пытаясь взять себя в руки. — Он больше не приблизится к вам на расстояние выстрела, я все сделаю для этого, — горячо пообещал мужчина.

Машина подъехала к уже знакомому мне дому Маркуса. Мужчина открыл дверь, и я последовала его примеру, выскакивая на улицу. Он забрал сумку и, приобняв сестру за плечи, повел ее с ребенком к дому. Я стояла у автомобиля, услышав, как Маркус вновь бросил мне через плечо "идем". Смотрела, как он скрывается в подъезде. Дверь тихо закрылась за его спиной, едва слышно щелкнув замком. Вот оно. То, чего я хотела. Чтобы он вновь обрел свою семью. Настоящую семью, а не ее подмену в виде меня. Я улыбнулась себе, проглотив внезапно подступившие к горлу слезы и, развернувшись, зашагала прочь от этого дома. Так для них будет лучше. А я как-нибудь справлюсь.

Глава 30. Не упали

Пронизывающий ветер ледяными пальцами пытался пробраться под ткань моего плаща, и я плотнее завернулась в него, не давая стихии ни шанса. Оперевшись о перила, обрамляющие прогулочную дорогу вдоль набережной, я любовалась отблесками осеннего солнца, сверкающими на поверхности бескрайнего океана. Его горизонт уже начинал темнеть, предвещая наступающую ночь, но мне хотелось еще мгновение полюбоваться этой волшебной картиной.

Над головой истошно вскрикнула чайка, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, и я поправила выпавшую из-за уха прядь. С короткими волосами было неудобно носить капюшон, но вырученные за их продажу деньги дали мне возможность не работать целых два месяца. Когда я пришла в один из городов, без гроша в кармане, мне на глаза попала вывеска на парикмахерской о покупке волос, и решение далось мне довольно легко. Уже сидя в кресле мастера, наблюдая в зеркало, как мои длинные локоны отрезаются на уровне мочек ушей, я чувствовала, как избавляюсь от собственного прошлого, вычеркиваю его из своей души. Когда новая стрижка была готова, мастер, женщина в годах, вручила мне сумму, как за покупку натуральных волос, хоть я и пыталась нервно убедить ее, что я самая что ни на есть крашеная. Но, видимо, опытный глаз было не обмануть. Благодаря этим деньгам я с комфортом добралась до города у океана, но не остановилась в нем, а отправилась дальше, в следующий, расположенный вдоль береговой линии. Только здесь я уже сняла комнату в хостеле, и просто осталась отдыхать от пережитого приключения. Океан стоил каждого сделанного мною шага. Его безграничность умиротворяла меня, и я могла стоять у этого парапета часами каждый день, просто любясь проходящими мимо судами, работниками порта, волнами, птицами, дрейфующим по небу солнцем... Всем, что могло бы отвлечь меня от мыслей о моих разбитых мной же чувствах.

Я вновь одернула капюшон плаща, единственного моего любимого подарка, от которого не смогла заставить себя избавиться. Я хотела его продать, но не поднялась рука. Я пыталась оставить его на краю мусорного бака для кого-нибудь, кому он мог бы пригодиться, и уже через 5 минут с колотящимся сердцем прибежала обратно его забирать. Я обхватила себя руками под черной плотной тканью и понуро вздохнула. Как бы старательно я ни отгоняла от себя воспоминания о Маркусе, они продолжали преследовать меня, денно и нощно, вызывая апатию и отрешенную тоску.

Внезапно мне на талию легла чья-то ладонь, и я машинально сделала шаг в сторону, решив, что кому-то мешаю. Но с другой стороны к моему поясу прижалась вторая ладонь, останавливая. Я возмущенно открыла рот, собираясь высказаться по поводу такого нахальства, и услышала голос у самого моего уха:

— Ты правда думала, что сможешь улететь от меня, птичка?

Сердце подскочило к горлу от бурлящей смеси страха и счастья, и по телу пробежала нервная дрожь.

— Как ты могла так поступить со мной, Никки? — продолжил голос. Я проглотила застрявшие в горле слова, не в силах придумать, что делать. — Я не мог поверить, что ты вправду ушла. — Маркус тихо вздохнул, привлекая меня спиной к себе. — Когда я понял, что ты не шла за мной, то подумал, что дверь захлопнулась перед тобой. Но тебя не оказалось на

улице. Тогда я решил, что ты захотела прогуляться. Как я ошибся... И когда я осознал, что ты ушла... я обежал весь город. Но ты умудрилась проскользнуть мимо стражи, — он тихо усмехнулся у меня за спиной. — Когда я вернулся домой, то попросту сорвался. Энн говорила, что я сошел с ума. Что не было никакой девушки. Она даже не заметила тебя! Я тоже начал думать, что съехал с катушек. Но кровать, подушки, они хранили твой запах еще два дня. Я заперся в своей комнате, и беспробудно пил. А ведь никогда не позволял себе связываться с алкоголем. Но я просто сидел и думал, думал, почему ты так поступила? Что я сделал не так? Почему ты не поговорила со мной, если тебя что-то беспокоило? Может, я обидел тебя?

— Ты сам все понимаешь, — попыталась я перебить его монолог, но Маркус только сильнее сдавил мои ребра, заставляя заткнуться.

— Потом пришел Алекс. Энн впустила его ко мне, и он привел меня в порядок. Это были самые мучительные 2 месяца...

— Как ты меня нашел? — задала я терзающий меня вопрос.

— Я погляжу, ты решила сбросить мой плащ? — ответил он вопросом на вопрос. Его ладонь скользнула по моей груди и прикоснулась к двум золотистым пуговицам. — Вот здесь. Два отслеживающих устройства. Маленький подарок от ученика Фредерика.

Я задохнулась от возмущения. За мной следили все это время! Я должна была избавиться от плаща, а не разводить сентиментальность!

— Я смог восстановиться на работе. Но, конечно же, делать запрос на отслеживание технера без видимой на то причины, не имел возможности. Это пришлось делать через свои каналы с использованием данных жучка. Я каждый день следил, как ты передвигаешься по городам, и молил Безымянных, чтобы это была ты, и ты не продала кому-то мой плащ. Заодно я проверил твою легенду. Ты ведь забыла у меня свою сумку, помнишь? А в ней была вся твоя биография, распечатанная Фредериком. От и до. И ты абсолютно чиста, — произнес Маркус полупрошептом. — Ты самый настоящий технер с обычной судьбой. Ничем не примечательна. Поэтому ты ушла, верно? Ты боялась, что сможешь навлечь на меня проблемы своим происхождением, заставила сойтись с сестрой, чтобы перекинуть мое внимание на нее. Знаешь, — он тихо хмыкнул, — я продал ту квартиру. Ты была права. В ней жило слишком много призраков, и я становился в ней одним из них. Купил отдельные себе и сестре, в одном доме. И устроил Энн своим секретарем. Ее недо-муженек предпочел убраться подальше из города, чтобы не нарваться на мой гнев. И теперь она свободна, а я — всегда рядом с ней, готовый поддержать. Идеальный получился расклад, не думаешь? — Я тихо фыркнула носом, меня совершенно сейчас не заботила эта тема. Маркус продолжил. — Так что я пришел за тобой. И ты вернешься ко мне домой, со мной вместе.

— Ты не можешь указывать, что мне делать! Ты в этом городе не власть! — огрызнулась я.

— Я власть над тобой, — низким голосом ответил мужчина, подтверждая очевидное.

Я склонила голову, глядя перед собой на безупречный, безмятежный океан. Меня терзали сомнения, а волнение не давало думать.

— Я могу уйти, — внезапно произнес Маркус. — Но только если ты скажешь мне одну вещь.

Его ладони развернули меня лицом к нему, а пальцы потянули за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. Этот любимый солнечный цитрин мгновенно согрел меня нежностью лучше любого покрывала и одежды.

— Какую? — замороженно спросила я.

— Скажи, что не любишь меня, — жестко произнес Маркус. От этих слов кровь ударила в голову, заставив ее закружиться от страха. Я задрожала так, что мне показалось, зубы вот-вот начнут стучать, и мужчина это услышит. — Ну же, птичка, — поторопил меня он, — просто скажи это. Скажи, что ничего не чувствуешь ко мне, и ушла именно поэтому. Я не стану больше преследовать тебя, и не выдам твое происхождение, даю слово. Для тебя не будет никаких последствий. Ты будешь свободна. Но я хочу, я должен это услышать.

— Я... я... — голос предательски задрожал. Я не могла обмануть его, даже ради нашей безопасности.

— Не можешь? — хмыкнул мужчина. Я отрицательно замотала головой и уткнулась ему в грудь, чувствуя, как меня окутывает хорошо знакомое тепло и уравновешенность моего самого любимого мужчины.

— Я так скучала, — с трудом выдавила из себя, признавая свое поражение.

— Я тоже, — с отчаянием в голосе произнес мужчина, вжимая меня в свою куртку. — Ты больше не сбежишь от меня? — спросил он. Я отрицательно замотала головой. Слезы душили меня, и я ощущала, что если произнесу хоть слово, то разрыдаюсь в голос. — Ты веришь мне, что у нас все будет хорошо, и никто не сможет причинить нам зла? — Я кивнула. Он осторожно поднял мою голову, и капюшон соскользнул с нее. Маркус ошеломленно открыл рот.

— Где же твои дивные локоны, малышка? — он провел ладонью по моим коротким волосам чуть ниже мочки уха. — Ты их продала? — догадался он, и я кивнула. — Глупая, я мог бы привезти тебя к океану, когда бы ты захотела. И не промозглой осенью, а теплой ясной весной. Хочешь сюда в следующем году?

Вновь кивнула, пряча смущенную улыбку у него на груди.

— Договорились, — он с облегчением выдохнул. — Но, прежде чем мы отправимся домой, могу я тебя кое о чем попросить?

Я подняла глаза на мужчину, и он нежно мне улыбнулся.

— Вскружи мне голову своим поцелуем. — Маркус наклонился ко мне и страстно прошептал, обдав губы горячим дыханием: — А если она закружится и у тебя, я не дам тебе упасть. Обещаю.

Конец!

Больше книг на сайте - Knigolub.net